

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР:
К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В САМАРЕ**

*Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной
50-летию университетского исторического образования в Самаре*

Самара, 12 декабря 2019 г.

Под научной редакцией
проф. П.С. Кабытова, проф. О.Б. Леонтьевой,
доцента М.М. Леонова

Самара
2020

УДК 378:930
ББК 74.58:63.3
Н34

Р е д к о л л е г и я :
ответственные редакторы:

д-р ист. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ П.С. Кабытов,
д-р ист. наук, проф. О.Б. Леонтьева, д-р ист. наук, доцент М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Е.П. Баринава; д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов; канд. ист. наук, доц. А.А. Бельцер

Н34 Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре (Самара, 12 декабря 2019 г.) / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, Е.П. Бариновой, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой, Ю.Н. Смирнова, А.А. Бельцера. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. – 319 с.
ISBN 978-5-98996-242-6

Сборник научных статей содержит материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре, состоявшейся в декабре 2019 г. в Самарском университете. В работе конференции приняли участие представители ведущих научных центров и высших учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, Поволжья, других регионов России. В статьях анализируются проблемы развития актуальных направлений исторической науки, история региональных научных школ в сфере отечественной, всеобщей истории и исторического краеведения, становление образовательных учреждений Самарской (Куйбышевской) области и другие историографические сюжеты.

Предназначен для специалистов-историков, студентов и всех, интересующихся проблемами исторической науки и образования.

УДК 378:930
ББК 74.58:63.3

ISBN 978-5-98996-242-6

© Авторы, 2020
© Самарский университет, 2020
© Оформление. Центр периодических изданий Самарского университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытов П.С., Леонов М.М., Леонтьева О.Б. Предисловие 7

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Бабашкин В.В. Современные проблемы крестьяноведения	14
Любичанковский С.В. История неизданной книги: профессиональная коммуникация советских историков 1960-1980-х гг. на примере совместного издательского проекта В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова	24
Мякшев А.П. «Новое дело историков» и конструирование исторической памяти современного российского общества	35
Сыров В.Н. Разделяемая история и проблема ответственности	43
Тимофеева Л.С., Фёдорова Н.А. Реалии исполнения историком социального заказа (из опыта подготовки юбилейных изданий)	52
Быстрыков В.Ю. История как ресурс идеологии (историческая концепция П.Н. Савицкого)	57
Макеева Е.Д. Экологическая проблематика в исторических исследованиях прошлого и современности	64
Куцева Е.А. Цифровая образовательная среда в историческом образовании	72

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Данилов В.Н. Истоки формирования саратовской исторической школы	81
Годовова Е.В. Историки-исследователи Оренбургского казачества второй половины XIX – начала XX в.	90
Куршева Г.А. История Мордовского края XX века в трудах профессора В.А. Юрчёнкова	97
Бикейкин Е.Н., Зоркова Н.Н., Ивлиев С.А., Кадерова Т.Н. Научная школа В. А. Юрчёнкова: идеи, концепции, проекты	107
Шкердина Н.О. История регионального образования через призму взаимодействия власти и общества в трудах Г.А. Куршевой	119

Пивцайкина О.А. Роль И. Д. Воронина в сохранении памятников истории и культуры Мордовии	127
Симонова Е.В., Володина Т.А. Научно-краеведческое сообщество в работе над Тульской историко-культурной энциклопедией: вопросы и ответы, проблемы и перспективы	136

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ САМАРСКОГО КРАЯ

Артамонова Л.М. Первая женская средняя школа в Самаре в контексте социальной истории середины XIX века	142
Репинецкий А.И. Историки Куйбышевского государственного педагогического института	152
Криштал М.М., Адаевская Т.И. Иван Васильевич Комзин – основатель филиала Куйбышевского индустриального института им. В.В. Куйбышева (КИИ) при «Куйбышевгидрострое»	160
Безгина О.А. Тольяттинский историк А.Э. Лившиц: человек, ученый и учитель	171
Шерстнева Г.С. Роль Л.В. Храмова в становлении Куйбышевского государственного университета	180
Сюков А.В. Краеведческая деятельность Л.В. Храмова	189
Храмкова Е.Л. Подготовка научных кадров по истории Великой Отечественной войны в Куйбышевском (Самарском) государственном университете	195
Баринова Е.П. Российское дворянство в исследованиях самарских историков	203
Филимонова Е.Н. Организация художественного творчества студентов в системе воспитательной работы в высшей школе в 1970-1980-е гг. (на материалах исторического факультета Куйбышевского госуниверситета)	212
Дубман Э.Л. Изучение исторического краеведения в Самарском университете в конце XX – начале XXI в.	219
Матвеев М.Н. Борьба за сохранение Самарского государственного университета в 2015 г.	228
Кузьмин В.Ю. Земская медицина: прошлое и современность	251
Мистрюгов П.А. Источниковедческие аспекты исследования местных органов ВЧК	256

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Гурин И.Г., Макарова О.М. Начальный период становления изучения античной истории в Самаре	264
--	-----

Бельцер А.А. Медиевистика в Самарском университете	268
Гордиенко Д.О. «Славные революции»: особенности изучения британского XVII столетия в отечественной исторической науке начала XXI века	278
Кутявин В.В. Историческая славистика в Самарском университете	285
Смирнов Ю.Н. Представители российской общественности в гражданском управлении Болгарией (на примере администрации Софии в 1877-1878 гг.)	293
Попкова Л.Н. Изучение гендерной истории в Самарском университете	301
Нестеров Д.А. Формирование мифа об успешности колониального опыта подавления мятежей	310

**Участникам Всероссийской
научно-практической конференции
«Научное сообщество историков
и современный мир:
к юбилею университетского
исторического образования в Самаре»**

**Уважаемые участники конференции!
Дорогие земляки и гости нашего региона!**

Искренне рад приветствовать вас на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре!

На современном этапе развития российского общества университетское образование играет ключевую роль в формировании интеллектуальной элиты, совершенствовании образования, науки, культуры, укреплении экономического потенциала страны. И в этой связи важность исторического образования невозможно переоценить.

На развитие важнейших сфер исторического знания в Самарской губернии во многом повлияло открытие в 1969 году Куйбышевского государственного университета.

Именно благодаря кропотливой работе историков вуза впервые были изучены сотни археологических памятников на территории нашего края, введены в научный оборот уникальные документы по истории Самарского Поволжья, написаны научные биографии таких выдающихся людей, как Пётр Аркадьевич Столыпин, Григорий Осипович Засекин, Александр Дмитриевич Свербеев, Пётр Владимирович Алабин.

Каждый из нас помнит, что именно университетские историки инициировали возвращение Самаре ее исторического имени.

Труды самарских историков, высоко оцененные российским научным сообществом, не только имеют большую научную и практическую ценность, но и пробуждают интерес и любовь к истории родного края, воспитывают патриотизм.

Убеждён, что вынесенные на обсуждение участников конференции вопросы, касающиеся исторической памяти современного общества, новаторской проблематики современных исторических исследований, актуализации и популяризации исторических знаний, являются определяющими для понимания комплекса проблем университетского образования в регионах России и поиска оптимальных путей их решения.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, содержательной полемики и новых идей!

**Губернатор
Самарской области**

Д.И.Азаров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие университетского исторического образования в Самаре имеет две точки отсчета. Первая из них – 1918 – начало 1919 г., когда в разгар Гражданской войны приказом Комитета членов Учредительного собрания, а затем декретом Совнаркома был создан Самарский университет. Тем самым была реализована давняя мечта местной интеллигенции и общественных деятелей о превращении губернской Самары в университетский город [7]. В составе Самарского университета был учрежден историко-филологический факультет, преподавателями которого были академик В.Н. Перетц (историк литературы, специалист в области источниковедения и палеографии), молодой историк М.Н. Тихомиров (в будущем академик АН СССР, специалист по источниковедению, археографии и палеографии), археологи А.С. Башкиров и В.В. Гольмстен, самарский краевед П.А. Преображенский и другие [8; 4]. Университет работал вплоть до 1927 г., но затем был закрыт из-за финансовых трудностей и пересмотра приоритетов в области высшего образования. Однако на базе его подразделений в Самаре было создано несколько профильных вузов, в том числе Средне-Волжский педагогический институт, на историческом отделении которого была продолжена подготовка историков-преподавателей.

Дата второго рождения университетского исторического образования в нашем городе – 1969 г., когда в составе вновь учрежденного Куйбышевского государственного университета, на фа-

* © Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Леонов Михаил Михайлович (mmleonov@gmail.com), доктор исторических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Леонтьева Ольга Борисовна (oleontieva@yandex.ru), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

культете гуманитарных наук была создана кафедра истории СССР (с 1976 г. — кафедра дореволюционной отечественной истории, с 1991 г. — кафедра Российской истории). Первым заведующим кафедрой стал доктор исторических наук, профессор Е.И. Медведев [2]. В 1971 г. была сформирована кафедра всеобщей истории (первый заведующий кафедрой — доктор исторических наук, профессор Б.Д. Козенко) [6], а в 1976 г. — кафедра советской истории и историографии (с 1991 г. — кафедра отечественной истории и историографии, первый заведующий кафедрой — Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Л.В. Храмов) [3]. В 1976 г. из состава факультета гуманитарных наук был выделен исторический факультет. Его первым деканом был избран кандидат исторических наук, доцент Г.А. Широков (ныне доктор исторических наук, профессор).

Исторический факультет Куйбышевского (с 1991 г. — Самарского) государственного университета успешно организовал подготовку квалифицированных специалистов в области исторических наук. Сейчас выпускники истфака работают в средних и высших учебных заведениях, музеях и архивах не только Самарской области и сопредельных регионов, но порой и зарубежных стран; многие из них стали директорами школ, профессорами и заведующими вузовских кафедр. В числе выпускников нашего факультета — директор Самарского филиала Московского городского педагогического университета, доктор исторических наук, профессор Г.Е. Козловская (выпускница аспирантуры); доктор педагогических наук, профессор И.А. Носков, в 2009-2014 гг. занимавший пост ректора Самарского государственного университета; директор Самарского энергетического колледжа, доктор исторических наук, профессор П.И. Савельев; доктор исторических наук, профессор М.М. Леонов, проректор по учебно-воспитательной работе, директор социально-гуманитарного института Самарского университета; и другие.

Высокого признания удостоено профессиональное мастерство выпускников исторического факультета, которые выбрали для себя профессиональную стезю учителя истории. Выпускник истфака Самарского университета, преподаватель истории и обществознания Сергей Сергеевич Кочережко, которому тогда было всего 25 лет, стал абсолютным победителем конкурса «Учитель года России — 2015».

Наши выпускники уверенно занимают позиции в сфере политики, государственного и муниципального управления. Среди них — депутат I Государственной Думы РФ А.И. Леушкин; советник Губернатора Самарской области, кандидат философских наук В.А. Кузнецов; министр образования Самарской области в 2012–2018 гг. В.А. Пылев; глава городского округа Жигулевск в 2013–2019 гг. В.Я. Классен; депутат Самарской губернской думы, доктор исторических наук М.Н. Матвеев и другие.

На историческом факультете поэтапно создавалась система подготовки научных кадров высшей квалификации, закладывались основы научных школ. В середине 1970-х гг. при Куйбышевском государственном университете была открыта аспирантура по направлениям «История КПСС» и «Отечественная история», а в 1980-е гг. — по направлению «Всеобщая история». С 1980 г. в университете функционирует диссертационный совет по историческим наукам. В 1990-е гг. была открыта докторантура по специальностям «Отечественная история» и «Всеобщая история» [1; 5]. Все это позволило Куйбышевскому (Самарскому) государственному университету стать настоящей кузницей кадров для высших учебных заведений города, области и региона; к настоящему времени в стенах университета подготовлено более 200 кандидатов и свыше 30 докторов исторических наук.

Таким образом, с 1969 г. можно вести отсчет непрерывного развития университетского исторического образования в нашем городе и области. Именно поэтому в декабре 2019 г. в Самарском университете была проведена Всероссийская научная конференция «Научное сообщество историков и современный мир», приуроченная к 50-летию юбилею университетского исторического образования в Самаре. Конференция была инициирована кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарского университета), образовавшегося в 2016 г. в результате объединения Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева и Самарского государственного университета. Инициатива кафедры по проведению юбилейной конференции была поддержана ректором Самарского университета, доктором экономических наук, профессором В.Д. Богатыревым и директором социально-гуманитарного института, доктором исторических наук, профессором М.М. Леоновым.

В Оргкомитет конференции поступило 60 заявок с темами докладов. Участники конференции представляли такие ведущие научные центры и высшие учебные заведения Российской Федерации, как Институт российской истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. Широко были представлены на конференции вузы и научные учреждения Поволжья и других регионов России: в их числе – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия, Марийский государственный университет, Пензенский государственный университет, Томский государственный университет, Оренбургский государственный педагогический университет, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Ульяновский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина. Это свидетельствует о широких научных контактах историков Самарского университета с их коллегами.

В конференции приняли участие представители вузов и учреждений культуры Самары и Самарской области: Самарского государственного социально-педагогического университета, Самарского государственного медицинского университета, Самарского государственного технического университета, Самарского государственного экономического университета, Самарского государственного университета путей сообщения, Самарского государственного института культуры, Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина, Тольяттинского государственного университета.

И, безусловно, конференция не смогла бы состояться без активного участия историков Самарского университета: тех, кто работает в университете с первых лет его деятельности – профессоров Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, М.И. Леонова, доцента Г.С. Шерстневой, и тех, для кого университет стал *Alma Mater*, кто был здесь студентом и вновь пришел сюда в качестве преподавателя, научного сотрудника, кто готовил и защищал здесь кандидатскую, докторскую диссертацию.

Участникам Всероссийской научной конференции были направлены Приветствия Губернатора Самарской области Д.И. Азарова;

директора Института Российской истории РАН, доктора исторических наук, профессора Ю.А. Петрова; ректоров вузов Поволжья.

Конференция состоялась 12 декабря 2019 г. На пленарном заседании выступили: доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Б.И. Колоницкий с докладом «Образы А.Ф. Керенского осенью 1917 г.»; доктор исторических наук, профессор, руководитель центра экономической истории Института российской истории РАН В.В. Кондрашин – с докладом на тему «Новая академическая история России»; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории Самарского университета П.С. Кабытов и доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории О.Б. Леонтьева – с совместным докладом «Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете».

На итоговом заседании конференции было принято решение опубликовать часть пленарных и секционных докладов в ближайших номерах журнала «Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология». В настоящий сборник материалов конференции включено 35 докладов ее участников.

Четыре раздела настоящего сборника соответствуют тематике секционных заседаний конференции. Раздел «Современная историческая наука и историографические этюды» содержит статьи, посвященные развитию актуальных направлений исторической науки – таких как крестьяноведение или экологическая история. Здесь же затрагиваются насущные проблемы бытия истории и историков в современном мире: темы исторической памяти и ответственности историка, взаимодействия истории и идеологии, истории и социального заказа, проблемы профессиональных коммуникаций и преподавания истории.

В разделе «Региональные научные школы» помещены историографические очерки по истории саратовской исторической школы, научного сообщества, сложившегося в Республике Мордовия вокруг профессора В.А. Юрченкова, а также статьи о первых историках Оренбургского казачества и о практическом опыте работы тульского научно-краеведческого сообщества.

Раздел «История и историки Самарского края» освещает историю становления образовательных учреждений в Самаре (Куйбышеве) и Самарской (Куйбышевской) области с середины XIX до начала XXI в. Центральным сюжетом этого раздела является исто-

рия Самарского университета на разных этапах его существования. Здесь также содержатся историографические очерки о развитии нескольких научных направлений в трудах самарских историков: исторического краеведения, истории Великой Отечественной войны, изучения истории российского дворянства и других актуальных научных проблем.

Наконец, раздел «Всеобщая история» посвящен проблемам становления изучения зарубежной истории в Самарском университете, болгарским страницам биографии самарского городского головы П.В. Алабина, а также более широким сюжетам историографии всеобщей истории.

Хотелось бы выразить надежду, что настоящий сборник материалов Всероссийской научной конференции достойно представит читателю историю развития университетского исторического образования и исторической науки в нашем регионе и даст повод задуматься о дальнейших судьбах исторической науки – о перспективах развития актуальных научных направлений и о потребности сохранения традиций, заложенных нашими учителями и предшественниками.

Библиографический список

1. Аспирантура Самарского государственного университета за 35 лет / Сост. Л.А.Круглова. Самара: б.и., 2010. 84 с.
2. Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 176 с.
3. «В живых сердцах оставить свет...»: памяти профессора Самарского государственного университета Ленера Васильевича Храмкова (1934–2009): историко-мемориальное исследование / сост. Н.П. Храмкова, Е.Л. Храмкова; науч. ред. Г.С. Шерстнева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. 308 с.
4. Дубман Э.Л. Первый Самарский университет: от научных обществ к проекту создания научно-исследовательского института // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (К 100-летию университетского образования в Самаре): материалы круглого стола, состоявшегося в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой; сост. М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С.18–29.
5. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 7–22.

6. Козенко Б.Д. Избранные труды / Федеральное агентство по образованию; сост. А.Б.Окунь, Г.М. Садовая. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 527 с.

7. Леонов М.И. К истории Самарского университета // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (К 100-летию университетского образования в Самаре): материалы круглого стола, состоявшегося в Самарском университете 8-9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой; сост. М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С.9-17.

8. Храмков Л.В. Самарский университет в 1918-1927 гг. // Самарский государственный университет. 1969-2009. К 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения / [Под общ. ред. проф. И.А.Носкова]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. С.22-30.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

УДК 930:001.12

В.В. Бабашкин*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЯ

В статье содержатся размышления о трудностях проникновения самого слова «крестьяноведение» в лексикон современных исследователей проблем аграрной истории России, обосновывается целесообразность такого проникновения. С этой целью предлагается вести речь о «персонализированном» крестьяноведении: крестьяноведение Д.И. Люкшина, крестьяноведение С.И. Толстова.

Ключевые слова: крестьяноведение; парадокс; апория; Д.И. Люкшин; С.И. Толстов; крестьянствование; крестьянский способ производства.

С моей точки зрения, главная из современных проблем крестьяноведения заключается в самом слове «крестьяноведение». Было время – в первой половине 1990-х гг., – когда мне казалось, что это слово и стоящая за ним академическая и научно-практическая реальность стремительно и триумфально ворвутся в отечественную историографию, весьма существенно меня целый ряд принципиальных оценок, связанных прежде всего с такими вещами, как крестьянская реформа 1861 г., столыпинское аграрное реформирование, коллективизация, хрущевская оптимизация... В жизни, как водится, все оказалось сложнее и интереснее.

Вспоминается, сколько энтузиазма вселили в меня первые заседания теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» и публикация русского перевода сборника хресто-

* © Бабашкин Владимир Валентинович (vbabashkin@ranepa.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

матийных текстов по теории и истории крестьянства и традиционных крестьянских обществ [6], который был впервые издан на английском языке в 1971 г. [18] и к началу 90-х переиздавался восемь раз, будучи крайне востребован зарубежными коллегами — не в последнюю очередь под влиянием тех жестких вызовов, с которыми столкнулась внешняя политика Запада и его лидера США [см. об этом: 13, с. 48-49]. Ряд стран на мировой политической арене, в которых исторически сложились общества этого типа, повели себя вразрез с доктринальными установками безраздельно господствовавшей тогда в западном обществоведении (во многом это господство продолжается и поныне вопреки здравому смыслу) теории прогресса. Для осмысления этого требовался новый теоретический инструментарий.

Забавно, но это оказался такой инструментарий, который позволял рассматривать вторую из двух сверхдержав мира — только что рухнувший СССР — именно как общество, выходящее из традиционного состояния и сохраняющее целый ряд существенных параметров страны аграрно-крестьянской цивилизации [см.: 2]. На уровне официальной советской идеологии этот факт, естественно, не признавался, поскольку коммунистическая доктрина (вульгарный марксизм или так называемый «марксизм-ленинизм») в сущности мало чем отличалась от западного варианта теории прогресса, а крестьянство, община и т.п. представлялись чем-то таким, что составляет чуть ли не антоним общественному прогрессу. Отсюда и табу со стороны советского научного руководства на работу секции «Общинные организации крестьянства» в рамках Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [см.: 13, с. 318-323]. Поэтому издатели русского перевода «Крестьян и крестьянских обществ» остроумно назвали хрестоматию «Великий незнакомец», прозрачно намекая на то обстоятельство, сколь много существовало в советской аграрной историографии рукотворных препятствий тому, чтобы поближе познакомиться с самой великой и судьбоносной реальностью: крестьянским вопросом и аграрными отношениями.

В этом-то издании и зафиксирована первая сильная попытка ввести в научный оборот слово «крестьяноведение»¹. Англоязыч-

¹ Первая формальная попытка относится еще к 1977 г., когда А.В. Гордон, выступивший, кстати, в качестве редактора по «Великому незнакомцу», опубликовал статью «Крестьянство Востока в западном крестьяноведении» — см. об этом: [7, с. 40].

ный аналог слова «крестьяноведение» — *Peasant Studies* — без проблем вошел в гуманитарную науку Запада, наверное, по двум причинам. Во-первых, тут нет нового словообразования, и данное словосочетание означает не более чем специальную область знания о крестьянах и крестьянских обществах. Во-вторых, эта междисциплинарная отрасль гуманитарной науки (полевые исследования, которые у западных ученых часто обозначаются как «антропология», философские и политэкономические обобщения и т.д.) применяется в основном к внешнему миру, к так называемым странам «третьего мира». В отношении себя западные гуманитарии стараются этого не применять — и не без основания. У нас иначе. Антропологию мы используем для исследования неандертальцев и т.п., в то время как прошлое и настоящее своего многонационального народа изучаем при помощи этнографии.

То, что русский перевод хрестоматии получил название «Великий незнакомец», один из основоположников западных *Peasant Studies* Т. Шанин в предисловии, озаглавленном «Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию», объяснил так: «Ирония истории состоит еще и в том, что когда Запад открывал значимость крестьян и российского вклада в их понимание, сельское хозяйство самого Советского Союза все больше и больше отставало, а серьезного анализа причин этого упадка и рассмотрения возможности альтернативного развития тщательно избегали... Книга — это вызов и чрезмерным упрощениям, и идеализации крестьян, и “сбрасыванию их со счета” в современном мире... Она должна, наконец, помочь понять сельских жителей не только в качестве объектов политики и реформ, но и в качестве субъектов, способных проявлять инициативу, оказывать влияние и сопротивление, изменять политику государства...» [6, с. 23-24, 25].

В связи с упомянутым выше моим восторгом неофита начала 90-х гг. вспоминаю и такой факт. Читал лекции студентам и сотрудникам Российского государственного аграрного заочного университета (тогда — Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования, ВСХИЗО), с горящими глазами разъясняя крестьяноведческую логику краха столыпинской реформы, прихода к власти большевиков, срыва нэпа в коллективизацию и т.д. Размахивал при этом зеленой обложкой «Великого незнакомца», десять экземпляров которого передал институтской библиотеке. Спустя какое-то время заведующая библиотекой, настоящий энтузиаст своего дела Татьяна Константиновна Барыба, которую мне,

кажется, удалось как-то увлечь этой своей идеологией, с грустью сообщила мне: знаю, мол, в Москве библиотечный коллектор, где лежит ваш «Незнакомец» по сто рублей (тогда – совершенно символические деньги), и никто не берет, никому не нужно.

Да, вместо ожидавшегося мною триумфального штурма крестьяноведением теоретических твердынь, «дискурсивных формаций» тех гуманитарных дисциплин, на вторжение в которые оно претендует как междисциплинарное знание, с его стороны последовала длительная и упорная осада. Но, повторюсь, так даже интереснее. В качестве осадных орудий выступали и выступают материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», организованного В.П. Даниловым и Т. Шаниным в 90-е гг., научное издание «Крестьяноведение», выходящее с 1996 г. (с 2016 г. – ежеквартально), и кое-что еще, о чем будет сказано ниже. В сентябре 2018 г. я выступал на пленарном заседании Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с докладом о методологическом значении крестьяноведения для аграрно-исторических исследований. Многие из «осаждаемых» коллег историков-аграрников в кулуарах симпозиума отбивались: нам-то все это зачем? А автор интересных монографий о российской аграрной интеллигенции и (по его собственному выражению) о «псевдокрестьянских» организациях [8, с. 92] А.А. Куреньшев даже вплел этот вопрос в свое выступление на заседании секции, предельно заострив его полемически: дескать, шарлатанство это все. Парадокс в том, что в ноябре 2019 г. во время презентации русского перевода книги Т. Шанина «Неудобный класс» [17] Куреньшев дал настоящий бой М.А. Давыдову по одному из ключевых вопросов нашей истории – столыпинской аграрной реформе, занимая при этом самые что ни на есть крестьяноведческие позиции. Мне неоднократно приходилось писать, что крестьяноведение и парадокс – почти синонимы, как парадоксален главный объект/субъект этой науки. Об этом, кстати, и шанинский «Неудобный класс», ставший после публикации в 1971 г. одним из мощных блоков в фундаменте западных *Peasant Studies*.

Однако осада продолжается, и я как заинтересованный наблюдатель все чаще ловлю себя на мысли, что испытываю эмоции, схожие с радостью болельщика, чья команда забила гол, когда вижу, как очередной перебежчик выходит за бастионы парадигм и курсов своей науки и присоединяется к отрядам осаждающих. По моим наблюдениям, иногда – и не так уж редко – такое проис-

ходит как бы незаметно для самого этого нового бойца, который либо избегает использования слова «крестьяноведение» в своем научном лексиконе, либо не испытывает в этом особой потребности. Таково крестьяноведение Янни Коцониса из Нью-Йоркского университета или Джудит Пэллот из Оксфорда. Легко могу назвать в этом ряду многих авторов выдающихся русскоязычных исследований. Но когда я год назад писал о «крестьяноведении В.П. Данилова», а также о таковом О.В. Усольцевой и В.Г. Виноградского [1], я вел речь о людях, которые пользуются этим словом вполне сознательно с целью активировать стоящий за ним аналитический инструментарий применительно к своему монографическому исследованию. Приведу ниже еще два подобных же примера, в фокусе которых люди, близкие мне отнюдь не только потому, что они вполне сознательно употребляют это слово.

Крестьяноведение Люкшина. Казанский историк Дмитрий Иванович Люкшин в начале нулевых задается тем же вопросом: почему понятия и концепции крестьяноведения с таким скрипом входят в арсенал историков-аграрников, часто сталкиваясь с отторжением на личном уровне [11]? В своей первой монографии он посвящает этому целый параграф, озаглавив его «Отечественное крестьяноведение: история несостоявшегося дискурса» [9, с. 30-46]. Я терпеть не могу трескучее слово «дискурс», которое наши гуманитарии как раз в то время бездумно заимствовали у западных коллег², очевидно полагая, что чем чаще они его используют, тем больше то, что они говорят и пишут, выглядит как настоящая наука.

Хорошо, что «дискурс» не состоялся, поскольку крестьяноведение междисциплинарно, и его объект — крестьянство — не влезает в рамки ни одной из общественных дисциплин, которые ревностно блюдут свои границы как раз при помощи собственных «дискурсов». Крестьяноведение может сделать эти границы более прозрачными. Д.И. Люкшин, формулируя концепцию своей монографии, утверждал, что «последовательное применение... методик крестьяноведческого анализа... при разрешении частных и ключевых проблем отечественной истории позволяет получить неожиданные и любопытные исследовательские результаты. В частности, автор

² Замечательный американский историк, специалист по аграрным отношениям в России в пореформенное время Д. Филд с издевкой отзывался об этом словоупотреблении в англоязычном обществоведении [13, с. 484, 492].

использовал их при объяснении причин резкого всплеска аграрных беспорядков в России в 1917 году. В результате хронологическая картина “общинной революции” 1917 года в российской провинции оказалась простой, логичной и непротиворечивой» [9, с. 32-33].

Для меня лично самыми блестящими образцами крестьяноведческого анализа продолжают оставаться «Письма из деревни» А.Н. Энгельгардта и ряд текстов Н.Н. Златовратского, включая незаслуженно забытый гениальный роман «Устой». Отмечу, что все это было опубликовано на «великом и могучем» задолго до того, как кто-то стал употреблять слово «крестьяноведение» (не говоря уже о безумии «дискурсов»), и за десятилетия до появления той исторической реальности, о которой Люкшин пишет как об «общинной революции» и которую нельзя осмысливать, не принимая во внимание произведений великих предтеч современного крестьяноведения. Это я к тому, что для успешного существования крестьяноведения словаря русского языка вполне достаточно. В своей последней монографии Люкшин обнаруживает понимание этого. В подтверждение приведу лишь маленькую цитату, хотя практически весь непростой текст книги написан вполне вразумительно: «Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские “саженцы” проявилось в Самарской, Уфимской, Саратовской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна» [10, с. 129].

На мой вопрос, как он видит крестьяноведение в себе и себя в крестьяноведении, Д.И. Люкшин ответил буквально следующее: «Наша с В.М. Бухараевым версия крестьяноведения родилась в процессе преодоления методологической апории, обусловленной невозможностью идентифицировать социальные сценарии 1917 года в рамках позитивного дискурса. Проще говоря, в начале 90-х гг. прошлого века обнаружилось, что описанный в фундаментальных советских трудах по истории российских революций механизм крестьянского сопротивления не то, чтобы не работал, а — прямо скажем — никогда не существовал. Поэтому brutальная дихотомия: революция классов или революция масс, задававшая исследовательский тонус дискуссиям 70–80-х гг., оказалась — с онтологической точки зрения — схоластическим диспутом, участникам кото-

рого в равной степени не удавалось ухватить содержание означаемого феномена, т.е. вскрыть интенции и содержание общинных интеракций эпохи Второй русской смуты.

Свет в конце тоннеля зажгли тексты “Великого незнакомца” и сформулированный А.Л. Яновым концепт Второй русской смуты, к середине девяностых добравшийся и до отечественного читателя³. Синтез этих дискурсов позволил создать концепт “общинной революции” [5; 4], в рамках которого практически все действия крестьян-общинников в начале XX в. обрели не только ясный смысл, но и четкий сценарий. И вот ведь какая штука выяснилась: беспощадный русский бунт под определение антисистемного выступления никак не подходит — ну не выдвигали мужички антигосударственных проектов, не помышляли о смене политического строя и социальных переворотах.

Причем при любой власти. Стоило новым хозяевам страны обосноваться в столичных кабинетах, как крестьянство тут же готово было предоставить в их распоряжение свои ресурсы. Впрочем, именно эта феноменальная лояльность, граничащая с конформизмом, на деле оказалась залогом жизнеспособности общинного социума, а изучение ее форм позволило опознать крестьянский мир в качестве не периферийной страты, а ключевого социогенерирующего элемента. Соответственно, моральная экономика крестьянства исторически сыграла роль матрицы, вокруг которой происходило формирование государственных институций Руси и России, каковые, по мужичьему разумению, навредить общине никак не могли, ибо они — одной с нею крови. Если взглянуть на сценарий Семнадцатого года с этой (общинной) колокольни, то выходит, что крестьянство вовсе не собиралось выступать против властей, а, напротив, играло роль генератора социальных связей, цементирующих социальные структуры, выведенные из состояния гомеостаза самоубийственными эскападами военной элиты и ребяческими выходками аристократов».

Крестьяноведение Толстова. Сергей Иванович Толстов из Томска — один из самых ярких и интересных людей, с которыми мне довелось в жизни познакомиться. Профессиональный историк,

³ Почему-то деникинские «Очерки русской смуты» не были опознаны в качестве концепта — вероятно, все же учителя приходят, когда ученики уже готовы...

практически профессиональный политик⁴, общественный деятель, бизнесмен со своей историей побед и поражений на поприще организации малого и среднего бизнеса, страстный патриот малой родины — деревни Больше-Жирово Асиновского района Томской области, по истории которой опубликовал несколько исследований [см., напр.: 15]. Его стараниями на территории области поставлено несколько памятников, один из них — памятный камень в честь основателей его родной деревни казаков Жировых. До семнадцатилетнего возраста жил в деревне, в многолетней крестьянской семье, помогал отцу — трактористу совхоза им. Кирова (до 1970 г. — одноименного колхоза). То есть одну из главных содержательных линий отечественной истории — алгоритмы взаимодействия колхозно-совхозного производства и личного хозяйства советских крестьян — он знал не понаслышке; и позже, получая историческое образование и видя, как советская аграрная историография трактует природу общественного хозяйства колхозов и совхозов и ЛПХ сельских жителей, он не мог отделаться от известного недоумения.

Окончив истфак и аспирантуру Томского университета, Толстов готовит к защите диссертацию на тему «Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20—50-е гг. XIX в.», и вот тут-то перед ним во весь рост встает не праздный вопрос: какой методологический подход следует положить в основу исследования? Интуитивно он знал, что в острейших спорах историков новосибирской и томской школ (когда «дело доходило чуть ли не до личной вражды» [14, с. 89]) обеими сторонами упускается что-то очень важное. В своем выступлении на презентации книги «Современное крестьяноведение» он вспоминал, насколько кстати в той ситуации пришелся ему тот познавательный инструментарий, что содержится в стенограммах даниловско-шанинского теоретического семинара 90-х гг.: «Реализуя крестьяноведческие методологические установки на изучение крестьянского хозяйства как такового, я сделал умозаключение: в предреформенные годы в алтайской приписной деревне имела место эволюция крестьянского хозяй-

⁴ В качестве политика он, в частности, занимается разработкой политической идеологии, которой, я убежден, предстоит стать общенациональной государственной идеологией российского народа, когда бесславная конституционная статья о нецелесообразности таковой уйдет в прошлое.

ства под влиянием коммерциализации, а не становления капиталистических отношений. Крестьянин реализовывался в своей имманентной природе как хозяйствующий в рыночных условиях социальный тип, он с выгодой для себя пользовался возможностями избежать издержек добывания “живых” денег» [14, с. 89].

Читающему эти строки придется, наверное, какое-то время вдумываться в такую постановку вопроса. Но, если вдуматься, проникнуться, понять, трудно избежать соблазна применения этого умозаключения к анализу эволюции крестьянского хозяйства и по другим категориям сельского населения — как в до-, так и в пореформенное время. Более того, это, по убеждению Толстова, работает и в советский период нашей деревенской истории. Поэтому, в отличие от Д.И. Люкшина, он концентрируется не столько на революции — пусть даже и «общинной революции», — сколько на преемственности, связи времен и эпох в нашей истории. «Колхозной строй, — утверждает он, — поставив барьер перерастанию интегрированного в общественное производство личного подсобного хозяйства в капиталистическое, задействовал мотивацию демографически обусловленных потребностей на базе семейно-трудовых приоритетов в предвоенные и военные годы, а также позволил раскрыться природе предприимчивости в относительно благополучные 1950-е годы, когда крестьяне по максимуму реализовались в самоэксплуатации. Вызывает сожаление, что вариант исторического развития, при котором такая производственная единица, как “колхоз-деревня”, могла вписаться добросовестным трудом в модернизацию страны, если бы ею управляли, не нарушая коренных крестьянских интересов, был сломлен тем, что я называю национализацией колхозов» [14, с. 90]⁵.

С.И. Толстову удалось опубликовать несколько более подробное и аргументированное обоснование этой своей «альтернативной истории» [3]. Но он прав: тема эта, хоть и страшно интересная, однако очень «щепетильная» [14, с. 90] и еще ждет своего самоотверженного и заинтересованного исследователя. Сам же Сергей Иванович на сегодняшний день занят чрезвычайно важным общественным делом, которое забирает всю его незаурядную энергию без

⁵ А.Д. Билимович называл хрущёвское укрупнение и оптимизацию «второй коллективизацией», улавливая, я убежден, приблизительно ту же суть [12, с. 242-244].

остатка⁶. Может быть, кто-то из его будущих аспирантов возьмется — я уверен, что в России ближайшего будущего такая тема для историка покажется научному сообществу вполне диссертабельной.

Библиографический список

1. Бабашкин В.В. Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., Брянск: РИО БГУ, 2018. С. 162-174.

2. Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99-110.

3. Бабашкин В.В., Толстов С.И. Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 216-234.

4. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С.131-142.

5. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань: Изд-во КГУ, 1994. С.154-157.

6. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост.: Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: «Прогресс-Академия», 1992. 432 с.

7. Гордон А.В., Никулин А.М. От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 2. С. 33-52.

8. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922 – 1950-е гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 238 с.

9. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 144 с.

10. Люкшин Д.И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 214 с.

11. Люкшин Д.И. Крестьяноведение в исследовательском поле аграрной истории // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003. С. 268-281.

⁶ Хотя не далее как в 2017 г. ему в очередной раз удалось реализоваться как историку-аграрнику, специалисту-крестьяноведе: он опубликовал результаты своего полевого исследования в селах Асиновского района и в этой публикации широко оперирует такими понятиями, как «крестьянствование» и «крестьянский способ производства» [16].

12. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 400 с.
13. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
14. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 68-92.
15. Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник статей под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 44-63.
16. Толстов С.И. Крестьянство как самовывживание и самовыражение в современном сибирском селе // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 63-71. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-05-pdf>
17. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 408 с.
18. Peasants and peasant societies: Sel. readings / Ed. by Teodor Shanin. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 448 p.

УДК 8Р2(092)

С.В. Любичанковский*

**ИСТОРИЯ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1960-1980-Х ГГ.
НА ПРИМЕРЕ СОВМЕСТНОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
В.А. ДЬЯКОВА И Л.Н. БОЛЬШАКОВА**

В статье реконструирована история неудачного издательского проекта советских ученых В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова, относящаяся к периоду 1960–1980-х гг. На ее основе обозначены особенности издательского процесса поздней советской эпохи и особенности повседневной профессиональной коммуникации ученых тех лет.

Ключевые слова: Л.Н. Большаков; В.А. Дьяков; профессиональная коммуникация; издательский процесс; история повседневности.

* © Любичанковский Сергей Валентинович (svlubich@yandex.ru), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет.

В настоящей статье речь пойдет о так и не увидевшей свет книге, написанной двумя известными учеными – Владимиром Анатольевичем Дьяковым¹ и Леонидом Наумовичем Большаковым² «Лев Толстой. Над страницами истории». В настоящее время рукопись, точнее, машинопись несостоявшегося издания хранится в личном архивном фонде Л.Н. Большакова в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) вместе с рабочими материалами: машинописями авторского варианта рассказа Л.Н. Толстого «За что» [5] и статьи В.А. Дьякова с его авторскими пометками «О творческой истории рассказа Л.Н. Толстого “Хаджи-Мурат”» [6].

На наш взгляд, история этого неосуществленного замысла дает представление об особенностях издательского процесса и добавляет выразительные штрихи к истории повседневности научных работников советской эпохи [7].

Реконструировать весь процесс работы над этой книгой позволяют имеющиеся в нашем распоряжении письма В.А. Дьякова и дневниковые записи Л.Н. Большакова [8].

Сразу скажем: 176 писем от В.А. Дьякова, первое из которых датировано апрелем 1967, а последние – июлем 1994 г., могут рассказать о многом. Корреспонденты делились творческими планами, рассказывали о командировках и путешествиях, семейных событиях и др.

И хотя к началу переписки Владимир Анатольевич был уже известным ученым, автором нескольких книг и заведовал сектором в институте Российской истории РАН, а Леонид Наумович стоял в начале своей научной деятельности, – только готовился к защите кандидатской диссертации и сдал в издательство первую свою книгу «По следам Оренбургской зимы», – письма убеждают, что корреспонденты общаются дружески и на равных. Так, автор письма, вместе с традиционными пожеланиями «весеннего настроения, здоровья и успехов» делится своими планами («Я весь ушел в Сцегенного»), сообщает о разговоре с Г. Аршем по поводу найденной

¹ Дьяков Владимир Анатольевич (1919-1995) – российский историк, доктор исторических наук, зарубежный член Польской Академии наук.

² Большаков Леонид Наумович (1924-2004) – ученый и писатель, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко.

Большаковым рукописи о гетеристах³, сообщает его адрес, сетует на то, что «не удалось повидаться» и т.д. Из другого письма (от 12 января 1968 г.) ясно, что Большаков посылал другу какие-то книги и списки польских повстанцев: «Книги с удовольствием прочитал, из библиографии почерпнул нужные сведения и в ближайшее время ими воспользуюсь, чтобы разыскать то, что относится к Шевченко. В списке есть кое-что интересное для меня; сделал выписки и через некоторое время верну Вам список». В письме от 25 декабря 1968 г. читаем: «Спасибо за выписку о Гербуте, надеюсь со временем она мне пригодится».

Сейчас, наверное, сложно даже представить, что выписки надо было переписывать от руки или присылать целиком книгу, а потом ждать ее обратно. Однако ксерокса, а тем более сканера не было.

О дружеском расположении друг к другу свидетельствуют строки из письма Дьякова от 12 июня 1969 г., в котором он поздравляет Большакова с приемом в Союз писателей СССР: «Приятно получить весточку от Вас, да еще с хорошими (как теперь модно говорить) вестями. Звание “ихнего союза члена” — вещь весьма почетная. Я говорю это без иронии, т.к. до войны это звание было моей самой розовой мечтой. После войны я стал намного более взрослым и решил начать с достижения каких-то устойчивых позиций в науке, чтобы потом вернуться к юношеской мечте. Но пока совершался обходной маневр, я стал настолько немечтательным, что уже не знаю, стоит ли возвращаться к старым планам?!»

Поначалу, очевидно, Дьякова и Большакова сблизил общий интерес к личностям из окружения Т.Г. Шевченко. Не случайно в вышедшую в 1997 г. Оренбургскую Шевченковскую энциклопедию включена справочная статья о В.А. Дьякове, в которой перечислены труды, посвященные этой теме [3]. Еще более укрепил дружбу ученых интерес к творчеству Л.Н. Толстого.

В 1964 году в Челябинске вышла небольшая книжечка Л.Н. Большакова «Лев Толстой» [2], в которую вошла повесть с интригующим названием «Дело № 11604». Это архивное дело «О скрывшемся из Уральска рядовом 1-го линейного Оренбургского батальона из поляков Винцентии Мигурском, оставившем г. полковнику

³ Речь идет о найденной Л.Н. Большаковым рукописной книге «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств».

Кожевникову письмо, в котором объявил намерение утопиться, о поимке Мигурского и производстве по высочайшему повелению следствия», которое автор отыскал в оренбургском архиве [4] и был поражен, насколько точно содержащиеся в деле документы соответствуют сюжету знаменитого рассказа Л.Н. Толстого «За что?».

Небольшая повесть не осталась незамеченной в Польше: автор был удостоен золотого «Знака чести» Общества польско-советской дружбы и приглашен в Польшу. А из писем восьмидесятых годов узнаем о совместной работе ученых над значительно дополненной новыми материалами о судьбах Винцентия и Альбины Мигурских книгой, вышедшей в 1984 г. на польском языке [1].

Как явствует из писем, в 1976 г. редколлегия серии «Научно-популярная литература» АН СССР предложила ученым подготовить солидную книгу «Толстой и история».

В письме от 29 октября 1976 г. В.А. Дьяков пишет, что изложил программу-минимум будущей книги в издательстве и ее признали приемлемой: «дать по три листа на основе “Войны и мира” и “Хаджи-Мурата”, еще три листа — на “Мигурских”, а остальное (два листа)⁴, — обобщающе-теоретический материал, сгруппированный во введении, заключении и 1-3 самостоятельных разделах сверх того».

В письме Владимир Анатольевич пишет, что главы о «Хаджи Мурате» и «Войне и мире» он берет на себя, а «то, что сверх этого — надежда на Вас; в отношении “За что?” абсолютная (в смысле полная), в отношении остального — частичная; там и я мог бы принять участие».

Вместе с заявкой в издательство «Наука» было отправлено и рекомендательное письмо Д.С. Лихачева. Интересно, что в архиве Леонида Наумовича сохранился переписанный Дьяковым текст этого письма, адресованного «в редколлегию серии “Научно-популярная литература” АН СССР, Ученому секретарю серии к.и.н. В.А. Боярскому». Приводим письмо с некоторыми сокращениями:

«Дорогой Владимир Ананьевич! Я давно уже говорил Вам, что я обеспокоен тем, что у нас нет книг по основным русским классикам, хорошо написанных, широких по охвату материала. У нас нет

⁴ Объем изданий было принято считать в печатных листах. 1 печ. лист был равен 24 страницам машинописи. — С.Л.

в серии книг о Льве Толстом, о Тургеневе, о Достоевском, о Горьком и т.д. ...

В 1978 г. 150 лет со дня рождения Л.Толстого, и я с особой радостью препровождаю Вам заявку В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова на книгу о Толстом. Надо только подумать над названием книги. Название может быть понято различно. Содержание книги меня вполне удовлетворяет.

О Достоевском надо бы заказать книгу молодой и талантливой исследовательнице к.ф.н. В.Е. Ветловской (ИРЛ АН СССР), о Тургеневе попытайтесь заказать д.ф.н. Григорию Абрамовичу Бялому (ЛГУ), о Пушкине (книга Б.С. Мейлаха, изданная у нас, скучновата) — д.ф.н. Эрастовичу Вацуру (ИРЛ) (склероз, вдруг забыл имя). Это талантливые люди.

О книге В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова я не сомневаюсь, что вы ее примете, но все же известите меня о решении редколлегии.

Лелею мечту дать в серию одну книгу, но боюсь загадывать: напишу и тогда пришлю рукопись (на тему “Добрые люди советской науки” — о небольших ученых и больших).

Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим Новым годом. Будьте счастливы. Искренне Ваш Д. Лихачев. 3.XII.76».

Однако, как показало время, даже столь мощная поддержка процесс издания не ускорила, и он растянулся на годы.

Приведем короткие выдержки из писем, составившие своеобразную хронику:

1977 год. 19 февраля: «Боярский болеет, без него ничего не мог узнать... Удалось получить подпись акад. Черепнина... в поддержку замысла и с выражением уверенности, что авторы подходящие. Текст пока держу у себя и подключу к проспекту, когда пойдет движение».

26 февраля: «Дуплет заявки и одобрительное письмо академика Черепнина отвез в РИСО (редакционно-издательский совет — С.Л.) “местоблюстителнице” Боярского. Искать первичную заявку и письмо Лихачева в бумагах Боярского она не решилась, а он все еще болен... Редколлегия должна быть, как только он появится».

2 апреля: «...Вышел на работу Боярский... Листая папки, он не обнаружил наших заявок... Говорил доброжелательно, но вполне неопределенно, обещал поискать бумаги и представить их редколлегии, которая должна заседать в апреле... Решил прибегнуть к помощи почты и 1) послал в его адрес еще один экземпляр заявки

вместе с копиями писем двух академиков. 2) написал Д.С. Лихачеву письмо с просьбой побудировать Боярского в духе его декабрьского отклика на нашу заявку...»

20 мая: «Вчера удостоился личной встречи с В.А. Боярским... Он вроде бы помнил, о чем речь, и заявил, что, кажется, все в порядке. Однако протокол где-то на оформлении...»

Прошел почти год. За это время издательство требовало отзыв на рукопись, причем за авторством не просто историка, но толстоведа. Отправили просьбу об отзыве на рукопись автору многих исследовательских книг о Л.Н. Толстом К. Ломунову.

1978 год. 19 апреля: «...Позвонили из издательства, что отзыв получен, в общем даже “теплый”, но конкретных замечаний и пожеланий много. Редакция ожидает доработанную рукопись в конце года...»

23 июля: «...“Толстого” вставляют в план редподготовки 1979 г. и в связи с этим встал вопрос об ответственном редакторе. Я предложил М.В. Нечкину, надеясь, что она не откажет...»

21 августа: «...по рецензии Ломунова все необходимое (по моему разумению) сделал. Пришлось перепечатывать страниц 35-40, много мелкой правки. Завтра два экземпляра в доработанном виде отвожу в издательство. В прошлый четверг говорил с ведущей наше дело Ниной Викторовной. Она обещала начать оформление договора».

1979 год. 15 апреля: «...Роман с “Наукой” не развивается. В научно-популярной редакции, по словам Нины Викторовны, все уперлось в рецензента-историка. Она, по моей подсказке, называет фамилии, а начальство бракует, говоря, что нужен специалист по Толстому, а таковых среди историков нет. Сейчас придумали переложить выбор рецензента на Боярского. Юридически это вполне возможно, но вцепиться в него я еще не имел ни сил, ни времени».

21 июня: «С “Наукой” тянется мелкая возня со вторым рецензентом-историком».

28 июня: «...Поймал Боярского и сделал шагок с “Наукой”. Боярский подписал письмо на рецензирование Юлии Ивановне Герасимовой. Она обещает в июле сделать... P.S. Будет еще проблема с отв. редактором. Держу в запасе двух киевских членкоров — Шаблювского и Шевченко».

4 июля: «На рецензию отдал д.и.н. Юлии Ивановне Герасимовой из рукописного отдела ГБЛ (Государственной библиотеки им.

Ленина. — С.Л.). В редакторы же годятся люди с рангами, тут Шаблювский более подходит».

2 сентября: «Отзыв Герасимовой на нашу рукопись уже дошел до редакции и сыграл свою роль. От Е.С. Шаблювского я получил энтузиастичное согласие. Он рвется к работе, хотя пишет, что двигаться не может почти и весь день проводит за письменным столом... Редакция представляет нашу рукопись официально в план редподготовки 1980 г. Решаться дело должно в октябре».

12 декабря: «Безвременье в “Науке” (по части научно-популярной) продолжается. Редакцию ликвидировали, сотрудников еще не разогнали, но они ничего не делают и ничего знать не хотят.

Боярский подтвердил, что в план редподготовки 1980 г. книжка действительно включена. Но редколлегия рукопись не утверждала, а до этого Евгений Степанович (Шаблювский. — С.Л.) в качестве отв. редактора не утвержден и официально послать ему рукопись невозможно... Буквально как в заколдованном месте, а перекрестить некого».

Среди конвертов от В.А. Дьякова лежал третий экземпляр письма, адресованного в Редакцию научно-популярных изданий Академии наук СССР и в отдел науки ЦК КПСС.

На трех машинописных страницах лаконично изложены все перипетии, связанные с изданием книги, о которых мы уже знаем из писем, и сообщается, что «в результате ликвидации редколлегии научно-популярной литературы издательства “Наука” рукопись три года лежала без движения в редакции литературоведения».

Однако вразумительного ответа на жалобу в высокие инстанции авторы не получили. И в 1982 г. В.А. Дьяков в своем письме фиксирует: «С “Наукой” контактов не имел. Появитесь — пойдем вместе». В письме от 13 апреля 1983 г. он сообщает, что «злополучная наша рукопись послана... в отделение лит-ры и языка к акад. Храпченко». Никакой информации о судьбе книги нет и в письмах 1983 г. Только в письме от 26 февраля 1984 года Дьяков цитирует строки старшего научного сотрудника РИСО АН Р.Н. Клейменово: «вопрос об издании монографии Л.Н. Большакова и В.А. Дьякова “Л.Н. Толстой и история” будет вторично рассмотрен на ближайшем заседании Редколлегии научно-популярной серии. О решении Редколлегии Вам будет сообщено дополнительно». «Не густо, но кое-что», — резюмирует автор письма.

В 1984 г. Л.Н. Большаков начал вести дневник, и на дневниковых страницах не только фиксировал содержание писем от

В.А. Дьякова, нередко даже цитируя отдельные строки, но и комментировал прочитанное.

Так, получив цитируемое выше письмо Дьякова от 26 февраля 1984 года, Л.Н. Большаков записывает в дневнике: «3 марта 1984 г.: Боюсь, что все наши (с Дьяковым) хлопоты окажутся напрасными. Уж ежели издатели заартачились...»

11 декабря 1984 г.: «Дьяков рассказывает о своих делах-планах, информирует о том, что “Лев Толстой и история” до сих пор не в редакции истории, а в литературоведческой... Медленно однако поспевают с решениями, точнее, с выполнением решений».

14 сентября 1985 г.: «Позвонил, не дождавшись ответа, Дьякову. ...Новостей издательских нет. Оттого и не писали».

15 октября 1985 г.: «...Дело пока не продвинулось, но надежды до конца не угасли — теплятся».

В том же году появилась идея передать рукопись в издательство «Современник»:

24 декабря 1985 г.: «Среди полученных поздравлений одно — от Дьякова — представляет и вполне деловой интерес: “Современник” вроде бы письмом уведомляет о том, что наша толстовская рукопись принимается. ...А я на эту затею уже и рукой махнул...»

8 января 1986 г.: «Вчера позвонил Дьяков. Порадовал сообщением о том, что в “Современнике” ждут рукопись объемом до 15 листов, она включается в план выпуска 1988 года; назначен редактор; договорились о высылке мне материалов, из которых я сформирую окончательный вариант для перепечатки в Москве».

12 января 1986 г.: «Прибыла бандероль от В.В. Дьякова. В ней рукопись под странным названием: “Лев Толстой в русской исторической беллетристике”. Мне казалось, что договорились о другом: “Лев Толстой и история”. Полистал: малоинтересно. Это для “Науки”, но не для “Современника”, хотя оттуда Дьяков и получил письмо: “Редакцию критики и литературоведения заинтересовала предложенная заявка на книгу ‘Лев Толстой в русской исторической беллетристике’. Вопрос о включении книги в план будет решаться после представления рукописи. Итак, ждем рукопись!”. Милый Владимир Анатольевич придает слишком большое значение означенному письму, в котором склонен видеть даже “документ, имеющий определенное (юридическое?) значение”. Он пообещал рукопись в сентябре и сетует на то, что в его делах “очередность из-за этого пойдет кувырком”. Предлагает дописывать главы (плоды сноски?) У меня идея иная: одна часть — “Дело Мигур-

ских”, вторая — “Толстой и история”, а по срокам — сделать в феврале, перепечатать — в марте, сдать в апреле, не позднее мая. Написал ему об этом».

14-15 февраля 1986 г.: «Читаю, готова к перепечатке для сдачи в “Современник” дьяковские страницы Толстого... Полсотни страниц за день поправил... Возникло новое название книги ““Когда я пишу историческое...” — Лев Толстой и история”. Это, пожалуй, лучше прежнего — и проще, и выразительнее...»

Интересна дневниковая запись, сделанная 23 февраля 1986 г. Автор дневника, размышляя над прочитанной книгой Татьяны Земсковой «Писатель в нашем доме», пишет, что она «сформулировала» в нем «отношение к понятию “беллетристика” в отношении Льва Толстого. Едва проснувшись, написал В.А. Дьякову открытку с просьбой напрочь убрать из второй части рукописи всякое употребление этого понятия применительно к Л.Н., а в рукописи для “Науки” оно было в заголовке и во всей ткани...»

В том же 1986 г., на итоговой странице дневника за февраль читаем: «Работал над рукописью “Когда я пишу историческое... (Лев Толстой и история)” — нашим с Дьяковым совместным трудом. Перелопатил его основательно, поубавив наукообразия, сделал читабельнее... В рукописи 15 листов. Хочется надеяться, что коль скоро “Современник” заинтересовался ею в прежнем виде, то в новом “схватит обеими руками”...»

15 марта 1986 г.: «Письмо от В.А. Дьякова: “Последние две недели прошли у меня главным образом под знаком Л.Н. Толстого”. Констатировав, что я “хорошо поработал над рукописью”, сообщает о своем вкладе в ее совершенствование, наконец, о быстрой перепечатке, которая может быть закончена к 20 марта».

1 сентября 1986 г.: «от Дьякова: “Современник” отказался от нашего “Толстого” (основываясь на рецензии Л.Д. Опульской). “Для моих нервов это удар нокаутирующий”, — пишет В.А. Конечно, эти самые “Современники” — безответственные люди...»

Однако дневниковые записи свидетельствуют, что Владимир Анатольевич от своей цели не отказался.

9 января 1987 г.: «Феноменальную настойчивость проявляет В.А. Дьяков: прислал мне копию письма по поводу книги “Лев Толстой и история”, адресованную новому руководству новой редколлегии научно-популярной литературы издательства “Наука”. Редколлегия, по его словам, в “приличном составе”... Посему “да здравствует ‘Наука’ и будь проклят ‘Современник!’” Ничего против я не

имею, но и не обольщаюсь. Получится — хорошо, не получится — быть по сему».

В дневниковой записи от 3 мая 1987 г. зафиксировано сообщение Дьякова о поддержке книги о Толстом редакцией научно-популярной серии по истории, в связи с чем автор дневника размышляет: «теперь заявка в РИСО — опять все сначала, но... путь один...»

28 июля 1987 г.: «Пришло письмо от В.А. Дьякова. Воюет за издательские идеи; натывается на нелепейшие препоны, вынужден тратить силы на их преодоление, жаловаться и т.п. Насчет “Толстого и истории” пишет, что “научно-популярная серия в ‘Науке’ наше предложение запротоколировала, после отпусков буду выяснять, как со сдачей рукописи”. Все “по новой”?! “Ее придется ‘актуализировать’ в смысле учета новой литературы, думать о рецензентах, редакторе и т.п.” Боже, какая бюрократическая чехарда! Если что и получится, то годы спустя. Ну и темпы...»

15 сентября 1987 г.: «С нашим “Толстым” дела не клеятся. Он продолжает “бомбардировать”».

2 января 1988 г.: «... Дьяков пишет, “госпожа ‘Наука’ пока не одарила нас своей благосклонностью”: редколлегия предложение приняла, но это никак и ничем не связывает издательство, т. б., что оно перешло на самокупаемость.... В реальность альянса с “Наукой” не верю...»

В 90-е годы надежда на издание книги рухнула, однако переписка продолжалась. Последнее письмо от Владимира Анатольевича пришло в апреле 1995 г. В нем было согласие участвовать в создании биографической энциклопедии... Но 2 декабря 1995 г. запись начинается горькими строками: «Умер Дьяков!.. Письмо Беллы Борисовны (жены. — С.Л.) полоснуло по самому сердцу. Как только извлек из почтового ящика конверт, надписанный не В.А., почувствовал: в нем нечто страшное. Оказалось, самое страшное. Мы виделись 3 ноября, утром 5-го его увезли в больницу, а в ночь на 16-е он скончался. 20.XI. В.А. похоронили. Лечили не от того, в результате острый инфаркт. Великого ученого и прекраснейшего человека прошляпили, проиграли, свели в могилу. И исчезла тягостная для него необходимость в комиссиях по причислению к инвалидам ВОВ (при двух тяжелых ранениях!), исчезло удовольствие вспоминать на бумаге (мемуары останутся ненаписанными), исчезли тревоги (его, а не наши) за удивительнейшие каталоги-папки.... Долго не мог придти в себя... Нашей дружбе было 25 лет. “Мы с Володей очень любили и уважали Вас...” Ох!..»

В дневнике последующих лет зафиксировано и получение писем, и несколько встреч с Беллой Борисовной Дьяковой. А в июле 1997 г. она прислала Леониду Наумовичу подготовленную к печати, но так и не состоявшуюся книгу Л. Большакова и В. Дьякова «Лев Толстой. Над страницами истории». Размышляя над полученной рукописью, Большаков записал: «...представляется книга из двух равноценных частей: историческая проза Льва Толстого, 2) Герои Л.Н. Толстого в жизни и искусстве. Двадцать листов с возможными иллюстрациями. Попрошу Дьякову о некоторых дополнительных материалах из наших рукописей, в т.ч. и возможных иллюстрациях. Об этом пишу». Через несколько дней автор дневника записал, что вручил наборщице полную машинопись «Льва Толстого», включая посвящение ее Дьякову.

Описанный сюжет, на наш взгляд, – выразительный штрих, относящийся к истории повседневности. Однако, рассказав о рукописи, так и не ставшей книгой, хочется надеяться, что хранящиеся в архивном фонде папки когда-нибудь окажутся в поле зрения заинтересованных исследователей и замысел ученых будет осуществлен.

Библиографический список

1. Большаков Л.Н., Дьяков В.А. Дело Мигурских. Краков; Вроцлав, 1984. 249 с. На польск. яз.
2. Большаков Л.Н. Лев Толстой: Поиски и находки. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1964. 104 с.
3. Большаков Л.Н. Оренбургская Шевченковская Энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: энцикл. одиннадцати лет 1847-1858 / Обществ. фонд «Будущее Отечества им. В. П. Поляничко». Оренбург: ДиМур, 1997. 511 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп.5-6. Д.11604.
5. ГАОО. Ф 2919. Оп.1. Д.28.
6. ГАОО. Ф.2919. Оп.3. Д.30.
7. Любичанковский С.В. Леонид Большаков: о времени и о себе. Повседневность интеллигента поздней советской эпохи сквозь призму дневника и личной переписки [Электронный ресурс]: монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 178 с.
8. Семейный архив Т.Л. Большаковой.

**«НОВОЕ ДЕЛО ИСТОРИКОВ» И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье анализируется «новое дело историков», возникшее в 2010 г. в связи с попыткой профессоров МГУ А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова представить современную отечественную историю с национально-патриотических позиций. Пренебрежение традициями университетской автономии и академических свобод, преследование ученых за их научные концепции рассматриваются как факторы конструирования исторической памяти в либеральном духе. Делается вывод о необходимости отказа от взгляда на историю как разновидности литературного творчества и актуализируются принципы научности и объективности, позволяющие отличить добросовестное исследование от фальсификации истории.

Ключевые слова: историческая память; фальсификация истории; историческое познание; исторический факт; исторический источник.

Представляется, что к моменту «развязывания» «нового дела историков» полностью и окончательно был исчерпан «потенциал ожидания» какого-либо идеологического эффекта от программы конвертации власти в собственность советской и национальными элитами, реализовывавшейся на рубеже XX–XXI вв. сначала в СССР, а затем на постсоветских просторах. Несмотря на титанические усилия, предпринимаемые идеологами либеральных реформ в России (попытка «учреждения» цивилизационной теории в качестве не только методологии исторического познания, но и мировоззрения общества, переход к ЕГЭ в системе образования, активно про-

* © Мякшев Анатолий Павлович (myakshhev@mail.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

водившаяся политика «подавления» «старых» духовных институтов: Академии наук, классических университетов, уничтожение педагогических вузов и т.д.), в России практически отсутствовал «грамотный потребитель» как конечная цель системного переворота рубежа 1980–1990-х гг.

К этому времени широкую известность в экспертном сообществе приобрели взгляды американского философа-историка Ф. Фукуямы, провозгласившего еще в 1992 г. в книге «Конец истории и последний человек» триумф либерального миропорядка, демократии и капиталистической экономики, но существенно скорректировавшего свою позицию в сторону необходимости взять передышку в процессе глобализации и провозгласившего тезис об укреплении национальных государств вместо ранее проповедуемого лозунга об их уничтожении [5]. Тем более, что историческая практика все больше и глубже подтверждала иной прогноз – заключение С. Хантингтона, заявившего в 1996 г. в книге «Столкновение цивилизаций» о том, что, помимо обществ Запада, основательно проработанных либерализмом, обнаруживаются иные цивилизации, весьма далекие от либерального индивидуализма [15].

Примечательно, что данный методологический подход полностью определил и «мюнхенскую» позицию В.В. Путина, открыто ее обнародовавшего в 2007 г.: «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»; «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику» [9]. Если А.Б. Чубайс был убежден, что «представление о справедливости у народа мы сломали еще при ваучерной приватизации» [16, с. 104], и полагал, что «из неизбежности развала СССР выросла необходимость пересмотра программы реформ, а не из программы реформ вырос развал СССР» [16, с. 107], то В.В. Путин, наоборот квалифицировал распад СССР «как крупнейшую геополитическую катастрофу столетия» [10], не связанную с переходом, на его взгляд, к капиталистической модели развития. Заключение В.В. Путина по истории гибели великой Державы и проблемам национального суверенитета, равно как и требование главы государства рассматривать российский исторический процесс как цельный и взаимосвязанный, не способствовали углублению негативизма по отношению к советскому периоду истории, напротив – препятствовали искажению исторической памяти и фальсификации ключевых сюжетов социалистического строительства.

Появление учебного пособия, авторы которого не скрывали своего стремления обосновать принципы национально-государственного патриотизма в изучении и преподавании отечественной истории XX века [2, с. 7], не могло не вызвать ответной реакции со стороны овладевшей властью и собственностью новой российской элиты. Поэтому обвинения (в «шовинизме, ксенофобии, разжигании межнациональной розни, антисемитизме»), по сути своей – политические, прозвучавшие в адрес авторитетных профессоров, преподавателей «главного» в стране университета, преследовали своей целью «идеологический переворот» в отношении современной российской истории, упорно отстаивающей принципы историзма и научной объективности.

А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова назвали «черносотенцами с истфака МГУ», само учебное пособие – «чудовишным учебником истории России, выпущенным истфаком МГУ», «курсом молодого бойца для русского националиста» [13]. Конкретные, на взгляд критиков – «вопиющие», недостатки сводились к трем тезисам: указанию на то, что лидерами СССР зачастую являлись «лица не русской национальности»; сообщение о том, что в годы войны «63% призванных в армию чеченцев уклонились» от исполнения воинского долга; а также количественному подсчету показателей представленности в различного рода учреждениях и исторических событиях советских народов, в частности, еврейского этноса. Меры воздействия на ученых, предлагавшиеся критиками учебника, также свидетельствовали о стремлении запугать научное сообщество: так в августе 2010 г. И.Е. Ясина предложила профессоров А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова лишить ученых степеней и «само собой – права преподавания», а декана С.П. Карпова – отправить в отставку [18].

Организованные 6 сентября 2010 г. по инициативе председателя комиссии по межнациональным отношениям Общественной палаты РФ, члена президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории России Н.К. Сванидзе слушания в Общественной палате продемонстрировали намерения власти очертить нужные ей параметры исторической памяти. Учебник без каких-либо оснований причислили к «разряду экстремистских материалов» [7]. Действительно, попытка историков рассматривать отечественную историю XX века как гигантский по своим масштабам социальный эксперимент, как своеобразную, вполне успешную и эффективную по результатам, но так и не реализованную

(по сути, авторы определяли достигнутую в СССР стадию развития как «ранний социализм») альтернативу в историческом процессе, была интерпретирована как «экстремизм» [7]. К тому же подход А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова убедительно и аргументированно опровергал искусственно навязываемую обществу идею о законности, необходимости и необратимости революционных преобразований 1990-х гг. в России, обеспеченных как отказом от сформировавшегося в СССР социального государства, так и фактической потерей национального суверенитета.

Бурная общественная реакция в защиту А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова продемонстрировала идеологам «нового дела историков» узость доказательной базы, методологическую несостоятельность, организационную неубедительность кампании по конструированию исторической памяти, точнее, своеобразной операции фактического лишения исторической науки ее общественной функции, т.е. способности к сохранению и обогащению исторической памяти народа, в частности, о великих событиях недавнего прошлого. На наш взгляд, решающую роль в событиях осени 2010 г. сыграло обращение видных русских деятелей культуры, среди которых выделились писатели В.Г. Распутин, В.И. Белов, Ю.В. Бондарев, А.А. Проханов, заявивших: «Если сегодня инициатива г-на Сванидзе найдет поддержку во властных структурах или в обществе, то завтра с исторической наукой в России будет покончено: любая научная дискуссия рискует превратиться в бесконечную судебную тяжбу, где историческая истина станет выясняться с помощью встречных исков» [3].

Дискуссия была свернута. Знаковым для исторической науки стало публичное выступление директора фонда «Историческая память», известного российского историка А.Р. Дюкова, призвавшего Общественную палату (если уж она занялась «редактированием» учебника Вдовина-Барсенкова) заодно обсудить одного из авторов «не имеющей ничего общего с наукой» книги «История России. XX век» («в этой книге с несомненной симпатией говорится о владимирцах, в ней присутствует огромное количество фактических ошибок, некорректных и бездоказательных утверждений») заместителя директора Института российской истории РАН В.М. Лаврова; а также участие сотрудника ИРИ РАН Н.С. Лебедевой в основном на огромном количестве фальшивок и лжи фильме «The Soviet Story», снятом латышскими пропагандистами. Упомянул А.Р. Дюков и Н. К. Сванидзе, «не так давно призвавшего признать

концепцию “советской оккупации” Прибалтики, концепцию, которую не поддерживает никто из авторитетных российских историков и которая ничтожна и с юридической, и с исторической точки зрения» [4].

Травлю историков предпочли свернуть. Экспертную комиссию, созданную по решению Ученого совета исторического факультета МГУ для проведения научной экспертизы учебного пособия А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина, возглавил тогдашний директор Историко-архивного института РГГУ А.Б. Безбородов, учебник которого по современной истории России был написан с противоположных идейных позиций. Среди недостатков пособия комиссия предпочла отметить «абсолютизацию этнического принципа в общественной и политической жизни» и «поверхностное освещение» сталинизма как «феномена российской истории» [17].

«Новое дело» историков 2010 г. убедительно засвидетельствовало отчетливую дифференциацию в современной российской науке трех направлений исторической мысли: либерально-глобалистское, национально-патриотическое (антиглобалистское) и неопозитивистское.

Организаторы травли профессоров А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова активно продолжают отстаивать ценности и принципы либерально-глобалистской идеологии. Маркером либеральной интерпретации российской истории стало категорическое отрицание какого-либо позитивного содержания ее советского периода. Не иначе как «цивилизационной катастрофой» [1] называет российскую историю XX века А.Б. Голубовский. Объектом критики заместителя исполнительного директора Президентского фонда Б. Н. Ельцина по научной работе Н.П. Соколова стали исторические взгляды В.В. Путина, которые он характеризует как «чрезвычайно архаическое представление российской истории». По его мнению, Путин тащит страну «назад в это самое советское болото» [11]. Принципы научности, доказательности и объективности легко подменяются политическими обвинениями. И.В. Карацуба так характеризует своих учителей: «Истфак был под очень сильным влиянием русского фашизма, представленного в академическом варианте Миловым. Кстати, в Питере то же самое произошло с Фрояновым... Милов был поакадемичнее, но и отравы у него позабористее» [6].

Представляется, что грань между либеральным подходом к русской истории и ее откровенной фальсификацией в настоящее время приобрела условный характер. Следует согласиться с извест-

ным российским и украинским ученым А.С. Капто, полагающим, что «множество фальсификаций (псевдонаучных теорий) осуществляется путем спекуляции на некоторых объективно существующих трудностях методологии исторического познания, имеющихся как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации и взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззренческих позиций историка)» [8, с. 97]. На наш взгляд, наиболее продуктивным в условиях тотального господства в современных обществах риска манипуляционных технологий управления общественным сознанием, основным содержанием и главным методом которых является фальсификация и искусственное конструирование исторической памяти, может стать неопозитивистский подход в историческом познании.

В настоящее время в рамках данной методологии произошло объединение логического позитивизма, представители которого настаивают на обязательности формулирования исторических теорий исключительно на основе исторических фактов, истинность которых должна быть доказана в результате их эмпирической и методологической проверки, с аналитической философией истории, в центре внимания которой продолжают оставаться описательные и объяснительные способы изучения истории. Предмет историографии при этом сводится главным образом к выяснению условий и детерминирующих факторов, приближающих историческое знание к истинности, а главным исследовательским методом историографа становится анализ структуры и нарратива исторического труда, а также логики высказываний историков [12, с. 332-334].

При таком подходе фальсификация истории, в настоящее время в содержательном плане охватывающая не только всю новейшую историю России, но и значительную часть мировой истории, прежде всего последнего столетия, неминуемо будет выявлена, разоблачена и представлена как средство достижения определенных сегодняшних политических интересов путем намеренного искажения представлений о прошлом. Фальсификация истории направлена на разрушение и в конечном счете утрату исторической памяти, что, в свою очередь, равнозначно потере национальной идентичности. Огромную роль при этом должно играть государство,

иницируя и поддерживая в противовес «историческим» произведениям, к примеру, о «решающей роли советско-германского договора от 23 августа 1939 г. в развязывании мировой войны», исторические исследования сложнейших геополитических противоречий конца 1930-х гг. как в Европе (Мюнхенское соглашение 1938 г., дипломатическая игра США), так и в Азии (агрессия Японии). Историческая память не терпит фрагментарности и непоследовательности. Рассказывая о преступной депортации народов в годы Великой Отечественной войны, историк не вправе игнорировать очень важную историческую проблему коллаборационизма в войне. Государство и в данном случае может корректировать и координировать тематику исторических трудов с учетом и приоритетом фактора национальной безопасности.

Национально-патриотическое направление в отечественной историографии, на наш взгляд, развивается в русле неопозитивистского направления. Представители этого направления предпочитают интерпретировать прошлое с точки зрения интересов, ценностей и идеалов субъекта истории – народа и образуемого им государства. Они, выступая против архаизации современной им исторической реальности и модернизации советской истории, предпочитают историзм трактовать как научную объективность. Следует предположить, что как раз представители национально-патриотической исторической мысли сохраняют и приумножают традиции русской исторической школы XX века (Е.В. Тарле, С.Ф. Платонов, Б.Д. Греков), для которой научный реализм и историзм заключался в бережном, осторожном, но и приоритетном отношении к историческому источнику и историческому факту, вне зависимости от историографической ситуации и господствующей в обществе идеологической доктрины. Не случайно особое внимание ярчайшего представителя национально-патриотического направления в российской исторической науке И.Я. Фроянова привлекла научная проблема бегства капиталов за границу. По свидетельству историка, всякий раз смута на Руси оборачивалась для Запада невиданными барышами; капитал бежал на Запад во времена петровских реформ, в период отмены крепостничества, на рубеже XIX и XX веков, в преддверии социалистической революции [14, с. 290-293].

«Новое дело историков» свидетельствует о продолжении «битвы за историю», победа в которой может быть обеспечена не фальсификацией истории и манипуляцией исторической памятью, а бе-

режным и уважительным отношением к отечественной истории и накопленному предыдущими поколениями духовному и интеллектуальному наследию, разоблачением исторической лжи, защитой национальных интересов.

Библиографический список

1. Анатолий Голубовский: В 1917 г. мы выпали из цивилизации // URL: <https://s-t-o-l.com/istoriya/anatolij-golubovskij-v-1917-godu-my-vypaliz-tsvilizatsii/>

2. Вдовин А.И. Русский взгляд на новейшую отечественную историю // Новое «дело историков». Русский взгляд на историю: Сборник статей. М.: ФОРУМ, 2010. С. 7–89.

3. В защиту исторической науки (Обращение деятелей науки и культуры) // URL: <http://exclav.ru/stati/v-zaschitu-istoricheskoy-nauki-obraschenie-deyateley-nauki-i-kulturyi-.html>

4. Деятели науки и культуры выступили в защиту русских историков. 10.09.2010 // URL: <http://avkrasn.ru/article-383.html>

5. Дугин А.Г. Фукуяма и не конец истории // URL: <https://izborskclub.ru/14286>

6. Интервью с Ириной Владимировной Карацуба // URL: <https://igiti.hse.ru/unimemory/int-karatzuba>

7. История по честному // URL: <https://opr.f.ru/ru/press/news/2010/newsitem/3171>

8. Капто А.С. Современная цивилизация: вызовы и альтернативы. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 304 с.

9. Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

10. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля.

11. Российский историк Никита Соколов: У Путина в голове совершенно дикая конструкция // URL: <https://newsland.com/community/politic/content/rossiiskii-istorik-nikita-sokolov-u-putina-v-golove-sovershenno-dikaia-konstruktsiia/3095410>

12. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 580 с.

13. Титов К.В. Новое «дело историков» // Новое «дело историков». Русский взгляд на историю: Сб. статей. М.: Форум, 2010. С. 93–104.

14. Фроянов И.Я. Молитва за Россию. СПб.: Астерион, 2008. 840 с.

15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2018. 640 с.

16. Чубайс А.Б. «Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией» // Авен П.О. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: АЛПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 79-112.

17. Экспертная комиссия: Учебник Вдовина-Барсенкова может быть использован в обучении только после исправления недостатков // URL: <http://old.memo.ru/d/2201.html>

18. Ясина И.Е. Тот самый учебник // URL: <http://yasina.livejournal.com/543591.html>

УДК 177

В.Н. Сыров*

РАЗДЕЛЯЕМАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В статье рассматриваются перспективы и трудности в создании разделяемых историй. Анализируются преимущества и недостатки доминирующих подходов в решении конфликта интерпретаций. Утверждается, что призыв опираться на факты зачастую основан на упрощенном понимании природы исторического познания, а тезис о правомерности мультиперспективности не учитывает контекста формирования таких нарративов. Обсуждается продуктивность такого нарративного формата, как жанр трагедии для создания разделяемых историй.

Ключевые слова: историческая память; историческое знание; историческая ответственность; разделяемая история; идентичность.

Как показывает практика, тема войн памяти не утрачивает своей актуальности. Не обошла она стороной и отечественные просторы. Более того, постсоветское пространство демонстрирует самые разнообразные формы таких войн: от версий прошлого, создаваемых новыми государствами, возникшими на территории быв-

* © Сыров Василий Николаевич (narrat@inbox.ru), доктор философских наук, профессор, философский факультет, Томский государственный университет.

** Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-01100658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

шего СССР, до национальных историй внутри Российской Федерации. Но конфликты интерпретаций носят не только межнациональный характер. Классовые, политические, поколенческие, культурные различия создают не менее, если не более непримиримые версии прошлого. Примечательно, что речь идет не только о событиях недавней истории (Второй мировой или Гражданской войны), но и о событиях, давно канувших в прошлое.

Что касается первых, то, как отмечает Оксана Головашина, характеризуя характер осмысления одного из таких событий Гражданской войны, а именно «антоновщины», теперь «вместо “мятежа” антоновщина осмысляется в контексте аграрной революции, крестьянской революции, “Большого Восстания”. Однако необходимо заметить, что распространение терминов “народное сопротивление”, “антибольшевистское движение”, “крестьянское повстанчество”, частично перешедших в современные работы из дискурса Гражданской войны, эмигрантской историографии и западных публикаций, оказывается не столько следствием современного переосмысления исследуемых событий, но и показателем смены политической конъюнктуры. Если в советской историографии доминировали негативные оценки восстания, то в современных публикациях негатив, в основном, на стороне тех, кто подавлял антоновщину, — сегодня довольно мало качественных работ, в которых авторы смогли удержаться от однобоких эмоциональных оценок. Несмотря на довольно обширную современную историографию и расширение предметного поля, приходится констатировать, что зачастую осмысление событий заменяет смена одной мифологемы на другую» [3, с. 106-107]. Что касается вторых, то характерным примером можно считать трактовку взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. Данное событие в работах Александра Овчинникова даже трактуется как историческая травма. По его словам, «возможность использования исторической “травмы 1552 г.” в политической коммуникации является главной причиной последовательной и систематической актуализации событий 467-летней давности» [2, с. 343].

В исследовательской литературе статус расхожего тезиса приобрело утверждение об истории как неотъемлемой части формирования идентичности. Соответственно, функция такой истории заключается, как правило, в создании благоприятного образа «Мы». Как отмечает Овчинников, «ассоциация народа с живым человеком, поиски “души народа”, конструирование его “исторического

пути”, на котором находится место и для трагических событий, представления об этничности как главной составляющей личности способствуют легкому переходу отвлеченно-коллективного в индивидуальное» [2, с. 345]. Головашина указывает, что «разговор об антономии таким образом оказывается для жителей региона осмыслением собственной идентичности, выбором между тем, считать себя потомками “бандитов” или “героев”. Значимость темы, полярность оценок мешает дискуссии о событиях почти столетней давности» [3, с. 110-111]. Связь истории и идентичности, видимо, можно считать решающим фактором в порождении столь конфликтных истолкований прошлого. Обращение к этому обстоятельству не случайно и обусловлено отнюдь не чисто исследовательским интересом. Выявление такой связи позволяет определить, с какими форматами представления прошлого предстоит столкнуться и чем обусловлены такие форматы.

В современной литературе можно столкнуться с утверждением о позитивности многообразия трактовок прошлого. Представляется, что такое утверждение требует прояснения. Если речь идет о работе профессионального сообщества, то резонно полагать, особенно в свете эпистемологии, тяготеющей к конструктивизму, что иметь всего лишь одну теорию значит не иметь ни одной. Понятно, что отрицание смысла апелляции к внелингвистическому референту предполагает другой способ проверки весомости выдвигаемых суждений или теорий, а именно соотнесение их друг с другом. При таком подходе разнообразие и многообразие приобретает ценность, а конкуренция становится необходимой чертой нормального функционирования научного сообщества. Но представляется, что конфликт интерпретаций в сфере социальной практики имеет совершенно иной смысл и вряд ли свидетельствует о нормальности социального бытия. Здесь ценностью является, скорее, достижение консенсуса.

Если это так, то задачей социальной практики становится поиск форм и способов согласования различных представлений о прошлом. На этом этапе наших рассуждений стоит выдвинуть еще один тезис. Поскольку речь идет о социальной практике, то в этой сфере правомернее говорить не о знании, а о памяти. Однако стоит подчеркнуть, что память современного человека формируется не столько посредством передачи воспоминаний от поколения к поколению, сколько посредством образования и СМИ. Более того, можно предположить, что и сами воспоминания пропитаны ин-

формацией, почерпнутой в системе образования или масс-медиа. Вопрос о том, как конкретно обстоят дела у различных возрастных и социальных групп, является, конечно, делом социологического исследования. Но рискуем утверждать, что общей теоретико-методологической рамки описания современного человека это принципиально не меняет.

Но тогда резонно утверждать, что исходным источником формирования представлений о прошлом становятся знания, получаемые профессиональным сообществом. Это не означает, конечно, что память современного человека онаучена. Напрямую профессиональное сообщество никогда не влияло и вряд ли будет влиять на массовые представления. Но, тем не менее, вряд ли можно представить себе иной влиятельный источник формирования представлений современного человека. Даже различные паранаучные или околонаучные идеи сегодня формируются обычно как реакция на деятельность научного сообщества.

Вышеприведенные рассуждения были предназначены показать, что первым этапом достижения общественного консенсуса является достижение согласия среди профессионального сообщества. Продукт достижения такого согласия получил название «разделяемых историй». Как отмечает бельгийский исследователь Бербер Бевернейдж, это понятие идет в связке с понятиями исторического диалога и исторического примирения [5, р. 71-73], и, добавим к этому, может считаться развитием идей политики сожаления, поскольку любой диалог такого рода предполагает (во многих случаях взаимное) признание несправедливости, осуществленной по отношению к другим. Нет нужды подробно останавливаться на обсуждении эффективности разделяемой истории. Бесспорно, что даже преодоление конфликта интерпретаций событий давней и недавней истории и достижение согласия среди историков вряд ли явится определяющим условием преодоления социально-экономических, политических и культурных конфликтов и противоречий. Это прекрасно понимает цитируемый нами автор. Но, тем не менее, свой вклад в разрешение существующих проблем разделяемая история может внести, особенно если мы отталкиваемся от представленных выше утверждений о характере формирования памяти современного человека. Поэтому сосредоточимся на тех внутренних трудностях, которые могут быть связаны с реализацией данного проекта.

Тот же Бевернейдж намечает ряд стратегий в реализации этого проекта. С некоторой долей упрощения их можно свести к такой альтернативе: с одной стороны, убеждение в том, что опора на научно доказанные факты и соответственно на создание нарратива, нацеленного на получение истины, позволит преодолеть субъективность различных версий прошлого, представленных оппозиционными сторонами; с другой стороны, ориентация на мультиперспективность, предполагающая равноправие и легитимность нарративов, предложенных различными сторонами конфликта [5, p. 75-76].

Начнем с утверждения, что представленные альтернативы, которые автор называет позитивистской и постмодернистской, можно охарактеризовать как две стороны одной медали. С одной стороны, это вера в неустранимую истинность фактов, с другой стороны – вера в равноправие интерпретаций. Так или иначе они разделяют одну и ту же версию познания, которая явно или неявно предполагает иерархию относительно независимых друг от друга исследовательских процедур: сначала ищутся факты, а потом они подвергаются интерпретации. Но уже со времен Коллингвуда известно, что исторический источник сам по себе фактом не является. Факт становится следствием совокупности исследовательских процедур, включающих в себя гипотезу той или иной степени общности и отрефлексированности, ее направленность на интерпретацию более или менее обширного круга источников и т.д. С точки зрения такого подхода любое знание является интерпретацией, а факт – следствием конвенций сообщества по поводу предпочтительности той или иной интерпретации. Понятно, что никаких аналогов с работой памяти такая структура познания не имеет. Добавим при этом, что тезис о возможности многообразия интерпретаций одних и тех же фактов стоит рассматривать как наследие того же позитивистского подхода к познанию.

Тогда резонно предположить, что диалог интерпретаций в сфере исследовательской деятельности трудно представим. Не очень понятно, что может быть основанием для него. Если такое основание находится за пределами правил и норм, принятых в профессиональном сообществе, то оно вне компетенции исследователей. Если внутри, то должно считаться со всеми теми процедурами аргументации, что приняты в сообществе. Тогда поле совместного обсуждения может измениться. Речь должна идти о терпимости к многообразию и разнообразию вводимых в оборот источников и к принятию гипотезы, способной их непротиворечиво связать. Навер-

ное, это и есть диалог как форма современного стремления к истине, которое работает, если, конечно, налицо есть воля к ней. С этой точки зрения, мультиперспективность версий следует считать не финалом, а началом диалога как в сфере познания, так и за ее пределами. Резонно, что первоначально нужно выслушать мнение друг друга, чтобы выявить, так сказать, реальные болевые точки.

Бевернейдж справедливо пишет о политическом значении или подтексте таких проектов исторического примирения [5, р. 71-73]. Он отмечает, что оно может быть весьма различным: от требования справедливости до «моральной победы». Эти тонкости важны для выработки путей, форм и особенностей осуществления исторического диалога. Но существенный момент заключается также в необходимости учитывать социально-культурный и политический контекст формирования и функционирования существующих нарративов. Автор недаром отмечает, что на этом пути следует учитывать различие между интерпретациями и манипуляциями для тех или иных идеологических и политических целей. Грань между ними достаточно тонка, поскольку искреннее убеждение в весомости той или иной интерпретации может сделать ее весьма удобной для негативной инструментализации.

Помимо многообразия внешних факторов, влияющих на этот процесс, обратим внимание на фактор, связанный с взаимодействием знаний и ценностей. Бевернейдж правомерно указывает на одну особенность исторических нарративов, а именно (в его терминологии) частую подмену истины аутентичностью [5, р. 83]. Иначе говоря, зачастую исторические нарративы фактически оказываются нарративами о собственной идентичности, которые соответствующим образом сортируют, организуют и интерпретируют совокупность свидетельств. Понятно, что поданная таким образом история обычно носит линейный, непрерывный, последовательно-ступенчатый характер, где прошлое подготавливает настоящее и плавно перетекает в него. Неважно, повествует ли она о лишениях или победах, важно, что персонажи прошлого предстают предками, а наши современники – потомками, берущими на себя ответственность за деяния предков. Проблема в том, что авторы исторических нарративов могут об этом забывать и полагать, что они оперируют «объективными» фактами. Поэтому первоочередной задачей в реализации исторического диалога и исторического примирения должно стать повышение рефлексивности по поводу скрытых контекстов формирования собственных историй. Это то, что

Даниэль Леви назвал «самосознающими нарративами». Очевидно, если нарративный формат конституирован задачей обоснования идентичности, то создание разделяемой истории обречено на провал еще до своего начала.

Нет нужды ломиться в открытую дверь, настаивая на невозможности создания истории, свободной от ценностей. Как отмечал Франклин Анкерсмит, политические и моральные ценности, напротив, часто являются тем путем, на котором историческая истина может себя выразить [4, р. 4-5]. Но от некоторых форм связи истории и ценностей освободиться стоит. Если мы полагаем, что история (или истории) есть нечто, что завершилось, или есть серия (серии) завершений, то резонно предположить, что не она (они) уже определяет нас. Поэтому одна из задач историка как раз и заключается в его способности освободить нас от власти тех или иных вещей, показав, что они уже являются (стали) прошлым. Хотя нет надобности отрицать, что иногда необходима и обратная процедура.

Что подразумевает тезис о превращении в историю? Прежде всего, что стремление использовать историю для обоснования тех или иных аспектов современности, оправдания тех или иных притязаний, определения собственной идентичности всегда проблематично тем, что стирает грань между знанием и мифом. Такой путь губителен как для истории, так и для современности. Алейда Ассман отмечает, что политика раскаяния зачастую трактуется как необходимость взять на себя ответственность и за темные страницы прошлого [1, с. 133]. Бесспорно, что отношение между агентом действия и ответственностью за действие не является эквивалентным и симметричным. Ответственность за исправление последствий могут брать на себя и те, кто соответствующее действие не совершал. Но представляется, что в случае отношения к истории подход может (и даже должен) быть другим. Резонно утверждать, что нет необходимости брать на себя ответственность за историческое прошлое само по себе, просто потому что такой путь грешит его натуралистическим пониманием или верой в «реальность» именно такого прошлого. Но мы можем и должны взять на себя ответственность за знание о прошлом, и именно это знание должно быть разделяемым членами сообщества.

Ответственность за такое знание, с одной стороны, включает в себя ответственность за другого, которая проявляется в праве предоставить голос тем, кто по разным причинам не мог быть ус-

лышан в прошлом. Но задача такой ответственности не только в том, чтобы эксплицировать как можно больше голосов для воздания справедливости. Задача скорее в том, чтобы создать (или принять в случае памяти) рамку, обеспечивающую условие для слышимости актуальных и потенциальных голосов и трактовки смысла истории как ограничения насилия по отношению к ним. При чем следует отметить, что такая ответственность носит не только (и даже не столько) моральный, но и эпистемологический характер. На традиционном языке это можно было бы назвать стремлением к истине. Но, с другой стороны, ответственность за знание включает в себя способность освободиться от давления определенных форматов идентичности. Йорн Рюзен в свое время отметил, что «никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» [7, р. 128]. Но если мы понимаем, что ничем не обязаны «самой» истории и она ничем не обязана нам (когда полагаем, что прошлое существует для нас только в формах знания о нем), то такое понимание облегчает освобождение от форм знания, страдающих перегруженностью мифами, стереотипами, идеологемами и т.д. (вернее, облегчает превращение того, что считалось знанием, в мифы).

Отдельный вопрос, конечно, заключается в определении приемлемых форм идентичности. Но это скорее уже следствие, хотя и одновременно условие продуктивного исторического диалога. Как отмечает Леви, для тех, кто признает разрывы в прошлом, выбор идентичности уже определяется не существующими непрерывностями, а информированными предпочтениями [6, р. 28]. Но в целом резонно предположить, что данный путь формирования ответственности облегчает возможность выработки разделяемых историй.

В финале своих рассуждений Бевернейдж правомерно указывает на необходимость соответствующей философии истории для обеспечения продуктивности разделяемых историй. Иначе говоря, необходим формат трактовки прошлого, который в эпистемологическом плане мог бы непротиворечиво включить в себя разнообразие, многообразие и кажущуюся альтернативность эмпирического материала, а в моральном плане — обеспечить условия для взаимного признания и диалога. Возможно тогда, что единственное, чем история может помочь, так это обеспечить нас опытом (если, конечно, есть воля его понять и принять). Возможно также, что для разделяемых историй такой опыт может быть прочитан весьма определенным образом, о чем и пишет наш автор. В этом плане идеи

Хайдена Уайта об архетипических сюжетных структурах могут получить второе дыхание [5, р. 83]. Речь идет о совместной трактовке конфликтного прошлого как трагедии. Важный аспект трагического прочтения прошлого заключается в способности этого формата вывести мысль за пределы простого однозначного распределения позиций исторических агентов (актеров, персонажей) на правых и неправых. Если обратиться к эпистемологическому аспекту формата опыта и формата трагедии, то резонно утверждать, что они обеспечивают вполне приемлемую рамку для включения в себя самых разнообразных и внешне противоречивых исторических свидетельств. В то же время они обеспечивают связь эпистемологии и этики, ведь формирование памяти не может являться (да и не является) простым заполнением пустой формы суммой фактов.

В финале наших рассуждений стоит оговориться, что выдвигаемые выше положения касаются именно исторического прошлого. Но не всякое прошлое относится к истории. Часть его остается частью настоящего. Встает вопрос: кто проводит такую демаркационную линию? Резонно предположить, что сообщество историков или сообщество интеллектуалов в целом. Но столь же резонно допустить, что к прошлому, остающемуся частью современности, правомерен совсем иной подход.

И наконец, в том, что касается обсуждения путей преодоления конфликтов интерпретаций, конечно, решающее слово остается за практикой. Тот же Бевернейдж справедливо указывает, что сведение причин конфликтов к конфликту различных версий исторического прошлого только отвлекает внимание от других, скорее всего, более существенных причин [5, р. 81]. Но, тем не менее, даже практика нуждается в наличии хороших инструментов для решения задач. Поэтому продуктивные пути обсуждения дискуссий в области исторических представлений способно внести свой вклад в этот процесс.

Библиографический список

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

2. Васина В.В., Овчинников А.В. Проблема исторической травмы: этнического сознания (постановка проблемы) // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Казань, 22–23 ноября 2019 г. / Отв. ред.

А.В. Овчинников. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. С. 341-347.

3. Головашина О.Г. Между достоверностью и идентичностью: преподавание истории антоновщины в тамбовских школах // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. Вып. 2 / Под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 104-117.

4. Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // The Ethics of History / Ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P.3-26.

5. Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History' // The Ethos of History. Time and Responsibility / Ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. P.71-93.

6. Levy D. Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures // Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society / Ed. by Y. Gutman, A.D. Brown, A. Sodaro. Palgrave Macmillan, 2010. P.15-30.

7. Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43. № 4. P. 118-129.

УДК 930.1

Л.С. Тимофеева, Н.А. Федорова*

РЕАЛИИ ИСПОЛНЕНИЯ ИСТОРИКОМ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА (ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЙ)

В статье рассматривается актуальная проблема реализации социального заказа в современных условиях коммерциализации истории. На основе собственного опыта написания историй промышленных предприятий, приуроченных к юбилейным датам, авторы выявляют острые вопросы взаимоотношений заказчиков издания и профессиональных историков.

Ключевые слова: история; социальный заказ; промышленность; информация.

* © Тимофеева Людмила Сергеевна (lyutim77@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Фёдорова Наталья Анатольевна (nfyodoro@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент.

Сегодня специалисты в сфере самых разных, а не только гуманитарных наук, довольно часто обращаются к понятию «социальный заказ», что приводит к весьма широкому толкованию данного термина. В самом общем смысле под социальным заказом понимается выполнение определенной интеллектуальной работы в рамках идеологии официальной политики [3, с. 312]. Социальный заказ может структурироваться на трех уровнях. Первый уровень составляет государственный заказ (определение требований со стороны государства к организациям, учреждениям в соответствии с запросами и интересами общества, регламентированное в соответствующих документах). Второй уровень – заказ со стороны организаций и учреждений (выражает потребность в определенных видах продукции или услуг данного учреждения). Третий уровень формирует личностный заказ (конкретная общественная потребность личности в определенном виде продукции или услуг, актуальная для общества в целом или для определенной его части) [2, с. 244].

При этом надо помнить, что социальный заказ выступает в двух формах. Он может быть выражен в виде олозунгах, призывах и декларируемых ценностях, а может – в виде предлагаемой системы реальных, фактических действий. От того, как сформулирован социальный заказ, зависит быстрота, точность и полнота его выполнения.

В публикациях, посвященных проблемам современной науки, высказана идея о существовании трех видов социального заказа на исследовательскую деятельность – статусного, инновационного и военного [1]. В любое время и в любом обществе все три вида сосуществуют одновременно. Разница между ними – в конечной цели. В первом случае государство и общество заинтересованы в укреплении авторитета и прославлении достижений системы как в собственных глазах, так и перед широкой аудиторией. Второй вид социального заказа направлен на получение новых знаний, технологий, материалов и пр. Выбор направления исследований при этом определяется конкретными задачами и направлениями внутренней и внешней политики государства или властных структур. Третий, думается, в пояснении не нуждается. И вполне закономерно, что чаще всего представители исторической науки имеют дело со статусным социальным заказом.

Ставшая расхожей фраза о том, что историю пишут победители, приобретает особый смысл, когда речь идет о заказе на историче-

ское исследование, особенно если данная работа выполняется на коммерческой основе.

Мы ведем речь не о глобальной проблеме интереса общества и государства к своей истории, а о социальном заказе второго уровня, когда в роли «Заказчика» может выступать администрация того или иного учреждения, предприятия или административно-территориальной единицы. В последние годы стало модно выпускать книги (подчас даже красочные альбомы) к юбилейным датам. Вот тогда и складываются отношения «Заказчик» — «Исполнитель», в роли которого выступает профессиональный (а иногда и не очень) историк. Авторы на собственном опыте соприкоснулись с этой ситуацией и представляют вниманию читателей анализ специфики требований заказчика и возникающей при этом системы взаимоотношений.

Понятно, что конечная цель издания — прославить труд и подвиг причастных к конкретному объекту людей, но... При подготовке книги сразу возникает несколько достаточно сложных, острых вопросов.

Первый — сбор материала, поиск и подбор источников. Если документы советского периода можно найти в архивных фондах, то период «перестройки» и 1990-х годов с их нестабильностью и неопределенностью надо восстанавливать по рассказам и воспоминаниям, брать интервью, просить помощи у сотрудников отдела кадров предприятия, где находится текущий архив. Надо отметить, что сохранность письменных источников этого периода оставляет желать лучшего.

Уже на этом этапе «Заказчик» начинает вмешиваться в работу историка и предоставляет ему тех людей и ту информацию, которая вписывается в концепцию «У нас все хорошо». Включается административный ресурс для ограничения, отсеивания или прямого недопущения историка к информационным источникам.

Второй вопрос возникает в процессе общения с «героями» будущей книги. Рассказывая факты, эпизоды, случаи из жизни, они, как правило, просят не использовать их в будущей книге. Одни факты им кажутся мелкими и незначительными, другие бросают тень на коллег, третьи — вообще секретные. Часто мы сталкиваемся с такой фразой: «Да, что об этом писать? Всем тяжело было...». В этом проявляется свойственное рядовым читателям непонимание, что из этих мелких и незначительных, но конкретных, отра-

жающих время фактов и формируется история, а непосредственные устные рассказы могут оживить и украсить повествование.

Третья проблема – обсуждение предложенного «Исполнителем» текста. Здесь «всплывают» внутренние противоречия и разногласия, имеющие место в любом трудовом коллективе. У каждого имеется свой собственный, «единственно правильный» взгляд на события недавней истории. «Заказчик», как правило, хочет, чтобы изложение шло поступательно «от победы к победе», не понимая, что победа возможна только через преодоление трудностей и препятствий на пути. Кроме того, события 1990-х гг. были связаны с коренными изменениями формы собственности, дроблением предприятий, выделением из них новых субъектов. Эти процессы происходили крайне болезненно. Как следствие, со стороны «Заказчика» поступают настойчивые указания, что не следует упоминать те или иные события или личности.

На этом же этапе возникает вопрос о включении в текст общеисторического материала. Порой очень трудно объяснить представителям «Заказчика», что на работе данного конкретного предприятия не могла не отразиться ситуация в стране, реформы, смена власти в центре и на местах, подчас международная обстановка. «Заказчик» недоумевает: «Зачем об этом писать, это же не у нас на заводе (фабрике, в институте, в селе...) было?» Самое неприятное случается, если ответственный за книгу со стороны «Заказчика» не знает не только истории вообще, но даже истории своей отрасли. Поскольку ответственных, как правило, бывает несколько, ситуация дополнительно осложняется: у каждого из них свой взгляд и свои требования, часто диаметрально противоположные.

Тесно связан с этим и вопрос о том, как представлять систему управления предприятием. В советское время неотделимыми и весьма важными частями этой системы были общественные организации – партийная, комсомольская и профсоюзная. Если последняя и сейчас присутствует в жизни трудового коллектива, то деятельность партии и комсомола ушли в прошлое. Отсюда непонимание новым поколением их роли и степени влияния на процессы производства. У представителей старшего поколения наблюдается двойственное отношение. Одни требуют априори подчеркивания значимости этих организаций. Другие полагают, что не следует об этом писать вообще, по принципу «как бы чего не вышло». Мнение историков о необходимости объективного показа реалий того или иного исторического периода порой не встречает понимания.

Но ведь, с одной стороны, без показа деятельности партии и комсомола нельзя нарисовать объективную картину функционирования предприятия и его коллектива. С другой стороны, среди представителей этих организаций были яркие личности, игравшие важную роль в развитии предприятия или отрасли. Без рассказа о них история будет неполной.

Еще одной проблемой является разное понимание того, что, собственно, является историей предприятия. В понимании представителей предприятия, технократов, это описание технических особенностей производства, процесса разработки той или иной продукции, а также технических характеристик производимой продукции. А поскольку опыт авторов связан с предприятиями оборонного комплекса, то это дополнялось требованиями соблюдения режима секретности. Таким образом возникали серьезные, порой неразрешимые противоречия.

Личный опыт авторов, участвовавших в подготовке и выпуске семи юбилейных изданий, посвященных истории предприятий, расположенных в Республике Татарстан, позволяет сделать ряд выводов.

Конечный итог работы зависит от нескольких факторов. Прежде всего, от возможности историков познакомиться с максимально полной информацией и таким образом представить объективную историю предприятия в контексте развития отрасли и страны, то есть от доступности информационной среды. Без понимания этого обеими сторонами – «Заказчиком» и «Исполнителем» – конечный продукт не будет иметь научного значения, несмотря на попытки «Исполнителя» загрузить текст «научоемкими» терминами, иностранными заимствованиями и количественными характеристиками производимой на предприятии продукции.

Далее, это профессионализм сторон. Под профессионализмом в данном случае понимается высокий уровень общего образования и кругозор, позволяющий сторонам понять позиции друг друга и взглянуть на проблему в целом.

Наконец, успех работы зависит от дипломатических способностей сторон, включая редакторов издания, и умения договариваться. Возможность достичь консенсуса обеспечивает, в конечном итоге, успешное создание объективной истории предприятия, в которой будут отражены победы и поражения, самоотверженный труд людей и их повседневная жизнь в контексте истории страны и народа.

Библиографический список

1. Коньшев В., Леонов А. Наука при новом феодализме // Новая газета. 2014. 14 февраля // URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/02/14/58354-nauka-pri-novom-feodalizme>
2. Лекомцева Е.Н., Суханова Ю.В. Опыт изучения социального заказа на дополнительное образование детей // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 244-248.
3. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2008. 480 с.

УДК 93/94

В.Ю. Быстрыков*

ИСТОРИЯ КАК РЕСУРС ИДЕОЛОГИИ (ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ П.Н. САВИЦКОГО)

Евразийство – идейное и общественно-политическое течение первой волны эмиграции, возникшее в начале 20-х гг. XX века. Катастрофические события начала XX века, распад Российской империи, приход к власти большевиков заставили его представителей по-новому взглянуть на всю историю страны. Интеллектуальная генеалогия Евразии имеет свои закономерности развития. Каждый из евразийцев подошел к созданию нового континента со своим запасом идей, которые формировались еще до революции, то есть в рамках русской академической традиции, которая до 1917 г., несомненно, развивалась в русле европейской науки. В статье прослеживается преемственность взглядов лидера евразийства П.Н. Савицкого относительно ключевого для движения концепта – России-Евразии.

Ключевые слова: русская эмиграция; евразийское движение; П.Н. Савицкий; евразийская цивилизация; Российская империя; Россия-Евразия.

* © *Быстрыков Владимир Юрьевич* (bystrykov@pgsga.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Для представителей евразийского движения концепт «Евразия» являлся ключевым и системообразующим понятием. В своих работах евразийцы исходили из реальности нового, открытого ими континента. Это предполагало определенную логику объяснения как исторических фактов, так и политических событий.

Евразия представляла собой особый культурный мир, внутренне единый в бесконечном многообразии проявлений, своеобразную «культуро-личность» [1, с. 43]. Этот термин вошел во все манифесты движения: «Евразийство (опыт систематического изложения)» [1], «Евразийство (Формулировка 1927 г.)» [2] и «Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы» [3]. В последнем указывалось, что географические особенности, особое мироощущение, особенности наречий языкового союза (здесь сказалось влияние работ Р.О. Якобсона) народов России-Евразии являются признаками своеобразия евразийской культуры [3, с. 30]. Народы и люди, проживающие в Евразии, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии [2, с. 3]. Подобный набор цитат можно привести из работ всех основных евразийских авторов. Каждый из них должен был исходить из предсозданности Евразии. Таким образом, «объект реально предшествует его изучению, и исследователю остается только подтверждать существование этой гармоничной целостности поиском соответствий» [9, с. 27]. Так или иначе, все евразийские работы были посвящены доказательству реальности Евразии и раскрытию ее свойств, новый континент присутствовал во всех их работах, иначе они не были бы «евразийскими».

Попробуем определить то понимание, которое вкладывал П.Н. Савицкий в концепт «Евразия», и понять, как он влиял на его историческую концепцию, на объяснение событий русской истории. Отметим, что именно он выдвинул этот термин в своей рецензии на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество» [7]. Для начала необходимо определить прообраз России-Евразии, тот интеллектуальный и личный опыт, с которым П.Н. Савицкий подошел к ее созданию. Если мы будем вести линию от его дореволюционных к евразийским работам, мы будем сопоставлять две модели – Российской империи, как она была представлена в текстах 1915-1916 гг., и России-Евразии.

В работе «Борьба за империю. Империализм в политике и экономике» была обозначена модель России как империи [4; 5].

П.Н. Савицкий указывал, что внутренняя структура империи — это отношения между составляющими ее нациями. При построении модели империализма он отталкивался от другой модели — «национальной цельности», которая, как и образуемое из нее «империалистическое единство», существует в трех формах: культурном, политическом и хозяйственном. Национальная цельность — это некий прообраз империи, такой же законченный в своих проявлениях, — экономике, политике, культуре, — но отличающийся от нее количественно. Категория границы имеет здесь инструментальное значение — как территория проживания людей, принадлежащих к одной нации. Она легко преодолевается, если из «национальной цельности» начинает строиться «империалистическая», причем принадлежность народов к Европе или Азии критического значения в этом процессе не имеет. Империя — законченное многонациональное образование, характеризующееся наличием внутренних политических, хозяйственных и культурных связей. В случае, если империалистическое образование основано на одностороннем объединении нескольких наций (то есть либо политическом, либо экономическом, либо культурном), оно приобретает нестабильный характер и является переходной ступенью. В этих построениях анализируется опыт европейских империй Нового времени — английской, французской, германской, русской.

В истории становления империи были обозначены два главных процесса: выработка империализующей нации и образование самой империи. В случае России первый процесс состоялся благодаря слиянию Москвы и Украины в XVII в.: «Московия была способна стать творцом “империи”, только восприняв от Украины дух живой культуры» [5, с. 69]. Второй процесс начался в конце XVIII в. в эпоху завоевания Крыма и присоединения Грузии, то есть, по мнению П.Н. Савицкого, здесь проходила граница, перешагнув которую, Россия стала империей. Россия воплощала собой «континентально-политический» тип империализма, который может привести к созданию грандиозных органических цельностей, сверхнациональных культур, таких как эллинистическая. «Но в силу невыработанности многих отраслей русской культуры, например, культуры политической, Россия еще надолго обречена ограничивать круг своих империалистических достижений овладением проливами — гарантией своего экономического существования — и вовлечением в сферу своего влияния грузин, армян, персов, сартов да, пожалуй, монголов» [5, с. 76-77].

В целом Российская империя развивалась по тем же правилам, как и другие империи, в первую очередь европейские. Процесс создания органической цельности — это процесс «империализации» великой нацией окрестных народов экономически, политически и культурно. Это понятие негеографично по своему смыслу, поскольку «империализация» не должна останавливаться в своих «естественных границах»; Савицкий говорил, что предельными «империалистическими заданиями для России является образование органического империалистического единства из всех народов и земель старой культуры от Константинополя через Дели до Пекина» [5, с. 76]. П.Н. Савицкий отмечал, что Польша может быть так же «империализующим» ядром по отношению к Украине, как и Россия. Это говорит об открытости границ Российской империи и российского общества западным странам и культуре.

Отметим, что некоторые моменты в дореволюционных и евразийских работах П.Н. Савицкого имели только внешнее сходство. Например, высказанное им мнение — «возможно, например, что лишь татарское владычество могло привести северную Русь к национальному объединению — и тем создать фундамент Русской империи» [4, с. 58], — соседствует с мыслью, что «континентально-политические» империи Тамерлана и Чингисхана чужды империализма в «нашем понимании этого слова» [5, с. 76]. П.Н. Савицкий сформулировал гипотезу относительно влияния монголов на объединение Руси, но его отношение к империи Чингисхана было однозначно отрицательным. Оно и не могло быть другим, так как эта империя, по мнению П.Н. Савицкого, не представляла из себя настоящей «империалистической цельности», поскольку объединяла народы лишь военной силой и была ниже их по культурному уровню. Позже, когда П.Н. Савицкий пришел к концепции «России-Евразии» и обратился к культуре кочевников, империя Чингисхана для него наполнилась смыслом и значением. А пока в его схеме «Московия выработала сильную и крепкую государственность; но, окаменев в рамках своего сословного расслоения, она не имела живой действенной культуры» [5, с. 68].

Таким образом, дореволюционные работы П.Н. Савицкого были написаны в академическом стиле и отражали определенный уровень русской науки начала XX в., безусловно, развивавшейся в русле европейских парадигм. Проблема империализма рассматривалась им с позиции общечеловеческой цивилизации и европоцентристского подхода. Революция 1917 г. стала переломной эпохой не толь-

ко между двумя группами текстов, но и между двумя смыслами концепта «Евразия». В послереволюционных работах П.Н. Савицкого империя европейского типа выросла в особый культурно-исторический мир с гораздо более замкнутыми границами. Историософское осмысление событий русской революции 1917 г. было краеугольным камнем евразийской концепции в целом.

Логика отрыва от Европы диктовала необходимость поиска иных цивилизационных примеров для России. Монгольский этап приобрел положительный смысл не только в силу уникальности его роли в истории страны, но и в силу того, что монголы смогли решить задачу государственного объединения Евразии. Держава Чингисхана, в ранних работах П.Н. Савицкого характеризовавшаяся как тупиковая ветвь эволюции и нестабильная империя, в евразийстве стала системообразующей. Эту роль обусловило нахождение империи Чингисхана и России в одном месторазвитии. Единство Евразии стало легитимирующим признаком для политических режимов.

Россия обращена на Восток, указывал П.Н.Савицкий в дореволюционных работах. Направленность его работ в 20-е гг. действительно сместилась на восток. Теперь большое значение для него имело не объединение «великоросской» и «малоросской» «первоначий», а государственное объединение русских княжеств и Золотой Орды. Модель империи в дореволюционных работах представляла собой вариант обобщения исторического пути России последних нескольких веков. Россия-Евразия была реальным объектом, проживание на территории которого диктовало определенные правила. Появление империи стало возможным благодаря воссоединению с Украиной и закреплением на берегах Черного моря и в Закавказье. Это была логика расширения европейских империй, и Россия была одной из них, отличаясь только методами и средствами. После революции культурно-историческая традиция уступила место геополитической. Месторазвитие стало определяющим моментом истории, опыт населяющих его народов – ключевым для «соседей». Крым, где, по словам П.Н. Савицкого, помимо Московского царства, государственная традиция Золотой Орды возродилась наиболее ярко [6, с. 291], просто обречен быть евразийским. Его присоединение никак не может быть главным процессом при создании евразийской империи.

Зависимость исторического процесса от месторазвития выражалась в том, что до революции «краеугольным камнем» империи

было объединение народов. Евразия ждала своих объединителей. Идеология движения диктовала свое понимание смысла истории. Присоединение Крыма – начало империи, вхождение миллионов квадратных километров в состав России – объединение Евразии. Одни и те же события на одном и том же пространстве по-разному оценивались в дореволюционных и евразийских работах П.Н. Савицкого. Фокус мысли сместился в сторону предопределенности. Империя – государственно-политический конструкт. Евразия – продукт идеологии. У империи есть «империализующие» нации в составе, у Евразии – месторазвитие.

Таким образом, евразийцы исходили из безусловного факта существования нового континента. Структуры Евразии, в первую очередь географические, влияли на экономику, культуру, политический режим, диктовали логику объяснения исторических фактов.

Отталкивание от Европы – это квинтэссенция евразийства. Два века западного влияния привели к революции 1917 г. – этот посыл проходит красной нитью через большинство их работ. Однако это не мешало П.Н. Савицкому утверждать, что в 1937 г. СССР живет старой русской культурой XIX в. и поэтому составляет единое целое с эмиграцией. Требования момента иногда отодвигали идеологические установки.

В работе «Россия и латинство» П.Н. Савицкий писал, что большевизм и латинство, Интернационал и Ватикан в эмпирическом и историческом отношении – соратники и союзники [8, с. 11]. Образ Европы, чуждый, а иногда и враждебный, при ближайшем рассмотрении оказывался размытым и нечетким. В работах П.Н. Савицкого очень мало говорится об особенностях европейской цивилизации: высказывание о том, что «русскость оказалась несовместимой с латинством, а латинство, в свою очередь, оказалось несовместимым с осуществлением объединительной роли в пределах евразийского мира» [6, с. 294] и о возможности заимствования европейской техники [7, с. 145] – вот в принципе и все мысли относительно европейской культуры, чье влияние П.Н. Савицкий так страстно обличал. Европа нужна евразийцам в качестве «другого Я». Не будь ее, нечего было бы сочетать с азиатскими элементами и творчески перерабатывать в евразийскую культуру. Антиевропеизм носил идеологический характер, как и концепт «Евразия», он предшествовал анализу исторического процесса, а не вытекал из него.

Революция 1917 г. стала причиной появления евразийства и модели «России-Евразии», переосмысления роли России в мире. Од-

нако в рамках самой модели она не обладала столь катастрофичным смыслом, как в действительности. Революция в принципе приобретала положительное значение, расчищая дорогу в «евразийское будущее». Таким образом, евразийская мысль последовательно парадоксальна. Европейское влияние привело к революции, которая наконец то высвободила Евразию из-под «романо-германского ига». Евразия, возникшая благодаря революции 1917 г., ее значение дезавуировала. Предопределенность и системность исторического развития в трудах евразийцев не оставляла альтернативы будущему Евразии. В этом смысле любое историческое событие, в том числе и революция, было всего лишь этапом на пути ее самораскрытия. Разрыв эпохи породил новую цивилизацию-реальность, в рамках которой он стал эпизодом.

Концепт «Евразия» имел ключевой характер для всей концепции евразийства и взглядов его отдельных представителей. Реальность существования нового континента детерминировала тексты евразийцев, заставляла искать систему во множестве признаков, а в самой системе видеть упорядоченность, которая не могла быть связана ни с чем иным, как с новым континентом. Антиевропеизм являлся главным идеологическим вектором, поскольку давал шанс на новое развитие Евразии, на обретение смысла самой жизни и деятельности русских эмигрантов. Однако отталкивание от Европы было невозможно без самой Европы. В «неидеологических» текстах у П.Н. Савицкого влияние концепта «Евразия» прослеживается не столь четко и определенно, как в программных документах.

Таким образом, евразийцы, писавшие об особом культурном мире и русской науке, творили в русле традиции, неразрывно связанной с европейской, в рамках современного им политического европейского спектра, поисков европейских интеллектуалов. Это противоречие отражало место евразийства в русской историко-философской мысли. С одной стороны, оно было итогом развития национальной школы, с другой – активным участником современных европейских и мировых споров и дискуссий.

Библиографический список

1. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 13-78.
2. Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Париж. Вып. 9. 1927. С. 3-14.
3. Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1932. 30 с.

4. Савицкий П.Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. 1915. № 1. С. 51-77.

5. Савицкий П.Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. 1915. № 2. С. 56-77.

6. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. С.285-310.

7. Савицкий П.Н. Европа и Евразия // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 141-160.

8. Савицкий П.Н. Россия и Латинство // Россия и латинство. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 9-15.

9. Серию П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. 354 с.

УДК 94(470+571)

Е.Д. Макеева*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается место проблемы взаимоотношений человека и природы в исторических исследованиях прошлого и современности, анализируются истоки и предпосылки зарождения новой отрасли российской исторической науки – экологической истории, современный уровень ее развития и перспективы.

Ключевые слова: экологическая проблематика; исторические исследования; человек и природа; экологическая история; междисциплинарный подход.

Среди глобальных проблем современности в настоящее время особое место занимают экологические проблемы. Они имеют сложный многоаспектный характер, представляют серьезную опасность для общества, их причины имеют глубокие исторические корни, а последствия несут в себе потенциальную угрозу для будущих по-

* © Макеева Екатерина Дмитриевна (makeeva.ed@mail.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры физики, математики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

колений. Поэтому экологическая проблематика не теряет актуальности у исследователей уже несколько десятилетий. Напротив, интерес к ней растет, особенно со стороны специалистов по общественным и гуманитарным наукам: философов, политологов, социологов, экономистов и историков.

Историки подключились к изучению проблемы взаимоотношений человека и природы в 1970-х гг., в результате зародилась новая научная отрасль – экологическая история, активно развивающаяся в настоящее время в тесной взаимосвязи с другими науками. Она занимается изучением процессов, происходивших в системе «человек – общество – природа» в различные исторические эпохи, а ее ключевыми особенностями являются: эффективное применение в историческом познании междисциплинарного подхода; опора на методы как гуманитарных, так и естественных наук; использование в качестве источников и элементов историографии различных неисторических ресурсов, в частности, исследований ученых естественнонаучных специальностей; нацеленность на поиск системного решения экологических проблем.

Точное время появления в России экологической истории как научного направления определить достаточно сложно. Проблема соотношения природного и культурного в развитии Российского государства в отечественной исторической науке начала анализироваться еще в XIX в. В трудах ряда ученых подчеркивалась важная роль природно-климатических факторов в истории России и связь человека с природой. Так, С.М. Соловьев писал, что природа страны имеет важное значение для ее истории, поскольку она оказывает влияние на народный характер: «Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. ...Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным» [20, с. 73]. Историк В.О. Ключевский утверждал, что человек «по минутно и попеременно то приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не

хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям» [8, с. 62].

В советскую эпоху, в условиях господства формационного подхода в исторических исследованиях, в качестве основных детерминант развития общества рассматривались способ производства и классовая борьба. Природные же факторы воспринимались историками как «внешние», не играющие значимой роли, либо просто игнорировались. Единственно верным считалось представление, что в условиях социализма как наиболее прогрессивной формы устройства человеческого общества невозможно существование никаких сложных и опасных проблем эпохи НТР, в том числе и экологических. Их наличие в СССР отрицалось или замалчивалось, либо существенно преуменьшались их масштаб и последствия. Вплоть до конца 1980-х гг. в советской научной литературе, публицистике и прессе экологический кризис рассматривался исключительно как атрибут капиталистического мира. Историк и политический деятель, советник М.С. Горбачева В.В. Загладин в 1988 г. отметил, что «в целом мы серьезно запоздали не только с анализом экологической проблемы в условиях социализма, но, как ни странно звучит, даже с констатацией факта ее существования» [5, с. 5].

Между тем с конца 1950-х гг. экологическая обстановка в стране неуклонно ухудшалась. Это обусловило появление природоохранного направления сначала в художественной литературе, а затем в научных исследованиях. Первоначально исторические сведения выступали лишь в качестве своеобразного дополнения к основному материалу в трудах биологов, географов, экологов, охотоведов, экономистов, медиков, посвященных вопросам охраны природы. Затем, в 1970-х гг., появились работы историков, в которых, как правило, рассматривалась руководящая роль КПСС в сфере охраны окружающей среды и природопользования [1; 10; 12; 15]. Во второй половине 1980-х гг., когда кризис марксистской методологии познания позволил отойти от идеологических догм и стереотипов, тематика исследований значительно расширилась. Появились исторические труды, где анализировались причины возникновения экологического кризиса, история экологической политики и природоохранного законодательства советского государства, участие общественности в решении проблем охраны природы и др. Это было связано, во-первых, с открытием доступа к закрытым

ранее источникам: архивным документам и статистическим данным; во-вторых, с изданием государственных докладов о состоянии окружающей среды в СССР [21]; и, в-третьих, с публикацией в периодической печати материалов об экологической обстановке в регионах и ее влиянии на здоровье населения. Общество наконец осознало реальность угрозы, возникающей вследствие углубления экологических проблем, что и обусловило значительный рост интереса научных кругов к проблеме взаимоотношений общества и природы.

В 1990-х гг. экологическая проблематика становится предметом исторических исследований значительно чаще. Появилась новая тема для обсуждения: история общественного экологического движения, деятельность которого значительно активизировалась на рубеже 1980-1990-х гг. Однако речь еще не шла о формировании в России специальной отрасли исторической науки. Между тем такая отрасль, получившая название экологической истории, уже развивалась на Западе: в 1977 г. открылось Американское общество экологической истории, в 1999 г. — Европейское общество экологической истории, в 1995 г. начал издаваться международный журнал «Environment and History». На международных конгрессах историков организовывались тематические секции, а в ведущих университетах мира преподавались курсы экологической истории. Таким образом, за рубежом постепенно происходила институционализация новой научной дисциплины, ее существование стало признаваться обществом [11, с. 8]. Американский ученый Дж. Р. Мак-Нилл отметил, что «экологическая история... росла в течение последних двадцати пяти лет как сорняк, и теперь уже разрослась так, что ни один смертный не может за нею угнаться. Она... сделалась одним из самых живых жанров в исторической науке» [9, с. 82].

Определенную роль в появлении и росте популярности данной отрасли на Западе сыграла активная деятельность «зеленых», которые имели немалый политический вес и серьезную поддержку в обществе, а также исследования Римского клуба, получившие широкую известность во всем мире в 1970-х гг. Основатель и первый президент клуба, итальянский ученый А. Печчеи еще в 1977 г. предупреждал мировое сообщество о возможной катастрофе: «Нарушая экологическое равновесие и непоправимо сокращая жизнеобеспечивающую емкость планеты, человек может, в конце концов, сам расправиться со своим собственным видом не хуже лобой атомной бомбы» [13, с. 36-37]. В нашей стране экологическое

движение стало серьезной общественной силой только в период перестройки. Тогда же начали обсуждаться доклады Римского клуба и появились исторические труды отечественных авторов, полностью посвященные экологической проблематике [4; 14; 16; 19].

Обратившись к изучению различных аспектов истории взаимоотношений человека и природы, ученые, тем не менее, долгое время оставались в границах широкого предметного поля отечественной истории либо относили свои труды к сфере исторической географии – вспомогательной исторической дисциплины, изучающей географическую составляющую исторического процесса¹. Данный факт отмечен, например, современным историком А.М. Калимулиным: «до последнего десятилетия XX века экологический компонент, присутствовавший в той или иной степени и форме в трудах отечественных историков, проявлялся зачастую крайне неотчетливо, отступая на второй и даже более отдаленный план» [6, с. 93].

Однако с середины 2000-х гг. экологическая история постепенно утверждается как новое научное направление и в нашей стране. Важнейшим ее свойством стала опора на междисциплинарный подход, который сегодня широко распространен в научном познании. По мнению известного исследователя интеллектуальной истории Л.П. Репиной, его использование позволило существенно расширить предмет изучения истории, круг источников и методов исследования. Появилось множество новых «гибридных» субдисциплин (историческая демография, этноистория, историческая антропология, историческая социология, историческая экология и др.), значительно усложнилась структура исторической науки [18, с. 8]. В условиях «антропологического поворота», произошедшего в конце XX в., изучение человека в обществе должно обеспечить конвергенцию различных общественных наук, а сама история стала рассматриваться как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство [17, с. 37].

Важная роль междисциплинарности в развитии современной исторической науки отмечается и в концепции развития гуманитарных и общественных наук, недавно разработанной в Институте истории РАН: «В последнее время в самой академической среде

¹ Группа исторической географии была образована в Институте истории АН СССР в 1962 г., ее первым руководителем был В.К. Яцунский (1893-1966).

остро ощущается необходимость преодолеть жесткие рамки сложившихся дисциплин... Ставится задача трансдисциплинарности — принципа организации научного знания для решения задач, которые в принципе не могут быть поставлены и решены в дисциплинарных границах». Этот принцип реализуется в том числе и «через поиск интегральной парадигмы, нацеленной на синтез гуманитарного и социального знания с естественно-научным в самом широком диапазоне» [23].

Одним из наиболее ярких примеров такого синтеза и является развитие в России экологической истории — научной отрасли, опирающейся на богатое наследие великих русских ученых, труды которых так или иначе связаны с изучением проблемы взаимоотношений человека и природы (С.М. Соловьева, В.В. Докучаева, В.О. Ключевского, И.П. Бородин, Г.А. Кожевникова, В.И. Вернадского и др.), а также на исследования представителей отечественной школы исторической географии (Н.П. Барсова, Э.Г. Истоминой, А.В. Дулова, В.К. Яцунского и др.).

В настоящее время российская экологическая история находится на этапе становления и имеет относительно слабую институционализацию. Однако за последнее десятилетие в ряде городов страны — Санкт-Петербурге, Саратове, Елабуге, Тамбове, Сургуте, Череповце и др. — уже сформировалось несколько небольших научных центров и коллективов историков, занимающихся экологической проблематикой. Здесь публикуются монографии, защищаются диссертации, проводятся международные и всероссийские научные конференции, по итогам которых издаются сборники статей [24; 26]. Весомый вклад в развитие новой отрасли исторической науки вносит историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), который неоднократно проводил научные конференции, посвященные историко-географическим вопросам и историографии экологической истории [22; 25]. Профессор РГГУ В.И. Дурновцев обозначил основные темы, которые в настоящее время изучаются историками на региональном уровне. В их числе — история природопользования, промыслов и заповедного дела; развитие экологической политики и природоохранного законодательства; исторические истоки экологических проблем; борьба за охрану окружающей среды в прошлом и настоящем [2, с. 17]. Новые перспективы постоянно открываются перед российскими учеными в ходе архивных изысканий. Однако, по мнению В.И. Дурновцева, существенным факто-

ром, тормозящим развитие новой отрасли исторической науки, является то, что большая часть исследований в ее предметном поле самими авторами по-прежнему не причисляется к экологической истории в силу различных причин, в том числе слабой информированности [2, с. 18].

Тем не менее все большее количество молодых и состоявшихся ученых в разных регионах страны находят в экологической истории интересные им темы для изучения, что вселяет надежду на динамичное развитие в России данного научного направления. Важной задачей на пути его признания и утверждения в отечественной исторической науке сегодня является расширение временных и географических рамок исследований, особенно на региональном уровне.

Библиографический список

1. Алимов А.А. Политика КПСС и Советского государства в области природопользования (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Л., 1982. 238 с.

2. Дурновцев В.И. «Environmental history» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 10-19.

3. Дурновцев В.И. На путях к экологической истории России (историографические наблюдения) // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27-29 янв. 2011 г. / Редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2011. С. 45-59.

4. Евланов В.В. Экология и политика: исторические аспекты взаимосвязи экологии и политики (50-80-е гг.): монография. М.: Прометей, 1992. 175 с.

5. Загладин В.В. Экология и социализм // Экология: пути выживания и развития человечества. Позиция ученых. М.: Внешторгиздат, 1988. 67 с.

6. Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. 368 с.

7. Калимуллин А.М., Виноградов А.В. Экологическая история России: этапы становления и перспективные направления исследований // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. №2. С. 140-145.

8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 427 с.

9. МакНилл Дж.Р. О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история / под общей ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лаус. СПб.: Алетейя, 2008. С. 23-83.

10. Малышев А.Ю. Политическое воздействие КПСС на решение экологических проблем: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00. М., 1990. 225 с.

11. Мягков Г.П., Недашковская Н.И. От географического детерминизма к экологической истории: гуманитарии в преддверии нового «поворота» // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков и др. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 436–444.

12. Пантелеева В.Н. Развитие и осуществление КПСС ленинских принципов природопользования, 1971–1980 гг.: на материалах партийных организаций промышленных предприятий Ленинграда и Ленинградской области: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Л., 1987. 211 с.

13. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

14. Пиджаков А.Ю. Экологическая политика СССР, середина 60-х – начало 90-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1996. 462 с.

15. Польской Е.Д. Деятельность КПСС по организации охраны природы (1970–1980 гг.): на материалах Астраханской и Волгоградской областей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Саратов, 1985. 194 с.

16. Рахилин В.К. Общество и живая природа: Краткий очерк истории взаимодействия. М.: Наука, 1989. 213 с.

17. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.

18. Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. 2004. №11. С. 5–17.

19. Соколов В.В. История экологической политики в Российской Федерации (1920–1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1995. 330 с.

20. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.

21. Состояние природной среды в СССР в 1988 году: Доклад / Гос. ком. СССР по охране природы / Исполн. Соколовский В. Г. и др. М.: ВНИИ-ТИ, 1989. 201 с.

22. Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: Материалы XXX международной научной конференции (Москва, 25–26 апр. 2017 г.) / отв. ред. В.И. Дурновцев. М.: РГГУ, 2017. 251 с.

23. Чубарьян А.О., Исэров А.А. Большая история: От Большого взрыва до глобализации. О приоритетах развития гуманитарных и общественных наук в России // Независимая газета. 2018. 11 апреля.

24. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований: Материалы международной научной конференции (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.) / редкол.: Е.Е. Мерзон и др. Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. 383 с.

25. Экологическая история: источниковедческие и историографические проблемы: Материалы XXXI международной научной конференции (Москва, 25–26 апр. 2018 г.). М., 2018.

26. Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Череповец, 5–7 октября 2017 г.). Сб. научн. раб. / Отв. ред. О.Ю. Солодянкина. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. 276 с.

УДК 371:351.81

Е.А. Куцева*

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается современная цифровая образовательная среда в школах и вузах в рамках исторического образования. Показано развитие электронной школы, в частности, РЭШ и ЯКласс, характеризуется методическое сопровождение по предмету «История». На примере отечественных образовательных платформ проанализированы онлайн-курсы по отечественной и всеобщей истории для школьников и студентов.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда; онлайн-курсы; историческое образование; история; электронная школа; онлайн-урок.

Проблемы цифровизации образования и развития цифровой образовательной среды привлекают внимание исследователей. В декабре 2018 г. вышел сборник статей «Перспективы развития цифровой образовательной среды в Российской Федерации» [7]. С.Д. Каракозов является автором ряда статей по тематике цифровизации образования [7; 10]. Вопросы практического применения цифровых технологий на уроках истории рассматривает в своей статье А.А. Балагурова [1]. Цифровизации в высшей школе посвящена статья Н.В. Зуевой [9].

* © Куцева Елена Александровна (eakuceva@mail.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Процесс цифровизации и внедрения интернет-технологий в российское образование начался в 2000-х гг. Еще в 2005 г. в рамках реализации Приоритетного национального проекта «Образование» основными направлениями были стимулирование инноваций в сфере образования, подключение школ к интернету и организация сети национальных университетов и бизнес-школ [15]. С этого времени процесс внедрения цифровых технологий в наше образование вышел на качественно новый уровень. Как в школе, так и в вузе создается электронная образовательная среда, включающая сайт учебного заведения, на котором размещаются уставные документы, учебно-методические материалы, электронные библиотеки и т.д. Для школ разработана система электронных журналов и дневников, позволяющая в онлайн-режиме следить за посещаемостью и успеваемостью учащегося. В сфере высшего образования электронная среда позволяет создать личный кабинет каждого студента, получать бесплатный доступ к электронным библиотекам, новостную рассылку от ведущих отечественных и зарубежных вузов, возможность учебного и научного общения с преподавателями, дистанционного обучения посредством онлайн-курсов.

Российское государство способствует внедрению и распространению интернет-технологий в образовании. Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда» нацелен на повышение доступности, актуальности и качества образования за счет использования современных технологий онлайн-обучения, а также потенциала ведущих вузов страны, образовательных онлайн-платформ и бизнес-решений. Предполагается, что будут создаваться онлайн-курсы; к 2020 г. планируется создание 3,5 тысяч онлайн-курсов по программам среднего, высшего и дополнительного образования с привлечением ведущих разработчиков как из государственных структур, так и из бизнес-сообщества [16].

Национальный проект включает ряд федеральных проектов, среди которых можно выделить проекты «Современная школа» и «Цифровая образовательная среда». В них большое внимание уделяется созданию материально-технических условий (оснащению школ, скорости интернета), а также развитию цифровых средств обучения [13].

Одним из направлений цифровизации исторического школьного и вузовского образования является создание онлайн-уроков и

курсов. На сегодняшний день нет единого официального портала для школы, на котором были бы размещены онлайн-курсы по всем предметам и разделам образовательных программ. Возможно, в будущем такое информационное пространство и будет создано.

В российском сегменте интернета есть два ресурса, которые развивают идею цифрового образования в виде онлайн-курсов для школы. Это Российская электронная школа и ЯКласс.

Российская электронная школа (РЭШ) была создана по инициативе Министерства образования и науки РФ в 2016 г. Это крупный образовательный ресурс, включающий методические разработки по всем школьным предметам.

Ресурс регулярно обновляется и развивается, регистрация и использование материалов сайта открыты и бесплатны. Основной декларированной целью РЭШ является создание завершенного курса интерактивных уроков по всем школьным предметам в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом и примерными основными образовательными программами, построенного на основе передового опыта лучших учителей России и размещенного в открытом доступе в интересах всех обучающихся. Сегодня многие школы страны уже участвуют в этом проекте. В будущем, вероятно, он станет ядром цифровой образовательной среды для российской школы.

На сайте можно выбрать тему урока по истории, как отечественной, так и зарубежной по классам, прослушав небольшую видеолекцию, проверить себя и выполнить задания. Есть как самопроверочные, так и контрольные виды заданий, на основе последних и формируется статистика успеваемости ученика. Школьники могут использовать материалы электронной школы (интерактивные уроки, фильмотеку, театральные постановки, виртуальные музеи) для повышения качества знаний, а также для подготовки к Всероссийским проверочным работам и государственной итоговой аттестации в форме ОГЭ и ЕГЭ по истории, а учителя – для создания дистанционных уроков, а также как фрагмент уроков и задания для самостоятельной работы учащихся.

У учителя есть возможность добавить свои задания к уроку, разместив их на сайте. Можно скачать конспект занятия и дополнительные материалы. Однако конспекты и дополнительные материалы по истории представлены не для всех уроков. Часть функций сайта доступна только зарегистрированным пользователям [17].

Другой образовательной платформой для школ является «ЯКласс», созданный в 2013 г. Этот сайт, как и РЭШ, продвигает идею онлайн-образования. Здесь представлены как видеоуроки по истории, так и конспекты, материалы к урокам, а также задания к ним. При этом за успешное выполнение заданий учащемуся начисляются баллы, за счет которых формируется рейтинг ученика, таким образом реализуется соревновательный аспект. Учитель имеет возможность добавлять классы и учеников, а также следить за их успеваемостью и отслеживать выполнение заданий. Однако не все разделы и темы выложены в свободном доступе, сайт предлагает платную подписку для школ и учителей, которая открывает доступ к библиотеке уроков в системе 1С. На момент написания статьи ежемесячная подписка составляла 300 рублей, а годовая – 1200 рублей. На материалы по курсу истории также распространяется принцип подписки. Навигация по сайту затруднена, не всегда возможно быстро найти нужный раздел и урок [20].

Разработка онлайн-курсов является важной составляющей создания системы открытого и общедоступного образования на всех уровнях и позволяет повысить его качество.

На сайте НОУ ИНТУИТ (Национальный открытый университет) представлен ряд бесплатных курсов по истории России и Европы. Курс «История России» включает 20 лекций, к каждой лекции разработаны тестовые задания, позволяющие оценить уровень усвоения материала, в случае успешного окончания курса слушатель получает электронный сертификат, а при желании – его бумажный вариант с печатями. В рамках курса изложена история России с древнейших времен до наших дней. Курс разработан для абитуриентов, студентов, аспирантов, преподавателей, а также всех, интересующихся историей [6].

Курс «Экономическая история» посвящен истории экономики от древнейших времен до настоящих дней. Вводится понятие экономики и ее составных элементов, даются различные толкования этого понятия, рассказывается об истории экономики Древнего Рима и Древней Греции, Средневековья, России, а также о развитии экономической мысли нового и новейшего времени в России, Европе и США. Курс включает 7 лекций и 7 проверочных тестов по разным темам, в конце обучения проводится экзамен и при условии успешного прохождения курса выдается электронный сертификат [18].

На образовательной платформе «Степик» представлены в основном курсы для студентов, но есть и ряд курсов, разработанных специально для школьников. Например, курс «История России в документах» предназначен для учащихся школ, готовящихся к участию в олимпиадах и других конкурсах по истории. Цель курса – способствовать расширению кругозора школьников, развитию навыков работы с историческими источниками. В состав курса входят 37 уроков, 1 час видео, 253 теста, 6 интерактивных задач [8].

Для студентов разработан курс «Российская империя и русский национализм». Он декларирует новый концептуальный подход к взаимосвязи империи как доминирующей формы политической организации XVIII – начала XX в. и национализма как одной из ключевых идеологий этого времени. Курс включает 17 уроков, 11 часов видео и 112 тестов. По окончании курса выдается сертификат [11].

В курсе «Социальная история западноевропейской гравюры Старых Мастеров» рассматривается история гравюры Западной Европы и выявляется роль гравированных изображений в жизни европейцев XV-XVIII вв. Курс включает 52 урока, 21 видеоролик и 123 теста. Курс не требует специальной искусствоведческой подготовки и раскрывает не только искусствоведческие, но исторические темы [5].

14 сентября 2015 г. ведущие российские университеты запустили «Национальную платформу открытого образования», которая представляет собой портал с бесплатными онлайн-курсами по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах, предназначенными для всех желающих. Целью создания нового российского образовательного ресурса является продвижение открытого образования как нового элемента системы высшего образования в России, который будет способствовать повышению доступности и качества образования. «Национальную платформу открытого образования» при поддержке Минобрнауки создал консорциум из восьми ведущих вузов, куда вошли Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (НИТУ «МИСиС»), Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Московский физико-технический институт (МФТИ),

Национальный исследовательский университет ИТМО, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ). Каждый из них вложил в создание портала по 50 млн рублей, часть денег пойдет на формирование учебных курсов.

Все курсы, размещенные на платформе, доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования. Чтобы начать обучение, необходимо зарегистрироваться на платформе openedu.ru, войти на сайт и выбрать понравившийся курс. Для регистрации можно использовать адрес электронной почты или профиль в социальной сети.

Для желающих зачесть пройденный онлайн-курс при освоении образовательной программы бакалавриата или специалитета в вузе предусмотрена уникальная для России возможность получения сертификатов. Получение сертификата возможно при условии прохождения контрольных мероприятий онлайн-курса с идентификацией личности обучающегося и контролем условий их прохождения.

Подчеркивается, что все курсы разрабатываются в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов и соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузах; особое внимание уделяется эффективности и качеству онлайн-курсов, а также процедурам оценки результатов обучения. Оценочные средства проходят экспертизу со стороны учебно-методических объединений, идентификация пользователей обеспечивается процедурой прокторинга или биометрическими технологиями. Если студент успешно сдает экзамены, ему предоставляется документальное подтверждение результатов обучения – сертификат [12].

Онлайн-курс осваивается как программа дополнительного образования, реализуемая с применением исключительно электронного обучения. Онлайн-курсы разделены на модули, каждый из которых содержит лекционные и методические материалы, а также интерактивные упражнения для закрепления и совершенствования знаний. По завершении каждого модуля предусмотрено проверочное задание [3].

Платформа «Открытое образование» преимущественно направлена на развитие технического и естественнонаучного образования (на данный момент она включает 436 курсов), но здесь представлены и курсы общегуманитарного профиля, в частности, по специальности «История».

Так, в рамках курса «Цифровая история» рассматривается становление и тренды развития цифровой истории, ее связи с другими междисциплинарными направлениями, такими как историческая информатика и digital humanities, изучаются отдельные направления цифровой истории – анализ текстов и изображений, сетевой и пространственный анализ, трехмерное моделирование историко-культурного наследия, виртуальные музеи и цифровые коллекции, цифровые издания исторических источников. Курс состоит из коротких видеолекций, тестовых заданий и эссе. Итоговый экзамен проводится в виде теста, где проверяются теоретические знания, знания инструментов и исследовательских проектов. Длительность курса – 10 недель, от 2 до 4 часов в неделю, 3 зачетные единицы для зачета в своем вузе [4].

Курс «Ислам: история, культура и практика» посвящен возникновению ислама как религиозного учения и практики, а также его последующему развитию как культурной и социально-политической традиции в различных историко-культурных условиях и регионах. Продолжительность курса – 10 недель, около 4 часов для освоения в неделю, 2 зачетные единицы для зачета в своем вузе [14].

На сайте МГУ есть раздел «Университет без границ», где представлены разработанные онлайн-курсы МГУ. Например, курс лекций «Возвышение Москвы. XIV – XV вв.» предназначен как для студентов-историков, так и для всех интересующихся отечественной историей. На основе исторических источников (летописей, актового материала, памятников агиографии и т.д.) раскрываются как объективные, так и субъективные факторы, предопределившие успех московских князей в деле «собирания Руси» [2].

Курс «Всемирная юридическая история» предназначен для старшеклассников и студентов, начинающих изучать всемирную историю и юриспруденцию, а также для всех интересующихся проблемами мировой истории. В нем прослеживается эволюция государственности и правовой культуры в человеческом обществе с древности и до настоящего времени. События, процессы, явления всемирной истории рассматриваются в нем с юридической точки зрения. Данный курс доступен на платформе «Открытое образование» [19].

Таким образом, цифровая образовательная среда в России находится в стадии активного становления. Развиваются платформы онлайн-обучения, растет количество и качество предлагаемых кур-

сов. Цифровизация образования может стать существенным дополнением к традиционному обучению. На данный момент естественнонаучное направление развито лучше, чем гуманитарное, в частности, историческое образование, но уже есть целый ряд интересных узкоспециальных курсов по профилю «История». Многие онлайн-курсы находятся в открытом доступе, что делает их доступными для широкой аудитории. Есть основания полагать, что федеральный проект «Цифровая образовательная среда» будет успешно реализован. Процесс использования цифровых технологий будет способствовать интенсивному развитию системы дистанционного образования.

Библиографический список

1. Балагурова А.А. Подходы к формированию и развитию цифровой грамотности и информационной компетентности обучающихся в рамках уроков истории // Научный альманах. 2018. №10-1 (48). С. 99-102.

2. Борисов Н.С. Возвышение Москвы. XIV – XV вв. // URL: <https://distant.msu.ru/enrol/index.php?id=617>

3. Вопросы и ответы. Как пользоваться сайтом openedu.ru // URL: <https://openedu.ru/faq/>

4. Гагарина Д.А. Цифровая история // URL: <https://openedu.ru/course/hse/DIGHIST/>

5. Григорьев Р. Социальная история западноевропейской гравюры Старых мастеров // URL: <https://stepik.org/course/3141>

6. Деревянко А., Шабельникова Н. История России // URL: <https://www.intuit.ru/studies/courses/3625/867/info>

7. Завражная Е.А., Каракозов С.Д., Седова Е.П., Титова О.Н. Перспективы развития цифровой образовательной среды в Российской Федерации. Декабрь 2018 // URL: <http://www.mnvnauka.ru/2018/12/Zavrazhnaya.pdf>

8. Земцов А. История России в документах // URL: <https://stepik.org/course/19258/promo>

9. Зуева Н.В., Космачев В.М., Степанов А.Г., Шкиртиль М.А. Цифровое образование и высшая школа // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. №4 (20). С.92-97.

10. Каракозов С. Д., Пикалова Л. Р., Седова Е. П., Титова О. Н. Развитие цифровой образовательной среды в Российской Федерации: механизмы развития и возможные риски // Ростовский научный журнал. 2018. № 11. С.85-100 // URL: <http://rostjournal.ru/?p=3683>

11. Миллер А.И. Российская империя и русский национализм // URL: <https://stepik.org/course/5423/promo>

12. О проекте «Национальная платформа открытого образования» // URL: <http://npoed.ru/about>
13. Паспорт национального проекта «Образование» // URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35566/>
14. Пиотровский М.Б., Резван Е.А., Кныш А.Д., Маточкина А.И., Уланова Д.В. Ислам: история, культура и практика // URL: <https://openedu.ru/course/spbu/ISLCUL/>
15. Приоритетный национальный проект «Образование» // URL: <http://www.minobr.orb.ru/nazproekt/nazproekt.php>
16. Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» // URL: <http://neogusedu.ru/about>
17. Российская Электронная Школа // URL: <https://resh.edu.ru/>
18. Самохин Ю. Экономическая история // URL: <https://www.intuit.ru/studies/courses/1172/283/info>
19. Томсинов В.А. Всемирная юридическая история // URL: <https://openedu.ru/course/msu/LAWHIS/>
20. ЯКласс // URL: <https://www.yaclass.ru/>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

УДК 94(47).084

В.Н. Данилов*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ САРАТОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье показано, что формирование научного исторического знания происходило в Саратове путем соединения местной историко-краеведческой традиции, берущей свое начало с середины XIX в., и опыта историков-профессионалов, главным образом из Москвы и Петрограда (Ленинграда). Определяющее значение в процессе становления исторической науки в городе имело открытие в 1917 г. в Саратовском университете историко-филологического факультета, а завершился он в первое послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: научная школа; история; Саратов; университеты; краеведение; факультет; научные общества.

Проблема научных школ заняла в последние десятилетия одно из ключевых мест в преподавании и изучении историографии, выявив при этом несовпадение мнений историков как относительно самого понятия «научная школа», так и в отношении квалификации конкретных сообществ ученых в качестве моделей научной школы. Стремление же к всестороннему выявлению природы данного феномена поставило под сомнение существование в реальности таких выдающихся явлений российской исторической науки, как «государственная школа» и «школа Ключевского». В этой связи словосочетание «саратовская историческая школа», конечно,

* © Данилов Виктор Николаевич (danilovvik@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

не может не заключать в себе определенной терминологической условности. С другой стороны, трудно найти более приемлемое определение, чем «научная школа», для обозначения организационно оформленных коллективов, осуществлявших на протяжении длительного времени научно-образовательную деятельность в области истории, со своими традициями, преемственностью поколений исследователей, тематическими приоритетами. В данном случае мы имеем дело с региональным типом научной школы, к которому относятся не только столичные исторические школы, но и известные провинциальные научные сообщества, формировавшиеся в старейших университетских центрах.

Начало становления научной историографии в Саратове, безусловно, относится ко времени открытия осенью 1917 г. историко-филологического факультета в составе местного университета, что стало точкой отсчета нового этапа в развитии исторического знания в Саратове. Отныне его содержание уже будет определять прежде всего профессиональная наука, базирующаяся на принятых в ней принципах, подходах и, если так можно выразиться, стандартах научной работы, которые тогда в России формировали в первую очередь Москва и Петербург. Однако почва для восприятия профессиональной работы в области истории готовилась в Саратове задолго до создания в университете исторических кафедр. Здесь, как и во многих провинциальных центрах европейской России, в течение нескольких десятилетий формировалась неакадемическая историографическая традиция, связанная с изучением истории края.

Таким образом, становление исторической науки в Саратове после 1917 г. означало не только привнесение столичных научных стандартов, но и соединение их с местным историографическим потоком. Сам же этот поток представлял собой далеко не однозначное и довольно пестрое явление. Ставшая в 1917 г. преподавателем Саратовского университета М.Е. Сергеевко, в будущем известный советский антиковед, профессор Ленинградского университета, так говорила об этом: «В Саратове издавна шли краеведческие работы, иногда успешно, часто кустарно и неуклюже» [9, с. 295]. Действительно, большинство работ саратовских краеведов того времени можно отнести к эрудитскому и антикварному типу, но по некоторой проблематике, в частности, археологии золотоордынского времени и колонизации края, имелись изыскания на вполне приличном научном уровне.

Обращаясь к истории саратовского краеведения, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что схема генезиса провинциальной историографии – городовые летописи, историко-географические описания, авторские исторические сочинения, – представленная известным исследователем данного вопроса А.А. Севастьяновой [8, с. 22], не совсем работает применительно к Саратову. Летописей здесь в XVII-XVIII вв. не велось, а авторские произведения по истории местного края стали появляться только во второй четверти XIX в. Столь поздний по сравнению с некоторыми другими губернскими центрами «краеведческий старт», вместе с тем, позволил Саратову заимствовать извне добротные образцы историописания. Часто носителями таких образцов являлись и местные уроженцы, но подготовленные к творческой деятельности и определившиеся мировоззренчески в столичных городах. К их числу принадлежат два пионера саратовского исторического краеведения – Андрей Филиппович Леопольдов и Даниил Лукич Мордовцев.

Уроженец с. Ртишево Сердобского уезда Леопольдов закончил словесное отделение Московского университета, в Саратов прибыл в 1829 г., имея уже публикацию с описанием Саратовской губернии. Впоследствии он опубликовал свыше 250 статей и заметок по местной экономике, этнографии, фольклору и археологии, а также отдельный очерк по истории края. Выпускник Петербургского университета Мордовцев прежде всего был известен своими работами по изучению истории народных движений XVIII в. на территории края. Большое влияние на местное интеллектуальное сообщество оказало пребывание в Саратове с 1847 по 1859 гг. крупного русского историка Николая Ивановича Костомарова, высланного сюда из Киева за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому братству. Публиковавшиеся им в губернской газете и отдельными очерками труды по истории устного народного творчества, социально-экономическому развитию края, о разинщине, Петровске и Вольске были выполнены на высоком профессиональном уровне. Существенный вклад в историографию Золотой Орды внес профессор истории Саратовской духовной семинарии Г.С. Саблуков, закончивший Московскую духовную академию.

Но со второй половины XIX в. саратовскую провинциальную историографию активно продвигали и местные силы. Вначале своеобразным центром изучения прошлого Саратовского Поволжья становится губернский статистический комитет, вокруг которого объединилась большая группа краеведов-энтузиастов: Н.Ф. Хованс-

кий, С.А. Хоризоменов, А.Н. Минх, Ф.Ф. Чекалин, А.И. Шахматов и др. Именно они составили ядро созданной в 1886 г. Саратовской ученой губернской архивной комиссии (далее СУАК). Эта научно-просветительная организация сыграла выдающуюся роль в развитии общественного исторического краеведения. Своеобразным итогом деятельности СУАК стали обширная библиотека, архив и музей, 33 выпуска «Трудов СУАК», историко-географический словарь А.Н. Минха, подробное изучение местных исторических реликвий, проблем демографического и хозяйственного освоения Нижнего Поволжья.

Одной из линий деятельности СУАК являлось стремление выйти за региональные рамки, наладить внешние связи. Поэтому в числе членов комиссии мы видим имена известных русских историков Н.Ф. Дубровина, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, М.Е. Забелина, Н.А. Попова, В.А. Городцова, А.А. Спицына и др. Особенно активно сотрудничал с СУАК М.И. Семевский, издатель знаменитого исторического журнала «Русская старина» [6, с. 55]. В последние предреволюционные годы связующим звеном между СУАК и столичными историками стали студенты, а потом аспиранты Петербургского университета, ученики С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова, саратовцы Сергей Николаевич Чернов и Павел Григорьевич Любомиров, которые в 1920-е гг. будут во многом определять облик исторической науки в Саратове.

То, что историко-филологический факультет создавался в условиях революции и гражданской войны, вносило значительные трудности в организацию работы и быт ученых. Но это же обстоятельство способствовало тому, что Саратов в 1917-1918 гг. смог получить из Петрограда и Москвы перспективных специалистов практически по всем областям исторической науки. В основном это были еще достаточно молодые люди, ученики крупных ученых. По кафедре русской истории – первый ее заведующий В.И. Веретенников (учился в Петербурге, защищал докторскую диссертацию в Москве) и С.Н. Чернов; по кафедре всеобщей истории – ее заведующий, специалист по истории Франции нового времени, ученик крупного русского историка Н.И. Кареева В.А. Бутенко, античники С.И. Протасова и М.Е. Сергеенко; по кафедре истории права – С.В. Юшков; а также археолог и египтолог Ф.В. Баллод, этнографы и филологи В.К. Пиксанов и Б.М. Соколов, экономист Л.Н. Юровский. В той или иной степени они продолжали поддержи-

вать связь с альма-матер. Представление об этом дает, в частности, многолетняя переписка С.Н. Чернова с С.Ф. Платоновым [2].

Несколько позднее из Томска был возвращен П.Г. Любомиров, возглавивший после отъезда профессора Веретенникова кафедру русской истории в СГУ. В период с 1920 по 1923 гг. в Саратовском университете работал Г.П. Федотов – крупный философ и специалист по истории зарубежного средневековья. В 1920 г. в Саратов приехал Павел Сергеевич Рыков, выпускник Московского университета, ученик одного из основоположников научной археологии в России В.А. Городцова. Все последующие 17 лет развития исторической науки в Саратове связаны с именем П.С. Рыкова – как организатора научной работы, так и специалиста в области археологии и музейного строительства.

Из местных исследователей в первоначальный профессорско-преподавательский состав историко-филологического факультета вошел Александр Александрович Гераклитов, который еще с 1908 г. работал в СУАК. Вскоре он стал известным специалистом по архивному делу, палеографии и истории мордовского народа. Его знания и исследовательский опыт, сформировавшиеся в условиях до-революционного Саратова, оказались как нельзя лучше востребованными в преподавательской и научной деятельности университета [10, с. 202–210].

Характерно, что профессура историко-филологического факультета, прибывшая в Саратов из других городов, с самого начала постаралась сблизиться с местной культурной средой, активно участвовала в работе уже имевшихся или вновь создаваемых в Саратове структур исторического профиля. Так, созданное в 1918 г. по инициативе декана факультета С.Л. Франка университетское философско-историческое общество сразу же сделало свои заседания открытыми для публики [1, с. 98]. Когда в 1918 г. начал реализовываться известный декрет Совнаркома об архивном деле, первым руководителем губернского архивного отдела стал профессор В.И. Веретенников. Практически все университетские историки участвовали в музейном строительстве. Ф.В. Баллод заведовал научной секцией, наиболее важной в подотделе музеев губОНО; первым директором объединенного областного музея краеведения стал этнограф и фольклорист профессор Б.М. Соколов, а с 1923 и вплоть до ареста в 1937 г. этот музей возглавлял П.С. Рыков. Профессор В.А. Бутенко некоторое время был директором Радищевского художественного музея [3, с. 16–20]. Принципы работы на «обще-

ственное благо» и «желание просвещения» лежали в основе деятельности историков «старой школы» и во многом были восприняты ими от учителей.

Одновременно происходило втягивание университетских преподавателей в работу местных научно-просветительных общественных организаций, материальная база которых активно использовалась в учебном процессе. В 1918 г. в члены СУАК были приняты профессор Ф.В. Баллод, В.И. Веретенников, Н.Н. Дурново, Б.М. Соколов, Г.Г. Тельберг, Л.Н. Юровский [7, с. 342-357]. Это дало возможность в конце 1919 г. преобразовать СУАК в Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), каковое замышлялось еще в 1880-е гг. В нем нашли приложение своим усилиям античники С.И. Протасова и А.И. Доватур, медиевист Г.П. Федотов, новисты В.А. Бутенко и Ф.А. Петров, специалисты в области отечественной истории, этнографы, лингвисты, экономисты и географы. В ИСТАРХЭТе как бы соединились большая наука и любительское краеведение, высокие исследовательские стандарты и традиции местных эрудитских изысканий. На общих собраниях и заседаниях секций общества, конечно, большинство докладов было посвящено местной истории, но ставились в программу и доклады по общим темам: «О праве убежища в Древней Руси» (С.В. Юшков), «Пожарский в изображении Хронографа» (П.Г. Любомиров), «Композиция и источники Плутарха в биографии Помпея» (С.И. Протасова), «Государство перед судом церкви в Меровингскую эпоху» (Г.П. Федотов), «Бумажные деньги в эпоху Французской революции» (В.А. Бутенко) и др. [7, с. 328]. Для проведения затратных полевых исследований ИСТАРХЭТ было инициировано создание бюджетных научных структур в составе университета. Так, в 1922 г. был создан Научно-исследовательский археологический институт, реорганизованный в 1924 г. в Краеведческий институт изучения Нижне-Волжской области (с 1929 г. – Нижне-Волжский институт Краеведения имени А.М. Горького).

Поскольку в стране развернулось массовое краеведческое движение, в 1924 г. ИСТАРХЭТ было преобразовано в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК). Это было вызвано и тем, что по разным причинам Саратов стали покидать видные историки и филологи: Баллод, Федотов, Веретенников, Соколов и др. В НВОНОК уже не было места для приложения знаний историков-всеобщников, хотя какое-то время они продолжали работать в СГУ: профессор Бутенко – до 1928 г., Сергеевко –

до 1929 г., Протасова — до 1931 г. В саратовский период ими были созданы труды, которые затем получили научное признание, но видных специалистов, за исключением А.И. Доватура, они не подготовили. А вот по отечественной истории университет воспитал таких известных ученых, как Е.Н. Кушева, Е.П. Подъяпольская, Н.Г. Апполова, работавшие затем в Институте истории АН СССР. В 1920-е гг. прошел обучение в СГУ В.А. Осипов, много лет работавший затем доцентом и деканом истфака. В это время под руководством П.С. Рыкова в Саратове сформировалась целая археологическая школа, наиболее видными представителями которой были П.Д. Степанов, И.В. Синицын, Т.М. Минаева, П.Д. Рау и др.

В конце 1920-х гг. последовали явления, характерные для всей отечественной историографии и сделавшие процесс становления исторической науки в Саратове более противоречивым. Происходит ужесточение требований по обязательному использованию положений и подходов из арсенала марксизма в преподавании и исследовательской работе. Активным проводником концепции «исторического фронта» становится выпускник Института красной профессуры Г.Е. Меерсон, занявший ряд руководящих должностей в НВОНОК и Краеведческом институте. Работа и взгляды видных саратовских историков, воспитанных в традициях российской академической науки, уже не могли быть терпимыми в этих условиях. Подвергнувшись травле со стороны ревнителей «чистоты марксизма» и студенческого актива, были вынуждены покинуть Саратов С.Н. Чернов, П.Г. Любомиров, С.И. Протасова, что ослабило потенциал исторической науки в городе.

Осложнило положение преобразование в 1931 г. педагогического факультета с историческим отделением в его составе в самостоятельный вуз, где подготовка кадров и научная работа в области истории значительно сократилась. В СГУ в рамках Института краеведения остался только сегмент, связанный с местной историей, представленный в основном археологией. Кроме этого, силами научных сотрудников музеев города изучалась история революционного движения. Таким образом, на данном этапе процесс становления исторической науки в Саратове не только не был завершен, но и стагнировал.

Новый импульс развития историческая наука в Саратове получила в связи с созданием в 1935 г. исторического факультета в СГУ, что было, по сути, вторым рождением университетского исторического образования. Новый истфак был третьим в стране после

Москвы и Ленинграда. Как и в этих городах, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» исторический факультет был создан в составе пяти кафедр, в числе которых, кроме кафедры истории СССР, были кафедры истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран (перед войной открыли также кафедру археологии и этнографии). Для провинциальных университетов это было уникальным явлением в течение всего последующего советского периода, и оно позволило сразу нацелиться на исследования по всему спектру зарубежной истории.

При формировании преподавательского состава исторического факультета Саратов вновь получил серьезное кадровое вливание специалистов-историков извне, преимущественно из числа выпускников аспирантуры московских и ленинградских вузов, учителями которых были в том числе крупные историки «старой школы». Характерно в этом смысле замечание одного из ведущих представителей саратовской исторической школы – Л.А. Дербова, приехавшего в Саратов в 1938 г.: «особенно многим обязан С.В. Бахрушину, который был любимым учеником В.О. Ключевского (так что я, в известном роде, – внук Ключевского!)» [5, с. 206]. Несколько лет в университете работал такой научный авторитет, как А.М. Панкратова. Но и местный элемент был на этот раз более значительным, чем при создании историко-филологического факультета. В частности, преподавать историю древнего мира из юридического института был приглашен специалист по римскому праву профессор В.Н. Охоцимский [1, с. 98]. Среди первых преподавателей истфака были известные впоследствии саратовские историки И.В. Сеницын, В.А. Осипов, Р.А. Таубин, являвшиеся выпускниками СГУ. Да и первый декан факультета П.С. Рыков к тому времени уже основательно укоренился в Саратове.

Великая Отечественная война не позволила безболезненно завершить процесс становления исторической науки в Саратове. Часть преподавателей истфаков университета и пединститута ушла в армию, некоторые перешли на партийную работу. На отдельных кафедрах, по свидетельству Л.А. Дербова, оставалось всего 2–3 сотрудника [4, с. 16]. Вместе с тем пребывание в Саратове в 1942–1944 гг. Ленинградского университета и нахождение здесь в эвакуации некоторых москвичей способствовало развитию историчес-

кой профессии в регионе. Так, заведующими кафедрой истории СССР в СГУ в это время были такие известные специалисты, как Н.Л. Рубинштейн и В.В. Мавродин. В ученом совете ЛГУ защитили свои кандидатские диссертации преподаватели Саратовского университета И.В. Сеницын, Л.А. Дербов, А.М. Дубинский, А.Л. Шапиро. Завершился процесс становления исторической науки в Саратове уже в первое послевоенное десятилетие, когда сформировался полный состав кафедр, произошло слияние в один коллектив истфаков университета и педагогического института. Но и в эти годы столичное участие в комплектовании научных кадров также имело место, поскольку на истфак пришли такие ключевые фигуры, как С.М. Стам и И.С. Кашкин, возглавившие соответственно кафедры истории средних веков и истории нового и новейшего времени. С этого времени научно-педагогические кадры историков Саратовский университет готовил в основном уже самостоятельно.

Таким образом, становление саратовской исторической школы происходило в два этапа – с 1917 по 1934 гг. и с 1935 по начало 1950-х гг., и было связано с этапами развития исторического образования в университете. Истоками региональной исторической школы были местная историко-краеведческая традиция, берущая свое начало с середины XIX в., и опыт историков-профессионалов, главным образом из Москвы и Петрограда (Ленинграда).

Библиографический список

1. Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Т. 1. 1909–1945. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 296 с.
2. Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 371 с.
3. Данилов В.Н. Университет и краеведческий музей в Саратове: профессиональное и культурное взаимодействие // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2011. 592 с.
4. Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 152 с.
5. Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 232 с.
6. Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2005. 184 с.

7. Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края). Саратов: Полиграфическая компания «Эль-принт», 2007. 376 с.

8. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия РАН, 1998. 240 с.

9. Сергеев М.Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX-XX веков. СПб: Изд-во «Нестор», 2000. Вып. 2. 507 с.

10. Соломонов В.А. Автобиография профессора Саратовского университета Александра Александровича Гераклитова // История и историческая память. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 5. 260 с.

УДК 94(47)

Е.В. Годовова*

ИСТОРИКИ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье представлен историографический обзор исследований по истории Оренбургского казачьего войска в дореволюционный период. Примечательно, что первыми историками оренбургского казачества были образованные офицеры-интеллигенты, любившие свое войско и считавшие необходимым донести до потомков его историю.

Ключевые слова: оренбургское казачество; Оренбургское казачье войско; историки-исследователи.

Казачество – уникальное явление в истории России XV–XX вв. как в политическом, социокультурном, так и в экономическом отношении. Изучение истории казачьих войск, в том числе и Оренбургского казачьего войска (ОКВ) имеет большое значение. Не имея представления о процессе образования и развития того или иного казачьего войска, невозможно осветить историю окраинных регионов России.

Интересно, что первые специальные работы по изучению истории оренбургского казачества, опубликованные в 60-е годы XIX в.,

* © Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет.

были написаны казаками. В шестом номере «Военного сборника» за 1862 г. появилась заметка «Правда об Оренбургском казачьем войске», напечатанная под псевдонимом. Ее авторы – Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор граф И.А. Толстой, начальник войскового штаба полковник Зворыкин, старший адъютант войскового дежурства полковник С.П. Шишелов, дежурный штабс-офицер полковник В.В. Агапов, депутат при Главном управлении иррегулярных войск полковник И.В. Чернов – обращали внимание на отменные боевые качества оренбургских казаков и отстаивали их право на историческую будущность. В этом же году была составлена «Краткая записка С. Шишелова о заслугах ОКВ перед родиной (с 1748 по 1856 гг.)», представляющая собой краткую военную историю войска [13, с.123].

В 1873 году был написан первый «серьезный и обширный труд по истории Оренбургского войска» [18, с.3] – «Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления, полковником П.И. Авдеевым» и изданная в Оренбурге лишь в 1904 г. Широко используя документы из войскового архива, являясь участником многих из описываемых событий, автор создал цельную работу, охватывавшую период от заселения края до 70-х годов XIX в. П.И. Авдеев первым обратил внимание на проблему становления системы войскового управления, представив в сжатом виде основные положения принимавшихся нормативных актов. Но он не показал тяжесть зависимости казачьих общин от военных и гражданских властей, а ограничился лишь общей постановкой ряда проблем.

Не менее интересен как историк, занимавшийся исследованием прошлого оренбургских казаков, Ф.М. Стариков. Федор Митрофанович Стариков (1842 – 1911) – выходец из семьи рядового казака. В двадцатилетнем возрасте он поступил на военную службу и вскоре оказался участником крупных военных событий. Участвуя в Туркестанских походах 1864 – 1873 гг., Федор Стариков получил звание офицера и множество наград за храбрость, среди которых орден Святого Георгия. В 1892 – 1908 гг. занимал должность помощника атамана третьего, а затем второго военных отделов ОКВ [5, с.53].

Интересна не только военная сторона его жизни. Ф.М. Стариков – талантливый исследователь, историк, краевед. Он был действительным членом губернского статистического комитета Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русско-

го географического общества. Не имея специального исторического образования, Ф.М. Стариков в 1881-1891 гг. опубликовал четыре книги по истории ОКВ: «Откуда взялись казаки. Исторический очерк» (1884), «Краткий историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карт» (1890), «Краткий исторический очерк ОКВ с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков, рисунков со знамени карты» (1891) и «Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества с приложением маршрута путешествия Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича Августейшего Атамана всех казачьих войск, от границы Сибири по ОКВ до г. Оренбурга» (1891). В центре внимания исследователя были вопросы, связанные с происхождением войска, становлением системы землевладения и землепользования, бытовыми и военными традициями. Отметил он и последствия введения Положения об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г., влияние проводившихся реформ на уровень грамотности казаков, их хозяйственную деятельность.

В современной исторической литературе существуют полярные точки зрения о вкладе исследователей ОКВ конца XIX – начала XX вв. в освещение истории войска. Одна изложена Ю.С. Зобовым и в основном сводится к тому, что отдельные из них, например Ф.М. Стариков, были способны не только «к популярно-компилятивной, но и поисковой работе», а книги исследователя «положили начало разработке истории Оренбургского казачества» [5, с.54, 64]. Иную точку зрения высказали авторы «Вступления» к указателю литературы об Оренбургском казачьем войске. Они считают, что плеяда первых исследователей истории ОКВ, в том числе и Ф.М. Стариков, некритически использовали источники: «широко практиковалось использование работ предшественников, когда неточности и просто ошибки переходили из работы в работу» [16, с.3].

Разумеется, определенные и порой существенные недостатки в работах П.И. Авдеева и Ф.М. Старикова были. Как и П.И. Авдеев, Ф.М. Стариков, например, не делает различий между историческими сочинениями и архивными источниками, считая их одинаково достоверными, но для его трудов характерно привлечение большого количества ранее не публиковавшихся документов XVIII–XIX вв., статистических данных, фольклорного наследия.

Тем не менее, нам ближе позиция Ю.С. Зобова — более взвешенная и, как нам представляется, более основательная. Какой бы критике ни подвергались работы Ф.М. Старикова, нужно признать, что исследователи истории ОКВ разных поколений неоднократно его цитировали и обращаются к его творчеству по настоящее время [1; 12]. Отдельные из работ историка соответствовали уровню развития исторической науки того времени, были основаны на широком круге литературы и архивных источниках.

В конце XIX века в Оренбурге несколько войсковых офицеров, в том числе Н.К. Бухарин, С.Н. Севастьянов, Н.Г. Лобов, Д.В. Плотников, М.Л. Юдин, начали собирать в местных архивах и готовить к печати материалы по истории войска. На основе собранных ими данных были изданы двенадцатитомные «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска» (далее «Материалы») [11], где собраны не только архивные документы, но и авторские исследования.

Одним из инициаторов разработки бытовой истории Оренбургского казачьего войска был войсковой старшина Н.К. Бухарин. Занимая некоторое время должность архивариуса Войскового хозяйственного правления, он получил разрешение на поездки по войску с целью осмотра архивов станичных правлений и сбора бытовых преданий казаков. В связи с болезнью и последующей смертью Н.К. Бухарин не смог переработать собранные сведения, и они вошли в «Материалы» в первоначальном виде под названием «Из путевых заметок Н.К. Бухарина. Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков» [2]. Отдельно был издан очерк «Хивинка», описывающий тяжелую судьбу оренбургской казачки Акулины Григорьевны Степановой, попавшей в плен около 1835 г. и освобожденной из него спустя пять лет [3]. Этот рассказ очень эмоционален, так как Н.К. Бухарин записал его практически под диктовку самой рассказчицы.

Из авторских работ, помещенных в «Материалах по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», также следует отметить очерки С.Н. Севастьянова, Д.В. Плотникова, В.И. Казанцева [18; 15; 6]. С.Н. Севастьянов, используя возможность работы в местных и столичных архивах, подготовил ряд исследований по истории оренбургского казачества, опубликованных в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» [17]. Автор обратил внимание на порядок и особенности комплектования ка-

зачьих частей и организацию их службы в XVIII в., а также подготовил к изданию мемуары генерала Чернова [4].

Исследованием оренбургского казачества в конце XIX – начале XX века занимался есаул Вениамин Петрович Водопьянов. В его книге «История 6-го Оренбургского казачьего полка», переизданной в 1996 г., описываются походы русской армии, участником которых он был, в Хиву, Бухару, Коканд. Ценность его записок в том, что он рассказывает не только о воинской доблести казаков, но и об их повседневном быте. В работе есаула Водопьянова приводятся уникальные карты, авторские фотографии. Указан штатный состав полка, общий именной список в алфавитном порядке как офицеров, так и нижних чинов. Эта книга полезна не только историкам, но и рядовому казачеству, поскольку помогает восстановить родословные казачьих семей и целых кланов.

Военной истории казачества посвящена и работа полковника Оренбургского казачьего войска Федора Ивановича Лобысевича. Он, опираясь на официальные источники, дал описание Хивинского похода 1873 г. Ценность этого труда не только в документальной точности изложенного материала, но и в представленных в приложении портретах Хивинского хана, русских генералов; рисунках, изображающих переправу Туркестанского отряда через Аму-Дарью, дворец и мечеть в Хиве и др.; планах и картах, а также в приведенном им списке генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников, участвовавших в Хивинском походе 1873 г. и находившихся под Хивой [14].

В начале XX в. были опубликованы работы А.И. Кривошекова, Д.Е. Серова, А.И. Мякутина, описывающие различные аспекты прошлого ОКВ [7; 8; 9; 10; 21]. Интересны исследования А.И. Кривошекова, которые содержат немало восторженных оценок местного казачества, но при этом отличаются критическим подходом к использованию источников и литературы. Вершиной творчества А.И. Кривошекова стала работа «На Оренбургской пограничной линии», которую отличает тщательность подбора материалов, яркость и богатство языка. Дополняя документы воспоминаниями станичных жителей, автор попытался воссоздать реальную картину линейной жизни оренбургских казаков [9]. Большой интерес представляет также исследование А.И. Кривошекова «Обряды и обычаи оренбургских казаков» [10], знакомящее с традициями оренбургских казаков, и работа «В плену у японцев. Рассказ из русско-

японской войны» [7], дающая представление о тех нелегких испытаниях, которые пережили казаки, попавшие в плен.

Попытку анализа экономического положения оренбургского казачества предпринял подъяесаул Д.Е. Серов. Проанализировав доходность хозяйств, он сделал объективный вывод о резком падении уровня благосостояния основной казачьей массы, причину которого он видел в увеличении расходов на приобретение военного снаряжения. Этот вывод в дальнейшем лег в основу решения о выплате новоставочным казакам специального пособия от правительства [20, с.82].

Сбором песенного фольклора оренбургских казаков занимался сотник А.И. Мякутин, издавший в четырех книгах военно-исторические, былевые, бытовые, обрядовые и духовные песни. Четырехтомник А.И. Мякутина «Песни оренбургских казаков», с одной стороны, стал итогом собирания произведений песенного творчества оренбургских казаков, а с другой, дал толчок для дальнейшей работы в этом направлении. В частности, в 1913 г. появляется публикация Ф.Н. Баранова «Песни оренбургских казаков с напевами».

Таким образом, первыми исследователями оренбургского казачества были сами казаки, умные и образованные офицеры-интеллигенты, любившие свое войско и считавшие необходимым донести до потомков его историю.

Библиографический список

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. 450 с.

2. Бухарин Н.К. Из путевых заметок Н.К. Бухарина. Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков // Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска (далее МИООКВ). Вып. 6. Оренбург, 1905. С.124-165.

3. Бухарин Н.К. Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков. «Хивинка». Оренбург: Тип.-лит. Б.А. Бреслина, 1892. 42 с.

4. Записки генерал-майора И.В. Чернова [Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.18]. Оренбург: Паровая типо-лит. «Т-ва печ. дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. 224 с.

5. Зобов Ю.С. Историки Южного Урала: вторая половина XIX – начало XX вв. Оренбург: «Южный Урал», 1991. 119 с.

6. Казанцев В.И. Из воспоминаний и путевых заметок о походах оренбургских сотен в Туркмению в 1880 и 1881 годах // МИООКВ. Вып.2. Оренбург, 1903.

7. Кривошеков А.И. В плену у японцев. Рассказ из русско-японской войны. Троицк: Типогр. Берх, 1913. 31 с.

8. Кривошеков А.И. Краткий очерк заселения и развития края. Исторические судьбы Оренбургского края // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. №2-4; 1913. №3-4.

9. Кривошеков А.И. На Оренбургской пограничной линии (очерки прошлого) // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 1-3.

10. Кривошеков А.И. Обряды и традиции Оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 1-7.

11. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. В 12 т. Оренбург, 1903–1915.

12. Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск: Еманжелинская городская типография, 1999. 96 с.

13. Оборкин А.И. История Оренбургского казачества в трудах военных офицеров (60-е гг. XIX – начало XX вв.) // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Сборник научных трудов. Екатеринбург: УрО РАН. Ин-т истории и археологии, 1993. С.123-128.

14. Описание Хивинского похода 1873 года. Составлено полковником Ф.И. Лобысевичем / Под ред. генерал-адъютанта В.Н. Троцкого. СПб: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1898. 277 с.

15. Плотников Д.В. Краткая записка о первоначальном происхождении и дальнейшем развитии войсковых капиталов Оренбургского казачьего войска // МИООКВ. Вып.2. Оренбург, 1903.

16. Сафонов Д.А., Лабузов В.А. Оренбургское казачье войско. Указатель литературы. Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2002. 92 с.

17. Севастьянов С.Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (по материалам войскового архива) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.5. Оренбург, 1899.

18. Севастьянов С.Н. Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-статистического описания Оренбургского казачьего войска // МИООКВ. Вып.1. Оренбург, 1903. С.1-12.

19. Севастьянов С.Н. Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-статистического описания Оренбургского казачьего войска // МИООКВ. Вып.3. Оренбург, 1903.

20. Селивановская Л.А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Вып.13. Оренбург, 1958. С.41-89.

21. Серов Д.Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта Оренбургских казаков). Оренбург: Губ. типо-лит., 1900. 117 с.

**ИСТОРИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ XX ВЕКА
В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В.А. ЮРЧЕНКОВА**

В статье кратко рассматриваются основные этапы научного пути доктора исторических наук, профессора В.А. Юрченкова, направления его исследований, в том числе в рамках региональной истории XX в.

Ключевые слова: В.А. Юрченков; региональная история; история Мордовского края; научные монографии.

Одним из перспективных направлений историографии последних лет стала разработка проблем локальной истории. Формы проявления этой тенденции весьма разнообразны: от оформления научных школ до творчества отдельных исследователей, изучающих региональную историю или историю отдельных народов. К числу последних принадлежит профессор В.А. Юрченков (1960-2017), которого по праву можно считать ведущим историком Мордовии. Мы хотели бы остановиться на таком важном аспекте его исследований, как региональная история XX в., которая представляется одним из наиболее оформленных направлений его изысканий.

Еще в студенческие годы определился интерес В.А. Юрченкова к проблемам Гражданской войны в России. Он сформировался в значительной степени под влиянием профессора М.Ф. Жиганова, который преподавал на историко-географическом факультете Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, а позднее возглавил НИИ языка, литературы, истории и экономики (далее НИИЯЛИЭ) при Совете Министров Мордовской АССР. В сферу его научных интересов входили проблемы первых лет советской власти на территории Мордовии, и он хотел приобщить к ним начинающего ученого.

Первая тема, к которой обращается молодой исследователь — история 1 армии Восточного фронта, основные подразделения которой в массе своей формировались на территории уездов Мордо-

* © Куршева Галина Александровна (kursheva_galina@mail.ru), доктор исторических наук, профессор, директор, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

вии. Его привлекают фигуры командармов М.Н. Тухачевского, Г.Д. Гая, члена РВС республики К.Х. Данишевского, начальника моботдела армии Ш.Н. Ибрагимова, деятельности которых в крае посвящена одна из первых публикаций В.А. Юрченкова [8]. Одновременно он исследует деятельность политических органов 1 армии Восточного фронта среди населения Среднего Поволжья [19; 35].

Тематика, связанная с 1 армией Восточного фронта, стала основой дипломной работы В.А. Юрченкова, успешно защищенной в 1982 г. Стоит отметить, что разработок по данной проблематике практически не было.

Собранный материал, оформленный в дипломную работу, содержание которой «тянуло» на кандидатскую диссертацию, открывал заманчивые перспективы перед В.А. Юрченковым, который в 1982 г. поступил в аспирантуру НИИЯЛИЭ при Совете министров МАССР. Однако знакомство с тематикой исследований сектора истории заставило его задуматься и отойти от военной проблематики, обратившись к региональной гражданской истории. Переломными в его научной судьбе стали поездка в Москву для консультаций по теме кандидатской диссертации и знакомство с членом-корреспондентом АН СССР (позднее академиком РАН) Юрием Степановичем Кукушкиным, который в те годы был деканом исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Кроме того, Юрий Степанович был широко известен как руководитель научной школы по изучению истории советского строительства, под его началом защитили кандидатские диссертации многие аспиранты из Мордовии (В.С. Тягушев, Ю.И. Сальников, Ю.Ф. Кожурин, В.М. Сурков и др.). Именно он предложил В.А. Юрченкову заняться исследованием истории Советов Мордовии в годы Гражданской войны. После некоторых колебаний предложение Ю.С. Кукушкина было принято, на долгие годы советское строительство в регионе в 1918 – 1920 гг. становится одной из основных тем изысканий В.А. Юрченкова.

История Советов Мордовии рассматривалась В.А. Юрченковым как история органов государственной власти, их властная функция представлялась историку доминирующей [33; 27]. Он первым на материалах Мордовии рассмотрел складывание системы местных Советов в годы Гражданской войны. Идея оказалась достаточно плодотворной и была учтена при написании обобщающих трудов по истории Мордовии и двухтомной энциклопедии «Мордовия» (2003-2004 гг.).

При анализе советского строительства в уездах Мордовии В.А. Юрченков испытал на себе влияние последних достижений историографии тех лет, в частности работ доктора исторических наук Ефима Григорьевича Гимпельсона [2; 1], с которым познакомился в 1985 г. в Иваново на научно-практической конференции, посвященной 80-летию первых Советов в России. Отношения с этим неординарным исследователем поддерживались продолжительное время.

Одновременно с написанием диссертационного исследования В.А. Юрченков участвует в двух крупных проектах, которые реализовывались в Мордовии по инициативе профессора Алексея Васильевича Клеянкина – заведующего кафедрой истории СССР Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева: подготовке учебного пособия для исторических и филологических факультетов вузов «История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней» (1984 г.) и коллективной монографии по истории Саранска «Саранск: историко-экономический очерк» (1985 г.)

В 1982 г. В.А. Юрченков познакомился с заведующим кафедрой истории КПСС Мордовского государственного университета, профессором Львом Герасимовичем Филатовым, который вскоре стал не только его соавтором, но и, несмотря на разницу в возрасте, другом. Беседы и споры с ним немало способствовали кристаллизации взглядов молодого ученого на региональную историю. Л.Г. Филатов привлек В.А. Юрченкова к работе над основной проблематикой кафедры – историей рабочего класса Мордовии. С увлечением В.А. Юрченков погружается в материал промышленной статистики и пишет статьи о проблемах гегемонии пролетариата в событиях 1917 г. и Гражданской войны в регионе, пытается дать структурный анализ рабочего класса Мордовии [24; 25]. При этом он солидаризируется с некоторыми выводами одного из ведущих историков того времени профессора Владимира Зиновьевича Дробижева и его учеников [4; 3], интерпретируя их сквозь призму регионального материала.

В 1986 г. В.А. Юрченков был назначен заведующим сектором истории НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Первыми проектами, реализованными коллективом сектора под его руководством, стали труды «Общественно-политическая жизнь села советской Мордовии» (1987 г.) и академический двухтомник «История советского крестьянства Мордовии» (1987-1989 гг.).

В ходе подготовки «Истории советского крестьянства Мордовии» В.А. Юрченков неоднократно встречался с академиком Юрием Степановичем Кукушкиным, главным редактором двухтомника. При совместной работе возникла идея предвдварять главы с региональным материалом параграфами, которые представляли бы общероссийский фон и содержали бы оценочные суждения, соотносимые с изменением историографической ситуации.

К концу 1980-х гг. у В.А. Юрченкова сложилось твердое убеждение о необходимости расширения сфер исследования за счет аграрной тематики. Оно окрепло после личного знакомства с профессорами Петром Серафимовичем Кабытовым (Куйбышевский государственный университет) и Алтером Львовичем Литвиным (Казанский государственный университет), известными специалистами по истории крестьянства Поволжья. В.А. Юрченков пишет об органах государственной власти, но одновременно характеризует и положение в аграрном секторе. Фактически он ставит проблему реакции деревни на политику власти. Стоит отметить, что поиски в этом направлении были характерны для всей российской историографии в целом. Проблема взаимоотношений власти и общества становилась одной из центральных в отечественной исторической науке.

Последние десять с лишним лет В.А. Юрченков активно публиковал свои исследования по региональной истории периода Гражданской войны. В эти годы вышли в свет его работы о крестьянских выступлениях (некоторые из них в соавторстве) [38; 41; 10], советском строительстве и политических партиях [13; 31; 36; 34], деятельности органов ВЧК [5], крестьянстве и его психологии [32; 11], промышленном производстве [23], системе образования [30]. Интерес историка вызвала фигура Ф.К. Миронова как идеолога казачества и крестьянства [17]. Особо стоит выделить статьи В.А. Юрченкова об участниках Белого движения [6; 20; 21]; они были новаторскими для региональной историографии и соотносились с общими тенденциями развития отечественной исторической науки. Стоит отметить, что его работы высоко оценивались специалистами.

Итоговыми работами В.А. Юрченкова по истории Мордовии в годы Гражданской войны стали две монографии, отличающиеся подходами к фактическому материалу и охватом событий.

Книга «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 – 1920 гг.» [7] вышла в свет в 2010 г.

В ней исследователь убедительно показал, что в ходе Гражданской войны достаточно остро встала проблема центра и периферии, поскольку складывалась система, в которой их соотношение было иным, чем прежде.

В.А. Юрченков считает, что в условиях Гражданской войны и «военного коммунизма» население Мордовии было вынуждено осуществлять выбор между центром, где полностью преобладали большевики, и периферией, где чаще всего господствовали белые. Он был сделан в пользу центра, что выразилось в ускоренной национализации промышленности и чрезвычайно высокой степени ее интенсивности, жесткости, порой жестокости в подавлении антисоветских движений, мобилизациях в РККА и т.п. При этом, как считает исследователь, надо иметь в виду, что выбор в большинстве своем осуществлялся стихийно. Местные партийные и советские органы не столько двигали массами, сколько сами шли за ними, постепенно придавая им организационную структуру.

Через взаимодействие власти и общества В.А. Юрченков рассмотрел общественно-политическую жизнь в регионе, факты антибольшевистского сопротивления, особенности «военного коммунизма», участие уроженцев края в Белом движении. Именно такой подход позволил сложить воедино мозаику истории Гражданской войны в регионе, отдельные части которой до этого представлялись на суд общественности в виде отдельных публикаций.

Монография «Российская провинция в годы Гражданской войны 1918 – 1920 гг. Политика, экономика, идеология. На примере Мордовского края» [26] увидела свет в 2011 г. В ней история Мордовии периода Гражданской войны была представлена как взаимовлияние процессов, идущих в сферах политики, экономики и идеологии. Именно взаимодействие и взаимопереплетение этих важнейших сфер, по мнению исследователя, определили развитие российской провинции в 1918–1920 гг. По всем этим направлениям большевики смогли добиться вначале перевеса сил, а затем и победы.

Период конца 1920-х – 1930-х гг. в региональном измерении стал привлекать В.А. Юрченкова как объект исследования в условиях «архивной революции», которая позволила вводить в научный оборот новые пласты источников. Ему – первому из историков – удалось ознакомиться с документами о вскрытии мощей преподобного Серафима Саровского, которые великолепно характеризуют церковную политику власти в 1920-е гг. Ее анализу иссле-

дователь посвятил целую серию своих публикаций [9; 14; 16; 28; 29; 18]. Он предложил трактовать процесс ликвидации мошей как один из факторов общественно-политической жизни тех лет.

В.А. Юрченков первым попытался рассмотреть коренизацию аппарата Мордовской АССР как процесс создания и насаждения новой национальной элиты [12]. Истоки этого процесса он видит в ситуации Гражданской войны, когда большевики, всемерно поддерживая национализм малых наций, создавали себе союзников.

Обращение В.А. Юрченкова к истории Великой Отечественной войны произошло в середине 1990-х гг. и было связано с уже упоминавшейся выше «архивной революцией». В.А. Юрченков первым попытался проанализировать деятельность органов государственной безопасности республики в годы войны [15; 37; 22]. Им были выделены основные направления работы: борьба с «пятой колонной», выявление и ликвидация агентов вражеской разведки, борьба с бандитизмом, дезертирством и пособничеством.

Этапом в исследовательской деятельности В.А. Юрченкова по проблематике Великой Отечественной войны стало его участие в работе над двухтомной коллективной монографией «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг.» (2004–2005 гг.), где он выступил автором ряда глав и ответственным редактором. Написанные им разделы охватывают уже разработанные исследователем темы: деятельность органов правопорядка и государственной безопасности в годы войны. Как составную часть общественно-политической ситуации в стране и регионе исследователь трактует впервые поднимаемую тему функционирования системы ГУЛАГа и содержания военнопленных держав фашистского блока.

В ходе работы над двухтомной монографией «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг.» проявились организационные качества В.А. Юрченкова. Ему удалось сформулировать концепцию книги и создать ее план-проспект, привлечь к его обсуждению ветеранов и участников войны, научную общественность, работников музеев и архивов. Была проделана колоссальная работа, результатом которой стала монография, получившая высокую оценку РАН.

Вполне закономерным явилось участие В.А. Юрченкова в проектах Института Российской истории РАН, связанных с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне. Совместно с коллекти-

вом авторов им были подготовлены разделы по истории Поволжья в годы войны [39; 40].

Вершиной исследований В.А. Юрченкова по истории Великой Отечественной войны стала книга «Война на всех одна. Мордовский край в годы Великой Отечественной войны» (2015 г.), которая создавалась в сложнейших условиях нападков на роль Советского Союза в Великой Победе.

В.А. Юрченков как исследователь всегда тяготел к концептуальным построениям, широким обобщениям в хронологическом плане. Эту черту подметили исследователи его творчества. В связи с этим представляется закономерным появление его книг, носивших концептуальный характер и вышедших почти одновременно: «Начертание мордовской истории» (2012 г.) и «Мордовская история. Курс лекций» (2014 г.). Они содержат в суммированном виде оценочные суждения по региональной истории, в том числе и XX в. Исследователь обобщил практически все указанные выше собственные труды и создал принципиально новую концепцию истории региона. Ее основные положения могут вызвать споры, дискуссии, однако их оригинальный характер несомненен.

За тридцать семь лет научной деятельности В.А. Юрченков прошел путь от первых фактологических публикаций до концептуального осмысления региональной истории. Особенно ярко это просматривается на примере истории XX в., которой посвящена основная масса его исследований. Основные моменты концепции В.А. Юрченкова изложены не только в статьях, но и в монографиях, курсе лекций, научно-популярных книгах. Труды исследователя стали достоянием не только региональной, но и российской исторической науки, оказали серьезное воздействие на изменение историографической ситуации в стране.

Библиографический список

1. Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917—1920 гг.). М.: Наука, 1982. 343 с.
2. Гимпельсон Е.Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М.: Наука, 1968. 510 с.
3. Дробижев В.З., Соколов А.К. Материалы профессиональной переписи 1918 г. как источник изучения социального облика передовых рабочих Советской России // Источниковедение истории Великого Октября. М.: Наука, 1977. С. 218—236.
4. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры: (опыт структурного

анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М.: Изд-во Московского университета, 1974. 224 с.

5. От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2003. 369 с.

6. Юрченков В.А. Алексей Аладыин: метаморфозы убеждений // Центр и периферия. 2008. № 3. С. 24–28.

7. Юрченков В.А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 440 с.

8. Юрченков В.А. Герои гражданской войны в Мордовии // Между Мокшей и Сурой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. С. 209–219.

9. Юрченков В.А. История монастырей в первые десятилетия диктатуры пролетариата (по документам МБ Мордовии) // Историческая наука и архивы. Нижний Новгород: Издательство ВВКЦ, 1993. С. 165–167.

10. Юрченков В.А. Крестьянские восстания 1918 г. в уездах Мордовии // Проблемы российской и социальной истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С. 171–184.

11. Юрченков В.А. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Сред. Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 23–29.

12. Юрченков В.А. Коренизация аппарата Мордовской АССР как создание и насаждение новой национальной элиты (1928–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2014. С. 632–640.

13. Юрченков В.А. Левые эсеры и советское строительство: региональный аспект // Общество и власть. XX век. Труды НИИГН. Саранск, 2006. Т. 5 (122). С. 85–92.

14. Юрченков В.А. Ликвидация мощей святых как фактор общественно-политической жизни 20-х гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX в. Тамбов: ТИХМ, 1993. С. 55–58.

15. Юрченков В.А. Мордовия, 1941–1945 годы: тайные страницы // Странник. 1995. №3. С. 41–47.

16. Юрченков В.А. Моши Преподобного Серафима Саровского (1917–1927 гг.) // Исторический Саров. М.-Саров, 1993. С. 71–88.

17. Юрченков В.А. «Мы в этом глубоко убеждены...». Ф. К. Миронов как идеолог казачества и крестьянства // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 34–39.

18. Юрченков В.А. Надругательство // Серафим Саровский. Альбом / Сост. Юрченков В.А., Полосухина А.И. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. С. 136–144.

19. Юрченков В.А. Не затушает время лица // Блокнот агитатора. 1980. № 21. С. 22–24.
20. Юрченков В.А. «Неисправимой правизной страдал... И.П. Демидов» // Центр и периферия. 2008. № 2. С. 112–119.
21. Юрченков В.А. Николай Езерский: провинциальный либерал, ставший консерватором // Странник. 2009. № 6. С. 118–127.
22. Юрченков В.А. Органы правопорядка и государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (на примере Мордовской АССР) // Великая Победа в памяти народа: материалы Всероссийской конференции 4-5 мая 2010 г. Самара: Самарский филиал МГПУ, 2010. Т. 2. С. 183–186.
23. Юрченков В.А. Промышленное производство Мордовии в условиях военного коммунизма // Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности. Труды НИИГН. Саранск, 2003. Т. 3 (120). С. 159–171.
24. Юрченков В.А. Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (опыт структурного анализа) // Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1989. Вып. 91. С. 89–101.
25. Юрченков В.А. Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (проблема гегемонии) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: МГУ, 1989. С. 40–52.
26. Юрченков В.А. Российская провинция в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. Политика, экономика, идеология. На примере Мордовского края. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 620 с.
27. Юрченков В.А. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 87. С. 26–43.
28. Юрченков В.А. Саровский монастырь: трудные 20-е годы // Саранские епархиальные ведомости. 1993. № 7–9. С. 54–95.
29. Юрченков В.А. Святотатство // Московский журнал. 1994. № 4. С. 41–42.
30. Юрченков В.А. Система образования в уездах Мордовии в условиях социальных конфликтов эпохи военного коммунизма // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 43–54.
31. Юрченков В.А. Советы Мордовии как органы государственной власти в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» // Од вий. 2008. № 1. С. 16–41.
32. Юрченков В.А. Социальная психология крестьянства Мордовии первой четверти XX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства

Среднего Поволжья: Сб. материалов VI регион. науч. конф. историков-аграрников Сред. Поволжья (Г. Йошкар-Ола, 22-23 нояб. 2001 г.). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории: Марийский гос. ун-т, 2002. С. 328–333.

33. Юрченков В.А. Съезды советов и общественно-политическая жизнь мордовского села в первые годы пролетарской диктатуры (1918–1920 гг.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1985. Вып. 79. С. 57–78.

34. Юрченков В.А. Съезды Советов и советское строительство в Мордовии в годы Гражданской войны и военного коммунизма // Общество и власть (1918–1920). Документы уездных съездов Советов Мордовии. В 2 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук, 2010. Т. 1. С. 7–28.

35. Юрченков В.А. Те ульнесь вейсэнъ тевокс: Седее, кода Восточной фронтонь 1 армиянь политоргантнэ роботасть Мордовиянь трудицятнень ютксо 1918-1919 истнестэ [Это было их общим делом: Деятельность политических органов 1 армии Восточного фронта среди трудящихся Мордовии в 1918–1991 гг.] // Сятко. 1980. № 5. С. 55–57.

36. Юрченков В.А. Фракции мелкобуржуазных партий в Советах Мордовии в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» // Од вий. 2008. №. 1. С. 41–53.

37. Юрченков В.А. Фронт без линии фронта // Для них тыл был фронтом. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2002. С. 158–167.

38. Юрченков В.А., Бикейкин Е.Н., Видяйкин С.В., Задкова Т.Ю. Крестьянские выступления на территории Мордовии 1919 – начало 1920 г. // Од вий. 2008. №. 1. С. 53–63.

39. Юрченков В. А., Бикейкин Е. Н., Задкова Т. Ю., Видяйкин С.В., Ивлиев С. А., Денискин Е. И. Поволжье в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Гриф и К°, 2010. С. 352–399.

40. Юрченков В.А., Бикейкин Е.Н., Задкова Т.Ю., Видяйкин С.В., Ивлиев С.А., Денискин Е.И. Поволжье – мощный промышленный регион России в годы войны // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2 кн. М.: ИКЦ Академкнига, 2010. Кн. 2. С. 163–215.

41. Юрченков В.А., Бикейкин Е.Н., Видяйкин С.В., Задкова Т.Ю. «Эх, вы, чапаны...» // Центр и периферия. 2008. № 4. С. 92–97.

Е.Н. Бикейкин, Н.Н. Зоркова, С.А. Ивлиев, Т.Н. Кадрова*

**НАУЧНАЯ ШКОЛА В.А. ЮРЧЕНКОВА:
ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПРОЕКТЫ**

В статье кратко изложены научные концепции доктора исторических наук, профессора В.А. Юрченкова, директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (2001–2017). Освещены наиболее значимые научные проекты, реализованные под руководством В.А. Юрченкова.

Ключевые слова: В.А. Юрченков; научная школа; концепции; история Мордовии.

3 октября 2017 г. Республика Мордовия понесла невосполнимую потерю. Не стало известного ученого-историка, блестящего организатора науки и видного общественного деятеля Валерия Анатольевича Юрченкова, долгое время, вплоть до самой своей кончины, бессменного директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Один из крупнейших ученых республики, Валерий Анатольевич смог поднять гуманитарные исследования в регионе на новый,

* © *Бикейкин Евгений Николаевич* (bikeykin1977@mail.ru), доктор исторических наук, доцент, заместитель директора – ученый секретарь, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Зоркова Нина Николаевна (soledad_83@mail.ru), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Ивлиев Сергей Александрович (ser.ivliev@yandex.ru), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Кадрова Татьяна Николаевна (cad.tatiana@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

отвечающий всем требованиям современности уровень, сделать возглавляемый им институт одним из ведущих центров гуманитарных исследований не только в Мордовии, но и в стране. Благодаря его трудам новое концептуальное оформление получили история мордовского края и мордовского народа.

Вариант концептуального подхода к мордовской истории был предложен В.А. Юрченковым в книге «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (1991) [38]. В основу этой работы была положена идея неповторимости вклада каждого народа в то, что именуется цивилизацией. Параллельно была высказана мысль о несовпадении истории мордовского народа и края, что снимало противоречия в рамках локально-национальной дихотомии. Позднее, в монографии «Взгляд со стороны» (1995) [34] в формирующийся подход была введена категория восприятия, трактуемая как условие диалога между культурами и этносами. В конечном счете у Валерия Анатольевича сложилось убеждение, что историческая реальность и реальность человеческих связей и отношений может быть понята в их субстратной среде, в рамках социальной жизни, на уровне, непосредственно фиксирующем повторяемость и изменчивость ситуаций. Однако при этом, как не раз подчеркивал ученый, существует осознание условного характера и искусственности вычленения изучаемого объекта из окружающего его более обширного социума. Именно с этих позиций были написаны книги В.А. Юрченкова «Мордовский народ: вехи истории» (2007) [36], «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг.» (2010) [35], «1000 историй к Тысячелетию» (2011) [33], «Начертания мордовской истории» (2012) [37] и др. Подобный подход позволил ученому рассматривать региональную историю как совокупность экономических, социальных, политических, этнических и культурных факторов, развивающихся с ускорением. При этом, как справедливо полагал Валерий Анатольевич, возникают условия, когда один из процессов (факторов) может иссякнуть, завершить свой цикл предельного ускорения, но другой процесс (фактор) тем временем набирает скорость. В результате динамика социума не пропадает, идет развитие.

Развивая в дальнейшем эти идеи, ученый сформулировал концепцию о **пульсирующем характере мордовского этноса**. Ее суть заключалась в следующем. Как известно, мордва – один из древнейших автохтонных народов Восточной Европы, включающий в себя два субэтноса: мокшу и эрзу. Существование двух субэтносов по-

зволяет говорить о бинарности как одной из отличительных черт мордовского этноса.

«Деление мордвы на субэтноты закрепилося в российской научной и общественной практике в XVIII столетии, — указывал в этой связи В.А. Юрченков. — К концу XX века оно настолько стало привычным, что мокша и эрзя стали рассматриваться как нечто застывшее, и если можно употребить такой вольный термин, как нечто окостеневшее. Но реальная жизнь гораздо сложнее любой научной схемы или даже выверенной теории» [37, с. 7]. «Дело в том, — писал, обосновывая свою концепцию, Валерий Анатольевич, — что на протяжении истории внутренние и внешние условия существования мордовского народа неоднократно менялись и это приводило к тому, что временами субэтноты (мокша и эрзя) начинали развиваться относительно самостоятельно. Они получали толчок к разворачиванию своих внутренних сил и ресурсов, и возникала тенденция перерастания субэтнот в этноты, вполне самостоятельные, хотя и родственные. Временами же, наоборот, субэтноты оказывались в сложных условиях, требующих объединения усилий, сплочения перед лицом опасности. В этом случае проявлялась тенденция свертывания субэтнот и их консолидации в единый этнос — мордву. Внутренние устремления и амбиции приносились в жертву общим интересам. Таким образом, сложилась пульсирующая этническая система, которая то раскрывается, то свертывается. Можно утверждать, что мордва — пульсирующий этнос. И подобная пульсация сделала его весьма устойчивым и способным быстро и адекватно реагировать на вызовы Истории, позволила уцелеть на ее страницах» [37, с. 7-8]: не быть разорванным в жестком русско-булгарском противостоянии в домонгольский период, пережить «злогорькое» золотоордынское иго, не потерять своего этнического лица после вхождения в состав Российского централизованного государства, создать свою государственность (автономную республику) в советский период истории и т.д.

Скрупулезный анализ разноплановых источников, умелое структурирование разрозненного фактического материала дали возможность Валерию Анатольевичу прийти к еще одному концептуальному заключению — рассматривать **мордву в качестве одного из государствообразующих народов** России. В.А. Юрченков убедительно доказал, что походы князя Святослава в X в. сделали мордву участником процессов генезиса и развития многонациональной державы Рюриковичей. Уже тогда она вошла в состав государствообра-

зующих народов и племен Древней Руси. Монгольское нашествие коренным образом изменило ситуацию, поставив мордовский народ на грань выживания. В невероятно тяжелых условиях трехсот-летнего монголо-татарского ига он смог выжить и подняться, восстановить былое единство с Русью. Мало того, имея многовековой опыт сосуществования с русскими и татарами, — подчеркивал В.А. Юрченков, — мордовский народ выступал порой своеобразным мостом, соединяющим эти два великих народа [37, с. 8; 36, с. 78-83].

В работах ученого убедительно показано, что мордва заняла особое место в истории Российской империи. Она не принадлежала к числу больших доминирующих этносов, однако имела ряд их черт, связанных с ее участием в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель. Первоначально строительство империи было тождественно процессу поглощения окраинных земель и их колонизации, в который мордовские крестьяне включились в силу целого ряда причин (аграрное перенаселение, бегство от устанавливавшихся феодальных порядков, русской помещичьей колонизации, христианизации и т. п.). Однако, несмотря на преимущественно субъективный характер этих причин, объективно мордовские переселенцы совместно с русскими способствовали складыванию имперской системы и поглощению окраинных земель. Они активно участвовали в жизни российского «фронта», внося свой вклад в конструктивные аспекты российской колонизации — рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры [37, с. 8].

В своих работах В.А. Юрченков писал, что в имперский период окончательно сложились сущностные этнические характеристики мордвы, существующие и ныне, — бинарность, пульсирующий характер этноса, его интегрированность в российское общество. Особый акцент делал Валерий Анатольевич на дисперсности расселения мордовского народа, которая еще более усложнила его этническую структуру. С учетом географического фактора в ней, по мнению ученого, можно выделить этническое ядро — компактно живущую на определенной территории основную часть этноса. Вокруг ядра расположена этническая периферия — компактные группы мордвы, так или иначе отделенные от основной ее части. И, наконец, выделяется этническая диаспора — отдельные члены

этноса, рассеянные по территориям, которые занимают другие этнические общности [37, с. 8-9].

Дисперсность и этнически смешанный характер расселения мордвы, с точки зрения В.А. Юрченкова (с которой трудно не согласиться), позволяют характеризовать ее как российский народ с геополитической точки зрения, тем более что в Сибири, на Дальнем Востоке, а особенно в Средней Азии и Казахстане мордовские переселенцы воспринимались местным населением как выходцы из центра России, как этнически русские, как проводники политики центральных властей [37, с. 9].

Научно-исследовательская деятельность В.А. Юрченкова была обращена не только в теоретическую, но и практическую сторону. Так, на X Сафаргалиевских научных чтениях (25–26 апреля 2006 г.) им впервые была высказана **концептуальная идея единения мордовского народа с народами Российского государства** 1000 лет назад – в период святого Равноапостольного великого князя Владимира I Святославича – крестителя Руси. Эта идея положила начало циклу мероприятий, закончившихся грандиозным праздничным действием в 2012 г.

Многовековые связи мордвы и Руси уже в ту далекую эпоху, убедительно доказывал Валерий Анатольевич, подтверждаются историческими источниками. Создание концепции, интеллектуальное и информационное обеспечение и сопровождение проекта на протяжении многих лет (2006–2012 гг.) осуществлялось сотрудниками НИИ гуманитарных наук под непосредственным руководством его директора – В.А. Юрченкова. Концепция прошла экспертизу в Институте российской истории РАН и сделала возможным подписание Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым указа о праздновании юбилейных торжеств. В рамках подготовки к празднованию 1000-летия единения и в ходе самого этого эпохального мероприятия в республике был реализован ряд важнейших проектов, имевших большое значение для социально-экономического и культурного развития Мордовии.

Суть данной концепции сводилась В.А. Юрченковым к следующему. Походы князя Святослава (964–966 гг.) привели к освобождению мордовских земель из-под хазарского владычества, они изменили геополитическую обстановку в Восточной Европе в интересах народов, проживающих на Оке и Волге, так как, проходя через данную территорию, Святослав «организовал управление в Поволжье и Приазовье на основе договора с местным населением».

ем». Об изменении ситуации на данной территории свидетельствуют и многочисленные археологические материалы [37, с. 8; 36, с. 78-83].

Блестящий знаток русских летописей, Валерий Анатольевич указывал на следующие значимые факты, зафиксированные в них. Характеризуя эпоху наивысшего расцвета Древнерусского государства (X—XI вв.), автор «Повести временных лет» упоминает мордву в числе народов, плативших дань Руси: «...А по Оце реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык... А се суть инии языци, иже дань дают руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва...» [24]. Ему, по словам В.А. Юрченкова, вторит автор «Слова о погибели Русской земли»: «...от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до черемись, от черемись до морьдвы, — то все покороно было богомь крестияньскому языку..., великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю кыевьскому; деду его Володимеру и Манамаху... Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера» [29]. Автором дается четкая хронологическая привязка существования мордовского народа в составе Руси — время Владимира Мономаха (1053—1125 гг.), Юрия Долгорукого (конец 90-х гг. XI в. — 1157 г.) и Всеволода Большое Гнездо (1154—1212 гг.).

Таким образом, начиная с X—XI вв., мордовский народ находился в орбите Древнерусского государства и принимал участие в строительстве российской государственности, ее развитии. Единение мордовского народа с многонациональным российским государством было исторически оправданным и необходимым и имело судьбоносное значение. Оно отвечало интересам как русского, так и мордовского народов.

Состоявшееся в 2012 г. Празднование тысячелетия единения мордовского народа с многонациональным Российским государством утвердило стремление к сохранению исторической, государственной и геополитической идентичности России, послужило делу укрепления российской государственности и гармонизации межнациональных отношений в нашей полиэтнической стране. Вклад же Валерия Анатольевича в проведение данного грандиозного мероприятия трудно переоценить.

Находясь на посту директора НИИ гуманитарных наук, В.А. Юрченков инициировал большое количество научно-исследовательских проектов, рассчитанных на десятилетия вперед и важных с точки зрения не только региональной, но и российской науки.

Разработанная под руководством В.А. Юрченкова цельная концепция истории и культуры мордовского народа получила свое выражение в проекте «**Мордовия. XX век**». Этот проект посвящен современному осмыслению основных этапов и путей социально-культурного и исторического развития Мордовии в прошедшем столетии с учетом модели региональной истории, предложенной в отечественной историографии впервые, и в общих чертах приемлемой и для других регионов страны. Проект представлен такими работами, как двухтомные монографии «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» [15] и «Мордовия в послевоенный период. 1945 – 1953 гг.» [16], изданием «На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов» [6] и значительным числом других.

С подачи В.А. Юрченкова коллективом института была начата кропотливая работа по поиску и публикации документов центральных и региональных архивов, проливающих свет на неизвестные факты или слабо разработанные проблемы истории Мордовии, этнографии мордовского народа, его языка и фольклора. Все это стало основной целью комплексного проекта «**Свод документов по истории и культуре Мордовии**». В его рамках осуществлялась подготовка сборников историко-этнографических документов о мордве, документов, освещающих историческое, культурное и социально-экономическое развитие мордовского края, материалов, связанных с историей языкового строительства в Мордовии, образцов фольклорного наследия мордовского народа. Свет увидели многотомные издания «Общество и власть (1918–1920): документы уездных съездов Советов Мордовии» [22], «Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: стенограммы и материалы языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания» [20], «Великая Отечественная война: устная история: Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны» [2] и многие другие.

Подход к пониманию общества как политико-территориальной системы, основанной на взаимодействии центра, отождествляемого с властью, и периферии, воспринимающей властные импульсы и фактически тождественной обществу, позволил Валерию Анатольевичу ввести в проблему «власть – общество» реальность региона и рассмотреть взаимодействие власти и общества как реализацию власти в провинции на примере Мордовии. В проекте «**Власть и общество: российская провинция**» такое взаимодействие анализи-

руется в трех основных плоскостях жизнедеятельности регионального социума — общественно-политической, социально-экономической и социокультурной. Данное направление представлено такими значимыми исследованиями, как «Крестьянство и власть Среднего Поволжья» [8], «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг.» [35], «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект» [9] и прочих.

Благодаря инициативе В.А. Юрченкова в институте начал осуществляться проект **«Археология Мордовского края»**, посвященный изучению и осмыслению древнейшего, главным образом дописьменного, периода истории мордовской земли. Особое место в рамках данного направления Валерий Анатольевич отводил изучению межэтнических контактов: проект позволил проследить культурные и торговые связи населения региона на протяжении веков. Фактическим его началом стала работа над одноименной монографией и издание в 2008 г. первого тома, посвященного ранней истории мордовского народа и края с каменного века до эпохи бронзы [1].

Всестороннему изучению проблем местной истории посвящен проект **«Города и районы Мордовии»**. В его рамках предусмотрено освещение ретроспективного пути становления и развития городов и районов Мордовского края, представление уникального материала об их истории, культуре и природе, извлеченного из архивов и музеев, литературных источников, периодической печати, рассказов старожилов и очевидцев происходивших событий. Первым изданием в рамках проекта была вышедшая в 2008 г. книга «Красная Слобода» [7], посвященная Краснослободскому району Республики Мордовия.

Основной задачей проекта **«Личности»** В.А. Юрченков считал изучение персоналий, чья жизнь и деятельность оказалась связанной с мордовским краем. Много работ в рамках проекта было посвящено таким известным историческим фигурам, как патриарх Московский и всея Руси Никон и прославленный флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков [23; 28]. Данный проект тесно переплетается с издаваемой в институте научно-популярной серией классических трудов **«Наследие»**, призванной, по мысли Валерия Анатольевича, сохранить и передать следующим поколениям результаты научных изысканий видных ученых в области истории мордовского края, этнографии мордовского народа, его культуры и языка. Кроме того, осуществляемая в рамках проекта деятельность предусматривала

не только подготовку и издание научных работ, но и переиздание классических научных трудов. Были переизданы, например, избранные труды исследователей мордвы XIX – первой половины XX в. В.Н. Майнова [10] и А.А. Гераклитова [3].

Исследуя особенности развития культуры Мордовии, В.А. Юрченков исходил из мысли о том, что оно предопределено концептуальными идеями, продиктованными общественно-политической ситуацией в стране, которые получали свое развитие на региональном уровне. Последние десятилетия, по его мнению, стали в России периодом поиска новых моделей построения этнокультурной политики. Этому запросу в полной мере соответствовал проект **«История культуры Мордовии»**, который строился не только на анализе уже имеющихся документов, но и предусматривал введение в научный оборот новых материалов, раскрывающих малоизвестные страницы социокультурной жизни республики. Региональная историография обогатилась такими работами, как «Культура и общество во второй половине XIX в. Социокультурное развитие российской провинции (на примере Мордовского края)» [4], «Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI – XVIII вв.» [31], «Начертание мордовской истории» [37] и прочими.

Проект **«Экономика Мордовии переходного периода»** был направлен на осмысление одного из самых сложных этапов в жизни республики (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.) в разрезе общероссийских особенностей трансформационного процесса социально-экономической системы. Под эгидой проекта вышли такие работы, как «Экономика переходного периода: региональные особенности» [39], «Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы Республики Мордовия» [25], «Республика Мордовия: история, экономика, проблемы» [5] и прочие.

Изучению богатств самобытной этнической культуры народов Мордовии посвящен проект **«Этнокультурный мир Мордовии»**. Ценность данного проекта состояла в возможности показать обусловленное межэтническими контактами взаимовлияние, взаимообогащение национальных культур этих народов. Он представлен такими работами, как «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование» [19], «Как лечились народы Поволжья и Приуралья» [21], «Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита» [30] и другими.

Проект **«Мордва России»** является специальной этнографической работой, посвященной всестороннему изучению мордовской диаспоры Российской Федерации. Говоря о его значимости,

В.А. Юрченков подчеркивал, что мордовский народ – один из крупных народов финно-угорской языковой семьи в нашей стране, который, несмотря на все исторические коллизии, сумел сохранить богатейшее культурное наследие и национальное самосознание, став одним из государствообразующих этносов. Исследования в рамках проекта представлены в ежегодно выходящих монографиях, каждая из которых, как правило, посвящена определенной территории проживания мордовской диаспоры [12; 13; 14].

Актуальным вопросом, требующим тщательного исследования на основе современных методологических подходов, Валерий Анатольевич считал научное осмысление многовекового наследия этноса: его верований, обрядов, фольклора, первооснова которых – мифология. Решению данной проблемы способствовал проект **«Мордовская мифология»**. В рамках проекта фактически была апробирована новая универсальная научная концепция оценки места и роли мифологии в жизни конкретного этноса с учетом динамики преобразований и развития на всем протяжении его существования. Эта концепция нашла свое отражение в таких работах, как энциклопедия **«Мордовская мифология»** [17], **«Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации»** [40] и других.

Уникальный опыт лингвистических исследований мордовских языков, в том числе в области лексикографии, накопленный несколькими поколениями языковедов института, был реализован в проекте **«Мордовские словари»**, который предусматривал выполнение работ по составлению различных типов словарей мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, раскрывающих все богатство и многогранность их лексического строя. В мордовской лексикографии это первый опыт составления подобного рода словарей, поэтому их издание стало заметной вехой в развитии регионального языкознания [18; 26; 27; 11; 32].

Говоря о вышеназванных проектах, в основу которых были положены научные концепции и идеи В.А. Юрченкова, следует помнить, что их успешная реализация была обусловлена прежде всего талантом Валерия Анатольевича как видного ученого и организатора науки, а также его замечательными человеческими качествами, главными из которых была неизменная доброта, способность понять, великодушие. Научная школа В.А. Юрченкова – это и Научно-исследовательский институт гуманитарных наук, которому он отдал так много своих сил, это и исследовательский коллектив института, и, прежде всего, это люди, его ученики, коллеги, друзья, оставшиеся верными ему и его идеям.

Библиографический список

1. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 551 с.
2. Великая Отечественная война: устная история: свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны: в 5 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015–2017.
3. Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011.
4. Гусева Т.М. Культура и общество во второй половине XIX в.: социокультурное развитие российской провинции (на примере Мордовского края). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 245 с.
5. Кильдюшкина И.Г. Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. 254 с.
6. Кониченко Ж.Д., Юрченков В.А. На пороге реформ: общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск: [б.и.], 2006. 366 с.
7. Красная Слобода: (Краснослободской район Республики Мордовия: исторический очерк). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 457 с.
8. Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Сред. Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая, 2003 г.). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2004. 543 с.
9. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1046 с.
10. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. 293 с.
11. Mokшанско-русский школьный словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2016. 392 с.
12. Мордва Дальнего Востока: Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 309 с.
13. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009.
14. Мордва Саратовской области: в 2 ч. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009.
15. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005.
16. Мордовия в послевоенный период: монография: в 2 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012–2015.

17. Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013.
18. Мордовские языки: энциклопедия. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 384 с.
19. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 607 с.
20. Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: стенограммы и материалы языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания: в 3 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015.
21. Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск: Ковылкинская типография, 2005. 213 с.
22. Общество и власть (1918–1920): документы уездных съездов Советов Мордовии: в 2 т. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010–2013.
23. Патриарх Никон: стяжание Святой Руси – созидание государства Российского: в 3 ч. Москва: Издательство РАГС, 2009–2011.
24. Повесть временных лет // URL: <http://bookscafe.net>– <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>
25. Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы республики Мордовия. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 210 с.
26. Русско-мокшанский школьный словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2015. 360 с.
27. Русско-эрзянский школьный словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2015. 368 с.
28. Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2006. 373 с.
29. Слово о погибели Русской земли // URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-pogibeli-russkoj-zemli/slovo-o-pogibeli-russkoj-zemli-original.htm>
30. Шилов Н.В. Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита: монография. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. 261 с.
31. Шкердина Н.О. Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI–XVIII вв. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 264 с.
32. Эрзянско-русский школьный словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2016. 392 с.
33. Юрченков В.А. 1000 историй к Тысячелетию. Саранск: Издатель К. Шапкарин, 2011. 336 с.

34. Юрченков В.А. Взгляд со стороны: Мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов XI–XVIII ст.: Исторический очерк. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1995. 284 с.

35. Юрченков В.А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 440 с.

36. Юрченков В.А. Мордовский народ: вехи истории. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. 457 с.

37. Юрченков В.А. Начертание мордовской истории: монография. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 611 с.

38. Юрченков В.А. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1991. 367 с.

39. Юрченков В.А. Экономика переходного периода: региональные особенности: Попытки использования достижений НТР и развитие промышленности Мордовии в первой половине 1980-х гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2006.

40. Юрченкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009. 411 с.

УДК 930+37.014

Н.О. Шкердина*

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ Г.А. КУРШЕВОЙ

Статья посвящена анализу истории развития регионального образования в условиях модернизационных преобразований в СССР (в 1920–1941 гг.) в трудах доктора исторических наук, профессора Куршевой Галины Александровны.

Ключевые слова: власть и общество; модернизация системы образования; Мордовия в 1920–1941 гг.; образование в условиях индустриализации.

* © Шкердина Надежда Олеговна (shnadejda@bk.ru), кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

1990-е — начало 2000-х гг. стали временем не только глобальных общественно-политических, социально-экономических и социокультурных преобразований, но и периодом пересмотра теоретико-методологических подходов в исторической науке. В результате этого мы наблюдаем резкую актуализацию ряда тем, связанных с переосмыслением советской историографии. В числе таких тем было новое видение отношений власти и общества, возникшее как следствие демократизации общества, потери прежних идеологических ориентиров, изменения отношения социума к властным структурам, трансформации методологии исторических исследований и введения в научный оборот новых источников, которые ранее были недоступны по ряду причин.

Так, одной из ключевых проблем исторической науки становится детальное изучение исторических явлений и социальных институтов через систему разнообразных аспектов взаимодействия власти и общества. Особый интерес стало представлять исследование взаимодействия власти и общества в ключевые периоды российской и региональной истории, когда происходили существенные общественно-политические, социально-экономические и социокультурные трансформации. Такие исследования стали проводиться как на российском, так и на региональном уровнях.

В связи с этим особый интерес вызывает целый комплекс работ Г.А. Куршевой, созданный в последние два десятилетия. В них она обращается к проблемам взаимодействия государства и общества в образовательной сфере в первые десятилетия XX в. В эти годы в стране происходили не только масштабные общественно-политические преобразования, но и социальные конфликты, вылившиеся в революции 1905–1907 гг. и 1917 г. [5]. Особенность ее исследовательского подхода заключается в детальном анализе взаимоотношений власти, общества и образования на региональном уровне [9, с. 198].

Нужно сказать, что Г.А. Куршева одной из первых в региональной историографии стала рассматривать образование с новых позиций: во-первых, во взаимосвязи с политикой, реализуемой государственной властью; и, во-вторых, в связи с реакцией общества на те преобразования, которые осуществляла власть в сфере образования. Это новаторский подход, поскольку в советской историографии Мордовии многие десятилетия существовал устоявшийся трафарет: рассматривать образовательный компонент как составную часть культурно-просветительской политики государства; при

этом многие вопросы освещались преимущественно с идеологических позиций. В отличие от историков советского периода, в своих работах Г.А. Куршева основное внимание акцентирует на изучении всего многообразия взаимосвязей между властью, обществом и образованием в период модернизации в СССР в 1917 – 1950-е гг. на примере Мордовии [1; 3; 8].

Актуализирует данный исследовательский подход и то обстоятельство, что в настоящее время историю отечественного просвещения и образования сложно представить вне взаимодействия сил государства и общества в процессе выработки стратегии развития образования на определенный временной период. Эта проблема особенно стоит остро перед исследователями в последние три десятилетия, когда общественно-политические преобразования существенным образом повлияли на разработку подходов и выработку направлений развития образования, определение его приоритетных целей и задач в настоящее время.

Красной нитью через исследования Г.А. Куршевой проходит разработка проблем развития системы регионального образования в конце XIX – первой трети XX в. сквозь призму взаимодействия власти и общества в условиях кризисных явлений, государственного строительства и модернизационных преобразований общественно-политической, экономической и социокультурной жизни России и мордовского края в этот период [1, с.9].

Особый интерес для нас представляют ее работы «Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг.» (2007), «Образование и власть в Мордовии (1917 – 1941 гг.)» (2007), «Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в. (на примере мордовского края)» (2011) и т.д.

В монографиях Г.А. Куршевой «Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг.» и «Образование и власть в Мордовии (1917 – 1941 гг.)» последовательно и детально исследуются основные тенденции становления системы образования, ликвидации неграмотности и введения всеобщего начального образования сквозь призму взаимодействия власти и общества в региональном образовательном пространстве. Автор изучает не только процесс становления системы советского образования в регионе, но и постепенное превращение школы в «орудие коммунистического перерождения общества» с целью формирования «нового человека социалистического общества». В дан-

ном случае речь идет не только о перестройке всей системы образования, которое теперь всецело было подчинено государственной идеологии, но и о том, что образование стало своеобразным орудием реализации основных направлений национальной политики в регионе [1; 3].

Анализируя особенности развития школьного образования в 1920-1930-е гг. в Мордовии, наряду с общероссийскими тенденциями, Г.А. Куршева выявила региональные особенности, обусловленные, в частности, такими факторами: более поздним установлением советской власти, серьезной экономической и культурной отсталостью края по сравнению с центральными промышленными регионами России, национальной неоднородностью населения. Помимо этого, становление советской модели образования в Мордовии происходило в условиях перехода к ускоренной индустриализации, начала массовой коллективизации сельского хозяйства, создания национальной автономии. Совпадение всех вышеозначенных факторов привело к острой нехватке квалифицированных кадров, финансовых средств, слабому развитию образовательной инфраструктуры по сравнению с подобными показателями в центральных регионах России. Гонка за количественными показателями во время осуществления всеобщего обучения отрицательно сказалась на качестве образования, но это было обусловлено политической конъюнктурой, поскольку Всеобуч был скорее политической, чем просветительской задачей, что особенно ярко проявлялось на региональном уровне [1; 3]. Кроме того, до 1929 г. не было единого центра руководства строительством мордовской школы, проблемы школьного образования решались разрозненно, в зависимости от возможностей губерний и уездов, где проживала мордва. Сочетание объективных трудностей с субъективными факторами не позволило даже к началу 1940-х гг. воплотить в жизнь главное требование советской власти – осуществить в национальной школе обучение на родном языке [4].

Нельзя не отметить стремление Г.А. Куршевой быть объективной в своем исследовании. Так, помимо негативных сторон, ею самым тщательным образом были изучены и серьезные достижения советского государства в сфере регионального образования: расширение сети образовательных учреждений, доступность школьного образования для детей рабоче-крестьянского происхождения с предоставлением им различных льгот и тому подобные меры, позволившие осуществить переход от всеобщего обязательного на-

чального образования к всеобщему семилетнему обучению уже к середине 1930-х гг. [8, с. 118].

Можно сказать, что автор всесторонне исследовала региональный опыт становления советской школы с учетом многочисленных нюансов, обусловленных спецификой социокультурного развития Мордовии в условиях общественно-политических и экономических преобразований в стране в 1920–1930-е гг.

В 2011 г. в свет вышла работа Г.А. Куршевой «Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в. (на примере мордовского края)». В ней автор продолжила освещать особенности становления, развития и перестройки системы образования в регионе. Это исследование стало логическим продолжением предыдущих работ и итогом многолетнего кропотливого труда, связанного с теоретико-методологическим анализом накопленного материала [10].

Центральное место в этом исследовании занимает осмысление роли образования в сложной архитектуре взаимодействия власти и общества. Хронологические рамки исследования были расширены по сравнению с предыдущими трудами Г.А. Куршевой; нижней границей исследования стал конец XIX в., что позволило изучить особенности развития образования в нашем регионе в динамике с учетом общественно-политических, экономических и социокультурных преобразований, имевших место еще в Российской империи. Но цивилизационная неоднородность обуславливала неравномерность развития в разных частях государства. Регионы страны включались в модернизационные процессы не одновременно. Типичным примером этой тенденции может служить мордовский край. Другим интересным аспектом данного исследования является положение автора о том, что система «общество – власть – образование» является одной из базовых систем в поступательном развитии общества и играет ключевую роль в модернизационных процессах, которые неповторимы и зависят от геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т.д. [3, с. 7].

Большой интерес для нас представляет историографический обзор и критический анализ литературы по избранной теме, позволяющий утверждать, что изучение системы «общество – власть – образование» находится на начальном этапе разработки. В настоящее время остаются практически не изученными потребности общества в образовании и его реакция на политику власти, слабо

исследованы взаимоотношения власти и системы образования в региональном социуме. До настоящего времени практически не предпринималось попыток исследовать историю развития системы управления образованием, а также правительственную политику в данном вопросе. Кроме того, данное исследование стало, в сущности, первой комплексной работой по изучению позиции власти в сфере образовательной политики на региональном уровне в период с конца XIX в. и до 1941 г. [2, с. 34].

Важным аспектом исследования Г.А. Куршевой является то, что ею изучены общие и специфические черты государственной национальной политики по аккультурации инородческого населения России с целью активной интеграции его в социокультурное и общественно-политическое имперское пространство. По мнению Г.А. Куршевой, школе в этой деятельности отводилось одно из первостепенных мест. Именно школа, которая до 1917 г. была преимущественно представлена церковно-приходскими школами, должна была способствовать созданию мордовской культуры, национальной по форме, православной по содержанию. После 1917 г. кардинально изменилась идеологическая составляющая образования, но школе по-прежнему отводилось первостепенное место в воспитании нового поколения с социалистическими взглядами, активного участника будущих преобразований. В связи с этим школа по-прежнему играла важную роль в реализации основных направлений национальной политики советского государства [6, с. 339-351].

Г.А. Куршева детально исследовала то, каким образом в 1930-х гг. происходило не только становление высшей школы Мордовии, которая должна была осуществить подготовку лояльных советской власти квалифицированных специалистов, но и воспитание генерации национальных кадров, необходимых для дальнейших преобразований региона и страны [7].

Большой интерес вызывает всестороннее исследование кадрового состава педагогического состава школ Мордовии. Особое внимание исследователь уделила анализу материалов, которые позволяют составить представление о политических взглядах учителей. Многим учителям – выходцам из деревни – были близки взгляды социалистов-революционеров (эсеров). Некоторые педагоги не просто сочувствовали эсерам, а вели активную пропаганду их взглядов. Особую позицию занимали учителя – выходцы из мордвы, принадлежавшие преимущественно к религиозной интеллигенции, которая использовала поддержку государства, преимущества обра-

зования и знание русского языка для реализации этнических интересов мордвы и развития этнического сознания. Таким образом, можно сказать, что деятельность учительства мордовского края в целом являлась важнейшим фактором социально-культурной и экономической жизни региона.

Это исследование представляет большой интерес, поскольку названный труд стал, в сущности, первой комплексной работой по изучению позиции власти в сфере образовательной политики на региональном уровне с конца XIX в. и до 1941 г. [2].

В последующие годы разработки Г.А. Куршевой в сфере исследования взаимодействия власти и общества в образовательном пространстве региона получили продолжение в публикациях многочисленных статей и в коллективном двухтомном исследовании «Культура Мордовии. XX век» [4; 7]. В этом коллективном труде перу Г.А. Куршевой принадлежат разделы, посвященные исследованию становления и развития системы образования в Мордовии в годы гражданской войны и «военного коммунизма»; в них выявляются особенности совершенствования школьного образования и подготовки педагогических кадров в довоенный и послевоенный периоды. В этих параграфах получили дальнейшее развитие основные научные и теоретико-методологические положения, характеризующие особенности развития регионального образования в системе взаимоотношений власти и общества, обогащенные новой источниковой базой.

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что исследования Г.А. Куршевой ценны тем, что в них автор стремится дать всестороннюю, объективную оценку истории становления и развития системы образования и последствий взаимодействия власти и общества в региональном образовательном пространстве. Анализируя исследования Г.А. Куршевой, можно особо отметить, что для них характерна интеграция двух направлений социально-исторической проблематики. Первое из них – исследование взаимодействия регионального социума и власти в сфере образования с конца XIX и до середины XX в. Политика государства в сфере образования, подобно лакмусовой бумаге, отражает все своеобразие эпохи, подчеркивая достоинства и недостатки тех или иных общественно-политических, экономических и социокультурных явлений. Но, помимо исследования особенностей эволюции регионального образования, Г.А. Куршева развивает в своих трудах актуальное научное направление, связанное с детальным изучением отдельных сторон советской повседневности. Это нашло реализацию в ее многочислен-

ных публикациях. В настоящее время Г.А Куршева активно вводит в научный оборот новые факты и исторические источники, позволяющие пролить свет на развитие системы регионального образования в период с конца XIX до конца XX в. и его роль в системе взаимодействия власти и общества.

Библиографический список

1. Куршева Г.А. Образование и власть в Мордовии (1917 – 1941 гг.). Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2007. 136 с.

2. Куршева Г.А. Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в. (на примере мордовского края). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 549 с.

3. Куршева Г.А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2007. 368 с.

4. Куршева Г.А. Региональная система образования. Начальное и среднее образование // Культура Мордовии. XX век: В 2 т. Саранск: НИИГН, 2018. Т. 1. С. 226–256.

5. Куршева Г.А. Учительская интеллигенция и революция 1905–1907 гг.: революционный аспект // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой русской революции. Ульяновск: «Симбирская книга», 2005. С. 111–117.

6. Куршева Г.А. Учителство в годы революций 1917 года и гражданской войны (региональный аспект) // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV Региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. С. 339–351.

7. Куршева Г.А. Учителство и подготовка педагогических кадров // Культура Мордовии. XX век: В 2 т. Саранск: НИИГН, 2018. Т. 1. С. 256 – 276.

8. Куршева Г.А. Формирование советской модели системы народного образования и крестьянство: региональный аспект // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2015. № 3 (35). С. 87–102.

9. Куршева Г.А., Юрченков В.А. Поволжье и Мордовия: проблемы соотношения социокультурных пространств // Самоорганизация социокультурного пространства Поволжских регионов: векторы, факторы, механизмы изменения: материалы всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Ульяновск: Ид-во УлГУ, 2006. Ч. 1. С. 198–203.

10. Региональное образование через взаимодействие власти и общества. Творческий портрет Галины Александровны Куршевой // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 87–91.

УДК 7(091)

РОЛЬ И.Д. ВОРОНИНА В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОРДОВИИ

В статье раскрывается вклад выдающегося ученого, летописца мордовского края И.Д. Воронина в сохранение исторического облика республики; его деятельность на посту председателя Мордовского республиканского отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: И.Д. Воронин; памятники истории и культуры; ВООПИК; охрана памятников; Республика Мордовия; историческая память.

Сохранение памятников истории и культуры – важная задача для каждого общества. Ведь любой памятник воплощает собой то, что значимо для человечества: ценность природы, ценность великих побед, ценность литературного наследия, ценность научных открытий, ценность веры и традиций и т.д. И здесь нельзя провести грань по их значимости. Для будущего одинаково важны как общемировые памятники истории и культуры, в которых заключено наследие целых эпох и великих культур, так и местные, которые несут в себе национальную значимость, тот фрагмент памяти, который значим именно для данного народа, региона, города. Более того, последние выполняют важную роль – воспитывают чувство патриотизма. А потому перед современниками стоит важная задача – сохранить и донести до будущих поколений наследие и духовное богатство своего народа.

В данной работе на примере небольшого отрезка времени – 1970–1980 гг. – мы проследим, как велась работа по сохранению памятников истории и культуры в Республике Мордовия, а также осветим деятельность выдающегося ученого, одного из подвижников дела охраны памятников и патриота своей малой Родины Ивана Дмитриевича Воронина (1905–1983). И.Д. Воронин на протяже-

* © Пивцайкина Ольга Александровна (olga_poa@mail.ru), старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

нии 10 лет возглавлял Мордовское республиканское отделение Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (МРО ВООПИК). Его назначение на этот пост было неслучайным, он был известен в республике как человек, дороживший историческими местами и памятниками родного края. Результатами его многочисленных изысканий стали работы: «Саранск. Историко-документальные очерки» (1961 г.), «Достопримечательности Мордовии. Природные, исторические, культурные» (1967 г.), а также множество статей, посвященных истории республики.

70-е годы прошлого столетия можно охарактеризовать как время расцвета дела охраны памятников истории и культуры в Мордовии, когда в этой сфере произошли существенные изменения, и во многом – благодаря неустанным стараниям И. Д. Воронина. Были проведены работы по увековечиванию памятных мест. Мемориальными досками были отмечены здание Городского Совета, где в 1930 г. была провозглашена Мордовская автономная область, а также здания, где проходили первый съезд Советов Мордовского национального округа и 1 съезд Совета Мордовского округа [7, Д. 12. Л. 24]. Памятные знаки появились также на зданиях, где проживали деятели истории и культуры Мордовии: художник В.Д. Фалиев, народный артист Мордовской АССР И.М. Яушев, профессор М.Н. Коляденков и др. [7, Д. 12. Л. 24]. Как видно, ВООПИК РМ отдавал приоритет памятникам советской истории. К памятным местам относилось все, что так или иначе было связано с установлением советской власти и ее деятелями [7, Д. 19. Л. 5, 32]. На средства государства воздвигались памятники вождю русской революции В. И. Ленину. В городах Саранске, Рузаевке, Краснослободске и др. районах республики их было сооружено более пятидесяти. Повсеместно устанавливали памятники воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, борцам революции [7, Д. 48. Л. 11].

В то же время воздвигались памятники и деятелям дореволюционной истории, взгляды которых не шли вразрез с официальной идеологией советского государства: сподвижнице С.Т. Разина Алене Арзамасской [7, Д. 27. Л. 37] и адмиралу Ф.Ф. Ушакову [7, Д. 48. Л. 11], ученому, педагогу и просветителю М.Е. Евсееву [7, Д. 49. Л. 7], повстанцу Е.И. Пугачеву [7, Д. 48. Л. 11] и многим другим.

Чтобы сохранить в памяти современников и потомков имена выдающихся уроженцев родного края, сыгравших важную роль в историческом и культурном развитии республики, многим ули-

цам городов и сел Мордовской АССР были присвоены их имена: улица Л.И. Воинова [7, Д. 19. Л. 13] в г. Саранске, улица Алены Арзамасской в г. Темникове [7, Д. 25. Л. 34], улица А. В. Веденяпина в селе Селище и г. Краснослободске [7, Д. 14. Л. 68].

Иван Дмитриевич Воронин активно выступал за сохранение старинных архитектурных памятников, говорил о важности их учета и сохранения для потомков [4]. Он считал необходимым консультирование городских властей с Обществом охраны памятников при сносе старых домов [7, Д. 12. Л. 12]. Еще в 1961 г., в своей книге «Саранск: Историко-культурный очерк» Иван Дмитриевич сожалел о том, что некоторые памятные места предаются забвению: «Триста с лишним лет существовал в Саранске исторический вал, сооруженный для укрепления юго-восточных рубежей России. В последние 7-8 лет он уничтожается, безвозвратно исчезают башенные основания. А почему бы не сохранить хоть небольшой кусочек этого вала...»; «В Саранске много еще не увековеченных домов-памятников и замечательных исторических мест. Дома-квартиры А.Г. Малышкина, писательницы Н.А. Тучковой-Огаревой, писателя А.Я. Дорогойченко... — все это ждет увековечения», «“Мордовская дорога”, “Казачье поле”, “Ярмарочные ряды”... все это должно быть отражено в названиях улиц, площадей, парков...» [2, с. 258-259].

Ученый с большой любовью и гордостью говорил о таких памятных местах, как Темников, где находятся усадьба великого флотоводца Ф.Ф. Ушакова и Санаксарский монастырь, о многочисленных памятниках Саранска, об усадьбе декабриста А.В. Веденяпина в Краснослободском районе, об Акшино, где находится усадьба Н.П. Огарева — все это он называл «мордовской ветвью Золотого кольца» [3].

В то же время И.Д. Воронин был человеком своего времени, которое диктовало свои условия, и в деятельности ученого наблюдались черты конформизма, особенно бросающиеся в глаза сегодня. Это, например, отказ от привлечения христианской догматики для понимания идей, положенных в основу того или иного произведения архитектуры. Такие памятники истории, как церковь Иоанна Богослова, Санаксарский монастырь, Макарьевский погост, он рассматривал в качестве инструмента «преодоления религиозных предрассудков» [7, Д. 8. Л. 39]. В своем докладе на III республиканской конференции МРО ВООПИК И.Д. Воронин предложил использовать эти памятники в атеистическом воспитании. «Нам не

следует забывать, — отмечал ученый, — что в настоящее время преодоление религиозных предрассудков остается важнейшей составной частью идеологической работы по формированию научно-реалистического мировоззрения советских людей. Пропагандируя произведения древнего искусства... надо проводить мысль о том, что хотя они и создавались как предметы религиозного культа, но в настоящее время они представляют для нас определенный интерес как художественные ценности, имеющие большое значение в эстетическом воспитании трудящихся» [7, Д. 8. Л. 39].

Подобные взгляды Воронина были связаны с тем, что в СССР преимущество отдавалось памятникам советской истории. В рамках официальной идеологии атеизма не входила забота о культовых объектах, и такие памятники, как Макарьевский погост, церковь Иоанна Богослова, Санаксарский монастырь и т.п., находились в плачевном состоянии. «Значимость» этих памятников для советской власти можно проследить на следующем примере. Так, в сводном плане основных реставрационных работ на 1976-1980 гг. на реставрацию историко-революционных памятников выделялось 150 000 рублей, а на памятники архитектуры (в частности, Санаксарский монастырь) — всего лишь 30 000 рублей [7, Д. 16. Л. 61]. Важно, что средства все же выделялись. Однако сроки реставрации постоянно затягивались [7, Д. 14. Л. 31; Д. 16, Л. 61; Д. 48, Л. 12].

С памятниками советского периода дела обстояли по-другому. В 1972 г. в ознаменование 50-летия образования СССР и в соответствии с постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР и Президиума ЦС ВООПИК от 7 января 1972 года по всему Советскому Союзу проводился смотр памятников истории советского общества, главной задачей которого было дальнейшее улучшение учета, охраны и использования в коммунистическом воспитании трудящихся памятников истории советского общества. В информационном письме «Об итогах Всероссийского смотра» отмечалось, что особенно успешно смотр прошел в Мордовской АССР [7, Д. 16. Л. 3]. В период проведения акции в Мордовии было выявлено 40 ранее неучтенных памятников истории советского общества [7, Д. 16. Л. 7].

Для широкого привлечения общественности к делу охраны памятников МРО ВООПИК ежегодно с апреля по май проводил месячники по ремонту и благоустройству памятников истории и культуры; читались лекции, издавались памятки — обращения к учащимся. Еще в самом начале своей деятельности И.Д. Воронин вы-

ступил с предложением ввести в Мордовии, по примеру городов-героев, почетные дежурства пионеров и комсомольцев у памятников погибшим воинам, организовать ежедневные дежурные посты по постоянному содержанию памятников в благоустроенном виде [7, Д. 8. Л. 27]. И.Д. Воронин был одним из инициаторов открытия музеев мордовского композитора Л. П. Кирюкова в с. Ачадово, писателя А.С. Новикова-Прибоя в Zubovo-Полянском районе, музея военного кинооператора, лауреата Сталинской премии В.А. Сущинского в школе № 14 г. Саранска, краеведческого музея в г. Ковылкино [7, Д. 14. Л. 38]. В честь столетнего юбилея мордовского скульптора С. Д. Эрьзы в 1985 году в Саранске была открыта картинная галерея [7, Д. 25. Л. 85].

По инициативе МРО ВООПИК в 1974 г. Министерство культуры СССР выпустило на экраны страны киножурнал «Памятники истории и культуры Мордовии» (в 2-х частях) [7, Д. 14. Л. 39-40; Д. 23, Л. 32]. Тогда же было принято решение выпустить альбом «Выдающиеся земляки Мордовии». В этот альбом вошли сведения о таких выдающихся личностях, чья судьба была связана с мордовским краем, как великий русский флотоводец Ф.Ф. Ушаков, поэт-демократ Н.П. Огарев, поэт-революционер А.И. Полежаев, скульптор С. Д. Эрьза, мордовский просветитель М.Е. Евсевьев, художник Ф.В. Сычков, академик В.П. Филатов и др. [7, Д. 14. Л. 5]. Издание альбома было осуществлено совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики (МНИИЯЛИЭ) при Совете Министров Мордовской АССР. Ответственным редактором был назначен Иван Дмитриевич Воронин [7, Д. 14. Л. 6].

В советское время большую роль в жизни трудовых коллективов играло социалистическое соревнование. 31 августа 1971 г. ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования». Главным направлением социалистического соревнования являлась «...мобилизация трудящихся на всемерное повышение производительности труда, эффективности общественного производства – на снижение трудовых затрат, рациональное использование и экономию сырьевых и материальных ресурсов, повышение качества продукции, улучшение использования производственных фондов и капитальных вложений» [4, с. 153-154]. Применительно к ВООПИК это означало повышение количества членов организации, а, следовательно, и членских взносов, увеличение количества сооружаемых памят-

ников. В 1974 г. именно эти обязательства МРО ВООПИК взялось выполнить в ходе социалистического соревнования с Чувашским республиканским отделением [7, Д. 23. Л. 8]. В результате ежегодно увеличивалось количество индивидуальных и коллективных членов Общества; МРО ВООПИК добилось создания первичных организаций почти во всех учебных заведениях города, решая при этом задачу привлечения широкой общественности к непосредственному участию в охране памятников [7, Д. 12. Л. 23]. Воронину удалось превратить ВООПИК в поистине массовую организацию. К 1979 г. членством в организации было охвачено около 12% населения [7, Д. 48. Л. 15]. Ежегодно перевыполнялись планы по сбору членских взносов, возводились новые памятники, увеличивалось число лекций и собраний.

Но была и оборотная сторона медали. Постоянная погоня за результатами приводила к тому, что учитывалась лишь количественная составляющая, а качество подчас страдало. Были случаи нарушения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 июля «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов». Так, некоторые предприятия возводили низкие по идейно-художественному уровню и качеству памятники и обелиски, расходуя на эти цели значительные средства [7, Д. 21, Л. 26-27; Д. 48, Л. 13]. Кроме того, встречались случаи незаконного зачисления в члены Общества [7, Д. 25, Л. 9]. Несмотря на увеличение количества лекций, отмечался их низкий уровень [7, Д. 48. Л. 15].

За время работы Воронина на посту председателя Совета МРО ВООПИК в республике провели знаменательные мероприятия, в результате которых были увековечены важнейшие моменты исторического и культурного развития Мордовии. Одним из таких событий стало празднование 150-летнего юбилея восстания декабристов. МРО ВООПИК провел большую работу по выявлению и сохранению памятных мест декабристов. На могиле декабриста А.В. Веденяпина в селе Селище Краснослободского района был установлен памятник, проводились реставрационные работы в доме-усадебке братьев-декабристов Веденяпиных, была установлена мемориальная доска. К юбилейной дате была издана книга С.С. Конкина «Декабристы брата Веденяпина» тиражом в 6000 экз. [7, Д. 23. Л. 4-5], а также был подготовлен цикл лекций о восстании декабристов в 1825 году, о жизни и деятельности братьев Веденяпиных [7, Д. 14. Л. 69].

Еще одним значимым мероприятием было проведение в 1975 г. 200-летнего юбилея Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. В честь пребывания Пугачева в Саранске было установлено 3 памятных знака: гранитная глыба в бывшем селе Посоп, где находилась glavная ставка его войск, мемориальная доска на бывшем здании около Саранского моста, где жители г. Саранска торжественно встречали Е.И. Пугачева, и мемориальная доска на бывшем здании Саранского Петропавловского монастыря (Советская, 49а), где архимандрит Александр организовал Пугачеву торжественный прием. На базе МНИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР и Мордовского государственного университета им. Огарева была проведена научная конференция, посвященная этому событию [7, Д. 23. Л. 15].

Особое внимание в работе ВООПИК уделялось празднованию юбилеев Победы в Великой Отечественной войне. К 25-летию Великой победы в Саранске был открыт памятник-ансамбль воинам Мордовии, погибшим в годы Великой Отечественной войны [7, Д. 12. Л. 25]. В ходе подготовки к проведению 30-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией во многих населенных пунктах Мордовской АССР были составлены списки воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, было вновь установлено более 70 мемориальных досок на зданиях, где в период войны находились военные госпитали или выполнялись специальные задания ГКО СССР [7, Д. 12. Л. 25]. Мемориальные доски устанавливались и на домах, где родились и жили Герои Советского Союза [7, Д. 30. Л. 45].

МРО ВООПИК также проводил работы по составлению паспортов на памятники археологии, по выявлению новых археологических памятников. Разведки проводились на территории Zubovo-Поляновского, Темниковского, Дубеновского, Старошайговского, Теньгушевского, Атяшевского, Ардатовского районов, а также в некоторых районах других областей, прилегающих к Мордовской АССР [7, Д. 14. Л. 83].

И.Д. Ворониным была проделана огромная работа в деле охраны памятников истории и культуры Мордовии, которая была оценена по достоинству. 30 сентября 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему было присвоено звание Заслуженного работника культуры РСФСР [6]. В июле 1976 г., в год 10-летнего юбилея ВООПИК, И.Д. Воронин решением президиума Центрального Совета ВООПИК был награжден значком «За активную рабо-

ту в Обществе» [7, Д. 16. Л. 41]. В 1979 г. МРО ВООПИК решением президиума Центрального Совета ВООПИК был награжден дипломом второй степени за успешное выполнение поставленных задач и социалистических обязательств [7, Д. 29. Л. 62-63].

Таким образом, роль И.Д. Воронина в деле охраны памятников истории и культуры Мордовии поистине неограничена. Он раскрыл многие исторические и культурные аспекты развития Мордовии, сумел сохранить для потомков памятники истории и культуры родного края. Но, пожалуй, главная его заслуга состоит в воссоздании исторического облика Мордовского края. Ивана Дмитриевича по праву называют летописцем нашей республики. Благодаря его стараниям отмечены памятными знаками исторические места Мордовии, а потомки могут гордиться историей своего края. Символично, что в 2005 г., в год 100-летнего юбилея ученого, Мордовскому республиканскому объединенному краеведческому музею было присвоено имя И.Д. Воронина [5] – основателя современного краеведения Мордовии.

Библиографический список

1. Воронин И.Д. Архитектурная классика // Советская Мордовия. 1971. 15 декабря.
2. Воронин И.Д. Избранное / Редколл.: В.А. Юрченков (председатель), Е.В. Глазкова, Т.М. Гусева и др. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. 432 с.
3. Воронин И.Д. Мордовская ветвь // Советская Мордовия. 1972. 14 ноября.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1971). 8-е изд., испр. и доп. Т. 2: 1917-1924. М.: [б. и.], 1970. 543 с.
5. Распоряжение Правительства Республики Мордовия № 1220–р от 07.11.2005.
6. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР Воронину И.Д. // Советская Мордовия. 1975. 2 октября.
7. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-3609. Оп. 1.

НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В РАБОТЕ НАД ТУЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется процесс подготовки к изданию региональной энциклопедии. Освещается процесс выработки концепции «Тульской историко-культурной энциклопедии» с учетом современных условий, когда подобные издания должны выдерживать конкуренцию с ресурсами сети Интернет. Авторы выделяют те факторы, которые позволили в сжатые сроки осуществить подготовку энциклопедии, адресованной широкому кругу читателей и соединяющей высокий научный уровень с практической востребованностью.

Ключевые слова: региональная энциклопедия; история и краеведение; Тула; Тульский край.

В ноябре 2016 г. Владимир Путин подписал Указ «О праздновании в 2020 году 500-летия возведения Тульского кремля» [5]. В рамках реализации этого указа правительством Тульской области был утвержден широкий план мероприятий [3; 2]. Среди прочего было намечено подготовить издание научно-исторического характера, посвященное истории и культуре Тульского края. Летом 2017 г. финансирование было выделено, договора подписаны. В соответствии с этими документами заказчиком работы являлась Тульская областная универсальная научная библиотека, исполнителем – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (далее ТГПУ). Книга была сдана в печать 23 ноября 2018 г., сигнальный экземпляр увидел свет 7 декабря. А под новогодние праздники был отпечатан уже весь тираж

* © *Володина Татьяна Андреевна* (volodina.tatiana2016@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Симонова Елена Викторовна (e-simonova@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

(1000 экз.), подготовленный в издательстве «Дизайн-коллегия» и типографии «Борус». Это был солидный том объемом в 750 страниц, богато иллюстрированный и отпечатанный на мелованной бумаге. «Тульская историко-культурная энциклопедия» вышла в свет [4].

Это событие явилось итогом напряженной и плодотворной работы большого количества авторов. В написании статей участвовали более 100 человек — ученые, специалисты, краеведы, работники сферы образования, музеев, архива и библиотек, представители органов власти и общественных организаций, руководители промышленных организаций и учреждений культуры.

Однако прежде, чем сформировать коллектив авторов, предстояло определить, какой должна быть Тульская энциклопедия. Собственно, летние месяцы 2017 г. прошли в спорах и дискуссиях: каким целям и задачам должно отвечать наше издание, какова будет его структура, кому оно адресовано и каков будет круг тем и сюжетов энциклопедии. Процесс разработки концепции издания осуществляли доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра региональных исторических исследований ТГПУ им. Л.Н. Толстого Е.В. Симонова (руководитель проекта) и доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого Т.А. Володина (научный редактор). Редакционная коллегия пыталась ответить на сакраментальный вопрос: для чего нужна эта книга в эпоху интернета и Википедии? В результате этой работы были выработаны основные принципы будущей энциклопедии:

— Научность. Более 20 лет в тульском книгоиздании не было обобщающего труда по истории края. Энциклопедия должна соединить в себе и зафиксировать сегодняшний уровень научного изучения тульского края и достижений современной историографии.

— Высокий уровень научно-справочного аппарата. Это требует тщательности и полноты библиографического сопровождения, выверенного списка источников и литературы, наличия различных указателей. Благодаря такому подходу любой читатель, заинтересовавшись какой-то темой, должен иметь возможность обратиться к литературе, посвященной именно этой тематике.

— Обращенность к широкой аудитории. Энциклопедия должна быть интересна и специалисту музея, и менеджеру туристической компании, и обычному школьнику. В связи с этим научные редак-

торы сознательно поставили перед собой задачу соединить под одним переплетом научно-справочное издание с книгой, которую можно просто читать.

— Широкий подход к понятию «культура». Согласно концепции энциклопедии, эта дефиниция должна включать не только привычные музеи-театры-библиотеки. Промышленные достижения, работа, строительство, воспитание детей — все это тоже рассматривалось создателями энциклопедии как проявление культуры.

— Историзм. Общий методологический принцип, который требует анализировать любое явление в развитии и в координатах того времени, когда это явление существует. Именно поэтому любые объекты (будь то завод, музей или цирк) рассматриваются в энциклопедии в историко-культурной ретроспективе (от зарождения к своему нынешнему состоянию), в контексте истории края и страны в целом.

— Практическая направленность в контексте развития туризма. Авторы сознательно ставили перед собой цель: с одной стороны, дать в руки работников туристической отрасли инструмент для разработки разнообразных продуктов в рамках культурно-познавательного, детского и семейного, промышленного и гастрономического туризма; с другой стороны — привлечь внимание жителей и гостей области, «раздразнить» их, стимулировать посещение тех объектов, о которых они прочтут на страницах энциклопедии.

Разработка концепции издания была только первоначальным этапом. Предстояло воплотить ее в жизнь. Было решено попытаться гармонично соединить в книге предметно-тематический принцип расположения материала с алфавитным принципом. В результате структура энциклопедии получилась многоступенчатой. Весь материал внутри издания разделен по тематическому принципу на 6 больших разделов: «История Тульского края»; «Города-крепости и исторические города»; «Музеи и интерактивные выставочные пространства»; «Архив и библиотеки»; «Театрально-музыкальное искусство, парки, научный и познавательный досуг»; «Индустриальная история и современные промышленные предприятия».

Внутри каждого тематического раздела помещен ряд предметных статей. Первый раздел, например, включает в себя 9 предметных статей, посвященных истории региона в различные периоды времени: с древнейших времен до начала XXI в. Раздел, посвященный промышленному развитию, содержит 10 предметных статей,

где рассказывается о предприятиях, являющихся гордостью региона, чья продукция широко известна в России и за рубежом. После каждой предметной статьи следует словарно-алфавитная часть в традиционном стиле энциклопедий. Она включает относительно небольшие по объему словарные статьи, расположенные в алфавитном порядке и освещающие отдельные понятия, события или персоналии в рамках тематики предметной статьи. С учетом специфики описываемого объекта и наличия достоверной источниковой базы эти статьи различаются по объему, глубине и конкретности описания, однако к каждой из них в обязательном порядке прилагается краткая библиография. Особого внимания с этой точки зрения заслуживает то, что в числе источников указываются не только опубликованные, но и архивные материалы.

При подборе авторского коллектива обязательным условием являлась профессиональная компетентность в рамках проблематики статьи. Именно поэтому статьи в «историческом» разделе написаны исследователями, темой научных изысканий которых является история тульского края определенного периода. Авторами статей об «исторических городах» и учреждениях культуры Тульской области стали сотрудники музеев и библиотек (жители этих городов), занимающиеся сбором, систематизацией и популяризацией краеведческих материалов, а статьи по индустриальной истории были написаны сотрудниками пресс-центров, конструкторами и руководителями известнейших тульских предприятий. Необходимо подчеркнуть, что в деле формирования авторского коллектива существенную помощь оказали Министерство культуры и Министерство промышленности Тульской области. По их запросам в состав авторского коллектива были делегированы представители от некоторых районов и от брендовых предприятий Тульской области.

После разработки концепции развернулась организационная подготовка. Шел процесс подбора авторов и налаживания эффективной коммуникации, проводились встречи и инструктаж относительно этапов работы и структуры статей. Важную роль в этой работе сыграло региональное отделение Российского исторического общества, которое за последние годы стало площадкой для реализации разнообразных научно-популярных проектов (форумов, круглых столов, семинаров, конференций). Кроме того, серьезной опорой в деле подготовки энциклопедии стал редакторский корпус, сложившийся вокруг «Тульского краеведческого альманаха» —

периодического издания, которое выходит в свет уже более 15 лет. При подготовке энциклопедии редакторами отдельных разделов выступали кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного архива Тульской области И.А. Антонова; директор НОБИ-центра ТГПУ им. Л.Н. Толстого Ю.В. Иванова; журналист и обозреватель газеты «Тула» Н.Н. Кириленко.

С марта 2018 г. редакторы начали получать первые варианты статей, и развернулась работа с текстами. Каждую статью читали последовательно редактор раздела, научный редактор и руководитель проекта, в текст вносились замечания и поправки. В июле-сентябре 2018 г. была осуществлена вторичная редакторская правка. В этот период решались непростые задачи: необходимо было добиться четкой коммуникации, быстрой и эффективной обратной связи, а также сохранения «индивидуального лица» авторов и одновременно «встраивания» авторских текстов в единую концептуальную парадигму издания.

Параллельно шел процесс подбора иллюстраций. Иллюстративный материал предоставили Государственный архив Тульской области, Тульская областная универсальная научная библиотека, пресс-центры промышленных предприятий, учреждения культуры и т.д. Значительный массив фотодокументов 1990-2000-х гг. был позаимствован из архива тульского фотографа А.Е. Лыженкова. В готовом виде энциклопедия впечатляет богатством иллюстративного ряда. Здесь размещены не только современные фотографии, но и черно-белые фото прошлого века, которые погружают в описываемую эпоху; красочные карты Тулы и Тульской губернии XVIII-XX вв. Значительный пласт фотографий, документов, схем и рисунков, полученный из фондов Государственного архива Тульской области, публикуется впервые. Особо следует отметить тщательность и проработанность библиографического аппарата издания. Каждая иллюстрация сопровождается подписью, где не просто поясняется, что на ней изображено, но и приводятся исчерпывающие сведения о месте хранения оригинала, авторе или художнике, дате создания и т.п.

В конце книги помещены приложения: краткая информация о действующих в настоящее время на территории Тульской области монастырях и храмах, о городских и дворянских усадьбах, памятные даты в истории края. Завершают издание указатели perso-

налий и географических названий, которые облегчают работу с энциклопедией в качестве справочного издания.

Появление данного издания, по сути, было подготовлено научно-исследовательскими и культурными традициями, сложившимися в регионе. Энциклопедия определенным образом зафиксировала сегодняшний уровень научно-исторического изучения тульского края. Впрочем, опыт работы над энциклопедией позволил не только систематизировать и обобщить результаты научных и краеведческих изысканий, накопленные за последние десятилетия, но и выявить лакуны, определить направления дальнейшего изучения истории региона. Появились новые направления научных исследований, прежде всего в рамках проектной деятельности студентов исторического факультета ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Студентами были подготовлены доклады и статьи о псовой охоте (на примере Першинской охоты в имении великого князя Николая Николаевича Романова в Алексинском уезде Тульской области), о семье Стечкиных (конструкторах, врачах, ученом-преподавателе вуза) и др. Продолжается работа по наполнению контента Тульского музея предпринимательства. Энциклопедия стала основой для пополнения медиатеки музея Станка (выполняемой в рамках Президентского гранта, выигранного сотрудниками творческого кластера «Октава»). Можно сделать вывод, что энциклопедия заняла достойное место в тульской историографии и стала играть роль своеобразного драйвера в процессе научных исследований и популяризации истории и культуры Тульского региона.

Зримым воплощением общего концепта «Тульской историко-культурной энциклопедии» стал дизайн обложки [1]. Здесь рядом помещены литография панорамы центра города и набережной, сделанная художником Карлом фон Шелле в середине XIX в., и современная фотография, сделанная в том же ракурсе и с той же точки обзора. Визуальные маркеры в виде башен кремля, куполов соборов и здания Тульского оружейного завода четко определяют время и пространство, соседствуя с многоэтажными зданиями и современным убранством набережной. Все это позволяет читателю ощутить глубинную связь прошлого и настоящего: «Мы изменились, но мы все те же!».

Библиографический список

1. Историко-культурную энциклопедию выпустили к празднованию 500-летия Тульского кремля // Российское военно-историческое общество. Официальный сайт. URL: <https://rvio.histrf.ru/soobshestvo/post-11119>
2. Празднование 500-летия Тульского кремля // Официальный сайт Тульского кремля. URL: <https://xn—e1afdcccfn8afjm2jj.xn—p1ai/kreml500/>
3. Президент РФ Владимир Путин подписал Распоряжение о создании оргкомитета по празднованию 500-летия Тульского кремля // Правительство Тульской области. Официальный сайт. URL: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?ELEMENT_ID=79919
4. Тульская историко-культурная энциклопедия / [Ред. колл.: Е.В. Симонова (отв. ред.) и др.]. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. 751 с.
5. Указ о праздновании в 2020 году 500-летия Тульского кремля // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/53232>

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ САМАРСКОГО КРАЯ

УДК 94(47).081

Л.М. Артамонова*

ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА В САМАРЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье на основании архивных и опубликованных источников рассматривается появление общеобразовательной средней женской школы в Самаре в начале правления Александра II. Особое внимание уделено социальным аспектам ее создания. Для Самары важное значение имело получение городом губернского статуса в 1851 г., поскольку губернатор К.К. Грот был активным поборником создания учебных заведений для девочек. Совместные действия власти и общественности в вопросах женского образования содействовали модернизационным процессам в российской провинции.

Ключевые слова: Россия в XIX в.; история Среднего Поволжья; гендерная история; женские школы; общественная жизнь.

Сильный импульс социальной и культурной жизни Самары в предреформенную эпоху придали ее быстрое хозяйственное, демографическое развитие и получение ею в 1851 г. статуса губернского центра [18]. В городе появились такие средства удовлетворения общественных запросов, как типографии, библиотеки, периодическая печать, книгоиздание [9].

Все эти изменения сопровождались «трансформацией картины мира горожанина, включением в нее новых ценностей и смыслов модернизированной культуры» [4, с. 280]. Перемены коснулись

* © Артамонова Людмила Михайловна (artamonovoi@mail.ru), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, Самарский государственный институт культуры.

и народного образования, в том числе женского. Успехи в его развитии были достигнуты во многом при поддержке К.К. Грота, являвшегося начальником губернии с мая 1853 по апрель 1860 г. [17, с. 248], и его сотрудников, в числе которых был вице-губернатор Г.С. Аксаков, выходец из известной семьи деятелей русской культуры [8, с. 409, 413].

Ценные материалы по поднятой здесь теме содержат документы Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан. Опубликованные источники представлены местной прессой и другими свидетельствами современников, прежде всего П.В. Алабина.

Первоначально школы в Самаре и других городах новой губернии были представлены уездными и приходскими училищами, рассчитанными преимущественно на обучение мальчиков. Тем не менее просвещенные представители общественности и сам губернатор старались привлечь в эти учебные заведения и девочек. В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских начальных школ был 991 мальчик и 21 девочка [6, с. 265]. Последние составляли всего 2% от общего числа учащихся. Девочек не принимали вовсе в среднее учебное заведение – губернскую гимназию, открытую в 1856 г. [2, с. 246].

Совместное обучение детей обоих полов в то время не могло получить успешного развития. Более привычным и надежным представлялось раздельное обучение. Основным направлением развития образования женщин стало устройство отдельных школ для девочек.

Общественные женские школы начального уровня появились в Самаре в 1858-1859 гг. Первое приходское училище для девочек было открыто 2 сентября 1858 г. Большая заслуга в его создании принадлежит городскому голове В.Е. Бурееву, отдававшему немало сил и средств на нужды общества [19, с. 278].

Училище финансировалось из городских доходов, что делало обучение для учениц бесплатным. При открытии в него поступило 10 девочек, но уже на следующий год их количество увеличилось до 44: 12 дочерей дворян и чиновников, 29 – купцов и мещан, 3 – разночинцев и крестьян. Спустя год, 15 августа 1859 г., в Самаре было открыто второе женское приходское училище. Оно находилось в другой части города, что позволило расширить охват девочек начальным образованием. В первый год в него было принято 72 ученицы. В каждом училище работали надзирательница, учи-

тель, обучавший чтению, письму и четырем правилам арифметики, и «законоучитель»-священник, преподававший закон Божий. Девочек обучали также рукоделию [1, с. 67].

Одновременно с Самарой стали открываться женские училища в других городах губернии. Не все в этом деле шло гладко. Губернатор мог излишне жестко поступить с теми, кто, по его мнению, пренебрегал развитием женского образования. Об этом, например, свидетельствует скоропалительное увольнение со службы Г.Н. Потанина, который учительствовал в женском приходском училище Бугульмы, но вызвал жалобы влиятельных родителей отдельных учениц, после чего был вынужден уехать в Петербург, где стал одним из авторов журнала «Современник» [16, с. 150].

В конце 1850-х гг. в Самаре встал вопрос об организации средней общеобразовательной школы для девочек. Дело было в том, что удовлетворить потребности в хорошем образовании для дочерей дворян, чиновников, состоятельных горожан и просто тех жителей, кто готов был отдать последнее за обучение дочек, частные учебные заведения или домашние учителя не могли. В уездной Самаре женские пансионы, по свидетельству современников, были малоуспешными, так и не став постоянно действующими [1, с. 60].

Первую серьезную попытку открыть частную школу для девочек уже в губернской Самаре предприняла Вильгельмина Визенталь, урожденная Якобсон, 36-летняя дочь рижского купца, лютеранка по вероисповеданию. Она прошла обучение в Петербургском главном немецком училище [12, л. 437об.-438]. Это было одно из немногих средних учебных заведений в России первой половины XIX в., где практиковалось совместное обучение детей обоего пола, причем девочки могли не только получить общее образование, но и бесплатно обучиться какой-либо профессии [5, с. 22]. Визенталь получила официальное свидетельство на право вести частное обучение от попечителя Московского учебного округа и открыла свое заведение в Самаре 22 декабря 1855 г. [12, л. 411об.-412]. Учительскую должность в нем занял ее муж Карл Визенталь, 45-летний иностранный подданный, уроженец Гамбурга, также лютеранин, получивший образование у частных лиц, но имевший свидетельство на право преподавания от Московской Первой губернской гимназии [12, л. 436об.-437]. Однако заведение г-жи Визенталь просуществовало недолго. В первый год его существования здесь было 11 учениц, на второй год — 16, на третий — 15, а на четвертый год оно уже было закрыто [1, с. 99].

28 мая 1858 г. в Самаре открылся пансион Нины-Аннетты Фланден, урожденной Нейде, которую в русском обиходе обычно называли Ниной Петровной. Она была родом из Петербурга, где получила свидетельство на звание домашней учительницы французского и английского языков. В ее пансион сначала поступили 10 девочек [14, л. 1, 14об.].

Постепенно число воспитанниц превысило два десятка. Они делились на полных пансионеров, которые жили в учебном заведении, полупансионеров, которые завтракали и обедали в пансионе, и приходящих учениц («экстернов»), которые посещали только уроки. Предполагался пятилетний курс обучения.

На этот пансион, его образованную и деловую начальницу губернатор возлагал серьезные надежды, симпатизируя землячке — уроженке Петербурга, соплеменнице-немке, единой верной лютеранке [3, с. 20]. Не случайно на открытии ее пансиона присутствовали как светские губернские и городские власти, так и возглавлявший тогда Самарскую епархию православной церкви архиерей Феофил [20, с. 305-306].

Однако немаловажным недостатком заведения г-жи Фланден была высокая плата за обучение. За пансионерку приходилось платить в год 210 руб., за полупансионерку — 150 руб., за приходящую ученицу — 75 руб. Дополнительная плата взималась за уроки английского языка, а также с полупансионеров и приходящих учениц — за занятия музыкой [1, с. 91, 99].

Помочь в обучении дочерей тех жителей, которые стремились дать детям образование выше начального уровня, но не имели средств для его оплаты в подобных частных пансионах, помогли нововведения в законодательстве, совместные усилия местной администрации и общественности. Современные исследователи справедливо полагают: «В период империи именно государство, в особенности верховная власть, являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения» [10, с. 81].

Одной из первых реформ Александра II стало создание системы женского образования в масштабах страны. 30 мая 1858 г. было принято «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», в котором предусматривалось открытие общественных средних учебных заведений для девочек. Обучение в них требовало от родителей меньших расходов. При

этом государство не поддерживало создаваемые школы материально, их устройство и содержание возлагалось на местное общество.

Оповещенный заранее о предполагаемых правительством мерах директор самарских училищ А.П. Пономарев уже 25 мая сообщил попечителю Казанского учебного округа: «Учреждение женского учебного заведения в губернском городе Самаре я почитаю необходимою как по многолюдству жителей, так и потому, что ничто так не способствует к общественному образованию, как влияние образованной женщины на общество». Он рассчитывал, «что ни дворянское сословие Самарской губернии, ни городское общество не откажутся помогать в этом отношении, к достижению указанной правительством цели, какими-либо денежными взносами» [13, л. 1 и об.].

Прежде всего, надлежало собрать капитал, на который можно было бы открыть такую женскую школу, а также найти средства на ее содержание. Источники средств были достаточно традиционными, известными и ранее [7, с. 43-44]. Для достижения цели прибегали к добровольным пожертвованиям, к устройству благотворительных литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей и концертов. Гастролировавших в Самаре артистов и фокусников обязывали давать представления, сбор от которых поступал в пользу будущего училища. На его устройство и содержание в 1858 г. городское общество ассигновало средства из различных городских доходов. Средства готов был отпустить Приказ общественного призрения, ведавший на губернском уровне образованием, здравоохранением и социальными вопросами. Местное дворянство постановило собрать в пользу женского училища одновременно с каздых 1000 десятин помещичьей земли по 4 р. 25 коп. [1, с. 89]

Сбор средств проходил при поддержке губернатора К.К. Грота. Совместные энергичные усилия общественности и администрации привели к необходимым результатам. 25 октября 1858 г. начальник губернии поставил в известность нового директора самарских училищ Э.Х. Ангермана о том, что на «женское училище собрано посредством частных пожертвований и другими способами до 10 тыс. руб. серебром» [13, л. 3].

Исходя из собранных средств, появилась возможность просить о разрешении открыть училище и купить для него здание. По согласованию между Гротом и Ангерманом был приобретен каменный двухэтажный дом полковника Андреева. Чтобы не вводить местное общество и учебное ведомство в расходы по охране дома до начала использования его по назначению, губернатор «поручил

иметь наблюдение» за ним чиновнику губернского правления «и поместил туда временно особого сторожа» [13, л. Зоб].

Ожидалось поступление на средства училища еще 6 тыс. рублей серебром «от разыгрываемой в пользу женских училищ лотереи и пожертвований откупщиков». Эти деньги предполагалось употребить в том числе на внутреннюю отделку дома [13, л. 13].

5 февраля 1859 г. Ангерман представил на утверждение училищному начальству в Казани «Проект положения Губернского училища для девиц в г. Самаре». В нем были закреплены принципы общедоступности и обучения без отрыва от семей: «Училище открыто для всех сословий. Посещающие оное девицы остаются там только в часы учения, прочее же время проводят у родителей и родственников» [13, л. 7].

Параллельно с хлопотами директора училищ по учебному ведомству губернатор, формально не имевший полномочий влиять на дела этого ведомства, заручился поддержкой своего непосредственного руководства в Министерстве внутренних дел, тем более, что оно циркуляром от 26 июля 1858 г. потребовало от начальников губерний позаботиться «об участии городских сословий в устройстве женских училищ» [13, л. 12]. Это давало Гроту возможность разрешить отпуск на женское училище денег из казенных средств Приказа общественного призрения и городских доходов, а не только из добровольных взносов, чтобы в 1859 г. «открыть это учебное заведение никак не позже августа месяца» [13, л. 16].

12 марта 1859 г. управляющий Казанским учебным округом Ф.Ф. Веселаго предложил свой вариант Устава для Самарского училища, считая проект Ангермана не вполне соответствующим «Положению о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения». Высокопоставленный чиновник, правда, милостиво предлагал самарскому директору, «не стесняясь, изменять в нем все то, что... признаете необходимым по местным условиям и средствам» [13, л. 18]. Однако тот возражать непосредственному начальнику не посмел, за него это сделал К.К. Грот. В его прямые обязанности, как было сказано, забота о школьном деле не входила, но самарский губернатор полагал ее своим гражданским долгом.

В письме к Веселаго от 13 апреля Грот подчеркнул, что прежде всего не согласен со стремлением управляющего придать женскому образовательному учреждению «вид казенного училища и подвергнуть оное ближайшему надзору местного учебного начальства». Напротив, он полагал необходимым освободить женское училище

«сколько возможно, от всех формальностей и вмешательства начальства в хозяйственное его управление» [13, л. 19 и об.].

При этом Грот исходил из справедливого посыла, хотя несколько неожиданного для представителя бюрократической элиты империи: «В нашем обширном Отечестве местные потребности, средства и обстоятельства так различны, что, по моему мнению, едва ли возможно постановлять общие правила для учебных заведений разных губерний и разных местностей, особенно, для открытых женских училищ по новости этого учреждения. Позвольте нам [с директором Ангерманом. — Л.А.] устроить это дело на первый раз по мере средств и возможности и сообразно с местными потребностями, а со временем, когда дело воспитания здесь разовьется, можно будет иное отменить, другое дополнить, расширить и улучшить» [13, л. 21].

Возражения самарских руководителей касались разных вопросов. Зачем нужен строгий хозяйственный и финансовый контроль со стороны Министерства народного просвещения за образовательным учреждением, которое не получает от него деньги и материальную помощь? Зачем «определять столь точно в уставе время и часы учению», поскольку «это дело новое и опыт заставит, может быть, впоследствии допустить отступления и изменения»? Зачем нужно строго определять, какого возраста ученицы принимаются в училище, если в городе до сих пор отсутствовало школьное обучение всех лиц женского пола? Таким был далеко не полный перечень спорных мест в Уставе училища [13, л. 20 и об.].

12 мая 1859 г. Веселаго сообщил о согласии с некоторыми доводами и предложениями Грота, полагая, что те были сделаны «на основании известных Вам и господину директору училищ местных обстоятельств и потому будут вполне полезны для училища» [13, л. 23об.]. Согласованный вариант устава Самарского женского училища 1-го разряда был утвержден управляющим учебным округом 13 июня 1859 г. [13, л. 26].

Финансовый вопрос решался следующим образом. Коронная администрация и городское самоуправление выделяли на содержание училища 1750 руб. в год. Из них 700 руб. были казенными деньгами Приказа общественного призрения, 370 руб. выплачивались с разрешения губернской администрации из городских доходов, 680 руб. собирались городским обществом. Доходы от оплаты за обучение зависели от количества учениц, за каждую девочку родители платили по 25 руб. «Плата же за обучение необязательным предметам поступает прямо к начальнице», как и за содержание

девочек, отданных ей на проживание на полном пансионе, по соглашению с родственниками [13, л. 34 и об.].

Само училище открылось 7 августа 1859 г. Полный курс обучения в нем был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. К необязательным относились французский и немецкий язык, рисование, музыка, пение, танцы. От платы за обучение обязательным предметам могли освободить бедных девушек из тех сословий, от которых шли взносы на содержание училища, т.е. дворян и горожан. Более того, такие ученицы бесплатно снабжались учебными пособиями. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей учениц с начальницею училища. В новое учебное заведение поступили 25 учениц, в т.ч. пансионерки Н. Фланден, по настоянию Грота ставшей первой начальницей этого училища [1, с. 90].

Скоро, однако, начались конфликты начальницы с родителями и общественностью, упрекавшими ее в покровительстве воспитанницам пансиона, во взимании высокой платы за необязательные предметы, в завышенных требованиях к интерьеру помещений и внешнему виду учениц. Сменивший Ангермана в должности директора самарских училищ В.Г. Варенцов заявлял: «Высокая плата за ученье, доведенная г-жею Фланден до 105 руб. серебром с приходящей ученицы, часто мешала родителям отдать детей в училище, которое с тем и было основано, чтобы сделать образование доступным особенно людям небогатым. Внешняя роскошь и форма платья, введенная вопреки уставу, также пугала людей недостаточных» [15].

С согласия нового губернатора А.А. Арцимовича, занявшего этот пост в 1860 г., начальницей женского училища была назначена г-жа Зинова. Н. Фланден после увольнения, не сумев возобновить свой частный пансион в Самаре, переехала в Симбирск. Общеобразовательная женская школа в Самаре, очевидно, выигрывала конкуренцию у частной. В 1860/61 учебном году в училище 1-го разряда обучались 45 учениц [1, с. 91-92].

Со временем все больший интерес к этой школе, преобразованной в женскую гимназию, проявляли девушки из малообеспеченных семей и непривилегированных сословий. Для них среднее школьное образование открывало путь к хорошо оплачиваемой

и престижной работе, а не являлось, как предполагали некоторые инициаторы реформы женской школы в середине XIX в., только средством воспитания просвещенных жен и матерей в высших слоях общества. В 1874/75 учебном году из 182 учениц женской гимназии 62 воспитанницы были освобождены от платы за обучение по бедности родителей или родственников. К 1875 г. две пятых выпускниц Самарской женской гимназии вышли из нее со званиями домашней наставницы или домашней учительницы [1, с. 96]. В конце XIX в. в России женщины уже занимали заметное место среди лиц, работавших в сферах просвещения и здравоохранения, что требовало достаточно высокой образованности и специальной подготовки [11, с. 830].

Появившись в 1850-е гг. и с тех пор непрерывно развиваясь в провинциальной России, средняя женская школа отвечала потребностям местного населения и пользовалась его поддержкой, несмотря на имевшиеся трудности. Внимание государственных и общественных деятелей, благотворителей и рядовых жителей к развитию женского образования вело к глубоким переменам в коллективных представлениях и ожиданиях, а также в социальных практиках. Это приводило к серьезным переменам в обществе, не всегда соответствуя первоначальным намерениям, и отчетливо проявилось уже в новую эпоху, последовавшую за Великими Реформами.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы / сост. П.С. Кабытов. Самара: Кн. изд-во, 1991. 248 с.
2. Артамонова Л.М. Открытие в 1856 году губернской гимназии – первого среднего учебного заведения в Самаре // Самарский край в истории России. Вып. 6. Материалы Межрегион. науч. конф. Самара: СОИКМ, 2017. С. 242-248.
3. Артамонова Л.М. Пансион Нины Фланден в Самаре, губернатор К.К. Грот и провинциальное общество // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 16-29.
4. Бирюкова А.Б. Книга и периодика как элементы социокультурной инфраструктуры городской провинции конца XVIII – середины XIX вв. (по материалам Среднего Поволжья и Заволжья) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2019. С. 280-287.
5. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843 гг.: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу ми-

нистром народного просвещения графом Уваровым). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. [1], 161 с.

6. История Самары (1586–1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой; [авт.: Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, Ю.Н. Смирнов и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.

7. Киприянова Н.В. Благотворительность как элемент социокультурной характеристики купечества конца XVIII – первой половины XIX вв. // Глобальный научный потенциал. 2015. № 5 (50). С. 41-47.

8. Климкина Э.В. Самарский губернатор Г.С. Аксаков в молодые годы // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2017. С. 409-414.

9. Курмаев М.В. Самарская книга второй половины XIX – начала XX в.: статистический обзор // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1-1. С. 33-40.

10. Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62-95.

11. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. (2-е изд., исправ.). Т. 1. 896 с.

12. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004.

13. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7203.

14. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7501.

15. Самарские губернские ведомости. 1860. № 28.

16. Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГА-КИ, 2014. Ч. 2. С. 145-152.

17. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2015. Ч. 1. С. 246-253.

18. Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35-44.

19. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2012. Ч. 1. С. 275-283.

20. Якунин В.Н. Самарская епархия в 1851-1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 305-315.

ИСТОРИКИ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В статье рассматривается деятельность ученых-историков Куйбышевского государственного педагогического института в советский период – В.И. Писарева, Н.Н. Яковлева, С.Г. Басина, А.Ф. Каревского, А.Г. Каревской, А.С. Силина, А.В. Стального, С.Б. Семенова, А.Г. Паршикова. Определен их вклад в отечественную историографию, роль в становлении исторической науки Самарского региона.

Ключевые слова: Куйбышевский педагогический институт; историки; отечественная и всеобщая история; исторические исследования.

После вторичного открытия педагогического института в г. Куйбышеве в октябре 1929 г. возобновились и научная работа. В 1930-е гг. в институте начали работать талантливые преподаватели, профессора В.А. Малаховский, А.Н. Гвоздев, Л.А. Финк, И.М. Машбиц-Веров, Б.Л. Кругляк, С.Б. Серженский, Н.П. Мышкин, В.Ф. Пастернацкая, А.А. Гайворонский и другие. Ведущим историком был профессор В.И. Писарев, в это же время начали свою трудовую деятельность будущие доктора наук Е.И. Медведев [1] и Н.Н. Яковлев.

Владимир Иванович Писарев (1890-1967) получил духовное образование, затем окончил Варшавский университет. В 1932 г. он был направлен из Ростовского университета в Куйбышевский педагогический институт на должность заведующего кафедрой истории СССР, которую занимал до 1948 г. В.И. Писарев занимался историей крестьянства юга России. В отечественную историографию он вошел как автор монографии «Церковь и крепостное право в России» [10]. В ней он исследовал церковное и монастырское

* © Репинецкий Александр Иванович (a.repinetsky@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет.

землевладение с момента образования централизованного государства до секуляризации XVIII в. Значимыми сюжетами стали исследование процесса закрепощения крестьян и повседневная жизнь церковных феодалов. Ученую степень кандидата исторических наук (1938 г.) и звание профессора (1946 г.) он получил по совокупности трудов. В.И. Писарев стал руководителем первых аспирантов-историков, будущих докторов наук С.Г. Басина и А.Ф. Каревского. В 1948 г. он получил предложение возглавить кафедру истории СССР Казанского университета и уехал из Куйбышева.

Николай Николаевич Яковлев (1902-1982) – замечательный самарский историк-балкановед и педагог, был выпускником первого набора исторического факультета Самарского университета 1923 г., получившим диплом № 13 [16]. После окончания университета он работал учителем истории, методистом Губернского отдела народного образования, директором школы, а также в медицинском и индустриальном институтах г. Самары. В 1935 г. становится ассистентом кафедры истории СССР Куйбышевского пединститута. После отъезда В.И. Писарева Н.Н. Яковлев возглавил кафедру истории СССР, оставаясь ее заведующим до 1962 г. В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1964 – докторскую. Будучи прекрасным методистом, он на протяжении многих лет читал курсы методики преподавания истории и истории СССР второй половины XIX – начала XX в. Николаю Николаевичу принадлежит первенство в разработке сюжета о Самарском знамени: впервые эти документы были им обнаружены в 1946 г. 15 лет работы в архивах страны и Болгарии позволили Н.Н. Яковлеву подготовить исследование «Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян (1876-1878 гг.)». На его основе ученый выпустил целый ряд работ, не потерявших научного значения до настоящего времени [19; 20]. Долгое время Н.Н. Яковлев возглавлял Куйбышевское отделение Общества советско-болгарской дружбы. Историк был награжден орденом Трудового Красного Знамени, советскими и болгарскими медалями.

В 1962 г. кафедру истории СССР возглавил Соломон Герцевич Басин (1918-1989). Будучи студентом третьего курса исторического факультета Ленинградского педагогического института им. Покровского, он в июне 1941 г. добровольцем уходит на фронт [11]. На фронте С.Г. Басин стал политбойцом, сражался на Ельнинском выступе, получил солдатский орден Славы. После тяжелого ранения (С.Г. Басин навсегда остался инвалидом войны), выйдя из госпи-

тая, он восстановился в Куйбышевском пединституте, а после его окончания стал ассистентом кафедры истории СССР. Руководство института ходатайствует об открытии аспирантуры для талантливого преподавателя, и, несмотря на условия войны, в 1943 г. аспирантура была открыта. Научным руководителем был назначен В.И. Писарев. С.Г. Басин стал первым аспирантом, первым выпускником и первым подготовленным кандидатом наук Куйбышевского педагогического института. Для своего исследования он выбрал тему, связанную с Первой мировой войной. Эта тематика была крайне непопулярна, и диссертационное исследование С.Г. Басина стало одной из первых работ поволжских историков о Первой мировой войне. Судьба историка складывалась трагично, несмотря на это, он оставался приверженцем коммунистических идеалов [18]. Дальнейшие его исследования были связаны с историей рабочего класса Поволжья и его общественных организаций. В 1967 г. он защитил докторскую диссертацию «Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции», став основоположником научной школы по изучению общественных организаций рабочего класса. Школа была официально зарегистрирована Министерством образования РСФСР. С.Г. Басин подготовил более 30 докторов и кандидатов наук, работающих в разных вузах страны.

Федор Андрианович Каревский (1918-1983) учился в Воронежском сельскохозяйственном институте. В 1939 г. его призвали в армию. Из-за тяжелого ранения, полученного в первый год войны, он был демобилизован, и после лечения в 1942 г. поступил на исторический факультет Куйбышевского педагогического института. По окончании вуза он был оставлен в аспирантуре; защитив в 1950 г. кандидатскую диссертацию «Роль политотделов МТС Средневолжского края в коллективизации сельского хозяйства», стал преподавателем педагогического института, в стенах которого проработал до 1972 г. Сферой его интересов было изучение преобразований в сельском хозяйстве Среднего Поволжья. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в Среднем Поволжье». С 1973 г. по 1976 г. он работал профессором кафедры истории СССР Куйбышевского университета, а с 1976 г. возглавил кафедру истории СССР Московского историко-архивного института. Труды Ф.А. Каревского по истории коллективизации написаны в соответствии с господствующей идеологией, но большой массив обработанного им архивного материала не потерял своего значения до настоящего времени [5; 6; 7].

Сюжет об Александре Григорьевне Каревской (1921-2015) хочется начать со слов из статьи, написанной историками педагогического университета, профессорами Н.П. Храмковой и Е.Л. Храмковой: «Незаурядная личность..., сумевшая выполнить, возможно, самое главное в человеческой жизни – сохранить самое себя, несмотря ни на какие жизненные перипетии, невзирая на известные изменения в общественно-политической жизни страны» [17, с. 133]. В Куйбышеве Александра Григорьевна оказалась в эвакуации в 1941 г. из Днепропетровска. К этому времени она закончила первый курс исторического факультета Днепропетровского университета. Все документы семьи погибли при бомбежке, но руководство педагогического института, несмотря на строгости военного времени, только по одной зачетке зачислило ее на второй курс университета. Годы учебы она совмещала с работой токаря-револьверщика на авиационном заводе. Это не помешало ей закончить институт с отличием. Талантливую студентку оставили в вузе. А.Г. Каревская определилась и с научной темой – реформа 1861 г. Когда выдающийся советский историк, профессор МГУ Петр Андреевич Зайончковский узнал, что в Куйбышеве начинающий историк занимается изучением уставных грамот, маститый ученый сам позвонил в институт и пригласил Александру Григорьевну в аспирантуру. В 1959 г. А.Г. Каревская защитила кандидатскую диссертацию «Проведение крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. в Самарской губернии» [4]. А.Г. Каревская работала в вузе до 1980 г.; за это время она опубликовала ряд статей. Казалось бы, совсем немного. Но ее труды заняли достойное место в отечественной историографии реформы 1861 г. До настоящего времени ни одно исследование по крестьянской реформе отечественных и многих зарубежных ученых не обходится без отсылки к работам А.Г. Каревской. Это связано с обработкой ею огромного массива источников и тщательным их анализом. Достаточно сказать, что А.Г. Каревская обработала 91% уставных грамот и выкупных операций крестьян Самарской губернии. Уйдя на пенсию, А.Г. Каревская продолжала активно сотрудничать с кафедрой, выступая строгим и принципиальным рецензентом студенческих дипломов и научных работ.

В отличие от кафедры истории СССР, кафедра всеобщей истории долгое время имела в своем составе одного кандидата исторических наук, доцента В.А. Стального (1904-1987). Вениамин Алек-

сандрович Стальной после окончания Ленинградского государственного университета и получения звания доцента в 1935 г. был направлен на работу в Куйбышевский педагогический институт. С этого времени его судьба была связана с нашим городом и педагогическим институтом. В 1937 г., после защиты кандидатской диссертации, он возглавил кафедру всеобщей истории, а в 1940-1950-е гг. он был деканом исторического факультета. В центре его исследований находились история международных отношений, история социалистических идей и историография этих проблем. А.С. Стальной опубликовал более 50 работ по данной тематике. Работы В.А. Стального высоко оценил ведущий советский историограф истории Нового времени В.А. Дунаевский [2]. Большинство из них были опубликованы в центральных журналах «Историк-марксист», «Коммунист», «Исторический журнал». В годы войны В.А. Стальной являлся сотрудником Советского Информационного бюро, находившегося в Куйбышеве. Его статья и выступления по радио пользовались неизменной популярностью у читателей и слушателей. За годы войны им было написано 14 научно-популярных статей, в том числе «Крах оккупации России в 1918 году и его влияние на поражение Кайзеровской Германии», «Непобедимый народ», «Сражающаяся Чехословакия», «Гитлер — палач славянских народов» и другие [15, с. 35, 154]. В.А. Стальной до последних дней читал лекции, которые вызывали интерес у студентов.

Силин Александр Самойлович (1912-1987) стал первым доктором наук по всеобщей истории в Куйбышевской области. А.С. Силин окончил исторический факультет Ленинградского университета, в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. Его научные исследования были связаны с изучением внешней политики Германии на Ближнем Востоке. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию «Военно-политическая экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны». А.В. Силин в 1969 г. приехал на работу в Куйбышевский государственный педагогический университет, где читал курс лекций по истории Азии и Африки. С 1971 по 1985 гг. он возглавлял кафедру всеобщей истории [15, с. 155]. Под его руководством кафедра стала одним из научных центров по изучению проблем новой истории, при нем впервые в Куйбышеве была открыта аспирантура по новой и новейшей истории. Научную деятельность Александра Са-

мойловича отличала тщательная работа с историческими источниками, высокий уровень исторического анализа. Его монографии [13; 14], статьи, историографические обзоры были изданы в центральных издательствах и ведущих журналах страны и заняли достойное место в отечественной историографии истории Нового времени. Его авторитет как ученого был очень высок. Он первым из самарских историков стал членом Научного совета АН СССР «История внешней политики СССР и международных отношений». А.С. Силин написал несколько глав учебника «Новейшая история Западной Европы и Америки» для студентов университетов, обучающихся по специальности «История» [9]. Александр Самойлович читал лекции тихим голосом, в аудитории всегда стояла тишина, так как мы – студенты-старшекурсники исторического факультета педагогического института – прекрасно понимали: то, что нам говорит профессор А.С. Силин, мы не прочитаем ни в одной книге.

Деятельность Сергея Борисовича Семенова (1956-2016) на протяжении 29 лет была связана с историческим факультетом Куйбышевского пединститута, из них 18 лет он заведовал кафедрой всеобщей истории. В настоящее время на кафедре преподают его ученики и те ученые, которых он пригласил сюда на работу. С.Б. Семенов учился на историческом факультете Куйбышевского университета, когда его, как одного из лучших студентов, направили для продолжения образования в Ленинградский государственный университет. После окончания университета он остался в аспирантуре и в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию «Внутренняя борьба в Англии и зарождение английского радикализма, 60-е – начало 70-х гг. XVIII в.». С этого времени английский радикализм станет главным научным интересом ученого. В 1997 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Ранний английский радикализм: политическая практика и идейная доктрина (1763-1785)». Этой проблеме посвящены и более 30 научных статей С.Б. Семенова, опубликованных в ведущих отечественных изданиях. Итоги его исследований английского радикализма были подведены в капитальном труде «Политические взгляды английских радикалов XVII в.» [12]. Сергей Борисович являлся уникальным преподавателем. Он читал историю Нового времени на всех трех исторических факультетах вузов нашего города: в Самарском университете, Самарском социально-педагогическом университете, Самарском филиале Московского городского педагогического университета (СФ МГПУ). Дол-

гое время С.Б. Семенов являлся научным руководителем и научным консультантом по подготовке кандидатских и докторских диссертаций, был членом диссертационных советов. Последние годы Сергей Борисович являлся первым заместителем директора МГПУ, оставаясь заведующим кафедрой всеобщей истории СГСПУ. Административная работа отнимала у него много времени, но до последних дней он работал над исследованием об английском радикализме XVIII в.

Ярким и неоднозначным явлением в жизни Куйбышевского педагогического института стала деятельность А.Е. Паршикова. Алексей Егорович Паршиков (1940-1984) был и остается самым крупным исследователем Афинского морского союза. Трудно определить, как у мальчика из далекого села Одесской области возник интерес к античной истории. А.Е. Паршиков закончил исторический факультет Одесского университета, затем аспирантуру. В 1970 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Эллинский союз 481 г. до н.э. и организация Афинского морского союза» и с этого времени начал работу на кафедре всеобщей истории Куйбышевского педагогического института. Сразу он стал выделяться из среды преподавателей: никогда не стоял за кафедрой, а ходил по аудитории, много цитировал греческие источники на языке оригинала, мог присесть на стол, закурить в аудитории. Его лекции были блестящи. В Куйбышеве А.Е. Паршиков остро чувствовал одиночество: отсутствие историков-антиковедов, оторванность от научных центров и библиотек. Но историк активно публиковался и работал над докторской диссертацией «Афинская морская держава». К сожалению, защитить ее не удалось. Подробно о значимости научных трудов А.Е. Паршикова и перипетиях, связанных с защитой его диссертации, рассказано в статье Ю.Н. Кузьмина и О.М. Макаровой [8]. Проблемы в научной и личной жизни он пытался лечить известным «русским рецептом». Начались проблемы на работе, что и вынудило его в 1982 г. покинуть кафедру. Устроиться в другой вуз не получилось, а через два года тело А.Е. Паршикова было обнаружено в Волге.

Научный путь ученого, в том числе и историка, во многом определяют его учителя. И наша задача, задача учеников – сохранять память о своих учителях. Исторический факультет сохраняет эту благодарную память. Коллективу факультета повезло – в его рядах работает историограф, который делает все возможное, чтобы па-

мать о преподавателях осталась в истории. Это кандидат исторических наук, профессор Нина Петровна Храмкова. Ею подготовлено издание об истории факультета [15], написаны главы в обобщающем труде по истории педагогического вуза [3]. Вот и сейчас Нина Петровна работает над книгой обо всех историках, работавших и работающих в нашем вузе.

Да не погаснет свеча памяти нашим учителям!

Библиографический список

1. Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатъевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 176 с.
2. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада, 1917-1941 гг. М.: Наука, 1974. 375 с.
3. История Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (1911-2011). Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 413 с.
4. Каревская А.Г. Проведение крестьянской реформы 1861 года в Самарской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1959. 20 с.
5. Каревский Ф.А. Колхозное крестьянство Куйбышевской области в Отечественную войну. Куйбышев: Кн. изд-во, 1970. 136 с.
6. Каревский Ф.А. Солдат ленинской гвардии: Историко-биографический очерк о А.П. Галактионове. Куйбышев: Кн. изд-во, 1982. 120 с.
7. Каревский Ф.А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. ун-т, 1975. 173 с.
8. Кузьмин Ю.Н., Маркова О.М. Алексей Егорович Паршиков (1940-1984): жизнь и смерть антиковеда в городе на Волге // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. Вып. 2(4): Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. С. 161-184.
9. Новейшая история стран Западной Европы и Америки / Ин-т истории АН СССР. Т. 2. М.: Мысль, 1966. 557 с.
10. Писарев В.И. Церковь и крепостное право в России. М.: Атеист, 1930. 108 с.
11. Репинецкий А.И., Репинецкий С.А. Соломон Герцевич Басин: путь ученого. Историко-биографический очерк. Самара: СГСПУ, 2018. 92 с.
12. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVII в. Самара: НТЦ, 1999.
13. Силин А.С. Преступление империализма – трагедия народов: Очерки войны 1914-1918 гг. М.: Наука, 1964. 160 с.
14. Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне мировой войны (1908-1914 гг.). М.: Наука, 1976. 359 с.
15. Храмкова Н.П. Исторический факультет Самарского государственного педагогического университета (1929-2005). Самара: СГСПУ, 2009. 324 с.

16. Храмова Н.П. Самарский историк и педагог Н.Н. Яковлев (1902-1982) // Самарский научный вестник. 2013. № 4(5). С. 149-151.

17. Храмова Н.П., Храмова Е.Л. Александра Григорьевна Каревская: жизненный путь и научная деятельность // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 132-135.

18. Храмова Н.П., Храмова Е.Л. «Дело» Соломона Герцевича Басина: частный случай из региональной практики политико-идеологических компаний второй половины 1940-х – начала 1960-х гг. // Самарский научный вестник. 2019. Т.8. № 3 (28). С. 226-238.

19. Яковлев Н.Н. Дружба навечно. 2-е изд. Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. 144 с.

20. Яковлев Н.Н. Наш друг Стара-Загора: К 90-летию боя у стен болгарского города-героя 19 (31) июля 1877 г. Куйбышев: Кн. изд-во, 1967. 90 с.

УДК 908(092)(470.43): 378

М.М. Криштал, Т.И. Адаевская*

**ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КОМЗИН – ОСНОВАТЕЛЬ ФИЛИАЛА
КУЙБЫШЕВСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ИМ. В.В. КУЙБЫШЕВА (КИИ) ПРИ «КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЕ»**

В статье представлены ранее неизвестные широкому кругу читателей результаты исследования первоначальных страниц истории Тольяттинского государственного университета (ТГУ), важные для понимания его градообразующей роли. Анализируется ключевая роль И.В. Комзина в зарождении и становлении высшего образования в экстремально сложных условиях. За семь лет проведения Всесоюзной стройки Куйбышевской гидроэлектростанции (1951–1958 годы) в городе Ставрополе был не только создан филиал Куйбышевского индустриального института при «Куйбышевгидрострое», но и поставлен на «уни-

* © Криштал Михаил Михайлович (office@tltsu.ru), доктор физико-математических наук, профессор, ректор, Тольяттинский государственный университет.

Адаевская Татьяна Ивановна (headcount@tltsu.ru), кандидат исторических наук, доцент, учёный секретарь учёного совета, ответственный секретарь координационного совета, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет.

верситетские рельсы». На примере провинциального вуза показаны особенности становления и укрепления форм обучения, реформаторски внедряемые в высшую школу Советского Союза в 50-е годы XX столетия.

Ключевые слова: высшая школа; реформа образования; инженерно-технические кадры; университет.

Изучение истоков формирования высшей школы города Ставрополя (ныне Тольятти), первых страниц истории Тольяттинского государственного университета (ТГУ) неразрывно связано с личностью его основателя. Подробное исследование структурных, кадровых и организационных особенностей первоначального периода функционирования вуза в Ставрополе позволило установить, что его основателем был генерал-майор Иван Васильевич Комзин, лично руководивший строительством Куйбышевской гидроэлектростанции – советский инженер-строитель, энергетик, Герой Социалистического Труда.

Старожилы города Ставрополя вспоминали, как в аэропорт, находившийся на месте парка в Центральном районе Тольятти, регулярно прилетал всего один самолет с единственным пассажиром. Им был начальник Куйбышевгидростроя (с 1950 по 1952 гг. также руководивший Кунеевским исправительно-трудовым лагерем), генерал-майор военно-строительных войск СССР Иван Васильевич Комзин (30.06.1905 – 27.03.1983). И.В. Комзин прошел путь от техника-строителя до начальника строительства первой Всесоюзной стройки в городе Ставрополе в 1951-1958 годы – Куйбышевской ГЭС (позднее Волжская ГЭС имени В.И. Ленина, ныне – Жигулевская ГЭС). Он обладал огромным практическим опытом организации строительства объектов стратегической важности: руководил строительством Днепродзержинской (1956-1964), Воткинской (1955-1965), Беломорской (1961-1964), Храмской ГЭС (1947), Заинской (1963), Ставропольской, Ереванской (1963-1967), Руставской (1947-1950) и Тбилисской ТЭЦ – всего около 50 крупных строек. И.В. Комзин продолжал работать начальником управления «Куйбышевгидростроя» до отъезда из Ставрополя в Египет на возведение Асуанской высотной плотины в 1959 г. При этом именно строительство Куйбышевской ГЭС Иван Васильевич считал одной из важнейших строек в своей жизни и придавал огромное значение обобщению опыта строительства, его широкой апробации и публикации.

И.В. Комзин является автором 5 книг, впоследствии переведенных на иностранные языки. Читатели разных поколений отмечают их эмоциональную ценность, позволяющую воссоздать яркую картину «трудового энтузиазма», охарактеризовать психологию строителя 50-х годов. Интерес представляют интервью с И.В. Комзиным в региональной и всесоюзной прессе. К теме изучения опыта строительства КГЭС исследователи последующих лет обращались неоднократно [13]. Однако почти в каждой вновь изданной публикации авторы обращаются к книгам И.В. Комзина. Опыт строительства и эксплуатации гидротехнических сооружений, накопленный при строительстве Куйбышевской ГЭС, широко использовался в последующие годы на Волгоградской, Братской, Усть-Илимской, Красноярской, Саяно-Шушенской гидроэлектростанциях.

Если бы не стратегическое видение И.В. Комзина, в те годы в Ставрополе мог и не появиться первый вуз. Будучи начальником управления строительством «Великой Сталинской стройки», как в то время называли строительство Куйбышевской ГЭС, И.В. Комзин имел возможность обсуждать стратегически важные вопросы с руководителями государства и решать их в кратчайшие сроки. Он мыслил на удивление широко, по-современному, и, решая задачу возведения гидроузла, думал о том, как привлечь и удержать специалистов после ввода объекта в эксплуатацию.

В 1951–1954 гг. в СССР осуществлялся переход массовой школы к всеобщему среднему образованию. Высшее образование также находилось под пристальным вниманием власти. По всей территории СССР открывались новые вузы. Сталинское правительство в полной мере сознавало решающую роль науки и образования в выполнении стоящих перед страной задач и дальнейших преобразованиях самого общества. Научная работа становилась не менее престижной, чем военная служба. В кратчайшие сроки необходимо было создать условия для эффективного сокращения сроков подготовки инженерно-технических кадров и их производственной адаптации.

Вопрос о создании условий для подготовки гидростроителей высшей квалификации был решен за несколько месяцев. По инициативе И.В. Комзина 29 января 1951 г. в Ставрополе приказом № 168 Министра высшего образования СССР был открыт филиал Куйбышевского индустриального института имени В.В. Куйбышева (КИИ – ныне Самарский государственный технический университет) при «Куйбышевгидрострое» [1, Ф.1. Оп. 1. Д. 1. Л.1].

Интересно, что филиал в тексте первого приказа назван три раза по-разному: «вечерний филиал КИИ при Куйбышевгидрострое», «вечерний филиал на базе строительства “Куйбышевгидрострой”» и просто «вечерний филиал КИИ». О городе Ставрополь – ни слова. Фактически филиал открывался именно при «Куйбышевгидрострое». И это не случайно.

За неделю до этого важного для будущего города Ставрополя решения, 23 января 1951 г. Г.М. Маленковым, фактически возглавлявшим правительство СССР, было подписано распоряжение № 823 Совета Министров СССР. Совет Министров РСФСР обязали разработать и представить в июле 1951 г. на утверждение в Совет Министров СССР схему планировки района Куйбышевского гидроузла и проект планирования нового города у Куйбышевской плотины. Примечательно, что название нового города в недавно рассекреченном документе не упоминается. Не обозначалось и прежнее название города – Ставрополь. Очевидно, территория города Ставрополя с его 215-летней историей была обречена на затопление и создание искусственного озера Жигулевское море [4, Ф.Р-5446. Оп.56. Д.265. Л.60]. Не было даже понятно, как будет называться новый город. Одним из возможных вариантов был Комсомольск-на-Волге: так некоторое время назывался поселок городского типа, вошедший затем в состав Ставрополя как Комсомольский район. При планировке нового города у Куйбышевской плотины (Ставрополя на новой территории) на выкопировке Генерального плана первоочередного строительства не было указано ни название города, ни названия улиц и строительных объектов. Подписано название только одного объекта – «Университетский городок». Больше никаких указаний на конкретные объекты документ не содержит [12, Ф. Р-4249. Оп.1. Д.83. Л.197].

На страницах газеты «Волжская коммуна» журналисты радужно освещали планы строительства благоустроенного города, мелькали оптимистичные заголовки статей: «Город у плотины», «Рождение города» и т.д. [3]. Масштабность планов скрадывала неудобства, существующие в реальности. Население Ставрополя численностью 11 836 жителей пользовалось водой из колодцев и реки Воложки. Только в 1950 г. был построен водопровод с шестью разборными колонками, оборудована баня в пожарном помещении, обустроен сад имени Воровского, сделана летняя эстрада, разбиты аллеи и клумбы [11, Ф. Р-378. Оп. 1. Д.8. Л.43].

На строительстве Куйбышевской ГЭС ощущался кадровый голод. Если в 1952 г. общая нехватка инженерно-технического пер-

сонала составляла 854 человека [11, Ф. Р-18. Оп. 1. Д.104. Л.2], то в 1953–1954 г. она достигла 1174 человек [11, Ф. Р-19. Оп.1. Д.237а. Л.75]. Создание филиала Куйбышевского индустриального института должно было помочь решить проблему дефицита кадров.

Первоначально рассматривался вопрос размещения филиала в городе Куйбышеве, где гораздо легче было подыскать здания с учебными аудиториями и привлечь научно-педагогический персонал для организации учебного процесса. Однако И.В. Комзин настоял на расположении учебных аудиторий в городе Ставрополе, гораздо более близком к строительству гидроузла.

Статус вуза, учрежденного в 1951 г. как филиал в структуре Куйбышевского индустриального института, впоследствии неоднократно менялся (вечерний филиал КИИ при «Куйбышевгидрострое» – вечернее отделение КИИ при «Куйбышевгидрострое» – вечерний факультет КИИ при КГЭС). В 1958 г. после окончания строительства Куйбышевской ГЭС из названия вуза исчезло указание на его принадлежность к стройке (вечерний филиал КИИ в г. Ставрополе). С 1961 г. вуз именуется филиалом Куйбышевского индустриального института в Ставрополе. В 1961 г. КИИ был переименован в Куйбышевский политехнический институт (КПИ). Как следствие, появился Ставропольский (с 1964 г. – Тольяттинский) филиал КПИ, на базе которого в 1967 г. был организован Тольяттинский политехнический институт (ТПИ). В 2001 г. в результате объединения двух вузов – ТПИ и Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета – был создан Тольяттинский государственный университет.

В первые годы вуз переживал неизбежные организационные трудности, отразившиеся не только на изменении его названия и статуса. В 1951/52 учебном году в Ставрополе не нашлось помещения, где возможно было бы разместить 150 первых студентов. Помещением для лекционных занятий становились и строительные вагончики, и кабинет И.В. Комзина. Само управление «великой стройки» размещалось временно в бывшем здании педагогического училища [11, Ф. Р-18. Оп.1. Д.73. Л.91]. Для проведения в вечернее время занятий студентов филиала КИИ городские власти выделили в Ставрополе отдельные помещения в нескольких зданиях. Иван Васильевич Комзин приказом по Управлению строительства Куйбышевской Гидроэлектростанции МВД СССР от 18 сентября 1951 года «О создании условий для вечерних занятий студентам техникума и института» обязал начальников строительных участков от-

пускать рабочих — студентов без задержки после окончания рабочего дня; не привлекать их для работы в вечернее время; «обеспечить работой в районах, прилегающих к месту занятий техникума и института; в месячный срок перевести на левый берег всех студентов, работающих в настоящее время на правом берегу Волги» [11, Ф. Р-18. Оп.1. Д.73. Л.171]. Отработав смену, рабочие спешили на вечерние лекции, проходившие с 18 до 22 часов. По возможности выделяли транспорт. Грузовики (вахтовки) доставляли студентов к месту проведения занятий, а после их окончания нужно было самостоятельно, на попутках, добираться до места проживания. Вечерний филиал КИИ в Ставрополе работал, как указывалось в одной из административных справок, «в крайне стесненных, ненормальных условиях» [8, с. 186].

Дестабилизирующим элементом работы филиала являлись частые кадровые перестановки. Сменили друг друга руководившие вузом по несколько месяцев два директора с безупречными характеристиками и значительным опытом партийной и педагогической работы в вузах города Куйбышева. Первым заведующим вечерним отделением Куйбышевского индустриального института при «Куйбышевгидрострое» был назначен старший преподаватель Куйбышевского авиационного института Дмитрий Ефимович Чуркин, проработавший в этой должности несколько месяцев 1951/52 учебного года. В 1952/53 учебном году обязанности заведующего Ставропольским филиалом КИИ при Куйбышевгидрострое по совместительству исполнял старший преподаватель кафедры графики КИИ Виктор Корнеевич Николаев. В 1953 г. по рекомендации И.В. Комзина заведующим вечерним отделением КИИ в городе Ставрополе был назначен кандидат технических наук, доцент Василий Никанорович Зубков. Его характеристика не была безупречной, так как ранее он находился в заключении по политической статье. Поручительство за кандидатуру с такой биографией мог позволить себе далеко не каждый руководитель. Впоследствии В.Н. Зубков руководил вузом на протяжении 10 лет (1953–1963 гг.).

Вместе с И.В. Комзиным Василий Никанорович Зубков подбирал преподавателей, добивался расширения штатов, открыл подготовку по двум новым специальностям: инженер-механик и инженер-сварщик. Необходимо было создать стабильный коллектив преподавателей, проживающих в Ставрополе. Проблема педагогических кадров в городе была очень острой. До 1955 г. единственным штатным преподавателем — кандидатом наук был сам В.Н. Зубков.

Ни одного штатного доктора наук в преподавательском коллективе не было. Предстояло найти баланс при формировании коллектива, комплектуя его из теоретиков и практиков. Базовые лекционные курсы вели преподаватели из КИИ. Среди них были ученые, которым ныне посвящена экспозиция в музее Самарского государственного технического университета: доктор технических наук, профессор А.М. Мхитарян; доктор технических наук, профессор И.И. Знаменский; кандидат технических наук, профессор В.В. Щелканов и другие.

Необходимо отметить высокий научный уровень преподавателей-практиков в профессорско-преподавательском составе вечернего филиала КИИ в последние годы строительства Куйбышевской ГЭС. В их числе – главный инженер строительства «Куйбышевгидростроя», член-корреспондент Академии наук СССР Н.В. Разин, главный энергетик И.А. Никулин, главный инженер сооружений левого берега В.И. Севастьянов, руководитель бетонной лаборатории, кандидат химических наук Б.В. Михайлов, руководитель Гидропроекта, кандидат технических наук П.А. Козловский и другие руководители, специалисты стройки. Спецкурсы у первых студентов вели молодые строители гидроузла и города. «Трудненько было не только студентам, – вспоминал И.В. Комзин, – но и преподавателям. Они ведь преподавали тоже “без отрыва от производства”, причем именно эта “безотрывность” составляла главное преимущество нашего института». Читали лекции и приглашенные профессора из вузов Москвы и Ленинграда. В конце 1950-х гг. педагогический коллектив филиала расширился. В его состав вошли молодые преподаватели: П.М. Шаронов, Н.В. Гусев, З.С. Колобаева, Ю.А. Кустов, А.Э. Лившиц [2] и др.

Продолжение строительства Куйбышевского гидроузла способствовало резкому увеличению приезжих в город Ставрополь. Как вспоминал Иван Васильевич Комзин, «люди приезжали большей частью без всяких вызовов, без выяснения условий, без договоренности о подъемных, об окладах и должностях. Приезжали, просили работы, да потрудней и поинтересней, и ни слова о благах, о заработной плате, о жилье. Приезжали, как правило, из больших городов, где оставляли уютные квартиры, селились поначалу в хибарах, ходили в плохонькую ставропольскую баню, столовались в чайной, но считали, что им повезло» [6, с. 70]. Мотивом для переезда в Ставрополь для одних была возможность получить работу, новую профессию, обустроить свою жизнь, создать семью, получить от-

дельное жилье. Для других работа на стройках НКВД рассматривалась как временный переезд, позволяющий избежать репрессий по каким-либо причинам. У фронтовиков или детей войны зачастую не было соответствующего уровня образования. В Ставрополе они имели возможность после окончания школы рабочей молодежи, техникума обучаться инженерным профессиям в вузе. Адаптацию к академической среде облегчал рабфак.

Вопрос о создании условий для обучения студентов поступательно решался руководством «Куйбышевгидростроя» совместно с городскими и областными властями.

В 1953/54 учебном году в филиале имелось 8 аудиторий и 4 лаборатории: физики, химии, чертежная, электротехническая. В связи с новым набором контингент учащихся увеличился до 400 студентов. В этом учебном году на 100 мест было подано 161 заявление; 10 отличников зачислили вне конкурса. Прием заявлений происходил на «Куйбышевгидрострое» и в Куйбышеве. Вопросы зачисления студентов решались в приемной комиссии КИИ. Преподавательский состав филиала был укомплектован в основном преподавателями, живущими в Ставрополе; недостаток кадров восполнялся за счет преподавателей, приехавших из Куйбышева. В библиотеку филиала «для учебных нужд» из фондов основной библиотеки КИИ был передан 6 891 экземпляр различной литературы [10, Ф.978. Оп.4. Д.95. Л.37-38].

Отличительной чертой первого вуза в Ставрополе являлась новая для того времени образовательная технология – вечернее обучение студентов в непосредственной близости к стройке. Острый дефицит кадров диктовал необходимость отхода от стандартных форм обучения. Подготовка инженеров производилась без отрыва от производства в соответствии с существовавшим в те годы положением о высшей школе. Государственную стипендию студентам-вечерникам не выплачивали. Они учились после отработанной дневной смены в вечернее время. Обучение длилось 6 лет. Большинство студентов имели навыки рабочих профессий, производственный опыт. Вероятно, поэтому в первоначальной трактовке эта форма обучения студентов в Ставрополе обозначалась словами «вечерний филиал».

Суть комплексных образовательных инноваций в практике работы филиала И.В. Комзин описал в своей книге: «Была создана трехступенчатая система подготовки кадров: 1) учебный комбинат (образцов современных курсов), обучавший за короткий срок спе-

циалистов узкого профиля; 2) гидротехнический техникум, выпускавший гидротехников, специалистов со средним образованием; 3) вечерний филиал Куйбышевского индустриального института, обучавший инженеров-гидротехников, инженеров-электриков, а с 1954 г. — инженеров-механиков. Организация обучения без отрыва от производства с возможностью повысить квалификацию помогала решить две важные проблемы: обеспечивала возможность готовить кадры из строителей и удерживала реальными перспективами образования молодежь в городе» [6, с. 187]. Отдельную главу книги «Это и есть счастье» И.В. Комзин назвал «Университет», прозорливо обозначив дальнейшее направление развития вуза по «университетским рельсам».

Куйбышевская ГЭС являлась уникальным местом для проведения преддипломной практики студентов не только филиала КИИ, но и студентов многих институтов и университетов города Куйбышева и других городов СССР.

В музее ТГУ сохранилось письмо 1955 г. Министру высшего образования СССР В.П. Елютину, в котором И.В. Комзин просит предоставить возможность защищать кандидатские диссертации в Куйбышевском инженерно-строительном институте имени А.И. Микояна более 60 соискателям степени кандидата технических наук, работающим на КГЭС.

Активной педагогической деятельностью в вечернем филиале Куйбышевского индустриального института в Ставрополе занимался и сам начальник «Куйбышевгидростроя» И.В. Комзин. В 1956 г. он в качестве председателя государственной комиссии в торжественной обстановке, в только что построенном клубе «40 лет ВЛКСМ», вручал первые дипломы 45 молодым специалистам — инженерам-гидротехникам и энергетикам.

Несколько лет И.В. Комзин являлся членом ученого совета КИИ. Директор КИИ Е.В. Совкин в письме председателю ВАК СССР просил его личного вмешательства и поддержки И.В. Комзина. В 1957 г. И.В. Комзин получил ученое звание профессора.

В фондах музея Тольяттинского госуниверситета сохранилось письмо И.В. Комзина директору филиала В.Н. Зубкову и секретарю горкома КПСС А.М. Тураеву от 12 апреля 1957 г. с обращением к преподавателям: «собрать студентов и попросить каждого из них написать о себе, о том, как он приехал на строительство КГЭС и что здесь с ним произошло: радости и горести, рост его квалификации в соревновании, в изобретательстве, рационализации, борь-

ба за новую технику, внедрение ее, промахи и провалы» [9, инв. № 525кп]. Собранный за один месяц материал был использован для книги «Это и есть счастье», изданной в 1959 г. в издательстве «Молодая гвардия» тиражом 50 тысяч экземпляров [5]. Так преподаватели и студенты вечернего филиала КИИ при Куйбышевгидрострое участвовали в обобщении передовой практики создания крупнейшей в мире ГЭС. Главы книги впервые были напечатаны в 45 номерах газеты «Гидростроитель».

14 октября 1957 г. был запущен последний агрегат на Куйбышевской ГЭС. Завершение стройки стало общим праздником гидростроителей, студентов филиала КИИ, ставропольчан и жителей всей страны [14]. Среди поздравлений было и письмо академика Г.М. Кржижановского.

10 августа 1958 г. Н.С. Хрущев в своей речи на митинге строителей, посвященном окончанию строительства ГЭС, отметил, что «американцы свою самую большую гидроэлектростанцию Гранд-Кули соорудили свыше 20 лет, а наши гидростроители построили Куйбышевскую гидроэлектростанцию за 7 лет». Но и этот рекордный срок строительства Никита Сергеевич посчитал затянутым. После его речи в СССР был значительно снижен интерес к объектам гидроэнергетики страны. Однако применяемые образовательные технологии подготовки гидростроителей высшей квалификации вызвали общесоюзный интерес. В 1958 г. в ходе реформы образования в СССР наличие двухгодичного производственного опыта станет обязательным для поступления в вуз.

Вместе с тем анализ основных аспектов развития вечернего и заочного обучения показал, что эксперименты структурного плана (базирование вуза в непосредственной близости к строящемуся производству) в высшей школе оказали краткосрочный эффект, необходимый в особо сложный исторический период, позволили сконцентрировать трудовой потенциал населения страны, испытывающей первую послевоенную волну демографических потерь, форсировать пробелы необходимого уровня образования инженерно-технических кадров и их производственной адаптации.

Зарубежные специалисты проявляли устойчивый интерес к уникальному гидросооружению на Волге. Ставропольский филиал КИИ посетил американский посол в СССР. И.В. Комзин проводил высокого гостя по лабораториям и учебным помещениям. Гидростроителей приглашали на работу за рубежом. Интерес молодежи к инженерному образованию оставался высоким, позволяющим расширять потенциал Ставропольского филиала КИИ [7].

Таким образом, за период Всесоюзной стройки Куйбышевской гидроэлектростанции был создан первый в Ставрополе вуз, занимающий особое место в инфраструктуре города; он ментально являлся его центром благодаря уникальным людям, которые в нем работали.

Создание и становление филиала КИИ имени В.В. Куйбышева при «Куйбышевгидрострое» способствовало развитию новых образовательных стандартов, соответствующих масштабам Куйбышевской ГЭС в строящемся городе на новой территории – левом берегу Волги.

Иван Васильевич Комзин являлся ярким представителем поколения инженеров 1960-х годов, строящих города. В 1980-е годы он возглавлял НИИ «Гидропроект» (Москва). Он заслужил не только высокие государственные награды (звание Героя Социалистического Труда, два Ордена В.И. Ленина, два ордена Отечественной войны I степени, орден Октябрьской Революции и другие награды), но и добрую память соотечественников. В 1983 году одна из улиц города Тольятти была названа в его честь; памятник И.В.Комзину установлен перед школой № 22. 2 сентября 2019 г. в холле главного корпуса Тольяттинского государственного университета был открыт горельеф в память об Иване Васильевиче Комзине.

Библиографический список

1. Архив ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (Архив ТГУ).

2. Безгина О.А. «В формировании духовного мира людей интеллигенция играет огромную роль»: к 90-летию со дня рождения профессора А.Э. Лившица // История и современность. Сборник трудов региональной научно-практической конференции (к 90-летию А.Э. Лившица). Киров: МЦИТО, 2017. С. 51-55.

3. Город у плотины // Волжская коммуна. 1953. 4 января.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

5. Комзин И.В. Это и есть счастье. Очерки о строительстве Куйбышевского гидроузла. М.: Молодая гвардия, 1959. 285 с., ил.

6. Комзин И. В. Я верю в мечту. М.: Политиздат, 1973. 367 с., ил.

7. Кристалл М.М., Соколова Т.А., Турутин К.В., Адаевская Т.И., Бабошина Э.С. Тольяттинский государственный университет: вчера, сегодня, завтра. Монография / Под общ. ред. М.М. Кристалла. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. 95 с., ил.

8. Курятников В.Н. История СамГТУ от эпохи правления Николая II до XXI века. Изд. 2, испр., дополн., перераб. Самара: ООО «БМВ и К», 2014. 268 с.: ил.

9. Музей Тольяттинского государственного университета.
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.978. Оп. 4. Д. 95. Л. 37-38.
11. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти (ТГА).
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).
13. «Это и есть счастье». 110 лет со дня рождения Ивана Васильевича Комзина и 65 лет со дня основания Куйбышевгидростроя: библиограф. указ. / сост. А.В. Мищенко. Тольятти: Библиотека Автограда, 2015. 50 с.
14. Ямашев В.М. Исторический аспект эволюции реализации стратегического планирования развития города Тольятти // Запад-Россия-Восток. 2017. № 11. С. 301-305.

УДК 378

О.А. Безгина*

ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ИСТОРИК А.Э. ЛИВШИЦ: ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

В статье дается анализ основных этапов жизненного и профессионального пути профессора А.Э. Лившица – первого штатного преподавателя Тольяттинского государственного университета, заложившего основы преподавания истории в Ставропольском филиале Куйбышевского индустриального института в 1950-х годах. В дальнейшем он создал и возглавил кафедру истории в Тольяттинском политехническом институте и на протяжении тридцати семи лет руководил ее работой. В статье подчеркивается, что весь профессиональный путь историка был связан с развитием университета и города Ставрополя-Тольятти.

Ключевые слова: историк; ученый; кафедра истории; Ставрополь-Тольятти; университет; развитие промышленности.

Биография доктора исторических наук, профессора Анатолия Эммануиловича Лившица (1927-2004) тесно связана с Тольяттинским государственным университетом с момента его основания

* © *Безгина Ольга Анатольевна* (bezgina@tltso.ru), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии, Тольяттинский государственный университет.

в 1951 г. в качестве вечернего отделения Куйбышевского индустриального института и до преобразования в классический университет в 2001 г. В свою очередь, история университета переплетена с развитием города Ставрополя-Тольятти.

Город Ставрополь-Тольятти, основанный в 1737 г., широкую известность получил в середине XX века в связи со строительством здесь Волжской гидроэлектростанции имени В.И. Ленина – одной из «великих строек коммунизма», а затем целого ряда крупных промышленных предприятий.

С началом развития Ставрополя как нового промышленного центра стала очевидной острая потребность не только в рабочих, но и в высокопрофессиональных кадрах. Поэтому приказом № 168 от 29 января 1951 г. министра высшего образования СССР в Ставрополе был открыт вечерний филиал Куйбышевского индустриального института при «Куйбышевгидрострое» [2, с. 8]. Инициатива создания высшего учебного заведения в небольшом тогда городке Ставрополе принадлежала основателю и первому начальнику управления «Куйбышевгидростроя», опытному руководителю, генерал-майору И.В. Комзину. В приказе ректора Куйбышевского индустриального института от 8 февраля 1951 г. указывалось, что вечерний филиал открывается с целью «подготовки инженерных кадров без отрыва от производства из числа работников Куйбышевгидростроя» [3. Оп. 1-и. Д. 36. Л. 1].

В марте 1955 г. в соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР «в целях улучшения и развития вечернего высшего образования» Ставропольское вечернее отделение Куйбышевского индустриального института было реорганизовано в вечерний факультет, который готовил кадры по трем специальностям: «Электрические станции, сети и системы», «Гидротехническое строительство речных сооружений и гидроэлектростанций» и «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» [3. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1].

Следующая большая реорганизация вуза произошла спустя двенадцать лет и вновь была связана с потребностями развивающейся промышленности. Совет Министров РСФСР постановлением от 18 октября 1966 г. «О первоочередных мероприятиях по строительству Волжского автомобильного завода в г. Тольятти» обязал Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР «организовать в 1967 г. на базе Тольяттинского филиала Куйбышевского политехнического института Тольяттинский политехни-

ческий институт с факультетом автомобилестроения», что и было утверждено приказом министра высшего и среднего специального образования от 27 октября 1966 г. [3. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 6-8]. Наконец, в 2001 г. в результате слияния Тольяттинского политехнического института и Тольяттинского филиала Куйбышевского педагогического института был создан Тольяттинский государственный университет.

Все эти преобразования вуза были обусловлены потребностями развития экономики города и региона. Следствием же стало не только насыщение промышленности высокопрофессиональными специалистами, но и развитие социокультурных объектов и в целом социокультурной среды города. К концу XX в. Ставрополь из «лукового городка» и «Ставропыля», как его называли местные жители в начале XX в., из большой строительной площадки, какой он был в середине XX в., с развитием промышленности и высшего образования постепенно превращался в современный, активно растущий, по многим параметрам передовой город. В 1951 г., к моменту основания «Куйбышевгидростроя» и открытия вечернего отделения Куйбышевского индустриального института, в Ставрополе проживало 11 896 жителей; через шестнадцать лет, в 1967 г., – 162 тысячи; а еще через одиннадцать лет, в 1978 г., количество жителей достигло 500 тысяч человек [15, с. 310-313].

Перемены, происходившие столь стремительно, разворачивались на глазах людей одного поколения. Историк А.Э. Лившиц был одним из тех, кто воспринимал эти изменения как факт собственной биографии. Он родился в 1927 г. в г. Одессе в семье военнослужащего и врача. Позднее в своей автобиографии А.Э. Лившиц писал: «Вскоре мои родители переехали в г. Орел, где я учился в школе до лета 1941 г. В 1941 г. моя мать, работавшая врачом железнодорожной больницы, вместе со мной и трехлетней сестрой, была эвакуирована в г. Сызрань Куйбышевской области. Отец тогда же был призван в армию, и с 1942 г. до конца войны был на фронте» [1, с. 3]. В 1944 г. Анатолий Лившиц поступил на исторический факультет Куйбышевского педагогического института, в 1949 г. его закончил, а в 1952 г. завершил обучение в аспирантуре.

В том же году Лившиц начал свою трудовую биографию на вечернем отделении при «Куйбышевгидрострое» Куйбышевского индустриального института преподавателем кафедры основ марксизма-ленинизма (позднее, с 1956 г., она стала называться кафедрой общественных дисциплин), затем работал старшим преподавателем

лем и даже некоторое время исполнял обязанности директора филиала. Первое время после открытия вечернего отделения преподаватели в открытых грузовиках приезжали в Ставрополь из Куйбышева читать лекции и проводить практические задания. Преподавание происходило «в наскоро обустроенном здании деревянного склада на берегу Волги» [2, с. 9].

В 1961 г. А.Э. Лившиц защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете, а в 1965 г. был утвержден в ученом звании доцента. В 1967 г. он возглавил кафедру в Тольяттинском политехническом институте и оставался ее бессменным руководителем в течение почти 40 лет, до 2004 года. Вместе с изменениями в стране и преобразованием вуза менялись задачи и название кафедры: до 1990 г. она была кафедрой истории КПСС, затем менее года до сентября 1991 г. – политической истории, после чего была переименована в кафедру отечественной истории. В процессе преобразования вуза в университет, в 2002 г., кафедра получила современное название – кафедра истории России [16. Оп. 3. Д. 126. Л. 106].

Коллектив кафедры истории складывался постепенно. Костяк его составили преподаватели, начавшие работать еще в филиале. Это было старшее поколение кафедрального коллектива, хотя большинству из них к моменту создания кафедры не было еще и 40 лет. Через два года после А.Э. Лившица, в 1954 г., в Ставропольский филиал был принят П.М. Шаронов, также выпускник Куйбышевского педагогического института. С этого времени они всегда работали вместе. П.М. Шаронов был бессменным заместителем А.Э. Лившица, помощником во всех кафедральных делах, и, главное, самым близким другом.

С развитием кафедры в составе самостоятельного Тольяттинского политехнического института, в начале 1970-х гг., на кафедре появилось среднее поколение преподавателей, большинство из которых составили выпускники Куйбышевского педагогического института. Все они вскоре были направлены в аспирантуру МГУ, закончили ее и вернулись на кафедру кандидатами наук. С середины 1970-х гг. кафедра пополнялась также выпускниками Куйбышевского госуниверситета. Таким образом в Тольятти был создан коллектив профессиональных историков под руководством А.Э. Лившица. Объединение в одном коллективе представителей трех поколений – старшего, среднего и молодого – давало очень хорошие плоды: кафедра была дружной и продуктивной. Редкая

терпимость А.Э. Лившица по отношению к другим людям, акцент на достоинствах и сильных сторонах каждого определяли уровень взаимоотношений на кафедре, которой он руководил.

В 1976 г. А.Э. Лившиц закончил обучение в докторантуре Московского государственного университета и успешно защитил докторскую диссертацию, в 1979 г. ему было присвоено звание профессора. Благодаря усилиям А.Э. Лившица в 1991 г. в Тольяттинском политехническом институте начала действовать аспирантура по отечественной истории. После открытия аспирантуры на кафедре появилось довольно много аспирантов. Более 20 кандидатских диссертаций было защищено под руководством А.Э. Лившица. Многие его бывшие аспиранты успешно работают сегодня в различных вузах страны.

Организаторский талант А.Э. Лившица проявился прежде всего в том, что он умел создавать и поддерживать в коллективе творческую обстановку. На кафедре всегда велась совместная научная работа, которая сплачивала и организовывала людей. В своей автобиографии А.Э. Лившиц писал, что сферой его научных интересов является экономическая истории России XX в. Его кандидатская и докторская диссертации были посвящены периоду новой экономической политики в Поволжье. Этой темой он занимался на протяжении всей своей творческой жизни.

Однако с 1970-х гг. он погрузился в изучение развития промышленных центров второй половины XX в. В рамках этой темы наибольший исследовательский интерес у него вызывали проблемы истории строительства и развития Волжского автомобильного завода, свидетелем которой он являлся. Вскоре после запуска конвейера Волжского автозавода А.Э. Лившиц возглавил авторский коллектив по написанию истории строительства ВАЗа. В 1974 г. рукопись была подготовлена к печати. Одновременно с этим был переработан собранный материал и подготовлено к печати учебно-методическое пособие «Деятельность КПСС по созданию Волжского автомобильного завода (1966-1973)».

При подготовке этой работы авторами был собран уникальный исторический материал, в том числе статистические сведения, большое количество архивных документов нескольких ведомственных, региональных и текущих архивов, данные периодической печати. По форме обе работы были выдержаны в традиционном для своего времени стиле. Например, названия глав звучали так: «Борьба партии и советского народа за выполнение решений XXIII съезда КПСС»

и «Решения XXIV съезда в жизнь». Однако подобные формулировки были всего лишь данью традиции и времени. Вместе с тем, в монографии была нетипичная для того времени глава «Досуг заводчан».

К сожалению, ни монография, ни учебно-методическое пособие так и не были опубликованы. В отзыве руководителя издательского отдела ВАЗа, не допустившего рукопись к печати, подробно перечислялись замечания, большинство из которых легко могли быть устранены в ходе редакторской правки. Например, такие: «прессовое производство» в ряде мест было названо «прессовым цехом», фирму «Кайзер» авторы называли «Каузер», а Автозаводский район – «Новый город» и «Автоград» и т.п. Вероятно, основная причина отклонения рукописи от печати содержалась в следующем замечании: «в качестве положительного примера приводятся некоторые лица, дискредитировавшие себя или снятые с работы как не справившиеся с ней». Навряд ли сегодня без серьезного анализа можно как-либо комментировать эту ситуацию, точно можно утверждать одно – историки при написании своей работы опирались на документальные источники.

Несмотря на неудачу, изучение истории ВАЗа А.Э. Лившиц не бросал на протяжении всей своей жизни. После защиты докторской диссертации он опять вернулся к этой теме. В 1980 г. совместно с заведующим кафедрой истории КПСС Куйбышевского государственного университета, доктором исторических наук, профессором В.Г. Толкачевым им был написан план-проспект сборника документов «Волжский автомобильный завод (1966-1980 гг.): документы и материалы, воспоминания, письма», рукопись которого была сдана в печать.

В 1980 г. А.Э. Лившиц возглавил научно-исследовательскую группу, которая занималась изучением проблем развития социалистического соревнования на промышленных предприятиях. В процессе работы над этой темой началось сотрудничество А.Э. Лившица с НИИ Академии общественных наук при ЦК КПСС, где он был избран членом бюро Научного совета АН СССР и Минвуза СССР по проблемам социалистического соревнования. В 1983 и 1987 гг. усилиями научного коллектива под руководством А.Э. Лившица совместно с АОН, АН СССР и Куйбышевским обкомом КПСС на ВАЗе проводились конференции по обсуждению тематики научной группы. Результатом этой работы стали издание монографии [9], а также защита нескольких диссертаций [5; 12; 6].

В 1986 г. согласно приказу Минвуза РСФСР А.Э. Лившиц был избран заместителем председателя Головного совета целевой межвузовской комплексной программы «Социально-экономические проблемы ускорения научно-технического прогресса и пути их решения». Эта работа проводилась совместно с Ленинградским государственным финансово-экономическим институтом, Куйбышевским авиационным институтом, Новочеркасским политехническим институтом, Саратовским государственным университетом и другими вузами.

В 1987 г. по ходатайству ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС Министерством высшего и среднего специального образования СССР в Тольяттинском политехническом институте была открыта проблемная лаборатория «Совершенствование организации социалистического соревнования в условиях ускорения социально-экономического развития». В рамках деятельности лаборатории под руководством А.Э. Лившица продолжилось изучение истории развития промышленных предприятий. Частично результаты этой работы были представлены в коллективной монографии «Самоуправление на промышленных предприятиях в условиях перехода к рынку» [14].

В 1990-е гг. А.Э. Лившиц создал и возглавил научно-исследовательскую группу, сформированную из преподавателей кафедр истории и экономики промышленности, которая выполняла научно-исследовательскую работу в рамках федеральной комплексной программы «Народы Поволжья. Социальное и культурное возрождение». Одновременно с этим профессор Лившиц возобновил работу по изучению экономической истории Поволжья начала XX в. Большинство диссертаций, защищенных под его руководством в это время, отражают данную проблематику [4; 11; 10; 13].

Вместе с тем на новом витке продолжалось изучение истории Волжского автомобильного завода. В 2003 и 2005 гг. в Тольятти прошли Всероссийские конференции с международным участием «История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы, современность». Будучи уже тяжело больным, А.Э. Лившиц подготовил доклад, в котором подчеркнул роль АВТОВАЗа в развитии и укреплении гуманитарных ценностей в обществе. Он писал: «Дело не только в создании национального дохода, но и в том, что создание массового производства легковых автомобилей повлияло на культуру, быт и ценностные ориентиры российского общества» [7, с. 25].

Важной составляющей жизни А.Э. Лившица как ученого и человека было взаимодействие и сотрудничество с самарскими кол-

легами. Он очень ценил и никогда не порывал эти связи, часто вспоминал своего учителя Кузьму Яковлевича Наякшина, делился впечатлениями от общения с самарскими коллегами. Среди тех, с кем у него сложились наиболее близкие отношения, прежде всего следует назвать Нэлли Львовну Клейн, Ленара Васильевича Храмова и Петра Серафимовича Кабытова. Каждый раз подробно рассказывал на кафедре о заседаниях диссертационного совета Самарского государственного университета, членом которого он являлся. Сам он всегда относил себя к самарской научной школе и это понимание прививал своим ученикам. Самарские ученые, отдавая должное профессору Лившицу как специалисту по истории периода новой экономической политики, приглашали его принять участие в различных научных проектах. Одним из наиболее значимых проектов стала работа над «Самарской летописью» под редакцией профессоров П.С. Кабытова и Л.В. Храмова, где А.Э.Лифшиц принял участие в написании соответствующего раздела [8].

Неравнодушное отношение А.Э. Лившица к окружающей его жизни, стремление изменить ее в меру своих сил в лучшую сторону на протяжении всей его жизни подвигало заниматься общественной работой. Об этом свидетельствует и вся его биография. В 1942 г. А.Э. Лившиц вступил в комсомол, затем был избран секретарем комсомольской организации школы, членом Сызранского горкома ВЛКСМ. В студенческие годы был секретарем бюро ВЛКСМ исторического факультета Куйбышевского педагогического института. В 1948 г., в 20-летнем возрасте, вступил в ряды КПСС. В 1990-е гг. принял участие в предвыборной кампании на должность депутата городской Думы г. Тольятти. Как было сказано в его предвыборной программе, свою главную задачу он видел в том, чтобы привнести в общественную, культурную и образовательную жизнь города гуманитарное начало и тем самым скорректировать «перекос в развитии города в сторону крупной промышленности». По инициативе А.Э. Лившица и ректора Тольяттинского политехнического института В.И. Столбова в 1996 г. в Тольятти был создан Волжский университет имени В.Н. Татищева.

Всей своей деятельностью он призывал к объединению профессиональных сил историков и развитию в г. Тольятти гуманитарных проектов. В 2002 г. профессор Лившиц заложил основы регулярных краеведческих конференций, организовав в Тольятти Всероссийскую научно-практическую краеведческую конференцию «Та-

тищевские чтения». Эта конференция объединила историков-краеведов города Тольятти, Самарской области и других областей России. Для расширения краеведческих исследований, привлечения к этой работе всех заинтересованных сил города при кафедре истории Тольяттинского государственного университета была создана лаборатория социальной истории.

А.Э. Лифшиц любил повторять своим ученикам и коллегам: «Историю нашего города, кроме нас, не напишет никто». В стремлении сохранить и осмыслить историю своего города им двигал не только научный, но и гражданский, человеческий интерес. В одной из своих работ А.Э. Лившиц писал, что его «личные и профессиональные интересы тождественны» [1, с. 165]. Занимаясь историей страны, города и университета, он сам стал их частью.

Библиографический список

1. А.Э. Лившиц: Ученый. Учитель. Человек: сборник воспоминаний и публицистики / Под ред. О.А. Безгиной. Тольятти: ТГУ, 2009. 212 с.

2. Адаевская Т.И., Криштал М.М. Рождение градообразующего университета // Тольяттинский государственный университет: вчера, сегодня, завтра. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. 96 с.

3. Архив Тольяттинского государственного университета.

4. Безгина О.А. Кооперативное движение Самарской губернии в 1918-1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. 200 с.

5. Белякова (Ляшенко) Е.Н. Партийное руководство наставничеством на промышленных предприятиях в семидесятые годы, 1971-1980: по материалам Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1983. 231 с.

6. Большакова О.А. Деятельность ВЛКСМ по повышению роли комсомольско-молодежных коллективов на промышленных предприятиях в семидесятые годы (1971-1980): По материалам Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1987. 203 с.

7. Лившиц А.Э. О методологии, целях и задачах изучения истории ОАО «АВТОВАЗ» // История ОАО «Автоваз»: уроки, проблемы, современность: материалы 1 Всерос. науч. конф. 26-27 нояб. 2003 г. / [редкол.: Лившиц А. Э. и др.]. Тольятти: Изд. ОАО «Автоваз», 2003. С. 7-45.

8. Лившиц А.Э. Поиск новых путей общественного развития // Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: В 3 кн. / Под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 3: Самарский край в XX в. (1918-1996 гг.) Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. С. 78-130.

9. Партийное руководство социалистическим соревнованием. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1985. 234 с.

10. Прокофьева Е.Ю. Возникновение и развитие военно-химической промышленности Самарской губернии, 1911-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 242 с.

11. Прохоренко И.А. Рабочее самоуправление в России, 1917-1926 гг.: По материалам Самарской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. 199 с.

12. Рашевский А.А. Партийное руководство социалистическим соревнованием рабочих машиностроения в годы девятиой пятилетки: по материалам партийных организаций Куйбышевской, Ульяновской, Пензенской областей: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986. 206 с.

13. Рогожникова Н.Е. Аграрные преобразования в России в 1917-1920 гг.: по материалам Самарской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 259 с.

14. Самоуправление на промышленных предприятиях в условиях перехода к рынку. Из опыта Волжского автомобильного завода 1991-1995 гг. / Под общ. ред. А.Э. Лившица. Тольятти: Изд-во ТПИ, 1995. 132 с.

15. Ставрополь – Тольятти: история города / Электронное учебное пособие. Под редакцией О.А. Безгиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. URL: <http://hdl.handle.net/123456789/2964>

16. Тольяттинский архив. Ф. Р-353.

УДК 929

Г.С. Шерстнева*

РОЛЬ Л.В. ХРАМКОВА В СТАНОВЛЕНИИ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье приводятся новые факты биографии Л.В. Храмкова в начальный период работы в возрожденном университете г. Куйбышева, позволяющие конкретизировать представление о его роли в строительстве госуниверситета. На основе анализа научного наследия Л.В. Храмкова определяется его значение в формировании истории университета и памяти о людях, работавших в нем.

Ключевые слова: Самарский государственный университет; научно-педагогические кадры; гуманитарный факультет; история университета; формирование контингента студентов.

* © Шерстнева Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

В середине семидесятых годов прошлого века вышла книга «Беседы об архивах». Ее автор, Мариэтта Омаровна Чудакова — тогда кандидат филологических наук, научный сотрудник библиотеки им. В.И. Ленина, историк литературы, — в обращении к читателям напомнила известную аксиому, «что вне непрерывной памяти о прошлых событиях личность человека немислима» [18, с.8]. В истории Самарского государственного университета записано много имен ученых и педагогов, благодаря жизни которых ее страницы оживают. Одной из ключевых фигур в истории университета, научной и общественной жизни Самарского края является Ленар Васильевич Храмов (1934–2009). В списке публикаций о его жизни и творчестве уже есть 37 работ, разнящихся по объему и характеру, и 2 блока видеоматериалов [3, с.293–296]. Но источниковая основа истории вуза велика и разнообразна, личность Л.В. Храмова — незаурядна, что может обеспечить обращение к ней еще не одного исследователя. Целью автора статьи является введение в научный оборот новых фактов, которые позволяют дополнить страницы его биографии и подчеркнуть органическую связь между деятельностью отечественного ученого, историей созданной им кафедры и историей университета.

14 декабря 1966 г. Совет Министров Союза ССР постановил «принять предложение Совета Министров РСФСР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР об организации в 1969 году в г. Куйбышеве Куйбышевского государственного университета» [11, с. 565]. Первые приказы по личному составу КГУ датированы периодом 12 июля — 19 декабря 1968 г. Приказ №1 — приказ ректора Куйбышевского государственного университета от 12 июля 1968 г.: «Сего числа вступил в должность ректора...». В нем же указано основание — приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетова от 12 июля 1968 г. и подпись первого ректора возрождающегося университета А.И. Медведева [2, Д. 1. Л. 1]. Л.В. Храмов был зачислен в штат старшим преподавателем кафедры истории СССР 1 апреля 1969 г. В этот же день были приняты на работу доктор филологических наук, профессор В.А. Бочкарев (на должность заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы); кандидат технических наук, доцент В.М. Головин (на должность проректора по учебной и научной работе); ректор университета, кандидат исторических наук, доцент А.И. Медведев (на должность заведующего кафедрой истории КПСС) [2, Д.2. Лл.6, 9, 13–14]; и В.Н. Мосолов (на должность заведующего кабинетом истории КПСС). Началась

работа по формированию научно-педагогических кадров будущих факультетов.

Первыми историками в штате стали А.И. Медведев и Л.В. Храмов. Заведующим кафедрой истории СССР 1 июня 1969 г. был назначен д.и.н., профессор Ефрем Игнатьевич Медведев [2, Д.2. Л.32]. Благодаря им за лето 1969 – первые месяцы 1970 г. был создан первый состав двух исторических кафедр. На кафедру истории КПСС на должность ассистента была принята А.М. Веселова, в должности профессора (как совместитель) начал работать доктор исторических наук, профессор Г.Н. Рутберг, еще одним профессором кафедры (также по совместительству) стал профессор, заведующий кафедрой истории Куйбышевского государственного политехнического института (КГПТИ) К.Я. Наякшин. В связи с переводом В.Н. Мосолова в Куйбышевское областное управление профессионально-технического образования на его место заведующим кабинетом был назначен В.В. Рогожин, а лаборантом кафедры стала Т.К. Арефьева. На кафедре истории СССР в должности старшего преподавателя начала работать Г.И. Матвеева, которая приехала из Уфы, прервав работу в Башкирском государственном университете, а также два совместителя – доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР Куйбышевского педагогического института (КГПИ) Н.Н. Яковлев и кандидат исторических наук, доцент того же подразделения А.Г. Каревская. В мае 1969 г. на должность лаборанта кафедры была принята выпускница КГПИ 1968 г. Т.И. Голованова [2, Д. 2. Лл. 22, 32, 41; Д.9, Л.25]. В мае того же года для успешного выполнения учебного плана, проведения летней сессии историков-первокурсников, организации первой археологической практики на должность старшего преподавателя кафедры на условиях почасовой оплаты был приглашен В.И. Марков (из педагогического института г. Куйбышева), в июле 1970 г. – И.Б. Васильев, выпускник Башкирского государственного университета (на должность лаборанта) [2, Д. 9. Л. 44].

Без преувеличения можно утверждать, что две трети первого преподавательского состава гуманитарного факультета Куйбышевского университета были приняты на работу по рекомендации Л.В. Храмова. Его хорошо знали не только по преподавательской деятельности в Педагогическом институте, но и как заместителя секретаря партийного комитета института, члена Президиума Куйбышевского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, члена Республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений РСФСР.

Можно предположить, что и ряд преподавателей других факультетов, входивших осенью 1969 г. в число 17 первых, принятых на работу в новый университет, были приглашены сюда с подачи Л.В. Храмова: например, В.А. Бочкарев (заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы КГПИ, ставший первым заведующим кафедрой литературы КГУ), А.Д. Ершов (кандидат физико-математических наук, профессор, первый заведующий кафедрой общей и теоретической физики). Это предположение может стать утверждением, если обратить внимание на вновь открывшиеся факты университетского периода жизни Ленера Васильевича. В ноябре-декабре 1969 г., на время отпуска В.М. Головина, Л.В. Храмов исполнял обязанности проректора по учебной и воспитательной работе [2, Д. 2. Лл. 12,14]. Дважды, 25 октября 1969 г. и 20 марта 1970 г., он был направлен в командировки в Москву, в Министерство специального образования РСФСР, и Саратовский государственный университет «для изучения организации учебной и научной работы» [2, Д. 2. Лл. 4, 21-22].

В 1968 – начале 1970 г. командировки не были редкостью. Чаще всех, еще до вступления в должность проректора по строительству университета, ездил Е.И. Дробышев: он был в Москве, Ленинграде, Риге, Тарту, Таллине [2, Д.2, Л.9]. Но для изучения опыта университетского образования в организации направлялись только В.М. Головин и Л.В. Храмов, который не входил в состав административного корпуса университета.

С 6 апреля 1970 г. в течение 4 месяцев старший преподаватель Л.В. Храмов вместо заболевшего Е.И. Медведева исполнял обязанности заведующего кафедрой истории СССР, пока еще единой и единственной на гуманитарном факультете, решая всю совокупность вопросов первого учебного года [2, Д. 9. Л.34, 69]. При этом, оценивая его деятельность, не нужно забывать, что с осени 1969 г. он стал секретарем партийной организации вуза.

Совокупность назначений и должностей Л.В. Храмова, уровень решаемых им задач подчеркивают масштабы его работы и ответственности за нее, помогают определить место, которое он занимал в руководящем звене университета.

В традициях признанных педагогов-мастеров XIX в. и профессуры первого Самарского университета Л.В. Храмов способствовал формированию и развитию школьного и вузовского исторического образования в Самаре и других городах России. В 1979 г. открылся исторический факультет в Тобольском пединституте. Л.В. Храмов оказал большую помощь в организации учебного

процесса на нем, сагитировал выпускников исторического факультета КГУ переехать для работы в Тобольск, в течение 5 лет читал курсы «Введение в специальность», историографии и источниковедения [4, с.202, 204]. В конце 1990-х гг. он стал соучредителем Самарской гуманитарной академии, разработал программы для кафедры славянской филологии и культурологии («Специальные филологические и исторические дисциплины», «Текстология нового времени», «Русское Зарубежье: историческая и филологическая мысль за рубежом в 1920-1930-е гг.»), читал эти курсы, руководил специализацией [1]. В это же время профессор Храмов вошел в состав Ученого совета Самарской православной духовной семинарии; его взгляды на роль кафедр, их структуру и задачи в высшем учебном заведении были приняты за основу при создании кафедр в СамПДС [6, с.89].

Л.В. Храмов более 10 лет был фактическим руководителем первой федеральной краеведческой площадки на базе средней школы № 57 г. Самары, способствовал открытию гимназии № 1 (которая создавалась как университетская, изучение исторических курсов в ней велось по программе, разработанной преподавателями исторического факультета).

Первая благодарность была объявлена старшему преподавателю Л.В. Храмову «за большую работу по организации и проведению конкурса студенческих работ» 10 апреля 1970 г. [2, Д. 9. Л. 27]. Это был первый конкурс для первых студентов университета, в организации приема которых участвовал Ленар Васильевич. Он был включен в состав приемной комиссии КГУ и в состав экзаменационной комиссии по истории 1969 г., проводил консультации по предмету для подготовки к поступлению рабочей и сельской молодежи, читал воскресные лекции [9, с.3].

Для организации второго набора студентов 16 февраля 1970 г. было принято решение об открытии вечерних подготовительных курсов в Кировском и Октябрьском районах г. Куйбышева на условиях самоокупаемости. На гуманитарный профиль к апрелю были зачислены 99 человек, за обучение которых отвечал Л.В. Храмов, а историю СССР преподавали бывшие выпускницы КГПИ Т.И. Голованова (лаборант кафедры истории СССР) и Н.С. Порываева (в тот год – диспетчер учебной части КГУ). В июне начали работу месячные подготовительные курсы для сельских абитуриентов (20 чел.). Преподавателем была назначена Т.И. Голованова [2, Д. 9. Лл. 29-37, 56]. Май месяц был посвящен встречам с выпускниками средних школ. Ленар Васильевич во главе 15 сотрудников

университета был командирован в с. Большая Черниговка, проректор В.М. Головин и Н.С. Порываева — в с. Шентала [2, Д. 9, Лл. 40-41].

Так в течение года в университете начали создавать «систему формирования контингента студентов», в которую на историческом факультете входили, по материалам аттестации истфака 1991 года, вечерняя школа историков, спецклассы в гимназии № 1 и средней школе № 25 г. Самары; археологические кружки школьников в городском Дворце пионеров, в университете и двух школах; занятия с учителями в Самарском институте повышения квалификации, исторические олимпиады для школьников, рабфак, «День учителя», профорганизационная работа студентов во время педагогической практики и т.д. «Важно отметить, — написал в справке член комиссии по аттестации Самарского госуниверситета, профессор Нижегородского университета А.В. Седов, — в ней учитываются интересы школы». Один из результатов — прием на дневное отделение истфака был увеличен до 75 человек [10, с.3-6]. В этой же справке профессор А.В. Седов «посчитал важным отметить необычный, но весьма позитивный факт — кафедру советского периода истории СССР... возглавил сам ректор Л.В. Храмов. Это бесспорно отрадное явление...» [10, с.2]. В сфере внимания Л.В. Храмова как ректора и председателя приемной комиссии университета был прием студентов на дневное, вечернее и заочное отделения по всем университетским специальностям.

Если оформить хронологическую таблицу «Основные факты жизни и деятельности Л.В. Храмова в Самарском госуниверситете», то она будет состоять из следующего перечня: 1 апреля 1969 г. — зачислен в штат Куйбышевского государственного университета; апрель 1969 — декабрь 1971 гг. — утвержден старшим преподавателем кафедры истории СССР КГУ; 17 декабря 1971 г. — переведен на должность доцента; 12 апреля 1974 г. — защитил докторскую диссертацию; август 1976 г. — создание исторического факультета; 1977 г. — утвержден заведующим кафедрой истории советского общества; 7 апреля 1978 г. — присвоено звание профессора; март 1984 — март 1994 гг. — ректор СамГУ и заведующий кафедрой; 1994 — 2003 гг. — заведующий кафедрой отечественной истории и историографии (бывшая кафедра истории советского общества); 17 мая 1996 г. — присвоено звание Действительного члена Академии Гуманитарных наук. Приведенные данные позволяют составить общее представление о спектре деятельности, о функциях и масштабах работы, которую выполнял Л.В. Храмов, о росте его авторите-

та в научном сообществе, в педагогической и административной жизни университета.

Л.В. Храмов первым из историков госуниверситета озаботился памятью о нем, о людях, чьи судьбы вплелись в его историю, формировали научные школы и традиции университетского классического образования. В перечне публикаций Ленара Васильевича 5 очерков о первом ректоре возрожденного вуза – Алексее Ивановиче Медведеве, 12 – об одном из его профессоров Ефреме Игнатьевиче Медведеве, 4 – о Павле Александровиче Преображенском, педагоге и историке-краеведе, работавшем в университете в 1920-е годы [8, с. 94-138]. В сфере его профессионального внимания – биографии тех, благодаря кому осуществлялся учебный процесс на историческом факультете в первые годы второго рождения университета: Владимире Ивановиче Маркове [14, с. 164-167], Николае Николаевиче Яковлеве [17, с. 22-30]. Статьи в юбилейных сборниках и периодической печати, страницы энциклопедических очерков отражают почтительное отношение автора к своим старшим коллегам и содержат оценки, основанные не только на анализе известных биографических фактов, но и на метких наблюдениях над их характерами.

Первые, небольшие по объему публикации Л.В. Храмова по истории Куйбышевского университета появились на страницах газет в конце 1970-х гг. [13; 15]. Первый очерк об университете был подготовлен для Украинской советской энциклопедии в 1981 г. [16]. Последние три статьи вошли в юбилейное издание о Самарском государственном университете, посвященное 90-летию со дня его основания и 40-летию со дня возрождения [7, с. 31-33, 14-21, 22-30].

В целом воссозданию истории университета Л.В. Храмов посвятил 21 работу [8, с. 99, 105-108, 115, 133-134, 137]. Кроме того, страницы истории университета вписаны в повествование четырех учебных и учебно-методических пособий, автором которых был Л.В. Храмов. Идеино и композиционно эти работы составляют единое целое, сводный труд с распределением конкретно-исторического материала по двум хронологическим этапам (1918-1922 гг. и 1969-2009 гг.) и по проблемам, ведущими из которых для автора являются становление высшей школы в Самарском крае, развитие краеведческих исследований в университете и в Среднем Поволжье, историко-культурное и общественное значение университетского образования.

Внимательное изучение публикаций этой тематики убеждает в том, что ученый имел твердые представления о характере и зна-

чении университетского образования, активную гражданскую позицию, которые служили для него мерой оценки доброкачественности результата в практической деятельности самарского вуза. В докладе на заседании Ученого совета 30 августа 1991 г., посвященном подготовке к аттестации СамГУ и перспективам развития университетского образования, ректор Л.В. Храмов сказал: «В связи с созданием в настоящее время значительного количества “прикладных” университетов (технических, морских, сельскохозяйственных и др.), “свободных”, кооперативных, а в недалеком будущем, вероятно, и частных, реальной становится угроза девальвации самого понятия “университетское образование”... Одной из чрезвычайно важных задач является повышение престижа университетского образования и создание у студентов высокого уровня мотивации активного творческого участия в учебном процессе..., активного участия в научно-исследовательской работе и общественной жизни, повышение фундаментальной подготовки и общекультурного уровня... Деятельность российских (в широком смысле этого названия) университетов никогда не ограничивалась только образовательной и научной деятельностью. Значительная часть этой деятельности всегда была связана с развитием народного просвещения и культуры общества... Перестройка системы университетского образования должна быть направлена на то, чтобы восстановить роль университетов не только в качестве научно-образовательных, но и общественно-культурных центров своих регионов, республик...» [5, с.8].

В значительной мере благодаря авторитету Л.В. Храмова в утвержденном 30 ноября 1993 г. конференцией преподавателей, сотрудников, студентов и аспирантов университета и зарегистрированном 3 марта 1994 г. «Уставе Самарского университета» статус вуза был определен как ведущего центра развития образования, науки и культуры. В перечне его задач были традиционные: «удовлетворение потребностей общества в квалифицированных специалистах с высшим образованием и научно-педагогических кадрах высшей квалификации; организация и проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований и иных научно-технических, опытно-конструкторных работ, в том числе и по проблемам образования». К ним прибавились и задачи, подчеркивавшие общественную значимость и возможности университетского образования: «накопление, сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества; распространение научных знаний среди населения, повышение его общеобразовательного и культурного уровня» [12, с.1-2].

Библиографический список

1. Архив кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Папка 7: Программы спецкурсов. 2001-2005 гг.

2. Архив Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 1; Д. 2; Д. 9.

3. «В живых сердцах оставить свет...»: памяти профессора Самарского государственного университета Ленара Васильевича Храмова (1934-2009): историко-мемориальное исследование / сост. Н.П. Храмова, Е.Л. Храмова; науч.ред. Г.С. Шерстнева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. 308 с.

4. Воспоминания Виктора Сыркина // «В живых сердцах оставить свет...» С. 199-205.

5. О подготовке к аттестации СГУ и перспективах развития университетского образования в стране: Доклад на заседании Ученого Совета университета 30 августа 1991 года (Рукопись). 15 с. // Архив кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

6. Радченко О.И. Ленар Васильевич Храмов и Самарская духовная семинария // «В живых сердцах оставить свет...» С. 88-90.

7. Самарский государственный университет: 1969 – 2009: к 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения / под общ. ред. И.А. Носкова; Л.В. Храмов [и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 332 с.

8. Список научных трудов, учебно-методических и научно-популярных публикаций Л.В. Храмова // «В живых сердцах оставить свет...» С. 94-138.

9. Справка о работе по проведению первого набора студентов в Куйбышевский государственный университет в 1969 году (Рукопись). С. 3 // Личный архив Г.М. Смоляр.

10. Справка об учебной, научной и общественной работе коллектива исторического факультета Самарского государственного университета в связи с аттестацией специальности 02.07 – «История», проведенной аттестационной комиссией, организованной по приказу Государственной инспекцией высших учебных заведений РСФСР № 72 от 28 октября 1991 года (Копия). 6 с. // Архив кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

11. Ст. 283 «Об организации Куйбышевского государственного университета» // Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М.: Юридическая литература, 1966. № 25. С. 578.

12. Устав Самарского государственного университета. Самара: Самарский университет, 1993. 32 с. // Архив кафедры отечественной истории и

историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

13. Храмов Л.В. В тесной связи с жизнью // Университетская жизнь. 1978. 18 октября.

14. Храмов Л.В. Владимир Иванович Марков – самарский историк, археолог и педагог // Самарский край в истории России: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2007. Вып. 3. С.164-167.

15. Храмов Л.В. Город университетский // Волжская коммуна. 1979. 27 января.

16. Храмов Л.В. Куйбышевский государственный университет // Украинская советская энциклопедия: в 12 т. Киев, 1981. Т. 5: Кетокислоты – Лахор. С.477.

17. Храмов Л.В., Храмова Н.П. Самарский историк и педагог Н.Н. Яковлев (1902 – 1982) // Человек, ученый, гражданин: материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Соломона Герцевича Басина. Т. 2. Самара: СГПУ, 2009. С. 275-282.

18. Чудакова М.О. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия. 1975. 224 с.

УДК 929

А.В. Сюков*

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л.В. ХРАМОВА

Статья посвящена анализу научного наследия Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Ленера Васильевича Храмова, который в 1960-2000-е гг. являлся одним из крупнейших историков-краеведов Поволжья. Рассматривается научная, педагогическая, общественная деятельность Л.В. Храмова в области краеведения.

Ключевые слова: Л.В. Храмов; краеведение; историография; Самара.

* © Сюков Антон Валерьевич (asyukov@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Самарское краеведение насчитывает более двух с половиной столетий. За это время краеведческое движение прошло много этапов своего развития, испытало периоды взлета и временного спада. Первые послереволюционные годы были «золотым десятилетием» самарского краеведения, когда оно становится по-настоящему массовым явлением. Этот период связан с деятельностью П.А. Преображенского, В.В. Гольмстен и других ученых в рамках Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Однако после ликвидации Самарского университета, отъезда из региона ряда крупных исследователей, а также общей перестройки краеведческого дела происходит временный спад интереса к изучению родного края, сужение тематики и неравномерность изучения различных периодов истории. Лишь в 1950-1960-е гг. вновь усиливается интерес к краеведению. И огромную роль в этом сыграла краеведческая деятельность Ленара Васильевича Храмкова (1934-2009).

Спектр научных увлечений Л.В. Храмкова был крайне широк. Но краеведческая тематика для него всегда стояла на особом месте. Увлечение краеведением у Ленара Васильевича началось еще на первом этапе его научной деятельности. С октября 1964 г. он работал ассистентом на историческом факультете Куйбышевского государственного педагогического института (КГПИ). Одновременно Л.В. Храмков начал руководить историко-краеведческим кружком, который стал центром научной деятельности студентов-историков. По его мнению, такая форма работы со студентами помогла привить им подлинный интерес к истории родного края, что должно было пригодиться в дальнейшей преподавательской деятельности [1, с. 14-15].

Темы, над которыми работали кружковцы, оформлялись в виде докладов и зачитывались на итоговых конференциях. Каждый студент должен был сделать два доклада, самые интересные печатались в сборнике научных работ «Историк-краевед». Всего вышло 14 таких сборников [1, с. 15].

В кружке была особая атмосфера, которая отмечалась всеми студентами. Н.М. Магомедов, студент первого курса исторического факультета КГПИ, который в дальнейшем стал доктором педагогических наук, профессором Куйбышевского (Самарского) государственного университета, делился впечатлениями о своей работе в кружке: «Помню, как впервые пришел на занятие кружка: был страх и большое желание заниматься. Но кружковцы постарались

развезать все мои опасения. Произошло это как-то незаметно, потому что чувствовалось дружеское расположение кружковцев друг к другу. Поразило меня и разнообразие докладов, и постоянство кружковцев: многие студенты за годы учебы не пропустили ни одного занятия. А Ленар Васильевич Храмов, руководитель кружка, меня просто поразил. Это необыкновенно интересный, много знающий человек, создающий дружескую атмосферу на занятиях» [7].

Кружок выходил за рамки обычного студенческого научного общества. Один их кружковцев, Г.А. Дудин, вспоминал: «Историко-краеведческий кружок для многих студентов стал не только местом обсуждения интересовавших нас научных тем, но и средством неформального общения... Ленар Васильевич умел “приворожить” своими удивительными рассказами. И так было не только на заседаниях кружка, но и в наших историко-краеведческих, а иногда и вдобавок к этому и туристических “походах” (так мы называли наши поездки и путешествия по городам и селам на реке Урал, Сок, Волга, в выездах за Волгу – в Жигули)» [1, с. 255-256].

Многие кружковцы и после окончания института продолжили свою научную деятельность. Некоторые начали работать вместе с Л.В. Храмовым в созданном в 1969 г. Куйбышевском государственном университете; среди них – Г.С. Шерстнева, В.И. Тихонов, В.В. Рогожин, Н.М. Магомедов. Они всегда вспоминали работу в историко-краеведческом кружке как важнейший период своей жизни. Можно сказать, что уже в самом начале своей научной деятельности Л.В. Храмов начал формировать собственную историческую школу.

Не менее важное значение придавал Ленар Васильевич распространению краеведческих знаний среди школьников. Он всегда был уверен, что «краеведение – важное средство борьбы за высокую успеваемость, один из действенных способов воспитания у школьников любви к Родине. Вот почему необходимо, чтобы каждый учебный предмет в какой-либо мере включал в себя элементы краеведения» [2]. Он видел некоторые успехи в этом деле, но признавал, что это заслуга немногочисленных учителей-энтузиастов. Поэтому Ленар Васильевич прилагал все усилия, чтобы превратить школьное краеведение в массовое явление. Для этого в советский период он создал целый ряд учебных пособий, среди которых «Знаете ли вы свой край?» [11], «Край Самарский: учебное пособие для учащихся 7-8 классов средних школ» [6], «Край Самарский: учебное пособие для учащихся 9-10 классов средней школы» [16].

Особые надежды на краеведение Л.В. Храмов возлагал в 1990-2000-е годы. Он осознал, что в условиях реформ системы образования в постсоветский период, кризисных явлений в обществе краеведение должно было сыграть важную роль в сохранении историко-культурной памяти, гражданском воспитании молодежи. В последние годы жизни им был создан еще ряд учебных пособий: «Введение в Самарское краеведение» [12], «Самарский край в судьбах России» [15]. Данные учебные пособия были высоко оценены председателем Союза краеведов России С.О. Шмидтом, который отмечал, что «сведения по истории изучения края, об источниках и методах краеведческих исследований, конкретно-исторический материал, вопросы и задания для учащихся, программы по краеведению дают необходимый инструментарий для начинающих исследователей родного края» [12, с. 3].

В условиях открытия архивов, расширения источниковой базы Л.В. Храмов занимался активной археографической деятельностью. Он публикует документальные сборники в помощь преподавателям и учащимся [8]. В дополнение к этому Ленар Васильевич старался объяснить школьникам, студентам, краеведам-любителям методику поиска новой краеведческой информации, работы с архивными источниками, считая источниковедческую подготовку необходимым условием исследовательской деятельности [12, с. 13-20].

Л.В. Храмов стремился создать прочный научный фундамент краеведения. Он принимал участие в написании нескольких коллективных трудов краеведческого характера [1, 9], одновременно с этим работал над статьями и монографиями по отдельным аспектам региональной истории. Особое место в его научной деятельности занимало изучение истории Великой Отечественной войны в Самарском крае [17]. Его интересовала деятельность местных Советов, перестройка военно-промышленного комплекса региона, изменение повседневной жизни в тылу, ратный подвиг самарцев.

Ключевую роль в своих работах он всегда уделял судьбам людей. Именно биографические материалы были основой его работ, делали их яркими и живыми. Ему были интересны не только руководители, общественные деятели, но и судьбы простых людей, тружеников тыла, героев Великой Отечественной войны. Он являлся членом редакционного совета, автором ряда биографических материалов 34-томной «Книги Памяти Самарской области» [5].

Особо можно выделить цикл биографических работ Л.В. Храмова об историках Поволжья: Е.И. Медведеве [13], П.А. Преобра-

женском [14] и др. Это были выдающиеся историки-краеведы, на которых всегда старался ориентироваться Ленар Васильевич в своей научной и педагогической деятельности.

Многогранной была его общественная деятельность. В 1978-1988 гг. Л.В. Храмов входил в Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а в 1974-1984 гг. возглавлял его Куйбышевское областное отделение [1, с. 80]. Он с большим трепетом относился к этой ответственной работе, отмечая, что «в памятниках истории и культуры воплощены созидательный и ратный подвиг народа, его художественный гений. Они, как зримые вехи, повествуют современникам о славном прошлом страны – давнем и недавнем, они украшают землю, олицетворяют нашу любовь к родному краю» [3]. В Куйбышевском областном отделении ВООПИиК Ленару Васильевичу посчастливилось работать вместе с замечательными историками-краеведами, археологами, архитекторами, деятелями культуры. Среди них – В.Н. Арнольд, А.Я. Басс, Е.Ф. Гурьянов, Г.И. Матвеева, Е.И. Медведев, А.Г. Моргун, К.Я. Наякшин, Ф.Г. Попов, О.С. Струков, Н.Н. Яковлев и др. Они занимались научной работой по розыску, паспортизации и описанию памятных мест. Благодаря их совместной работе был выявлен 231 памятник истории и культуры, обследовано 300 археологических памятников, установлено свыше 40 мемориальных досок. По инициативе Куйбышевского отделения ВООПИиК взяты на государственную охрану 18 новых памятников [1, с. 81]. В двух изданиях вышла книга «Памятники истории и культуры Куйбышевской области».

Будучи председателем комиссии по народному образованию, науке, культуре и спорту Куйбышевского областного Совета народных депутатов, Л.В. Храмов всегда старался заботиться о сохранении историко-культурного наследия региона. Получив сотни писем от жителей региона, общественных организаций, он добивался возвращения городу исторического названия. 20 декабря 1990 г. выступил на заседании облсовета с речью «Самара – во веки веков!» [10].

Эти слова можно в полной мере применить и к научному наследию Ленара Васильевича. Его работы уже стали классикой самарского краеведения, являясь образцом для современных историков и краеведов-любителей. Он подчеркивал, что «подлинное краеведение – всегда краелюбие» [12, с. 7]. И эту любовь к истории родного края он сумел воспитать у своих многочисленных учеников.

Библиографический список

1. В живых сердцах оставить свет...»: памяти профессора Самарского государственного университета Ленера Васильевича Храмова (1934-2009): историко-мемориальное исследование / сост. Н.П. Храмова, Е.Л. Храмова; науч.ред. Г.С. Шерстнева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. 308 с.
2. Волжская коммуна. 1964. 14 января.
3. Волжская коммуна. 1976. 17 марта.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М.: Наука, 2000. 232 с.
5. Книга Памяти: Российская Федерация, Самарская область [34 т.]. Самара: Самар. Дом печати, 1993-2003.
6. Матвеева Г.И., Медведев Е.И., Храмов Л.В. Край Самарский / Под ред. Л.В. Храмова. Куйбышев: Кн. изд-во, 1984. 128 с.
7. Молодой учитель. 1968. 21 марта.
8. Наш край: Хрестоматия для преподавателей отечественной истории и учащихся средней школы. Самара: Гос. архив Самарской области, 2003. 408 с.
9. Самарская летопись: В 3 кн. / Под ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмова. Кн. 3: Самарский край в XX веке (1918-1996 гг.). Самара: Самарский университет, 1997. 263 с.
10. Самарские известия. 1990. 21 декабря.
11. Сыркин В.Н., Храмов Л.В. Знаете ли вы свой край? Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. 166 с.
12. Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Учебное пособие. Самара: Изд-во «НТЦ», 2003. 356 с.
13. Храмов Л.В. Ефрем Игнатьевич Медведев. К 100-летию со дня рождения // Самарский университет. 2003. № 1.
14. Храмов Л.В. П.А. Преображенский: педагог, историк, краевед // Самарский университет. 1999. № 3.
15. Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России: для высш. и средних общеобразовательных учебных заведений. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 370 с.
16. Храмов Л.В., Храмова Н.П. Край Самарский: Учебное пособие по историческому краеведению для средней школы. Ч. 2: Для учащихся 9-10-х кл. Куйбышев: Кн. изд-во, 1988. 125 с.
17. Храмов Л.В., Храмова Н.П. Самара и Самарская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Очерк истории. Хроника событий. Самара: Издательство «Самарский университет», 2004. 289 с.

**ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КУЙБЫШЕВСКОМ (САМАРСКОМ)
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В статье на примере Куйбышевского (Самарского) государственного университета рассматривается система подготовки историков Великой Отечественной войны во второй половине 1970-х – 2000-х гг.

Ключевые слова: Куйбышевский (Самарский) государственный университет; подготовка научных кадров; диссертации; Великая Отечественная война.

Во второй половине XX века в городе Куйбышеве (Самаре) сформировался крупный исследовательский центр по истории Великой Отечественной войны, важным аспектом деятельности которого являлась подготовка научных кадров. Проблемы современного послевузовского исторического образования актуализируют обращение к накопленному опыту в этой сфере, в частности, Куйбышевским (Самарским) государственным университетом (КГУ/СамГУ).

Прежде всего, следует отметить такие взаимообусловленные процессы, как подготовка в университете собственных докторов исторических наук по истории 1941–1945 гг.; обучение в аспирантуре КГУ/СамГУ по указанной проблематике не только универсантов, но и выпускников других вузов – будущих преподавателей не только госуниверситета, но и вузов Куйбышевской (Самарской) области, других регионов; появление диссертационных советов по историческим наукам в государственном университете. Положительное влияние на рост числа диссертационных работ оказали наличие богатых архивных фондов по истории Великой Отечественной войны в местных архивах, рассекречивание документальных материалов на рубеже XX–XXI вв., сотрудничество историков и архивистов в области архивоведения, документоведения и археографии. Дипломами Росархива отметили документальные сборники «Куй-

* © Храмкова Елена Ленаровна (hramkova@rambler.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет.

бышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [14], «Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [8] и др.; II место в номинации «Документалистика» на Всероссийском конкурсе журналистских произведений военно-патриотической тематики занял сборник документов «Здесь тыл был фронтом (1941–1945)» [11]. Издания были подготовлены историками государственного университета и самарскими архивистами А.А. Будановой, Г.В. Галыгиной, О.В. Зубовой, К.А. Катренко, Л.Ю. Покровской, Ю.Е. Рыбалко, А.Г. Удинцевым и др.

Развитию университетской школы историков Великой Отечественной войны способствовали традиционные и новые связи с научными сообществами местных, региональных, «столичных» вузов и академических учреждений. Среди ведущих организаций, поддержавших исследования куйбышевских (самарских) соискателей, следует назвать исторические кафедры государственных университетов (Горьковского, Казанского, Московского, Саратовского); педагогических высших учебных заведений (Московского городского, Оренбургского, Ульяновского); технических и экономических вузов (Пензенский инженерно-строительный, Куйбышевский плановый, Тольяттинский и Куйбышевский политехнические институты; Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова и др.); Куйбышевского (Самарского) государственного института культуры; Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и др.

В течение многих лет не прерывались не только формальные, но и дружеские связи куйбышевских (самарских) специалистов по истории минувшей войны и их коллег в других регионах. Среди оппонентов по докторским и кандидатским диссертациям университетских соискателей и преподавателей были бывшие фронтовики: М.А. Водолагин (в годы войны – секретарь Сталинградского обкома ВКП (б), позднее – доктор исторических наук, профессор Литературного института им. М. Горького); З.И. Гильманов (доктор исторических наук, более четверти века возглавлял отдел истории в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова); Д.П. Ванчинов (доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета); А.И. Польская (доктор исторических наук, профессор Астраханского педагогического института); другие известные историки Великой Отечественной войны – Т.Г. Архипова, В.Г. Еремин, Н.А. Кирсанов, Н.И. Кондакова, Г.А. Куманев, М.И. Одинцов,

Е.С. Сенявская, В.В. Черепанов, М.Г. Шайдаев (Москва), В.А. Быкова, В.Н. Данилов (Саратов), А.А. Иванов (Казань) и др.

В свою очередь, преподаватели Куйбышевского (Самарского) государственного университета регулярно выступали в качестве оппонентов по диссертациям в своем и других самарских вузах, выезжали на заседания диссертационных советов в различные города страны, рецензировали авторефераты диссертаций, посвященных Великой Отечественной войне. Так, профессор В.Н. Парамонов принимал участие в оппонировании докторских и кандидатских диссертаций соискателей Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) А.В. Захарченко, Е.И. Костюковой, О.В. Тузовой, В.В. Федотова. Кафедра истории советского общества (кафедра отечественной истории и историографии) КГУ/СамГУ являлась ведущей организацией у будущих кандидатов и докторов исторических наук по указанной тематике [2; 4; 5; 6; 9; 11; 20; 27 и др.].

Планомерная подготовка кандидатов и докторов наук по истории Великой Отечественной войны в Куйбышевском государственном университете началась во второй половине 1970-х гг. Этому предшествовала защита докторской диссертации Л.В. Храмовым в 1974 г. в Специализированном совете Саратовского государственного университета [29]. Первые аспиранты Л.В. Храмова были выпускниками КГУ (А.З. Беймель, Н.К. Веденева, В.Я. Мачнев), Куйбышевского (КГПИ) (Н.С. Мухаметшина) и Ульяновского (Г.А. Лукс) педагогических институтов. Все они защитились в 1980–1985 гг. по специальности 07.00.02 – История СССР в «чужих» диссертационных советах – Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина [15; 16] и КГПИ [3; 7; 18]. Двое из них впоследствии стали докторами социологических (Г.А. Лукс) и политических (Н.С. Мухаметшина) наук.

Со второй половины 1980-х гг. соискатели госуниверситета, в том числе по истории Великой Отечественной войны, получили возможность защищать диссертации в собственном диссертационном совете (К 063.94.02). Первые защиты состоялись в 1986 г.: В.Ю. Соловьев [26], Е.В. Редкокашин [23] – выпускники Пензенского им. В.Г. Белинского и Волгоградского им. А.С. Серафимовича пединститутов (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Л.В. Храмов). Традиция подготовки и защиты диссертаций в диссоветах КГУ/СамГУ выпускников других региональных вузов была продолжена и позднее. В 1990 г. доцент КГУ

Н.П. Мышенцев защитил в диссертационном совете Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина докторскую диссертацию по истории индустрии Поволжья периода войны [18]. Он подготовил не менее четырех кандидатов исторических наук по военной тематике [10; 17; 22; 30].

До закрытия совета К 063.94.02 в 2000 г. в нем успешно защитились еще 6 историков: В.С. Алексеенко [1] (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Г.А. Докучаев), А.Н. Мунин, Т.А. Чичканова [17; 30] (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н.П. Мышенцев); Г.В. Сафонов, И.А. Шебалин, В.Н. Якунин [25, 31, 35] (научный руководитель – Л.В. Храмков). Одновременно преподаватели госуниверситета, соискатели Л.В. Храмкова Н.А. Санникова и Е.Н. Филимонова [24; 27] защитились в диссертационном совете КГПИ.

С 2000 г. появилась возможность защищать докторские диссертации по истории Великой Отечественной войны в новом диссертационном совете Самарского государственного университета (Д 212.218.02). Соискателями и преподавателями СамГУ были защищены 2 докторские диссертации: В.Н. Якунин [36] (научный консультант – Л.В. Храмков), Г.А. Широков [32]; и 3 кандидатские диссертации: С.Н. Юсупова [34] (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Г.А. Широков), И.А. Коробецкий, Е.Н. Шматов [13, 33] (научный руководитель – Л.В. Храмков). В 2001 г. доцент СамГУ В.Н. Парамонов защитил в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова докторскую диссертацию по истории промышленности РСФСР 1941–1945 гг. [20] (научный консультант – Л.В. Храмков).

Особенностью проблематики диссертационных исследований по истории Великой Отечественной войны соискателей и преподавателей КГУ/СамГУ являлось явное доминирование работ по специальности 07.00.02 (История СССР; позднее – Отечественная история). Из 24 диссертаций, защищенных в советский и постсоветский периоды, по специальности 07.00.01 (История Коммунистической партии Советского Союза; позднее – История общественных движений и политических партий) выполнены 5 работ: докторская диссертация Н.П. Мышенцева и кандидатские диссертации В.С. Алексеенко, А.Н. Мунина, В.Ю. Соловьева и Т.А. Чичкановой.

Анализ рассмотренных диссертаций позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, соискатели работали в широких, по сравнению с современным периодом историографии, территориальных рамках. Самыми «малыми» регионами являлись Среднее Поволжье (Куйбышевская, Ульяновская и Пензенская области; отдельные исследователи добавляли к ним Татарскую АССР), Нижнее Поволжье и Южный Урал. 8 диссертаций (из них 3 докторские) охватывали все Поволжье. На материалах РСФСР–СССР были защищены 2 докторские и 1 кандидатская диссертации [20; 35; 36].

Во-вторых, указанный территориальный подход предопределил достаточно объемную источниковую базу диссертационных трудов. С особой тщательностью были проработаны документы местных поволжских архивов и материалы местной печати (в том числе многотиражной) военных лет. В среднем в изученных диссертациях фигурируют фонды от 5 до 22 центральных и местных архивов.

В-третьих, предметная область исследований охватывала кардинальные вопросы истории Великой Отечественной войны – опыт индустриального развития региона, реконструкция целостной картины промышленного развития РСФСР; состояние сельскохозяйственного производства в областях и автономных республиках Поволжья и Урала; специфика подготовки квалифицированных рабочих кадров; работа транспортных железнодорожных магистралей на примере тыловых, прифронтовых и фронтовых районов Поволжья; комплексное изучение академической, вузовской, отраслевой науки и др. Нередко в диссертациях ставились задачи, не востребованные ранее в самарской историографии, такие как исследование истории местной промышленности, деятельности городских Советов, истории «больших» и «малых» городов Поволжья в условиях войны и др.

Последняя диссертация по интересующей нас проблематике в диссертационном совете СамГУ была защищена в 2006 г. [32]. В 2012 г. он прекратил свое существование. В настоящее время в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева функционирует объединенный диссовет по историческим наукам (Д 999.102.02), но ни одна диссертация по истории Великой Отечественной войны, написанная самарскими историками, в нем пока не защищена. Эта ситуация связана, в частности, с отсутствием в университете аспирантов, которые занимались бы изучением данной темы.

На сегодняшний день в вузах Самарской области работают не менее 16 выпускников бывшего государственного университета

и СГСПУ (из них 4 доктора наук), защитившие в разные годы диссертации по истории Великой Отечественной войны. В этом плане наша область выгодно отличается от некоторых российских регионов. Однако в 1990–2000-е гг. в связи с известными реалиями произошла существенная переориентация историков с изучения военной эпохи на другие темы. Лишь немногим ученым удалось продолжить научно-исследовательскую и публикаторскую деятельность в когда-то выбранном проблемном поле.

Таким образом, история куйбышевской (самарской) школы по истории Великой Отечественной войны, существовавшей в бывшем Самарском государственном университете, в определенном смысле завершилась, как и история некоторых других подобных региональных школ. Остались коллективные, монографические, диссертационные и прочие исследования, документальные публикации, многие из которых вошли в современную российскую историографию событий 1941–1945 гг. Осталась и память об историках, определявших развитие данного направления в университете. Удастся ли возрождение научной школы в будущем, и какие новые формы она приобретет – вопрос открытый.

Библиографический список

1. Алексеенко В.С. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по формированию и развитию системы государственных трудовых резервов накануне и в годы Великой Отечественной войны (1940–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1987. 17 с.
2. Асылгараева А.Ш. Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 23 с.
3. Беймель А.З. Государственные трудовые резервы Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985. 16 с.
4. Бехтерев Д.Ю. Южный Урал – важный арсенал России в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 26 с.
5. Блинова В.В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 30 с.
6. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 24 с.
7. Веденеева Н.К. Железнодорожный транспорт Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1984. 17 с.

8. Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): сборник документов / сост.: В.В. Алексеев, Г.В. Галыгина, О.В. Зубова, К.А. Катренко, Н.А. Локтева, Л.Ю. Покровская, Ю.Е. Рыбалко (отв. сост.), П.А. Скрыбнева, А.Г. Удинцев; науч. ред. Л.В. Храмков. Самара: Самар. Дом печати, 2005. 304 с.

9. Заводчиков В.В. Деятельность Куйбышевской студии кинохроники и кинообслуживания населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 22 с.

10. Захарченко А.В. Авиационная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 20 с.

11. Здесь тыл был фронтом (1941–1945): сборник документов и материалов / сост.: Ю. Е. Рыбалко (отв. сост.), А.А. Буданова, А.Г. Удинцев, А.Ф. Ярыш, А.Н. Завальный; науч. ред. Л.В. Храмков. Самара: Парус, 2000. 352 с.

12. Кондратенко Е.Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 26 с.

13. Коробецкий И.А. Деятельность местных органов власти Южного Урала в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 20 с.

14. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Документы и материалы / сост. Ю.Е. Рыбалко, А.А. Буданова; науч. ред. Л.В. Храмков. Самара: Самар. Дом печати, 1995. 448 с.

15. Лукс Г.А. Вклад научной и инженерно-технической интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1980. 20 с.

16. Мачнев В.Я. Сельское хозяйство Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1981. 22 с.

17. Муни А.Н. Организационная и идеологическая работа организаций ВКП (б) Среднего Поволжья в первом периоде Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1991. 16 с.

18. Мухаметшина Н.С. Роль женщин в социально-культурном строительстве Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985. 20 с.

19. Мышенцев Н.П. Индустриальное развитие Поволжья в годы Великой Отечественной войны: Работа партийных организаций и промышленности: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. М., 1990. 55 с.

20. Парамонов В.Н. Индустриальное развитие РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 46 с.

21. Потапова А.Н. Религиозная политика Советского государства на Южном Урале в 1941–1958 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 29 с.

22. Рассохина О.В. Топливная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах Куйбышевской и Саратовской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 21 с.

23. Редкокашин Е.В. Рабочие Нижнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986. 18 с.

24. Санникова Н.А. Местная промышленность и промысловая кооперация Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. 16 с.

25. Сафонов Г.В. Сельские Советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 16 с.

26. Соловьев В.Ю. Организаторская деятельность Коммунистической партии среди эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных организаций Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986. 15 с.

27. Филимонова Е.Н. Городские Советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1992. 19 с.

28. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале (1940 – март 1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 58 с.

29. Храмов Л.В. Советы Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1974. 50 с.

30. Чичканова Т.А. Массово-политическая работа партийных организаций в годы Великой Отечественной войны (на материалах промышленных предприятий Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. 18 с.

31. Шебалин И.А. Деятельность научных учреждений по мобилизации ресурсов Южного Урала на нужды обороны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 19 с.

32. Широков Г.А. Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005. 44 с.

33. Шматов Е.Н. Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. 20 с.

34. Юсупова С.Н. Пищевая промышленность Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 20 с.

35. Якунин В.Н. Патриотическая деятельность Русской Православной церкви и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. Самара, 1998. 20 с.

36. Якунин В.Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2003. 39 с.

УДК 94(47).084.2

Е.П. Баринова*

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ САМАРСКИХ ИСТОРИКОВ

В статье показана роль самарских историков в изучении социально-экономического строя помещичьих хозяйств, выявлена основная проблематика исследований по истории поместного дворянства в XIX – начале XX в. Предпринята попытка сформулировать новую проблематику по истории дворянства Поволжья.

Ключевые слова: кафедра Российской истории; дворянство; историография; помещичье хозяйство.

Историографический анализ тематики исследований, посвященных истории «первенствующего» сословия Российской империи, позволяет выявить этапы и темпы изучения социально-экономического и политического статуса поместного дворянства на различных исторических этапах. Отметим, что в течение длительного периода история российского дворянства советскими историками изучалась фрагментарно. Как правило, в центре их внимания находилась проблема классовой борьбы российского крестьянства против помещиков. В научных трудах преобладали негативные оценки реализуемых имперским правительством Великих реформ, столыпинской аграрной реформы, деятельности первого российского парламента. Историографическая ситуация стала меняться на рубеже

* © Баринова Екатерина Петровна (rfnz25@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал Московского городского педагогического университета.

50-60-х гг. XX в., когда под влиянием дискуссий об особенностях аграрного строя Российской империи, многоукладности экономики и мелкотоварном производстве проблематика научных исследований существенно расширилась. Тогда же обозначился новый вектор в изучении истории российского дворянства. Отметим также позитивное воздействие на формирование новой научной проблематики монографий А.М. Анфимова о крупном помещичьем хозяйстве России [5] и А.П. Корелина о российском дворянстве рубежа XIX–XX в. [20].

Новые подходы к изучению истории российского дворянства наметились во второй половине 80-х гг. XX века. В современной российской историографии акцентируется внимание на таких проблемах, как характер деятельности корпоративных дворянских организаций, степень участия представителей сословия в различных государственно-политических институтах. Традиционно уделяется внимание изучению особенностей взаимоотношений дворян с крестьянами. К настоящему времени изданы многочисленные исследования, где анализируются вопросы дворянской генеалогии, истории судьбы дворянина в контексте политической жизни Российской империи, быта, менталитета. Появились научные труды, авторы которых характеризуют своеобразие усадебной культуры.

Интерес к изучению истории первенствующего сословия стал возрастать в региональной историографии во второй половине 60-х гг. XX в. Вновь акцентируем внимание на том, что, несомненно, это связано с воздействием дискуссий 1960-х гг. и формированием нового направления в советской историографии. На рубеже 1960-х гг. появились исследования, где анализировались формы протестных акций многонационального крестьянства Поволжья в пореформенный период. Речь идет о работе представителя казанской исторической научной школы Ю.И. Смыкова [37; 15, с.49]. В 1970-е гг. в центре внимания историков Поволжья стала находиться эволюция аграрного строя России. Тогда же в научный оборот был введен значительный комплекс массовых исторических источников, стали применяться количественные методы. В 1970-1980-х гг. исследователи акцентировали внимание на изучении экономических итогов и социальных последствий проведения столыпинской аграрной реформы. На региональном уровне проводился анализ особенностей и путей развития капитализма в деревне, экономической эволюции помещичьего хозяйства. Специфика экономического развития поволжских губерний рубежа XIX–XX вв.,

аграрных отношений в регионе представлена в работах самарских историков П.С. Кабытова [12; 13; 14] и Н.Л. Клейн [18].

П.С. Кабытов стал инициатором изучения социально-экономического строя помещичьих хозяйств Самарской губернии. Он настоятельно советовал своему первому ученику и аспиранту П.И. Савельеву приступить к изучению делопроизводственной документации государственного Дворянского земельного банка. В конце 60-х гг. XX в. П.С. Кабытов обнаружил, что в Куйбышевском государственном архиве сохранились описи дворянских имений не только Самарской, но также Уфимской и Оренбургской губерний. Этот богатейший пласт документов содержит ценнейшую историческую информацию, на основе которой представляется возможность исследовать социально-экономический строй помещичьих имений на рубеже XIX–XX вв. П.И. Савельев на основе многомерного статистического анализа выявил особенности помещичьего землевладения и землепользования, установил степень задолженности дворянства кредитным учреждениям [30; 31]. Им были сделаны первые шаги по изучению политических и экономических требований сословия к власти накануне первой русской революции [29]. В 1983 г. в Казанском университете П.И. Савельев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Помещичье хозяйство Самарской губернии 1861–1905 гг.» [30]. Новые концептуальные представления о путях развития аграрного капитализма в Поволжье в пореформенный период были сформулированы им в докторской диссертации, которая была защищена в диссертационном совете при Уральском государственном университете в 1995 г. Заслуживает внимания анализ историком ряда теоретических проблем: в его работе детально прослеживаются истоки, становление и развитие аграрно-типологических концепций в России, отмечено воздействие различных факторов на эволюцию аграрного строя в поволжских губерниях – природно-климатических условий и демографической ситуации, специфики и неоднородности национально-хозяйственных укладов деревни, сложившихся в результате многочисленных потоков колонизации [32]. Автор пришел к выводу о неравномерности развития дворянских хозяйств. По мнению П.И. Савельева, они не только были достаточно жизнеспособны, но и имели возможность эффективной адаптации к новым исторически сложившимся условиям.

Так же эффективно под руководством П.С. Кабытова вела изучение социально-экономического строя помещичьих хозяйств

Самарской и Оренбургской губерний начала XX в. Н.Ф. Тагирова. В кандидатской диссертации, защищенной в 1989 г., она обратилась к анализу эволюции помещичьего хозяйства Юго-Востока Европейской России в начале XX века [4]. Во второй половине XIX — начале XX вв. в этом регионе развивалось торговое зерновое земледелие, и он по праву считался новой житницей России. В помещичьих экономиках стал активно применяться наемный труд, передовые для той эпохи агроприемы, современная сельскохозяйственная техника. Н.Ф. Тагирова, используя как традиционные, так и математические методы, scrupulously проанализировала особенности развития крупных капиталистических хозяйств. В 1990-е гг. в докторской диссертации ею были выявлены особенности формирования и функционирования хлебного рынка Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. [39]. В последующих работах историк приступила к исследованию состава основных участников зернового рынка на местном, региональном и общероссийском рынке, анализу рыночных взаимосвязей внутри региона, отдельных элементов и секторов рыночного хозяйства, особенностей организации и механизмов функционирования сбытовой торговли [38].

Со второй половины 1980-х гг. дворянство различных регионов России стало объектом целого ряда диссертационных исследований. Первым таким исследованием по истории поместного дворянства в конце XIX — начале XX в. стала защищенная в 1985 г. под руководством П.С. Кабытова кандидатская диссертация О.А. Курсевой [22]. Отметим, что первоначально диссертационные исследования, посвященные корпоративной организации дворянства того или иного региона, строились по определенному стандарту, заданному в монографии А.П. Корелина [20]: анализ состава и численности дворянства региона, выявление характера землевладения и землепользования, описание деятельности корпоративных организаций дворянства с конца XIX в. до Февральской революции. О.А. Курсева обращается к этим сюжетам применительно к анализу деятельности дворянских учреждений поволжских губерний, акцентируя внимание на участии представителей сословия в деятельности земских учреждений. Она пришла к выводу о том, что накануне 1917 г. сословие переживало глубокий кризис и не смогло предложить систему мер для предотвращения социальной революции. Лидеры сословия, уже переставшего быть единым, не смогли сплотить господствующий класс в целях защиты собственных интересов.

Своеобразным продолжением раскрытия этой проблематики стала диссертационная работа другой аспирантки П.С. Кабытова, Г.А. Третьяковой, защищенная в 1989 г. Автор работы предприняла попытку сравнить формы и методы борьбы помещного дворянства центрально-черноземных и поволжских губерний за сохранение своих экономических и политических привилегий в февралепередактябре 1917 г. [40]. Акцентируя внимание на институционализации союзов земельных собственников, она пришла к выводу, что в условиях резкого обострения классовых противоречий в 1917 г. эта мера оказалась запоздалой и не смогла привлечь на сторону дворянства союзников.

Отметим, что объектом изучения самарских историков стало дворянство не только поволжских губерний, но и других регионов. Предметом научного интереса автора данной статьи с 1993 г. и по настоящее время являются проблемы, связанные с эволюцией не только экономического положения, но и общественно-политических воззрений, сознания, психологии и социального поведения русского дворянства на рубеже XIX-XX вв. [6; 7; 8; 17]. Диссертационное исследование и ряд статей З.М. Кобозевой (1995) посвящены региональной специфике корпоративных организаций дворянства Центрально-Промышленного района [19].

В 1994 г. аспирантка П.С. Кабытова Н.М. Селиверстова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Дворянство Среднего Поволжья накануне Великих реформ». Она обратила внимание на постепенную радикализацию общественно-политических настроений средневожского дворянства накануне проведения крестьянской реформы. Особое внимание в ее работе уделено повседневной жизни сословия. Автор пришла к выводу о преобладании узкосословных интересов в дворянских проектах освобождения крестьян [35]. Эта работа стала основой для научной разработки ее дальнейших научных проектов [36]. В 2003 г. в диссертационном совете Самарского университета была успешно защищена диссертация О.П. Пеньковой, в которой представлен комплексный социальный портрет помещного дворянства Тамбовской губернии [26].

Кафедра Российской истории Самарского университета стала инициатором создания коллективных монографий, посвященных истории Самарского края. В этих энциклопедических изданиях представлены сюжеты о самарском дворянстве, дана оценка роли дворянского сословия в освоении и социально-экономическом развитии Самарского края [11; 33].

В диссертационном совете Самарского университета был защищен целый ряд работ, посвященных тем или иным аспектам взаимодействия власти и дворянского сословия в различные периоды российской истории. Например, в кандидатской диссертации Э.В. Чекановой (2005) были проанализированы взгляды дворянства на пути и способы развития образования, дворянские проекты реформирования системы образования в 1830-1850-х гг. [41]. В работе Н.Б. Кремер выявлены особенности организации управления помещичьим хозяйством на примере Усольской вотчины Орловых, Орловых-Давыдовых [21]. Диссертационное исследование и последующие работы С.А. Александровой (2011) посвящены проблемам истории самарских дворянских усадеб пореформенного периода и современному их состоянию [1; 2].

В исследованиях, посвященных изучению психологии, культурной и бытовой жизни дворянства, предпринимается попытка реконструкции хозяйственной деятельности и повседневной жизни помещика, особенностей его мировосприятия и поведения. Так, выявлению историко-культурного значения русских дворянских усадеб в Оренбургском Заволжье посвящена кандидатская диссертация оренбургского исследователя Е.В. Мишаниной, защищенная в диссертационном совете Самарского государственного педагогического университета в 2004 г. [24]. В диссертации Е.Ю. Деметьевой акцентируется внимание на уникальности психологии и культуры дворянского сословия начала XIX века [10].

На современном этапе развития российской исторической науки все большее число исследователей обращается к микроистории, истории повседневности, что обусловило всплеск интереса к истории отдельной личности, перипетиям ее судьбы в контексте истории страны. Не остались в стороне от этой тематики и самарские историки. В их исследованиях не только содержатся биографические и генеалогические сведения об отдельных представителях дворянского сословия, но и предпринимается попытка показать их вклад в общественно-политическую жизнь губернии и Российской империи [16]. Наиболее подробно освещена жизнь и многогранная деятельность самарского губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова [9; 25; 34]. В работах современных самарских краеведов представлены сведения о хозяйственной деятельности и усадебном быте дворянских фамилий Самарской губернии, богатейший фактический материал, позволяющий создать исторические портреты самарских губернаторов и предводителей дворянства [2; 3; 23; 27; 28].

Таким образом, приоритетные направления работы самарских исследователей были связаны с изучением быта регионального дворянства, системы ценностей сословия, воздействия власти и общества на сознание и поведенческие программы представителей сословия. Комплексному анализу подверглись социально-экономический строй помещичьего хозяйства Поволжского региона, деятельность корпоративных дворянских организаций различных регионов страны, взаимодействие дворянских и земских организаций. Анализ работ самарских историков позволяет прийти к выводу о необходимости дальнейшего развития тематики: в частности, недостаточно изучены гендерные различия в психологии и поведении дворянства, судьбы представителей дворянства Поволжья и их потомков в XX веке.

Библиографический список

1. Александрова С.А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011. 266 с.
2. Александрова С.А., Ведерникова Т.И. Сельские дворянские усадьбы Самарского Заволжья в XIX–XX веках. Самара: СГИК, 2015. 191 с.
3. Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара: б.и., 2013. 536 с.
4. Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма. 1900–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. 222 с.
5. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1969. 394 с.
6. Барина Е.П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара: Самарский университет, 2002. 361 с.
7. Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара: Самарский университет, 2006. 379 с.
8. Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
9. Барина Е.П. Самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сб. статей и материалов III Международной научно-практ. конф., 10–15 июня 2003 г. Самара: Азбука, 2003. С.56–61.
10. Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 236 с.
11. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. 286 с.

12. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 199 с.

13. Кабытов П.С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции (предпосылки и ход столыпинской аграрной реформы). Учебное пособие. Куйбышев: КГУ, 1977. 72 с.

14. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 146 с.

15. Кабытов П.С. Юрий Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 140 с.

16. Кабытов П.С., Баринаева Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара: Самарский инст. (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2013. 160 с.

17. Кабытова Е.П. Кризис русского дворянства. Самара: Самарский университет, 1997. 143 с.

18. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революций в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 199 с.

19. Кобозева З.М. Дворянство Центрально-Промышленного района в начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 216 с.

20. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.

21. Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 – 1861 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 231 с.

22. Курсеева О.А. Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1984. 213 с.

23. Лобанова Н.Г. К роду отцов своих... Семейная историческая хроника дворянских родов Сосновских, Шишковых, Хирьяковых. Тольятти, 2002. 533 с.

24. Мишанина Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII – начало XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 234 с.

25. Овсянников В.А. Ставрополь–Тольятти. Страницы истории. Ч. II. Дела и люди. Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1999. 396 с.

26. Пенькова О.П. Дворянство Тамбовской губернии (1861 1906 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. 291 с.

27. Поддубная Р.П. Самариньы: страницы жизни. Самара: Офорт, 2008. 584 с.

28. Поддубная Р.П. Твердо верю в будущее Самары // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции, 6-7 февраля 2001 г. Самара: ДСМ, 2001. С. 106-113.

29. Савельев П.И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 // Крестьянство в трех русских революциях: Межвуз. сб. ст. Куйбышев: КГУ, 1982. С. 14–29.

30. Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии 1861–1905 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1983. 17 с.

31. Савельев П.И. Протекционистская политика самодержавия по отношению к поместному дворянству в пореформенный период (на материалах Самарской губернии) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики, 1982. С. 77–82.

32. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Самарский университет, 1994. 365 с.

33. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века / Под. ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. В 3-х кн. Самара: Самарский университет, 1993. Кн. 1, 2.

34. Селиверстов С.С. А.Н. Наумов – общественный и государственный деятель. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011. 212 с.

35. Селиверстова Н.М. Дворянство Среднего Поволжья накануне Великих реформ. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994. 154 с.

36. Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70 годов XIX в. Состав, положение, деятельность. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. 374 с.

37. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю (60–90-е гг. XIX в.). Казань: Татарское книжное издательство, 1973. 270 с.

38. Тагирова Н.Ф. Организация зерновой торговли в Российской империи (начало XX в.). Опыт сетевого анализа // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 74–88.

39. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. 312 с.

40. Третьякова Г.А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний центрально-земледельческого района и Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. 187 с.

41. Чеканова Э.В. Дворянское общество и государственная власть николаевской России: проблемы образования и воспитания. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 227 с.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА СТУДЕНТОВ
В СИСТЕМЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
В 1970-1980-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА)**

В статье характеризуются основные формы организации самодеятельного художественного творчества студентов, выявляется их роль в системе воспитательной работы в советских вузах, на фактическом материале развития Куйбышевского государственного университета раскрываются основные направления и содержание развития студенческой художественной самодеятельности на историческом факультете госуниверситета в 1970-1980-х гг.

Ключевые слова: художественная самодеятельность; воспитательная работа в советской высшей школе; Куйбышевский государственный университет.

В настоящее время среди сложного комплекса острых и дискуссионных проблем современного российского образования значительное место занимает вопрос о роли воспитания в образовательном процессе. Сам факт необходимости воспитательной компоненты оспаривается частью научно-педагогического сообщества, а официальные документы, регламентирующие сферу образования, ограничиваются стремительно нарастающим и непрерывно меняющимся потоком компетенций и продолжают трактовать образование как сферу услуг. Неутешительные результаты такого подхода становятся все более очевидными по мере нарастания деградиционных процессов во всей образовательной системе, в том числе в вузовском образовании как ее высшем звене.

В этих условиях высокую степень общественной и научной значимости приобретает обращение к опыту советской высшей школы, по праву занимавшей одно из первых мест в мире как по каче-

* © Филимонова Елена Николаевна (festina@list.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

ству профессиональной подготовки специалистов, так и по результатам воспитательной работы по формированию универсально развитой, творческой личности.

Целью настоящей работы является характеристика основной формы организации самодеятельного художественного творчества студентов – фестиваля искусств «Студенческая весна» и определение ее роли в системе воспитательной работы в советских вузах на фактическом материале развития исторического факультета Куйбышевского государственного университета в период 1970-1980-х гг.

Историческое образование в Самаре, насчитывающее уже 50 лет, по праву занимало достойное место в системе советской высшей школы и вписало в ее историю значимые страницы не только научными школами и высокими результатами исследований, но и уникальным опытом организации работы по воспитанию студенчества.

Художественное творчество студентов, уходящее корнями в эпоху средних веков, сопровождало российскую высшую школу на всех этапах ее развития. В советский период оно получило мощный организационный импульс, став важным показателем эффективности деятельности вузов. Студенческая художественная самодеятельность достигла в этот период столь высокого уровня, что стала заметным источником формирования профессионального творческого сообщества, подарив стране многие звездные имена [7; 9].

В 1970-е гг. в советских вузах существовала система традиционных форм художественного творчества студентов, которая была основана на деятельности творческих коллективов, представлявших все основные жанры искусства: студенческие хоры, вокальные студии, инструментальные и вокально-инструментальные ансамбли, коллективы авторской песни, хореографические ансамбли современного и классического танца, литературные объединения, драматические коллективы и студенческие театры. Результаты их творческой деятельности представлялись публике не только в виде самостоятельных программ, подготовленных каждым коллективом, но и в форме участия в фестивалях, смотрах и конкурсах различного уровня (внутривузовских, межвузовских, региональных). Самым распространенным, популярным и массовым конкурсом студенческой художественной самодеятельности стал фестиваль искусств «Студенческая весна», возникший в 1960-е гг. в период «оттепели» и существующий до настоящего времени.

Общественный статус фестиваля в 1970-е и особенно в 1980-е гг. был очень высок. «Студенческая весна» считалась важнейшим

общественно-политическим мероприятием, в котором отражался общий уровень работы вуза. Победа в общегородском конкурсе была вопросом престижа для каждого ректора, а внутри вуза – вопросом престижа факультета. Это приводило к высокому накалу соревновательных амбиций, к значительным масштабам задействованных сил и средств, материально-технических, организационных и творческих усилий, а также к высокой степени административного и идеологического контроля за всем, что было связано со «Студенческой весной».

К концу 1970-х гг. в советских вузах сложилась единая, четко отлаженная система организации, проведения и определения содержания студенческих «весен», просуществовавшая до начала 1990-х гг. Организация фестиваля осуществлялась объединенными усилиями общественных и партийных организаций, а также административных органов вуза.

Основную часть организационных задач решали студенческие комсомольские и профсоюзные организации. На уровне факультетов это были комсомольские и профсоюзные бюро, возглавляемые комсоргами и профорганами факультетов и имевшие в своей структуре должности культторгов – организаторов культурно-массовой работы, непосредственно отвечавших за все культурно-массовые мероприятия, в том числе организацию факультетских «весен». На общеузовском уровне вопросами организации, проведения и определения содержания «весен» занимались комитет комсомола вуза и непосредственно – глава культмассового отдела комитета, а также студенческий профком, которому подчинялся студенческий клуб со штатным директором. Через студенческий клуб и его дирекцию осуществлялось решение основных организационных, материально-технических и финансовых вопросов проведения фестиваля.

Отличительной чертой советской системы организации художественной самодеятельности студентов являлось активное участие в этом процессе преподавателей и сотрудников вузов. Студенческая «весна» рассматривалась как важнейшее общефакультетское и общеузовское мероприятие, требовавшее усилий всего коллектива, как студенческого, так и преподавательского. На факультетском уровне вопросы организации и проведения «весны», а также определения ее содержания решались факультетскими партийными и профсоюзными организациями – партийным и профсоюзным бюро факультета, где также существовали культурно-массовые секторы и должности культторгов. На общеузовском уровне

эти вопросы курировались партийными и профсоюзными комитетами вузов. В системе внутривузовских партийных организаций всех уровней значимую роль в контроле за содержанием «весен» играли идеологические отделы, которые обеспечивали необходимый идейный и общекультурный уровень конечных результатов самостоятельного творчества студентов. По административной линии вопросы студенческих «весен» курировались деканами факультетов и проректорами по учебно-воспитательной работе.

Главным координирующим органом, который аккумулировал все линии контроля и организации студенческих «весен», был Художественный совет вуза, состав и председатель которого определялись партийным комитетом. В Куйбышевском государственном университете в 1970-1980-е гг. традиционно главой худсовета университета был профессионал-гуманитарий, достаточно компетентный в вопросах художественного творчества. Как правило, это были доктора наук, филологи или философы. Первым председателем художественного совета был Лев Адольфович Финк, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы госуниверситета [4], определивший на долгие годы высокую планку общей культуры художественной самостоятельности в университете. Его сменила Елена Яковлевна Бурлина, доктор философских наук, профессор, заведовавшая кафедрой теории и истории культуры, специалист по искусствоведению [2], затем доктор философских наук, профессор кафедры философии Исаак Лазаревич Арончик [3], и, наконец, последний председатель худсовета университета — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Владислав Петрович Скобелев [1]. В состав Художественного совета входили председатели факультетских худсоветов, представители партийных и общественных организаций, как студенческих, так и преподавательских.

Художественный совет разрабатывал ежегодное «Положение о Студенческой весне», определял состав конкурсного жюри и критерии оценок выступлений факультетов [5; 6]. Председателем жюри был глава худсовета, который по завершении конкурсной программы каждого факультета объявлял оценки (в баллах) и проводил критический анализ программы с указанием главных достижений и недостатков [8]. Художественный совет осуществлял также отбор наиболее талантливых номеров и исполнителей и комплектовал программу общеуниверситетской «весны».

В 1970-е гг. содержание студенческих «весен» в значительной степени определялось установками советской партийно-государственной идеологии. Программа любой вузовской «весны» включала две части. Первая представляла собой обязательную литературно-художественную композицию на заданную тему, определяемую партийными органами, и должна была иметь четко выраженное гражданственно-патриотическое содержание. Вторая часть – концерт студенческой художественной самодеятельности вуза из отдельных номеров различных жанров. С начала 1980-х гг. правила стали менее жесткими: обязательная идейно-выдержанная композиция была отменена, и студенческое творчество стало развиваться в новом, более свободном русле.

Для студвесны Куйбышевского госуниверситета таким новым руслом стала разработанная и реализованная на историческом факультете новаторская форма «весны» – большой двухчасовой спектакль с острым, захватывающим сюжетом и органично вписанными в него номерами художественной самодеятельности. С 1984 по 1990 гг. большие истфакские спектакли регулярно занимали первые места во внутриуниверситетском конкурсе и автоматически становились основой общеуниверситетских «весен», органично включая в себя лучшие художественные номера и талантливых исполнителей с других факультетов. Университет буквально ворвался со своими необычными спектаклями в достаточно однообразные, традиционные концертно-номерные программы «весен» других вузов города. На первых порах жюри общегородского фестиваля испытывало трудности в оценке университетских «весен», поскольку балльная система не предусматривала ничего, кроме традиционного концерта. Но это не помешало университету в течение почти десяти лет входить в тройку городских лидеров и никогда не опускаться ниже второго места.

В 1980-е гг. проявилась важнейшая особенность студенческих «весен» университета в целом, и особенно исторического факультета – стремление соединить развлекательно-зрелищную форму с серьезным социальным содержанием. Самостоятельно создаваемые литературные сценарии «весен» отражали напряженный интеллектуальный и духовный поиск молодого поколения, содержали в себе попытки критического осмысления действительности и ставили перед зрителем острые мировоззренческие вопросы.

Еще одной отличительной чертой университетских «весен» было ярко выраженное стремление к тесному сотрудничеству с профес-

сионалами в области вокала, хореографии и режиссуры. Незатейливая «самопальная» самодеятельность в университете не пользовалась популярностью, из-за чего университет часто упрекали в излишнем эстетстве и снобизме. Однако тяготение к профессионалам давало высокие результаты и значительно повышало общий художественный уровень студенческой самодеятельности.

Значимой страницей в истории университетской художественной самодеятельности стало многолетнее и плодотворное сотрудничество со студентами Куйбышевского государственного института культуры. Будущие режиссеры и хореографы в 1983 г. впервые были приглашены студентами-историками для творческого сотрудничества и затем в течение нескольких лет безвозмездно работали не только на истфаке, но и на общеуниверситетской «весне». Талантливые студенты-хореографы Ирина Горячева и Марина Цой создали яркие танцевальные номера. Поставленный ими головокружительный канкан на долгие годы стал визитной карточкой истфака, а в 1984 г. произвел сильное впечатление на городскую общественность на университетской «весне» – спектакле «Любовь моя, университет!», посвященном 15-летию Куйбышевского госуниверситета. Студент факультета театральной режиссуры Хвича Тодуа поставил блистательную истфakovскую, а затем университетскую весну 1985 г. – спектакль «Эстафета», посвященный 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Университетская студвесна стала одновременно его выпускным дипломным спектаклем, и в зрительном зале, сразу за городским жюри, сидела Государственная экзаменационная комиссия Куйбышевского государственного института культуры.

Говоря об университетской «весне» 1985 г., нельзя не отметить смелости университетского руководства. К юбилею Победы, когда в программах всех вузов исполнители в солдатских шинелях пели фронтовые песни, следуя классическим, устоявшимся традициям, университет показал спектакль, в котором идея гражданственности, мужества и патриотизма была реализована на нетрадиционном, весьма «вольнодумном» для того времени материале – сложной драматургической вариации на тему произведений братьев Стругацких. Риск полностью оправдался. «Эстафета» громом пронеслась по городу, билет невозможно было достать, зрители стояли в проходах, а наиболее чувствительная часть публики, не стесняясь, рыдала в финале, что не часто случается на любительских спектаклях.

Настоящим открытием университета стал Семен Стругачев, который поставил две истфаковских и университетских «весны» 1986 и 1987 гг. Знаменитый сегодня киноартист, сыгравший в фильмах «Особенности национальной охоты», «Мастер и Маргарита», в далеком 1986 г. был никому не известным выпускником театрально-го училища, приехавшим в Куйбышевский драмтеатр по распределению.

Работавшие на историческом факультете и в университете талантливые профессионалы обучали студентов искусству сценической речи, сценического движения, хореографии, основам театрального фехтования и сценического боя, основам режиссуры и ораторского искусства. Практика показала, что эти навыки оказались востребованными в последующей профессиональной деятельности многих выпускников истфака и других факультетов Куйбышевского госуниверситета.

Таким образом, в 1970-1980-е гг. в советской высшей школе сформировалась и действовала сложная, эффективно функционирующая система организации художественного творчества студентов под руководством вузовских партийных и общественных организаций. Эта система, с одной стороны, давала возможность максимально полного раскрытия творческого потенциала студенческой молодежи, с другой стороны, обеспечивала высокий художественный и идейный уровень студенческого творчества. Основной формой реализации художественно-творческого потенциала студентов была «Студенческая весна» – ежегодная система конкурсных концертов и спектаклей, представлявших результаты студенческого творчества. Литературная, сценическая и художественно-эстетическая школа студенческих «весен», органично вписанная в систему воспитательной работы в советской высшей школе, формировала у будущих специалистов высокий ценностный ряд, ориентировала их на глубокое постижение действительности, создавала устойчивую духовно-мировоззренческую основу гражданственности и патриотизма.

Библиографический список

1. Владислав Петрович Скобелев // Архив электронных информационных изданий Самарского государственного университета. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/skobelev
2. Елена Яковлевна Бурина. Биография // URL: <https://www.livelib.ru/author/494826-elena-burlina>

3. Исаак Лазаревич Арончик // Большая биографическая энциклопедия. 2009. URL: <http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/fc/slovar-192-70.htm>

4. Лев Адольфович Финк // Архив электронных информационных изданий Самарского государственного университета. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/fink

5. Положение о XIII фестивале искусств «Студенческая весна-83» // Университетская жизнь. 1983. 2 марта.

6. Положение о XIX фестивале искусств «Студенческая весна-89» // Университетская жизнь. 1989. 2 марта.

7. Сибирякова Л.В. Становление и развитие самодеятельного хореографического творчества в России в советский период // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 209-212.

8. Скобелев В.П. О концертах на факультетах // Университетская жизнь. 1988. 7 апреля.

9. Стельцова Е.Ю. Народное художественное творчество как объект научного исследования. Опыт историко-эпистемологического изыскания. Монография. М.: МГУКИ, 2003. 248 с.

УДК 94(470)

Э.Л. Дубман*

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В САМАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

В статье рассмотрена исследовательская деятельность историков Самарского университета в конце XX – начале XXI в. в области исторического краеведения. На примере подготовки и издания 6 томов антологии «Классика самарского краеведения» показано, что данная работа соответствует современным научным требованиям и имеет важную культурно-просветительскую значимость.

Ключевые слова: историческое краеведение; источники; архивы; Самара; регион; Самарский университет.

Несомненно, что историческое краеведение является важнейшей компонентой, объединяющей историков, прежде всего в реги-

* © Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева.

ональных вузах. При всем различии подходов, понимания исторических процессов, выбора проблематики научных работ существует некое общее пространство познания, соединяющее исследователей-профессионалов и просто любителей истории, и им в значительной степени является краеведение. Об этой уникальной способности краеведческих исследований выдающийся отечественный историк С.О. Шмидт писал: «...краеведение – это сфера не только научной, но и культурно-просветительской, памятникоохранительной, общественной деятельности, преимущественно, силами местных жителей». И вместе с тем, по его же словам, «...краеведение многоуровнево по своему научному потенциалу и предназначению научных знаний, и существенно важно, чтобы в сферах учебной и просветительской оно опиралось на достижения научного знания» [12, с. 20-21]. Характерно, что в работе десяти Всероссийских краеведческих конференций, проведенных в 2007-2016 гг. Союзом краеведов России, принимали участие как профессиональные историки, так и любители краеведения из многих регионов страны. Об этом свидетельствуют и статистические данные, и непосредственные наблюдения автора этой статьи [1, с. 158-159].

В любом случае, понимать краеведение следует как деятельность, охватывающую широкий спектр направлений, прежде всего в историко-гуманитарной сфере, где исследовательская работа окрашена особым эмоциональным нравственно-патриотическим настроем. Изучение основных тенденций развития современного мира не может снимать актуальности и значимости бережного отношения к истории малой Родины. Именно историческое краеведение предоставляет богатейшие возможности в этом направлении.

В основанном в 1969 г. Куйбышевском (Самарском) государственном университете особый интерес к краеведческо-региональной проблематике проявился в конце 1980-х – 1990-х гг., когда на кафедрах исторического факультета сложился коллектив исследователей, сумевший подготовить такие базовые и новаторские для нашего региона работы, как трехтомная «Самарская летопись» и восьмитомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней». В состав последнего издания, вышедшего в 2000 г., вошли 2 тома с публикациями документов и материалов, значительная часть которых впервые вводилась в научный оборот. Отметим, что данные публикации и комментарии к ним соответствовали требованиям российской исторической науки того времени. Они были основаны на хорошем знании историографии,

профессионально проработанной совокупности архивных и опубликованных источников, и вместе с тем использовали накопленный предшественниками богатый историко-краеведческий материал.

Указанные фундаментальные работы заложили основу для совокупности вышедших позднее крупных монографических исследований и публикаций источников и материалов. Среди последних необходимо особо выделить издание шеститомной антологии «Классика самарского краеведения».

Идея подготовки первого тома, посвященного истории Самарского края, возникла в начале 2000-х гг. Ее инициаторы – профессора Самарского университета П.С. Кабытов и Э.Л. Дубман – посчитали необходимым собрать в одной книге ставшие букинистической редкостью издания историков и краеведов прошлых лет, и лишь отчасти подготовить к печати неопубликованные материалы, в настоящее время хранящиеся в фондах государственных архивов.

Для публикации были выбраны исследования, написанные профессиональными историками, работы местных краеведов, разделы рукописей, позволяющие воссоздать повседневную действительность прошлого, передать ее живой неповторимый колорит. Уже тогда редакторами тома и его составителями был выработан единый подход к формированию таких сборников-антологий, специфике подготовки вводных статей, справочного аппарата, примечаний, археографической работе с текстами. В первую очередь считалось необходимым публиковать материалы, предназначенные для широкого круга читателей, но не утрачивающих при этом научного характера.

При издании рукописей, находящихся в разной степени завершенности, отдельных актов, делопроизводственных и прочих источников составители томов антологии стремились максимально сохранить языковые особенности эпохи их создания, но, вместе с тем, сделать их текст более удобным для восприятия современного читателя. В соответствии с современными правилами транскрипции все новации особо оговаривались, создавалась система постраничных примечаний и т.д. Все издаваемые материалы сопровождалась вводными статьями, биографическими справками об их авторах, научно-справочным аппаратом, примечаниями, словарями устаревших терминов.

Отметим, что методика работы с материалами для антологии, несмотря на единство и постоянство важнейших принципов, постоянно совершенствовалась и детализировалась. Такой подход обус-

лавливала специфика самих публикуемых источников и материалов. Каждый из последующих томов «Классики самарского краеведения» открывал новую сферу интересов его редакторов и составителей, способствовал расширению представлений о том, что значимо и интересно для современного читателя, что следует публиковать. В отличие от первого тома, во всех остальных издавались, прежде всего, ранее неопубликованные архивные материалы.

Проект объединил усилия ряда историков из вузов, научных и культурных центров Самары. Его научными руководителями по сей день являются профессора Самарского университета — П.С. Кабытов и Э.Л. Дубман.

К настоящему времени подготовлено и издано 6 томов антологии. Первый из них вышел в 2001 г. и был посвящен 150-летнему юбилею Самарской губернии [3]. В нем были объединены работы известных российских историков (Г.И. Перетятковича, С.В. Бахрушина, П.И. Пекарского); местных исследователей и краеведов (П.И. Рычкова, К.И. Невоструева, П.А. Преображенского, Н.А. Архангельского, А.Ф. Леопольдова, П.К. Попова, П.А. Матвеева); записки художников братьев Г.Г. и Н.Г. Чернецовых. За исключением разделов рукописи А.А. Гераклитова, посвященной истории Самарского края в XVII в., все прочие тексты ранее уже были опубликованы и хорошо знакомы историкам. Но собранные вместе, из изданий, которые зачастую трудно найти в региональных библиотеках, снабженные предисловиями, краткими справками об авторах и комментариями, они приобретают особую значимость для современного читателя и дают уникальную панораму исторического развития нашего края.

Во второй том антологии вошли сочинения двух авторов [4]. Начинается он с сочинений академика Михаила Николаевича Тихомирова, отражающих самарский период его жизни (1919–1923 гг.). Не меньшую значимость имеет публикация рукописи «Самара и Самарский край XVII в. (По записным книгам Печатного Приказа)» известного саратовского историка Александра Александровича Гераклитова. Сама рукопись хранится в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН [9].

Особый интерес во втором томе представляют материалы, связанные с деятельностью тогда еще совсем молодого московского историка Тихомирова в Самаре. Основу их составляют воспоминания автора о нашем крае в трудные годы Гражданской войны и голода. В антологии опубликовано переиздание рукописи, пред-

ложенной местным историкам для публикации еще в начале 1990-х гг. действительным членом Российской Академии образования С.О. Шмидтом. Кроме того, во второй том антологии был включен ряд ранее не издававшихся текстов историка, таких как отчет о спасении ценностей Иргизских монастырей: доклад о первой поездке на Иргиз, предисловие из «Описания рукописей Иргизских монастырей» и перечень рукописей из этого «Описания...», которые были вывезены им в Самару.

Свою уникальную по насыщенности конкретным материалом рукопись, посвященную истории нашего края в XVII в., А.А. Гераклитов подготовил исключительно на материалах Печатного приказа, ведавшего сбором так называемых печатных пошлин. Фонд Печатного приказа, хранящийся в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов, содержит уникальные материалы, позволяющие реконструировать ранее слабо изученные стороны истории Самары и других волжских городов.

Особое место в издаваемой антологии занимает третий том. В нем опубликован свод материалов (у архивистов за ним утвердилось название «краеведческая картотека») по истории Самары, собранных в начале 1920-х гг. Константином Павловичем Головкиным – предпринимателем, художником, краеведом, видным общественным деятелем [5]. По объему и разнообразию сведений, глубине их анализа и систематизации эта картотека, ныне хранящаяся в Центральном государственном архиве Самарской области, не имеет себе равных.

Формировать ее Головкин начал в октябре 1922 г., когда после возвращения из длительной поездки на Восток его приняли на работу в Самарское губернское архивное управление. Данное учреждение несколько раз меняло свое название: при возникновении, с декабря 1918 г. – коллегия архивного фонда, затем с 20 мая 1921 г. – губернское архивное управление и, наконец, по «Положению...» ВЦИК от 20 ноября 1922 г. – губернское архивное бюро [2, с. 242; 11]. Оно занималось координацией и практической деятельностью по спасению архивов, оставшихся от учреждений дореволюционной Самары и губернии. Сотрудники управления собирали, систематизировали и ставили на учет самые разнообразные источники [10, с. 4]. Константин Павлович не только исполнял порученные ему обязанности. Из многочисленных документов, проходивших через его руки, он тщательно отбирал и изучал те, которые представляли особую значимость для истории Самары и губернии,

сопоставлял их данные с опубликованными материалами, рассказами старожилов.

Анализ материалов «краеведческой картотеки» свидетельствует, насколько обширный архивный материал положен в ее основу. Головкин изучил и систематизировал документы архивов губернского правления, городской управы, удельной конторы окружного и гражданского судов, духовной консистории и многих других учреждений. Он выявил и подробно описал почти два десятка планов Самары, составленных в период с 1796 по 1909 г. Значительная часть архивных документов, с которыми работал Головкин, не сохранилась; поэтому его выписки, цитаты, отдельные факты, которые он приводит, являются сейчас по сути своей «первичными» источниками.

Итогом всей этой напряженной работы стал обширный труд, представлявший собой совокупность очерков, сложившихся в виде картотеки по истории, градостроительству, архитектуре и планировке; улицам, площадям, окрестностям города, акватории и прибрежной зоны рек Волги и Самары; промышленным предприятиям города, казенным и учебным заведениям; церквям, монастырям и богоугодным заведениям; быту, занятиям и культуре жителей Самары XIX – начала XX в. Некоторые из карточек-очерков, тематически систематизированных по разделам, представляли законченное содержательное повествование. Другие состояли из совокупности цитат или фрагментов, выписанных из различных архивных источников, книг, карт и других документов и нередко практически не связанных авторским текстом друг с другом. В картотеке размещено значительное количество выкопировок из старых планов, рисунков самого Головкина, ссылок на имеющиеся фотографии и т.д.

В четвертом томе антологии представлены записки Василия Лаврентьевича Щибраева, одного из руководителей «Старобуянской республики» [6]. Первое и второе издания этих «Записок...» готовились к печати его сыном. Автор воспоминаний воссоздает объемную панорамную картину сельской и городской действительности того времени. В «записках» героика событий революции и гражданской войны, создания «нового мира» неотъемлемо соединена с жестокой действительностью этого сурового времени. Все это переплетено с личной биографией автора. Щибраев рисует трагические страницы своего пребывания в сталинских лагерях. Его сочинение находится в едином эмоциональном пространстве с такими

выдающимися образцами отечественной литературы XX столетия, как произведения А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова. Со страниц «записок» встает яркая творческая личность, обладающая настоящим русским характером, способная преодолеть все препятствия и не утратить лучшие человеческие качества.

В 2008 г. вышел 5 том «Классики...», посвященный эпохе «Золотого десятилетия самарского краеведения» [7]. Это несколько модифицированное, получившее широкую известность выражение С.О. Шмидта стало общепринятым для определения значительного периода российского послереволюционного краеведения, его подъема, расцвета и угасания в конце 1920-х гг. Для провинциальной губернской Самары это время стало поистине «золотым». Именно в годы гражданской войны был открыт первый Самарский университет. В город приехали крупные российские ученые. Было создано уникальное по продуктивности и интенсивности научной и организационной работы Общество археологии, истории, этнографии и естествознания (ОАИЭиЕ), по своим функциям представлявшее собой своеобразный научно-исследовательский институт, объединивший силы маститых ученых и местных краеведов. В процессе подготовки данного тома его составителями был избран новый оригинальный вариант подачи материала. Были подготовлены разделы, открывавшиеся крупными аналитическими статьями, отражающими основные стороны деятельности ОАИЭиЕ: археологии, исторического краеведения, этнографии, архивного и музейного «строительства», а также деятельности Самарского истпарта. В каждом из таких разделов были размещены архивные источники, работы исследователей того времени, делопроизводственные материалы и т.д.

И наконец, последний том, увидевший свет в 2019 г., содержит рукописное наследие самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева, хранящееся в фонде Свербеевых Российского государственного архива литературы и искусства [8]. Для самарского общества особый интерес представляет издание дневника губернатора, который он вел ежедневно в течение 10 лет, начиная с конца 1878 г. В шестом выпуске антологии были опубликованы дневниковые записи только за 2 первых месяца 1879 г. – январь и февраль. Они отражают впечатления нового губернатора от его административной практики, знакомства с городом и губернией, ее жителями. Особый интерес представляет описание поездки на юг в Царицын, связанной с предотвращением распространения эпиде-

мии чумы, изложение встреч и бесед с генерал-губернатором графом М.Т. Лорис-Меликовым.

Несомненно, что работу с этим уникальным документом следует продолжить. Именно он является ценнейшим свидетельством эпохи превращения ранее захудалой Самары в центр огромной российской житницы, своеобразный «русский Чикаго». Дневники и последующие воспоминания А.Д. Свербеева являются ценнейшими и до сих пор абсолютно невостребованными историческими источниками, в которых честно и без прикрас зафиксированы каждодневные дела высокопоставленного имперского чиновника. При этом личный характер документов позволял автору отмечать не только события губернской службы, но и выражать собственное мнение о явлениях внешней и внутренней политики государства, размышлять о событиях, происходивших в губернии, о светской жизни, литературе, музыке и т.д.

Сложности работы с дневниками обусловлены трудностью прочтения и подготовки к публикации их текстов, написанных простым, мелким почерком А.Д. Свербеева, зачастую искаженным походными условиями или усталостью автора.

Помимо того, в этом же томе антологии опубликованы воспоминания Свербеева, которые он писал уже в последние годы жизни: «Мои воспоминания», «Русская провинция в конце XIX в.» и «Встречи и знакомства». Все они хранятся в рукописном виде в Российском государственном архиве литературы и искусства и составляют в определенной степени единое целостное повествование. Они содержат воспоминания о семье Свербеевых, десятилетнем периоде службы его в Костроме в должности вице-губернатора и, наконец, его встречах с представителями правящей династии. Автор подробно воссоздает эпизоды неоднократного личного общения с императорами Александром II, Александром III, Николаем II, императрицами Марией Александровной, Марией Федоровной, Александрой Федоровной, цесаревичем Николаем Александровичем (сыном Александра II), великой княгиней Еленой Павловной и многими европейскими монархами и государственными деятелями.

Работа коллектива историков над томами «Классики самарского краеведения» показала всю важность и необходимость поиска, изучения и публикации уникальных источников по исторической памяти нашего региона. Думается, что продолжение архивных и историографических изысканий позволит реконструировать многие неизвестные страницы его исторического развития.

Библиографический список

1. Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Рецензия на сборник статей: Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13-17 мая 2016 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 157-160.
2. Едидович Л.В. Гражданин Самары Константин Павлович Головкин: Летопись жизни. Самара: Глагол, 2007. 272 с.
3. Классика самарского краеведения: Антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 278 с.
4. Классика самарского краеведения: Антология. Вып. 2 / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 257 с.
5. Классика самарского краеведения: Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека); сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под науч. ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 432 с.
6. Классика самарского краеведения: Антология. Вып. 4. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника; под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 345 с.
7. Классика самарского краеведения: Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие самарского краеведения» / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 462 с.
8. Классика самарского краеведения: Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербева / сост.: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин; под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара: ООО «Слово», 2019. 268 с.
9. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 72.
10. Путеводитель по фондам Государственного архива Самарской области: в 3 т. / Упр. гос. арх. службы Самарской обл., Гос. арх. Самарской обл. Самара, 2006. Т. 1. 259 с.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 815. Оп. 3. Д. 7. № 8.
12. Шмидт С.О. Вступительное слово на Первом всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11–14 сентября 2007 г.) // Вестник РГГУ. 2012. № 6 (86). С. 15-24.

БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2015 Г.

В статье анализируются события 2015 года, связанные с так называемым «объединением вузов» в Самаре, приведшие к ликвидации Самарского государственного университета (СамГУ) и присоединению его к Самарскому государственному аэрокосмическому университету им. С.П. Королева (СГАУ) с созданием на их базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (СНИУ), а также борьба за сохранение классического университета в Самаре.

Ключевые слова: Самарский государственный университет (СамГУ); Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королева (СГАУ); Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (СНИУ); объединение вузов; реформирование высшей школы в России; история Самарского университета.

Точно так же, как безобразным стало бы человеческое тело, снабженное глазами на всех его частях, так и государство обезобразилось бы, если б все жители стали образованны, ибо вместо послушания они преисполнились бы гордостью и тщеславием... Всеобщее образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы число способных их развеять...

А. Ришелье, французский кардинал

* © *Матвеев Михаил Николаевич* (matveev-mn@mail.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева. Председатель комитета по местному самоуправлению Самарской Губернской Думы.

15 декабря 2014 г. в здании Самарской филармонии состоялось торжественное собрание, посвященное 45-летию Самарского государственного университета (с 1969 г.). По сложившейся в вузе традиции, одновременно отмечался 95-летний юбилей первого основания университета в Самаре (1918). В отличие от предыдущих юбилеев, мероприятие прошло очень скромно и без каких-либо VIP-гостей, что резко контрастировало с прошедшими накануне юбилеями других вузов, например, Самарского государственного медицинского университета, поздравить коллектив которого приезжали первые руководители области и города. На юбилее СамГУ в 2014 году было ни губернатора области Н.И. Меркушкина, ни председателя Самарской Губернской Думы В.Ф. Сазонова, ни главы города, ни даже министра образования и науки Самарской области, приславшего вместо себя лишь заместителя. Для понимающих, как устроена власть, это вряд ли могло объясняться простым стечением обстоятельств.

Тем не менее, в приветственном адресе от имени губернатора Самарской области Н.И. Меркушкина, зачитанном замминистра Л.Е. Загребовой, говорилось: «Самарский государственный университет – это ведущее учебное заведение со сложившимися традициями, уникальным опытом и большим потенциалом... Сегодня университет – один из признанных лидеров подготовки высококвалифицированных специалистов не только Самарской области, но и далеко за ее пределами» [30].

Устроенный по окончании торжественного мероприятия и.о. ректора СамГУ И.К. Андрончевым в подвале филармонии для десятка приближенных фуршет с пластиковыми стаканчиками ничего, кроме жалости, не вызывал. Деталь, казалось бы, неуместная в научном тексте, но для аппаратчиков такая же важная, как отсутствие на юбилее хотя бы одного руководителя органов власти. Говорила она о том, что и.о. ректора не считает необходимым тратить на юбилей вуза, и поддержание внутрикорпоративных связей ему безразлично. Для человека, находящегося в ожидании выборов ректора, не позвать в юбилей вуза на фуршет хотя бы членов Ученого совета – поведение нетипичное. Очень скоро стало понятно, что и сам и.о. ректора, и не пришедшие на юбилей университета чиновники, видимо, что-то знали, о чем еще не догадывались присутствующие на торжественном собрании. А именно – что никаких выборов ректора Самарского государственного университета скоро не будет. Да и самого вуза тоже.

6 февраля 2015 г., выступая в той же филармонии, куда он не приехал на юбилей классического университета, на церемонии награждения ученых, приуроченной ко Дню российской науки, губернатор Самарской области Николай Меркушкин предложил объединить СГАУ, СамГУ и СамГТУ в один вуз, и назвать его Самарский государственный *технический* университет имени Королева [2]. Предложение произвело в вузовской среде Самары эффект разорвавшейся бомбы. До этого за губернатором числились экстравагантные идеи вроде переселения самарских вузов на окраину города в некий так и не построенный «Гагарин-центр» с созданием там межвузовского кампуса, но такого предложения от него не ожидали. «Как? Как столь разные по направленности вузы можно объединить?» – задавались вопросами самарцы и не находили ответа. Но у Николая Ивановича Меркушкина, экс-главы Мордовии, назначенного в 2012 г. губернатором Самарской области, на все были ответы.

Главной целью объединения вузов в Самаре Н.И. Меркушкин называл якобы насущную потребность их укрупнения накануне предстоящей реформы вузов в стране, что, по его мнению, позволит поднять уровень вузовской подготовки в регионе и получить дополнительное финансирование из федерального центра, участвуя в программах «топ-100» лучших вузов мира, «топ-14» и т.д. (варианты «топ» программ звучали разные). В многочисленных выступлениях по инициированному им «объединению» звучала приблизительно такая схема предстоящей реформы: «Будет создана трехзвенная система. В высшем эшелоне будут работать 10-15 лучших российских университетов, полноценно конкурирующих со своими “собратьями” на мировом уровне, на втором уровне будет порядка ста учебных заведений – это будут полноценные вузы с магистратурой, аспирантурой и подготовкой кадров. Но по уровню финансирования они будут значительно уступать вузам первого эшелона. Будет и третий условный уровень – вузы без магистратуры, аспирантуры, диссертационных советов – это 600-700 учебных заведений в стране» [22].

«Если мы пропустим еще один “поезд”, то безнадежно отстанем, будем самой настоящей провинцией, – сказал губернатор 17 февраля 2015 г. на встрече с руководителями студенческих организаций СамГУ, СамГТУ и СГАУ. – Нам принципиально важно поднять СамГТУ и СамГУ на достойный уровень. (Пока СГАУ в смысле конкурентоспособности ушел дальше этих двух универ-

ситетов). Если мы объединимся, будет 30 тыс. студентов, и Самарский университет может не только войти в высший эшелон, но и стать лучшим среди вузов этой категории за счет участия в программе топ-14 / топ-100 мира», – заявил на встрече Н.И. Меркушкин, пообещав при этом, что «СГАУ, СамГТУ и СамГУ будут равноправными партнерами в одном образовательном холдинге». Обещание было вынесено в заголовок соответствующей публикации на сайте Правительства Самарской области [19].

Здесь следует сказать, что процесс так называемого «объединения вузов», на который ссылался Н.И. Меркушкин как на «уходящий поезд» в счастливое будущее российской высшей школы, в который Самаре надо успеть вскочить, действительно шел в стране. Правда, не всегда удачно, на что губернатор не ссылался. Например, Южный федеральный университет в Ростове-на-Дону вскоре после «объединения», в 2015 г., заявил о сокращении почти 4 тысяч сотрудников. «Обещали развитие науки, а в итоге из вуза, славного научными традициями, делают ПТУ, – сообщали в своем открытом письме сотрудники ЮФУ. – В частности, на химфаке из 65 преподавателей останется 39. Остальных выбрасывают на улицу» [19].

Действительно, и здесь Н.И. Меркушкин не слукавил, программа сокращения вузов существует. Но, конечно, не с целью «поднять уровень вузовской подготовки». Так, в «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг.» говорилось, что «в силу демографических причин, а также благодаря совершенствованию системы образовательных учреждений, будет существенным образом обновлена сеть вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов» [14]. Исследователи в работах о проблемах сокращения вузов часто приводят слова министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко, произнесенные в 2008 г. на встрече с президентом Д.А. Медведевым о том, что стране достаточно иметь 50 университетов из 150-200 «вузов максимум». Все остальное «подлежит преобразованию». Согласно стенограмме встречи, А.А. Фурсенко заявил: «Часть из них могут стать филиалами этих университетов, а часть должны быть преобразованы либо в профессиональные средние учебные заведения, либо закрыться, если называть вещи своими именами» [9].

Любившему конспирологию и ссылки на происки Госдепа США губернатору Н.И. Меркушкину интересно было бы задаться вопросом:

а откуда, собственно, взялись эти параметры, 50, 150-200, неоднократно затем перекочевывающие из одного документа чиновников от образования в другой как дело решенное? В своей статье «Западу не нужен образованный русский народ», опубликованной в 2011 г., ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук И.М. Ильинский утверждает, что «реформа образования в России ведется по рекомендациям Всемирного Банка» и установки на сокращение вузов в России являются его прямыми рекомендациями, содержащихся в докладах № 13 638-RUS от 22 ноября 1994 г. «Россия: образование в переходный период», подготовленных сотрудниками и консультантами Всемирного банка при поддержке Фонда Д. Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов; а также докладе № 18 666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)» за июль 1999 г., содержащий материалы по Саратовской, Самарской (! – М.М.) и Новгородской областям. Оба доклада И.М. Ильинский лично получил в конце 90-х годов в рамках сотрудничества Московского гуманитарного университета от Генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора в Бюро ЮНЕСКО в России.

Помимо рекомендаций по сокращению вузов, данные документы также содержали рекомендации «закрыть педагогические институты и привлечь учителей из числа выпускников университетов», «закрыть профессиональные училища, которые не могут провести структурную перестройку», ввести «подушевое финансирование школ, исходя из уровня расходов на одного ученика», «не повышать долю расходов на высшее или среднее профессионально-техническое образование в общем объеме ВВП, если они до этого не будут серьезно реструктуризированы» и так далее [10]. Как видим, за инициированным в 2015 г. Н.И. Меркушкиным в Самаре процессом объединения, укрупнения, (а фактически – сокращения) вузов стояла реальная установка «сверху», которую он с присущим ему рвением реализовывал.

Следует сказать, что идея Н.И. Меркушкина о необходимости срочного объединения трех вузов – классического университета с гуманитарным блоком и двух технических инженерных вузов – строилась на постулате о том, что якобы СамГУ и СамГТУ сильно «просели» по сравнению с намеченным им в качестве локомотива СГАУ, и если их срочно не объединить с аэрокосмическим университетом, их ждет печальное будущее: госуниверситет превра-

тится в «обычный региональный вуз», а «политех», собирающий, как в запале сказал Николай Иванович, «весь мусор» в качестве студентов, — и вовсе в «колледж». Н.И. Меркушкин призывал самарские вузы учиться у Мордовского государственного университета, «который давно уже учит самарских» [35].

Экс-глава Мордовии часто строил свою логику на превознесении успехов своей малой Родины по сравнению с Самарской областью и не стеснялся в выражениях, когда с ним спорили, что нередко приводило к скандалам. Даже тогдашний сенатор (нынешний губернатор Самарской области) Д.И. Азаров, будучи человеком осторожным, тем не менее, после слов Н.И. Меркушкина в адрес «политеха» призвал его извиниться, добавив, что «поставить городское, научное и студенческое сообщество перед “свершившимся фактом” принятого решения об объединении вузов — является ошибкой» [1].

Свои приоритеты в так называемом «объединении» Н.И. Меркушкин не скрывал, откровенно лоббируя интересы Аэрокосмического университета, который удачно вписывался в «космические» проекты и прожекты самарского губернатора — «Гагарин-центр», «Аэрокосмический кластер» и так далее. В частности, на заседании Ученого Совета Самарского государственного университета 17 июня 2015 г., когда страсти вокруг объединения вузов уже накалились до предела и упрямый «политех» (ныне вместо участия «колледжа» имеющий статус «опорного вуза») вышел со скандалом из процесса «объединения», губернатор заявил прямым текстом: «Если СамГУ ликвидировать, ничего страшного не случится, а СГАУ — нельзя, он тогда выпадет из топа!» [24].

Между тем Самарский государственный университет, несмотря на то что ему крупно не везло с двумя последними руководителями — И.А. Носковым и И.К. Андрончевым, — подошел к моменту объявления его Меркушкиным «отстающим» далеко не с худшими показателями. Как сообщает пока еще работающий в формате архива сайт Самарского государственного университета, в 2015 г. в структуре университета было 10 факультетов, 61 кафедра. Численность студентов составляла более 11 тысяч человек. В вузе работало 608 преподавателей, из них 108 докторов наук, профессоров, 360 кандидатов наук, доцентов. 76 % преподавателей имели ученые степени и звания, что превышало средние показатели по данным Министерства образования и науки Российской Федерации [12].

В опубликованном в июне 2017 г. «Обращения выпускников, преподавателей и студентов бывшего Самарского государственного университета к министру образования и науки России О.Ю. Васильевой» приводятся и другие показатели, отчасти объясняющие причины «объединения»: «Чтобы закрепиться в группе ведущих университетов, и остаться в программе “Топ-100”, по которой СГАУ получал очень хорошее дополнительное финансирование, вузу необходимо было значительно улучшить показатели его научной деятельности. СамГУ прочили попадание в группу второго, или даже третьего уровня. С этой ситуации Н.И. Меркушкин и ректор СГАУ Шахматов Е.И. начали активную деятельность по созданию объединенного университета, который за счет суммирования показателей мог бы попасть в первую группу и остаться в программе “Топ-100”. Для этого СГАУ требовалось, например, чтобы количество цитирований в индексируемых базах Web of Science и Scopus было не менее 300 на 100 научно-педагогических работников. Фактически у СГАУ имелось только 45,64 цитирований. При этом у СамГУ этот показатель был – 172,52. Количество цитирований в РИНЦ должно быть не менее 500 на 100 научно-педагогических работников, у СГАУ фактически имелось 169,11, а у СамГУ в это время данный показатель был равен 318,1. Как видим, показатели СГАУ явно не хватало, чтобы остаться в заветной группе. При этом показатели госуниверситета по многим критически важным позициям были значительно выше, чем у СГАУ» [20].

Одним из ключевых документов идеи так называемого «объединения вузов» в Самаре являлась «Концепция формирования объединенного национального исследовательского университета», выпущенная в виде буклета летом 2015 г. и активно распространявшаяся в вузах эмиссарами Н.И. Меркушкина и ректоратами. Буклет не имеет выходных данных, а в качестве обратной связи по «замечаниям и предложениям по проекту концепции объединенного университета» содержит электронный адрес «samara-united-university@yandex.ru». Данный «документ», называемый чиновниками регионального правительства «дорожная карта», содержал основные цели и обещания подобного объединения. Создатели буклета так спешили, что не обращали внимание на источники иллюстраций. В итоге изображенный в буклете «медицинский блок» «Центра одаренных детей» оказался картинкой, взятой из анимационной порно-эротической игры «Бесконечное лето» [4]. 15 страниц буклета под заголовком «Тем, кто не верит» занимали фото-

графии различных корпусов МГУ (Мордовского государственного университета).

В «Концепции» декларировались следующие принципы «объединения»:

- добровольность, инициативность вузов;
- этапность процесса объединения;
- максимальная автономность статуса нынешних образовательных учреждений в составе объединенного университета, сохранение брендов, традиций и школ, создание возможностей для их развития;
- обязательное сохранение существующего профиля образовательной и научной деятельности;
- принцип дополнения: все нововведения должны не разрушать, а дополнять имеющиеся наработки и вести к наращиванию их потенциалов.

Сотрудникам и преподавателям вузов обещали увеличение зарплат до уровня 250% к средней зарплате по региону (у СГАУ было 244%, у СамГУ – 141%, у СамГТУ – 203%), сохранение за высвобождаемыми сотрудниками полного объема зарплат и социальных гарантий до окончания переходного периода (до 2019 г.) и т.д. [15, с.4, 10].

В своем интервью, записанном впоследствии, в 2018 году, выступивший «могильщиком» Самарского государственного университета экс-и.о. ректора И.К. Андрончев сообщал: «Сотрудники госуниверситета, которым декларировалось на ученом совете: “Не беспокойтесь, все будет замечательно!” а на самом деле их обманули, одурачили. Не только я в недоумении, но и другие сотрудники. Вместо того, что планировалось и декларировалось, все свелось к банальному поглощению одного вуза другим. Как все это могло случиться? Свою роль сыграли таинственные силы, связи, я даже до конца не знаю» [11].

На заседании Ученого совета СамГУ 10 февраля 2015 г. никакого плана и юридической схемы «объединения» не озвучивалось, и губернатор в течение 4 часов настойчиво склонял присутствовавших «соглашаться» не вполне понятно с чем, раздавая обещания вроде «все будет хорошо», «гуманитариев не обидим» и т.д. На заседании в основном говорил губернатор, большую часть монолога подготавливая собравшихся к неизбежности перемен со ссылкой на мировой, западный, китайский, мордовский и так далее опыт. Немногие члены Ученого совета решились задать вопросы.

Профессор В.А. Конев спросил об идеологии будущего объединения, без которой «организм не будет жизнеспособен», и о том, с кем идея обсуждалась? Профессор В.А. Блатов спросил: «А какие, собственно, задачи ставятся объединением перед учеными? Может быть, для их достижения и нет необходимости в объединении?» Доцент В.Н. Симатова кокетливо спросила губернатора: «Не будут ли обижать гуманитариев (а то мы, журналисты, беспокоимся)?» Вот, собственно, и все обсуждение.

Никакого голосования на Ученом совете 10 февраля 2015 г. по поводу предложений губернатора не было. На вопрос «Ну что, соглашаетесь?» раздалась только реплика доцента Симатовой «Ну, наверное!» и одного из проректоров «Чего уж там!». Профессор А.А. Харьковская, к которой Н.И. Меркушкин прямо обратился с вопросом «Соглашаетесь?», ответила: «Мы Вас выслушали. Теперь нам надо подумать» [25]. Казалось бы, время «подумать» было: на указанном Ученом совете губернатор заявил, что «объединительный процесс» будет постепенным и завершится к сентябрю 2016 г. [3]. Однако очень скоро стало понятно, что «подумать» никому не дадут.

Уже 19 марта 2015 г. состоялось внеочередное заседание Ученого совета университета с участием губернатора Самарской области Н.И. Меркушкина. Как сообщил сайт СамГУ, на заседании Ученого совета обсуждался вопрос об объединении ведущих вузов Самарской области. Исполняющий обязанности ректора университета профессор И.К. Андрончев сообщил, что девять из десяти факультетов университета поддержали инициативу губернатора Самарской области о создании объединенного национального исследовательского университета. Для рассмотрения замечаний и предложений по вопросам разработки концепции и реализации «дорожной карты» создания объединенного университета было предложено сформировать при Ученом совете рабочую группу. В обсуждении вопроса приняли участие профессор В.А. Конев, профессор А.Г. Безверхов, профессор С.Я. Новиков, профессор В.В. Ивахник, профессор А.Ф. Крутов, председатель профкома студентов О.Н. Постевой. Выслушав все доводы, а также рассмотрев проект концепции создания объединенного национального исследовательского университета, большинством голосов присутствующих членов Ученый совет принял положительное решение по рассматриваемому вопросу [33].

В решении Ученого Совета СамГУ от 19 марта 2015 г. (выписка из протокола №10) говорится:

«Слушали: Об объединении ведущих вузов области.

Постановили:

1. Поддержать инициативу Губернатора Самарской области Н.И. Меркушкина о создании на базе СамГУ, СГАУ и СамГТУ объединенного университета, призванного закрепить за регионом статус одного из ведущих научно-образовательных и инновационных центров России, способного вывести систему высшего образования в Самарской области на мировой уровень конкурентоспособности.

2. При принятии и реализации решений о формировании объединенного университета руководствоваться принципами максимальной автономности статуса действующих образовательных и научных учреждений, необходимости сохранения профиля их деятельности, брендов, традиций и школ, существующих диссертационных советов...

“За” – 54, “Против” – 2, “Воздержалось” – 8».

Аналогичным по тексту было и решение Ученого совета СГАУ от 27 марта 2019 г., со следующими результатами голосования: «За» – 74, «Против» – 1, «Воздержалось» – нет [29]. При этом, в отличие от СамГТУ, руководство обоих вузов отказалось созвать конференции научно-педагогических и трудовых коллективов для обсуждения вопроса о предстоящей реорганизации как важнейшего вопроса жизнедеятельности вузов, несмотря на то, что такая обязанность прямо вытекала из их уставов, в частности, об этом говорилось в п.5.4 Устава СамГУ.

Иным образом события развивались в СамГТУ, где ректор Д.Е. Быков неофициально организовал сопротивление идее губернатора Н.И. Меркушкина, задействовав для этого предусмотренные уставом вуза процедуры. Уже 13 февраля 2015 г. в Самарском государственном политехническом университете состоялась конференция трудового коллектива. Присутствовало 146 делегатов из 159. За объединение высказались только 4 делегата. Против объединения – 123. Воздержалось – 5, испорчено 12 бюллетеней. Результаты тайного голосования по вопросу объединения вуза с Самарским госуниверситетом и СГАУ вызвали ярость губернатора Н.И. Меркушкина, потребовавшего переголосовать заново, открыто, но на это вуз не пошел. Таким образом, «политех» практически сразу вышел из процесса объединения [32].

К этому времени общественное сопротивление идее объединения вузов вышло уже на значительный уровень. Буквально за две недели зарегистрированная на сайте Charge.org петиция жительни-

цы Самары Елены Марковой в адрес Президента РФ В.В. Путина «Мы просим Вас помочь сохранить наш Самарский Государственный Университет, СГАУ и СамГТУ, как самостоятельные единицы» набрала более 20 тысяч подписей. В петиции, в частности, говорилось: «Самарский государственный университет – единственный в нашем регионе классический университет, дающий настоящее фундаментальное образование. ...СамГУ сделал Самару университетским городом, в его стенах укрепился университетский дух, возникли научные школы и университетские традиции... Студенты выбрали его потому, что Самарский госуниверситет – это имя! Сегодня его фактически предлагают закрыть, слив с двумя профильно-техническими вузами, с совсем иными школами, методиками преподавания и традициями. Невозможно стать котирующимся на рынке труда филологом, социологом, историком, философом, биологом, юристом в стенах “новоиспеченного технического университета”. Нас поддерживают преподаватели и студенты наших “братьев по несчастью” – Самарского государственного аэрокосмического и государственного политехнического университетов. Они тоже не хотят объединения! Тоже не хотят прервать историю своих вузов и бросить их в топку... Для каждого из нас родной вуз – госуниверситет, политех, аэрокос – это наша Alma Mater! Мы не хотим ее потерять!» [18].

Накануне заседания Ученого Совета СамГУ, 18 марта 2015 г., в Самарской Губернской Думе состоялось общественное обсуждение объединения вузов с участием преподавателей и выпускников СамГУ, СГАУ, СГТУ, инициированное автором. Во встрече приняло участие 74 человека – преподавателей и студентов указанных вузов, а также представителей общественности, Министерства образования и науки и Правительства Самарской области.

Во время дискуссии основная полемика участников развернулась с руководителем департамента информационной политики Администрации Губернатора Самарской области С.В. Филипповым, взявшим на себя функцию защищать идею своего руководителя. Среди прочего он откровенно заявил, что спешка с объединением необходима для того, чтобы сохранить СГАУ в программе «топ-14» Министерства образования и науки Российской Федерации, дающей входящим в нее вузам дополнительное финансирование: «либо это будет большой объединенный университет сегодня, входящий в топ-14, либо Самара будет жить вообще без университета» [31, с. 285].

Любопытно в этой связи мнение выступившего на заседании преподавателя СГАУ А.М. Сухова: «Рано или поздно Самара все равно вылетит! Объединенный или не объединенный! Потому, что мы не тянем (участие в программе) и неправильно определили приоритеты! Благодаря этому объединению то, что объединяется, утащит СГАУ под воду быстрее, скорее, чем в необъединенном состоянии. Мало того, гуманитарии в России всегда губили любой университет!» [31, с.292].

Вот еще несколько реплик из стенограммы этого интереснейшего обсуждения.

Профессор В.А. Конев (СамГУ): «Ради чего делается эта реформа? Из ответов администрации следует только одно – она делается для того, чтобы сохранить вуз, или вузы, или Самару в топ-15. То есть ради определенных рейтингов. Коллеги, рейтинги не делаются! Они заслуживаются! Для этого вузы должны работать, а не объединяться! Для этого в вузах должна состояться наука, образование! Было в СГАУ 10 тыс. студентов, сольют еще по 10 два других вуза, будет 30 – рейтинг повысился! Да какой это рейтинг, коллеги! Это в советские времена “приписками” называлось!» [31, с.294].

Доцент О.А. Одоевская (СамГУ): «Вчера был совет юридического факультета. Против (объединения) голосовало 11, только двое за. Основной аргумент, что Самарская область потеряет единственный в регионе классический университет. Боль звучала за гуманитарные факультеты. Потому что этот технополис парализует развитие гуманитарных наук. Нам говорят, что кто не согласен – увольняйтесь!» [31, с. 302, 303].

И.В. Лосева (СамГТУ): «Что происходит в последний месяц? Университеты никакие! Науки никакой нет! Ничего совершенно нет, а вы объединяйтесь и будет в топе университет! Где логика? И это информационное поле возмущает профессорско-преподавательский состав. Губернатор приходит на собрание в технический университет, собирается коллектив в огромной аудитории, объявляют: остаться деканам, проректорам и завкафедрами. Остальным всем выйти! 70 % профессоров, доцентов, студентов встают и выходят из зала! Это что вообще такое?! Это что за обсуждение проблемы объединения вузов?! Это агония. Мы просто понимаем, что это агония по спасению СГАУ. Спасение за счет наших вузов. Вы пытаетесь самарской научной общественности все это подсушить и заставить голосовать, буквально выкручивая руки!» [31, с. 317].

Встреча продолжалась 3,5 часа и закончилась принятием резолюции (решения), которую поддержало абсолютное большинство участников (92%). В ней содержалось три пункта:

1) Считать единственно «юридически и морально корректным» выявлением мнения сотрудников вузов об объединении решение их конференций (а не Ученых советов и т.д. и т.п.), принятых тайным голосованием, обратившись к ректорам СамГУ и СГАУ с требованием их проведения.

2) До проведения таких конференций работу любых «рабочих групп» по объединению вузов приостановить.

3) Инициировать проведение в Самаре в ближайшее время большой общевузовской конференции (съезда) для обсуждения проблем регионального образования и путей их решения, а также для выработки решений по защите прав работников высшей школы, в том числе в вопросе возможного объединения вузов [31, с. 314, 326].

На следующий день в рупоре Правительства Самарской области, газете «Волжская коммуна», вышел обширный материал на тему «Ученые советы СамГУ и СамГТУ поддержали идею объединения вузов», делая уточнение в отношении «Политеха», что им «в качестве организационно-правовой формы объединенного университета предлагается ассоциация входящих в него вузов или холдинг, в котором действующие образовательные и научные учреждения сохранили бы свои юридические лица», а «в качестве органа управления объединенного университета был бы единый наблюдательный совет» [23].

11 апреля 2015 г. в Самаре прошел IV Самарский Гражданский форум, собравший около 100 участников, из которых половина были преподаватели и студенты вузов. Центральной темой форума стало объединение вузов и обсуждение анонсированного неугомонным губернатором Н.И. Меркушкиным переноса вузов на площадку так называемого «Гагарин-центра» на окраине города рядом со стадионом, строящимся к Чемпионату мира по футболу 2018 года. По итогам обсуждения темы объединения вузов была принята резолюция, основными положениями которой является отрицательное отношение к идее механического объединения разнопрофильных вузов и выносу объединенного университета и студенческого кампуса на окраину города [31, с. 231-232].

16 апреля пресс-служба Правительства Самарской области наконец-то придумала объяснение выхода СамГТУ из процесса объединения вузов, распространив следующее заявление: «По целому

ряду показателей технической университет пока не готов способствовать повышению конкурентоспособности объединенного вуза, что могло бы поставить под угрозу его попадание в ТОП-15 российских вузов. Да и руководство СамГТУ пока до конца не осознало актуальность и исключительную важность глобального процесса модернизации высшего образования» [23]. По случаю исключения СамГТУ из проекта объединения вузов в техническом университете стихийно прошло масштабное празднование. «Еще никогда не видел, чтобы на радостях профессора “неконкурентоспособного Политеха” танцевали на столах и так напивались», — сообщил один из заведующих кафедр [28].

А в апреле-мае 2015 г. в процессе объединения вузов в Самаре наступило затишье, которое некоторые наблюдатели склонны были объяснять тем, что после выхода СамГТУ из процесса и получения СГАУ очередного транша в рамках программы топ-14(15) тема объединения перестала быть актуальной. Однако это было не так. 4 июня 2015 г. был обнародован ответ № 05-ПГ-МОН-17581 за подписью заместителя министра Министерства образования и науки Российской Федерации А.А. Климова на письмо самарской общественной организации «Самара для людей» об объединении вузов. Из него общественность внезапно узнала, что в Минобрнауки России поступило обращение губернатора Н.И. Меркушкина и совместное обращение ректора СГАУ Е.В. Шахматова и и.о. ректора СамГУ И.К. Андрончева с предложением о реорганизации СГАУ и СамГУ *в форме присоединения СамГУ к СГАУ в качестве структурного подразделения* [13]. Из поступившего позднее из Минобрнауки РФ письма № 05-ПГ-Ле от 09.07.2015 г. за подписью заместителя директора Департамента государственной политики в сфере высшего образования С.О. Сорокина уточнялось, что указанное «совместное обращение» производилось на основании решений Ученых советов вузов. При этом об обещанном ранее на упомянутых Ученых советах создании «объединенного университета, с сохранением максимальной автономности статуса действующих учреждений, профиля, брендов, традиций и школ» в данных обращениях Е.В. Шахматова и И.К. Андрончева уже не говорилось, а речь шла о ликвидации одного вуза и присоединении его к другому [17].

По сути, речь шла о подлоге и явном превышении должностных полномочий обоими руководителями вузов, так как инициатива реорганизации СГАУ и СамГУ в форме присоединения СамГУ

к СГАУ в качестве структурного подразделения никогда на заседаниях Ученых советов вузов не обсуждалась и на голосование не ставилась. Согласно положениям об Ученых советах предложения о реорганизации и ликвидации вуза являлись прерогативой Ученого совета, а не ректора, тем более исполняющего обязанности. Ученые советы не наделяли ректоров и правом обращаться в Минобрнауки с предложениями о реорганизации вузов в форме ликвидации и присоединения одного к другому. А в решениях Ученых советов, на которые ссылались в своем совместном обращении Е.В. Шахматов и И.К. Андрончев, как мы цитировали выше, речь шла о сохранении «максимальной автономности статуса действующих образовательных и научных учреждений... брендов» и т.д., что полностью противоречило идее реорганизации в форме ликвидации одного вуза и присоединения его к другому «в качестве структурного подразделения», о чем в письме (и последующем приказе Минобрнауки России) не говорилось ни слова.

Предложения к И.К. Андрончеву уйти в отставку из-за «моральной невозможности» после совершенного им оставаться и.о. ректора СамГУ были им проигнорированы.

Как только стало известно о факте данного обращения в Минобрнауки России, среди членов Ученого совета Самарского государственного университета был инициирован сбор подписей под их обращением в адрес министра с информацией о том, что ссылка в обращении И.К. Андрончева и Е.В. Шахматова на соответствующее решение Ученого совета СамГУ не соответствует действительности. Вопрос о ликвидации и присоединении СамГУ к СГАУ «на правах структурного подразделения» никогда на Ученом совете СамГУ (и СГАУ) не обсуждался, голосования по нему не было. Подписавшие обращение члены Ученого совета просили Министерство образования и науки России не рассматривать обращение Е.В. Шахматова и И.К. Андрончева и не принимать на его основе решений до выявления мнения Ученых советов [21].

22 июня 2015 г. вышел приказ № 608 Министерства образования и науки Российской Федерации о реорганизации СГАУ, юридической ликвидации Самарского государственного университета и его присоединении к СГАУ в качестве структурного подразделения. В нем не было ни слова об «объединении», какой-либо автономности вузов, сохранения «брендов» и т.д. [27].

Сопротивление «объединению» и ликвидации Самарского государственного университета, в отличие от того же Самарского го-

сударственного технического университета, шло не через преподавателей и сотрудников, а через выпускников. Именно робкая и согласительная позиция большинства членов Ученого совета госуниверситета — за исключением десятка человек, — и позволила и.о. ректора И.К. Андрончеву от их молчаливого имени заявить, что вуз согласен на ликвидацию в форме присоединения к СГАУ.

Проведенный в июне 2015 г. Фондом социальных исследований соцопрос показал, что только 22 % самарцев поддерживают присоединение СамГУ в качестве структурного подразделения к СГАУ. 43 % жителей областной столицы полагали, что это слияние будет препятствовать повышению качества образования студентов. Еще 35 % жителей города считали, что ситуация не изменится ни в лучшую, ни в худшую сторону, или были вообще не в курсе происходящего [36].

25 июня группа студентов в медицинских масках перекрыли ул. Ново-Садовую в районе госуниверситета с транспарантом «Меркушкин, руки прочь от СамГУ» [7].

7 июля выпускниками госуниверситета совместно с самарской «Битлз-ассоциацией» на Самарской площади у фонтана 30-летия Победы был организован митинг-концерт в защиту госуниверситета #ГОСЖИВИ, поддержать который пришло около 500 человек, включая выпускников и преподавателей вузов. В ответ на акцию протеста в пресс-службе СамГУ заявили, что «подавляющее большинство преподавателей и студентов университета поддерживают создание объединенного вуза», упорно продолжая этим термином называть его ликвидацию и присоединение к СГАУ [6].

На митинге были озвучены фамилии членов Ученого совета СамГУ, выступивших против ликвидации госуниверситета и присоединения его к СГАУ и нашедших в себе смелость подписать обращение к министру образования и науки России Д.В. Ливанову: заведующий кафедрой общей психологии профессор А.Ю. Агафонов, заведующий кафедрой социальной психологии доцент С.В. Березин, заведующий кафедрой педагогики профессор М.Д. Горячев, заведующая кафедрой экологии, ботаники и охраны природы профессор Л.М. Кавеленова, заведующий кафедрой философии профессор В.А. Конев, декан психологического факультета профессор К.С. Лисецкий, заведующий кафедрой социологии и политологии профессор Е.Ф. Молевич, декан механико-математического факультета профессор С.Я. Новиков, заведующий кафедрой безопасности информационных систем доцент М.Н. Осипов,

заведующая кафедрой гражданского, процессуального и предпринимательского права профессор Е.А. Трещева [8].

В своих выступлениях, перемежающихся песнями «Битлз», представители самарской интеллигенции подчеркивали, что ликвидация классического университета и его слияние с инженерным вузом является непоправимым ударом для города. Вот одно из выступлений на митинге – Н.К. Осиной: «Я выпускница Самарского государственного университета, кандидат биологических наук. Работала в Европе и Америке в ведущих фармацевтических кампаниях и университетах. Случайно оказалась здесь, узнав такую страшную новость, что университет закрывается. Я была очень горда, что наши выпускники работают по всему миру. Это известные ученые. Я хочу сказать, что известные люди, они всегда славились перепиской с Вольтером, или основанием Академии наук, а даже не происхождением царским. Я не знаю, это чего-то достигнет, или нет. Но пусть в исторических анналах прозвучат имена, кто закрывает этот университет. Потому, что их потомки будут искать, чем славен их род. И пусть они узнают о том, что их прадед был идиотом» [8].

Анализ последствий присоединения СамГУ к СГАУ, получившему название «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева» («Самарский университет») выходит за рамки заявленной темы автором темы. Это история несостоявшегося в Самаре классического университета, те самые «анналы», к записи в которые призывали выпускники вуза. История того, как в течение всего четырех месяцев 2015 года было уничтожено то, что 45 лет строилось и развивалось как Куйбышевский (Самарский) государственный университет, «гос» на самарском студенческом жаргоне. Напомним, что в итоге комбинации, провернутой губернатором Н.И. Меркушкиным, ректором СГАУ Е.В. Шахматовым и и.о. ректора СамГУ И.К. Андрончевым, госуниверситет вошел в состав СГАУ даже не в качестве единого структурного подразделения, академии или института, как предписывалось в приказе Минобрнауки РФ, а просто путем передачи имущества, студентов, перехода сотрудников из одного, ликвидируемого юридического лица в другое, будучи размытым и рассеянным по структуре Аэрокосмического университета.

«Так с обмана и предательства началась история “объединенного университета” в Самаре, – писал позже в одной из статей выпускник университета К. Луговой-Давыдов. – Про принципы

и обещания, данные всего несколько месяцев назад, мгновенно забыли. Никакой этапности объединения, никакого переходного процесса, вообще никакой автономности. Ректорат СГАУ уже осенью 2015 года попросту расформировал все управленческие структуры госуниверситета и уволил практически всех их сотрудников без обещанного сохранения полного объема зарплат. В ректорат объединенного университета не вошел ни один представитель СамГУ. На своих местах остались только деканы факультетов и заведующие кафедрами. Зато сыгравший свою зловещую роль Андрончев И.К. получил тепленькое местечко в аппарате губернатора» [16].

Фактически от СамГУ остались только кафедры, в которых после 2015 года и зиждется память об университете. На официальном сайте «объединенного университета» в разделе «история» нет ни слова об истории Самарского (Куйбышевского) государственного университета, кроме одного предложения о присоединении СамГУ к СГАУ в 2015 г. [26]. Нет упоминаний не только о выдающихся ученых первого Самарского университета 1918-1927 года – в их числе были академик В.Н. Перетц (1870-1935), один из основателей педагогической психологии в России профессор А.П. Нечаев (1870-1948), профессор А.В. Багрий, профессор В.Н. Ивановский, академики А.П. Баранников, М.Н. Тихомиров, – но и даже о ректорах КГУ (СамГУ): профессорах А.И. Медведеве, С.И. Мешкове, В.В. Рябове, Л.В. Храмове, Г.П. Яровом.

В выпущенном в 2018 г. Правительством Самарской области и Советом ректоров буклете к «100-летию университетского образования в Самаре» для КГУ-СамГУ тоже не нашлось ни слова, будто такого вуза в городе не было и вовсе. Заслуженный итог того, что ни один историк в Ученом совете университета не возразил против ликвидации СамГУ!

Многие профессора Самарского государственного университета с горечью воспринимали события 2015 года. Вот что написал заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой экологии, ботаники и охраны природы Самарского государственного университета в 1973-2012 гг., профессор Н.М. Матвеев в записной книжке, обнаруженной после его смерти в 2016 г.: ««В июне 2015 года осуществлен последний выпуск специалистов Самарского госуниверситета (СамГУ). В соответствии с приказом министра образования и науки России Ливанова в июне-июле все из СамГУ (финансы, корпус, земля и пр.) переданы в ведение СГАУ – авиационный университет (институт). Инициатор и двигатель всей этой

авантюры – мокшанец губернатор Н.И. Меркушкин. Откровенно против выступали только профессора В.А. Конев, Е.Ф. Молевич (...) Самара явно еще не созрела, чтобы иметь университет. 45 лет существовал и умер второй и последний раз, так и не сложившись, классический университет! Да здравствует столица Самара!» [34].

Среди студенчества СамГУ также было немало тех, кто активно выражал свое несогласие с переменами. Так, в 2017 г. в «объединенном вузе» отпраздновали 75-летие аэрокосмического вуза, и это празднование носило демонстративно неуважительное отношение к истории госуниверситета, «северной площадке», как его называют в СГАУ. Когда на главном корпусе бывшего СамГУ вывесили огромный плакат, на котором написали «75 лет КуАИ – СГАУ – Самарский университет: 1942-2017 гг.», не найдя в этих черточках места ни для КуГУ и СамГУ, это очень оскорбило «госовцев». В итоге студенты расписали баллончиком столбы у входа: «СамГУ 1918» и «СГАУ, вали!» [5].

В завершение исследования напрашивается вопрос о том, как так могло получиться, что практически без боя Самарский государственный университет сдался и согласился на собственную ликвидацию, обставленную как «объединение» с инженерным аэрокосмическим вузом без каких-либо условий – в отличие от того же СамГТУ, успешно и жестко отклонившего предложение об «объединении». Представляется, что главной причиной являлось отсутствие на момент внезапной для большинства сотрудников СамГУ атаки в госуниверситете лидера. В СамГУ не было ректора, а исполняющий обязанности выпускник СГАУ и бывший проректор железнодорожного института (СамГУПС) таковым не был по определению, это был чужак, далекий от университетского духа и мышления, четко и цинично – несмотря на запоздалое возмущение, что его также «обманули», – отработавший спущенный ему сценарий.

В этих условиях защитить свой вуз мог бы «коллективный лидер» – Ученый совет СамГУ, профессура. Но она на это оказалась не способна, в отличие от профессуры самарского «политеха». Почему? Возможно, это связано с тем, что за 45 лет современной истории вуза здесь еще не сложилось *собственной* профессуры и традиций. В различных исследованиях об истории становления Куйбышевского государственного университета неоднократно подчеркивалось – в качестве удачного – решение первого ректора А.И. Медведева (1968-1973) пригласить в открывшийся универси-

тет не сотрудников куйбышевских институтов, а представителей иногородних университетов – Московского, Ленинградского, Казанского, Саратовского, Кишиневского и т.д., привнесших в КГУ «университетский дух» и традиции своих университетов. Это так. Но оборотной стороной этого процесса стало то, что для этих, тогда 30-40-летних ученых и преподавателей, будущих профессоров Самарского государственного университета, СамГУ не был *Alma Mater*.

Здесь уместно привести слова профессора Е.А. Трещевой, сказанные ею на заседании Ученого совета СамГУ в ответ на вопрос губернатора Н.И. Меркушкина «А Вы почему не хлопаете?»: «Я не хлопаю, потому что мне вообще это все не нравится. Я закончила Самарский университет. Я работаю здесь 30 лет, и здесь стала профессором. И я ничего хорошего не жду от объединения вузов, и мне не нравится, когда уничтожают мой университет» [8]. Сколько было таких профессоров, для которых СамГУ был *Alma Mater*, в Ученом совете университета? Ну, может быть, 5-7 человек из нескольких десятков.

Проблемой Самарского государственного университета было то, что здесь за 45 лет не сложилась в достаточном количестве, в отличие от того же технического университета, существующего 100 лет, своя элита, готовая за него драться. Напомним, что обращение к федеральному министру о своем несогласии с письмом И.К. Андрончева и Е.В. Шахматова о присоединении СамГУ к СГАУ подписало только 10 членов Ученого Совета из 72. Не было у университета и мощных лоббистов в Правительстве области и федеральных структурах власти, в отличие от богатого именитыми выпускниками и деньгами нефтяников и газовиков «Политеха» или Аэрокосмического университета.

Зачем крупному городу нужен классический университет? Что-бы ответить на этот вопрос, нужно понять, почему в 1969 г. Совет Министров СССР принял решение вновь открыть в Куйбышеве университет. Ведь в городе уже работали пединститут, плановый, политехнический, медицинский, авиационный институты и так далее. Зачем еще один вуз? Дело в том, что в огромном промышленном городе было очень много технических вузов, заводов, КБ, а гуманитарный слой интеллигенции был совсем тонкий, и не хватало культуры в широком смысле этого слова, без чего развитие города-миллионника не могло состояться. Поднять Куйбышев на новый уровень и призван был университет. Ведь именно гуманита-

рии занимаются целеполаганием. Именно они – философы, историки, филологи, психологи, как и писатели, и поэты, – решают задачу: кто мы? Куда идем? Зачем?

История борьбы за сохранение Самарского государственного университета в 2015 г. – драматическая страница в истории университета города Самара, где университет уже дважды, в 1918 и 1969 гг., создавался, и уже дважды, в 1927 и 2015 гг., ликвидировался, трансформировавшись в 20-е годы в новые институты – медицинский, плановый, педагогический, а сейчас существуя осколками кафедр «северной площадки» в составе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Возможно, пока существуют кафедры и их профессора, университет ментально существует, как существует память, или «фантомные боли», или висящие до сих пор в коридорах университета стенды с надписью «СамГУ». Но совершенно точно: пока существуют историки, выпущенные этим университетом, история того, как их вуз уничтожали, должна быть записана.

Библиографический список

1. Азаров считает, что Меркушкин должен извиниться за обиды, нанесённые самарским университетам // Информационное агентство «Засекин». URL: <https://zasekin.ru/days/19712>

2. Аргументы и факты: Самара. 2019. 9 февраля.

3. Аэрокосмическая филология коленвала имени Николая Меркушкина // Информационное агентство «Засекин». URL: <https://zasekin.ru/edition/politika/19639>

4. В концепции объединения вузов для одаренных детей нашли порнографическую основу :) // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/880849.html>

5. В Самаре отмечают 100-летие открытия в городе университета (бонус-архивные фото 1918-22 г.) // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/1261284.html>

6. В Самаре прошел митинг против объединения вузов // Интерфакс – Россия. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/print.asp?id=629185&sec=1671&type=news>

7. В Самаре студенты в знак протеста против ликвидации госуниверситета перекрыли магистраль // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/914276.html>

8. Видео с митинга-концерта против ликвидации Университета в Самаре 7 июля 2015 г. // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/919142.html>

9. Дружилов С.А. Демографическая «яма» в России и сокращения числа отечественных ВУЗов // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 8. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/12/5749> (дата обращения: 08.12.2019).

10. Ильинский И.М. Западу не нужен образованный русский народ. Реформа образования в России ведется по рекомендациям Всемирного Банка // Сайт КПРФ. URL: https://kprf.ru/gus_soc/90357.html

11. Интервью с «могильщиком» Самарского государственного университета. Андрончев. Физиология // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/1271649.html>

12. Историческая справка // Официальный сайт Самарского государственного университета. Архивная версия. URL: <http://www.ssu.samara.ru/ru/history>

13. Как Меркушкин уничтожает Самарский государственный университет. Факты. Письмо из Минобрнауки РФ // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/905948.html>

14. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 г. Утверждена распоряжением № 263-р Правительства РФ 7.02.2011 г. М., 2011. С. 8-9.

15. Концепция формирования объединенного национального исследовательского университета. Самара, 2015. 48 с.

16. Луговой-Давыдов К. 100-летию со дня первого основания Самарского государственного университета (СамГУ) посвящается // Блог газеты «Завтра». URL: [http://zavtra.ru/blogs/100-letiyu_so_dnya_pervogo_osnovaniya_samarskogo_gosudarstvennogo_universiteta_\(samgu\)_posvyashchaetsya](http://zavtra.ru/blogs/100-letiyu_so_dnya_pervogo_osnovaniya_samarskogo_gosudarstvennogo_universiteta_(samgu)_posvyashchaetsya)

17. Минобраз снова путается в показаниях о причинах реорганизации самарских вузов // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/922169.html>

18. «Мы просим Вас помочь сохранить наш Самарский Государственный Университет, СГАУ и СамГТУ, как самостоятельные единицы» // Петиция на сайте Change.org. URL: <http://chnг.it/tzNQ9DMGyQ> (дата обращения: 08.12.2019).

19. Н.И. Меркушкин: «СГАУ, СамГТУ и СамГУ будут равноправными партнерами в одном образовательном холдинге» // Официальный сайт Правительства Самарской области. URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/n-i-merkushkin-sgau-samgtu-i-samgu-budut-ravnopravnymi-partnerami-v-odnom-obrazovatelnom-holdinge/

20. Обращение выпускников, преподавателей и студентов бывшего Самарского государственного университета к министру образования и науки России О.Ю. Васильевой // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/1154910.html>

21. Обращение Михаила Матвеева к членам Ученого Совета СамГУ // Видеоблог Михаила Матвеева. URL: <https://www.youtube.com/>

watch?time_continue=38&v=QDLJctNOm88&feature=emb_logo (дата обращения: 11.12.2019).

22. Объединение трех самарских вузов – мнения экспертов // Информационный портал Samru. URL: <https://www.samru.ru/society/obrazovanie/82358.html>

23. Объединенный вуз может быть создан на базе СГАУ и СамГУ // Официальный сайт Правительства Самарской области. URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/obedinennyj-vuz-mozhet-byt-sozdan-na-baze-sgau-i-samgu/

24. Осторожно: говорящий губернатор! // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/23/samguber/>

25. Отойдя от встречи губернатора с ученым советом СамГУ. Глазами очевидца // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/872358.html>

26. Официальный сайт Самарского университета // URL: <https://ssau.ru/info/history> (дата обращения: 16.12.2019).

27. Официальный сайт СамГУ. Архивная версия // URL: http://samsu.ru/doc/reorganization/prikaz_608.pdf

28. Профессора СамГТУ вчера «хоронили» объединенный вуз, порвали три баяна // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/886754.html>

29. Руководство объединяемых вузов отказало коллективам в компетенции // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/883815.html/>

30. Самарская газета. 2014. 16 декабря.

31. Самарский Гражданский форум 2012-2015 гг. Стенограммы и материалы / Сост. и ред. д-р ист. наук М.Н. Матвеев. Самара: ООО «Медиа-книга», 2016. 384 с.

32. Срочно: На конференции коллектива СамГТУ из 146 делегатов только 4 проголосовало за объединение вуза // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/873086.html>

33. Стенькина Е.А. 19 марта 2015 года состоялось внеочередное заседание Учёного совета университета с участием губернатора Самарской области Н. И. Меркушкина // Информационное издание «Госуниверситет». URL: <http://gosuniver.ssau.ru/?p=4833>

34. Твиттер Михаила Матвеева // URL: https://twitter.com/tweet_matveev/status/811135320808914944

35. Триумф аэрокосмического музыковедения // Информационное агентство «Засекин». URL: <https://zasekin-ru.livejournal.com/63489.html>

36. Фонд исследований Самарской области: только 22% самарцев поддерживают объединение вузов // Блог Михаила Матвеева. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/920581.html>

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается процесс создания земской медицины в России второй половины XIX — начала XX в. и ее влияние на развитие современного здравоохранения.

Ключевые слова: земство; земская медицина; лечебное дело; санитария; медицинские кадры.

Земская медицина является одной из ярких страниц в истории России. Важно разумное использование накопленного ею исторического опыта в условиях развития современного здравоохранения. Ряд принципов организации земско-медицинской службы не потеряли своей актуальности и в настоящее время, в условиях развития современной российской государственности.

В 2019 г. исполнилось 155 лет со дня введения земства в России. «Земское самоуправление второй половины XIX — начала XX в. до сих пор является примером важнейших исторических достижений российского государства и общества. По своим масштабам и результатам они стали одним из ключевых факторов общественного и политического развития страны. Земская реформа 1864 г. способствовала развитию местной экономики, образования, здравоохранения» [4, с. 3]. Заслуга русского земства состояла в том, что оно, не имея никаких образцов для своей деятельности ни в России, ни на Западе, сумело создать совершенно новую систему обеспечения населения медицинской помощью, элементы которой использовались в советском здравоохранении и не потеряли своей актуальности в первой четверти XXI века [9, с. 473].

Создание земской медицины по основным ее направлениям: подготовка кадров, развитие лечебного дела, санитарной службы и т.д. — происходило при активном взаимодействии государственных и общественных структур, представителей медицинской интеллигенции и других социальных слоев. Именно правительство, а позднее и земство оказывали содействие развитию фельдшерского

* © Кузьмин Владимир Юрьевич (boss.nista@mail.ru), доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета.

и акушерского образования. Так, в период правления Николая I по ходатайству Министерства государственных имуществ было открыто несколько школ с целью подготовки фельдшеров для оказания медицинской помощи крестьянам, проживающим на государственных землях. В 1864 г. 4 фельдшерские школы находились в ведомственном подчинении Приказа общественного призрения. На протяжении 1865-1869 гг. многие учреждения Приказа общественного призрения были переданы в подчинение земства [8, с. 115].

Земские фельдшерские школы стали организовываться с 1867 г. Однако в ведение нескольких земств Вятского, Казанского, Курского, Тамбовского и некоторых других они перешли от бывшего ведомства государственных имуществ и Приказа общественного призрения. Позднее в отдельных земствах продолжался процесс открытия собственных фельдшерских школ [7, Ф. 1299. Оп. 14. Д. 966. Л. 117; Ф. 1288. Оп. 3. Д. 143. Л.1; Ф. 1887. Оп. 23. Д. 152. Л. 11].

В 1910 г. в 23 среднеспециализированных земских медицинских учебных заведениях обучались 3261 человек. Также имелось 5 школ для подготовки повивальных бабок, где насчитывалось 240 учениц. С этого же года стали действовать и фельдшерско-акушерские школы [1, с. 633].

Решающая роль в развитии лечебного дела в регионах в плане его структурной и практической организации принадлежала земству. Правительство в лице Министерства внутренних дел, выполняя контрольно-бюрократическую функцию, осуществляло общий надзор за становлением «народного здравия».

Одной из идей земства по приближению медицинской помощи к населению и превращению ее в доступную для широких слоев общества являлся постепенный переход к бесплатному лечению больных, находящихся в лечебных учреждениях и их подразделениях.

К началу XX столетия введение бесплатного лечения в губернских и большинстве уездных лечебных учреждений сделало их доступными для широких слоев населения, в частности крестьянства. Введение бесплатного лечения, несомненно, способствовало снижению напряженности во взаимоотношениях между властью и обществом в плане его медицинского обеспечения. Однако сделать земскую медицину полностью свободной от платы за лечение и бессловной не удалось.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. с целью улучшения качества оказания врачебной помощи сельским жителям в практике зем-

ской медицины по инициативе известного врача Е.А. Осипова начал применяться участковый принцип обслуживания населения [10], который осуществлялся на врачебных участках, фельдшерских пунктах и приемных покоях.

Не менее чем десятиверстный радиус подачи помощи больным практиковался в Московской и Вологодской губерниях, а в большинстве других действовал пятнадцативерстный. Если учесть, что на этой территории могли располагаться до 90-100 селений, то уровень доступности медицинского обслуживания населения в таких случаях приходилось признавать, безусловно, недостаточным [11, с. 88]. В целом органам земского самоуправления удалось решить задачу, касающуюся установления радиуса обслуживания больных. В среднем к 1913 г. он составлял 10-15 верст. Наибольший радиус (26,3 верст) был зафиксирован в Уфимской губернии [12, с. 121].

Значительное внимание уделяли земства России развитию психиатрической помощи населению. Всего к началу 1900 г. было открыто 11 оздоровительных колоний для душевнобольных. Образование такого вида психиатрической помощи представлялось возможным после налаживания научно-обоснованного выявления и учета больных [6, с.117-118].

Помимо развертывания лечебных учреждений, медицинская общественность совместно с земствами вела кропотливую работу по выбору способа обслуживания больных. Единой отработанной системы в России в пореформенный период не существовало. Врачебная и фельдшерская помощь людям оказывалась в виде разъездной, стационарной, больничной, амбулаторной и смешанной. Каждая из них имела как положительные, так и отрицательные стороны. В итоге страдало качество диагностики и лечения пациентов. Какая из приведенных систем подачи пособия больным займет главенствующее положение, должно было определить земство. В 1890 г. в 46 уездах России существовала только стационарная система, в 50 уездах сохранялась разъездная, а в 258 – смешанная. В 1900 г. стационарная система была введена уже в 138 уездах страны, в 2 она оставалась разъездной, в 219 – смешанной [2, с. 352].

Одним из важнейших достижений земской медицины было создание санитарной службы. В начале 70-х гг. XIX в. в отдельных губернских земствах появились должности санитарных врачей. Инициатором их введения были как органы самоуправления, так и прогрессивно настроенные представители медицинской общественности.

В начале 80-х гг. XIX в. гласные некоторых земств: Тверского, Нижегородского, Казанского, Самарского и Пермского — признали, что задачи земской медицины должны состоять не только в лечении больных, но и в изыскании средств к предотвращению причин заболевания путем изучения местности в санитарном и положении населения в экономическом и бытовом отношении.

Санитарные врачи были инициаторами и организаторами создания санитарных и медицинских комиссий и комитетов, основной задачей которых была борьба с эпидемиями. Земцы обычно выступали против самостоятельности врачей и в эти органы назначали в основном членов земских управ, а не врачей. Так, в московскую санитарную комиссию, устав которой был утвержден земским собранием 13 января 1877 г., входило 7 представителей земств и только 4 врача. Кроме того, в заседаниях с правом решающего голоса могли участвовать члены губернской земской управы. Основную работу в этих комиссиях производили санитарные врачи, которые чаще всего являлись их секретарями. В этих случаях в руках санитарных врачей находились все материалы комиссии. Санитарные врачи обычно выступали докладчиками от имени этих комитетов и комиссий на губернских съездах врачей. Они, как правило, с первых дней своей работы предпринимали поездки по своему участку для ознакомления с уездом или губернией [3, с. 64-65].

В 90-х гг. продолжалось формирование земской санитарной организации. По предложениям врачей при губернских земских управах открывались санитарные или санитарно-статистические бюро. К 1897 г. земские медико-санитарные бюро были созданы при взаимодействии земства и интеллигенции в 23-х губерниях России, а к 1900 г. — в 25. Они отсутствовали в Черниговской, Ярославской, Казанской, Олонецкой, Орловской, Таврической и Полтавской губерниях. В начале XX в., особенно в период русско-японской войны и революции 1905-1907 гг., санитарные бюро в большинстве губерний были ликвидированы, поскольку именно они, по мнению государственной власти, стали основными «рассадниками социалистических идей». Однако с 1908-1909 гг., благодаря ходатайствам губернаторов, земских деятелей и врачей, направляемым в Министерство внутренних дел, началось восстановление санитарных бюро [5, с. 44].

Основные принципы организации земской медицины широко использовались и используются советским и современным здраво-

охранением. Земские фельдшерско-акушерские школы были преобразованы в медицинские техникумы, училища, колледжи. Советское здравоохранение полностью носило бесплатный характер. Как в советской, так и в современной России применяется участковый принцип, амбулаторная и стационарная системы обслуживания больных. В рамках федерального национального проекта «Здравоохранение» в ряде регионов страны активно реализуются программы «Земский врач», «Земский доктор», «Земский фельдшер».

Библиографический список

1. Большая медицинская энциклопедия / глав. ред. Н.А. Семашко. Т.10. М.: «Советская энциклопедия», 1929. 788 стб.
2. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т.1. СПб.: Тип. О.Н. Поповой, 1909. 724 с.
3. Карпов Л.Н. Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964. 122 с.
4. Куликов В.В. Разработка земского положения 1890 г. // Вопросы истории. 2019. №4. С.3-25.
5. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника. М.: Медгиз, 1941. 196 с.
6. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 272 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА).
8. Скибневский А. 50-летие существования земской медицины // Медицинское обозрение. 1914. №15. С. 460-473.
9. Сорокина Т.С. История медицины М.: АКАДЕМИЯ, 2005. 560 с.
10. Стегунин С.И. Славные традиции // Волжская коммуна. 1966. 19 июля.
11. Трутовский В. Современное земство. Пг.: Изд. П.И. Певина, 1915. 288 с.
12. Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913. 210 с.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЧК**

В статье рассмотрен документальный комплекс архивных и опубликованных источников по истории органов ВЧК в Самарской губернии. В связи с рассредоточенностью документов в центральных и местных архивах, а также их плохой сохранностью создание источникового обзора становится актуальной и своевременной задачей. На основе исследования центральных и местных архивов, в том числе центральных и региональных архивов Федеральной службы безопасности, фондов библиотек и музеев были выявлены различные документальные материалы по истории создания и деятельности местных органов ВЧК. Проведена группировка документов по целям их создания и степени их информативности для решения конкретно-исторических задач исследуемой проблематики.

Ключевые слова: Российская революция 1917 года; Гражданская война в Самарской губернии; документы по истории ВЧК; ЧК.

Документальное наследие по истории местных органов ВЧК является актуальной, но недостаточно исследованной научной проблемой. Необходимость изучения данного вопроса обусловлена тем, что в гражданском противоборстве органы ВЧК принимали непосредственное участие, влияли на его ход, а сотрудники ЧК выполняли широкий состав задач в разных сферах государственного управления. ВЧК и ЧК на местах оказывали влияние на конституи-

* © Мистрюгов Павел Алексеевич (Pavel892006@yandex.ru), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет.

** Исследование подготовлено в рамках гранта Президента РФ «Становление и деятельность местных чрезвычайных подразделений советской власти в 1918-1922 гг.» (МК-6759.2018.6).

рование местных институтов советской государственности. Большевики в конечном итоге одержали военно-политическую победу в ожесточенном гражданском противостоянии, в том числе с помощью использования чрезвычайных методов. Широкая включенность во все сферы государственного управления, многообразные формы участия в местных практиках управления свидетельствуют о большой роли органов ВЧК в военно-революционном противостоянии.

Одной из черт советских исследований, посвященных истории формирования и деятельности органов ВЧК, несмотря на их большую функциональную роль, является полузакрытый характер темы из-за активного участия ВЧК во внесудебных мероприятиях, односторонность и догматизм в подборе и интерпретации источников. На современном этапе историографии появляются исследования, посвященные проблемам источниковедения как центральных, так и региональных органов ВЧК [1; 22; 40]. ВЧК и ее местные подразделения функционировали в экстремальных условиях, и это обстоятельство не способствовало сохранению документов. Между тем выявление комплекса источников по истории органов ВЧК позволяет анализировать не только военно-политические аспекты гражданских конфликтов, но и подойти к событиям этого противостояния как глобальному социокультурному конфликту и задать вопросы о мотивации поведения представителей различных социальных групп, оказавшихся в чрезвычайных условиях гражданской войны. Имеющиеся виды источников, в том числе сводки, отчеты, доклады органов ВЧК, позволяют восстановить субъективное восприятие революционных событий всеми сторонами гражданского конфликта и показать не только институционные возможности чрезвычайных органов, но и социокультурные механизмы гражданского раскола и поведения граждан в экстремальных условиях гражданской войны.

Первичной проблемой, с которой сталкиваются исследователи истории органов ВЧК, является рассредоточенность источников, прежде всего в огромном массиве документации центральных и местных советских органов власти и управления. Документы по истории органов ВЧК в Самарской губернии рассредоточены в нескольких десятках фондов центральных и местных архивов, а также в библиотечных и музейных хранилищах. Заметим, что в фонде Самарской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, находящемся на хране-

нии в Центральном государственном архиве Самарской области, имеется всего одно дело о требовательных ведомостях на выдачу зарплаты сотрудникам уездной милиции и ЧК [49].

Рассмотрим места хранения и виды документов, классифицируем их по видовому разнообразию и информативному потенциалу. Проанализировав материалы 19 фондов центральных и местных архивов, а также опубликованные документы, можно выделить 7 групп источников: нормативно-правовая документация (законодательные акты и ведомственные распоряжения); делопроизводственные документы (следственно-оперативные и судебные документы, распорядительно-административные ведомственные акты (приказы и пр.)) и информационные материалы чрезвычайных органов, ВЧК-ГПУ; выступления и статьи высших партийно-советских руководителей; директивные материалы РКП(б); местная периодика; эго-документы; фотодокументы.

Нормативно-правовая документация включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы. К основополагающим законодательным документам, определявшим формальную сторону организации, структуру, права и полномочия чрезвычайных подразделений советской власти, относятся декреты СНК и ВЦИК. Они опубликованы в многотомном собрании декретов Советской власти и в других сборниках документов [1; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14]. Законы и подзаконные акты находятся в фонде ВЧК ЦА ФСБ России и архиве управления ФСБ по Самарской области. Большое место занимают приказы и распоряжения о формировании и реорганизациях органов ВЧК, о принятых мерах в области оперативной, следственно-судебной, репрессивно-карательной деятельности; частично представлены сведения о кадровом составе, анализ которых свидетельствует не о формальных, а о действительных принципах их функционирования. Они сосредоточены в центральных [42] и главным образом в местных фондах советских органов власти и управления [2; 3; 43; 44; 45; 46; 47; 49].

К группе делопроизводственных документов относятся следственно-оперативные и информационные материалы ВЧК и военных структур, между которыми было установлено взаимодействие в реализации антикрестьянского направления и в деле обеспечения боеспособности Красной армии. Среди них можно выделить оперативные сводки и обзоры, созданные непосредственно в местах вооруженных столкновений. Важный пласт документов представлен докладами, отчетами, то есть материалами аналитического

характера, подготовка которых велась специально. Они дают обобщенные показатели численности выступавших и сведения о мерах наказаний. Эти материалы представлены в опубликованном виде [26] и в фондах штаба Частей особого назначения РСФСР, Приволжского окружного военкомата по военным делам и управления Приволжского военного округа, штабов Саратовского, Приволжского и Заволжского секторов войск внутренней службы Республики, штаба войск внутренней охраны Республики Приволжского военного округа, штаба корпуса войск Всероссийской чрезвычайной комиссии [32; 33; 35; 42].

Отдельный блок документов представлен директивными материалами центральных и местных структур РКП(б). Они сосредоточены в фонде Политбюро, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [31] и главным образом в фонде Самарского губернского комитета ВКП(б) [37]. Документальные материалы местных фондов практически не изучены исследователями. В фонде Самарского губкома содержится документация, характеризующая практически все стороны деятельности исследуемых структур. Имеются протоколы заседаний губернского и уездных комитетов РКП(б), коммунистических ячеек при чрезвычайных структурах. Документация о деятельности чрезвычайных структур (постановления, резолюции, отчеты и доклады ГубЧК) является ценным историческим источником. Отдельно выделим секретные письма секретарей Губкомов РКП(б), находящиеся в фонде Политбюро РГАСПИ, как важный источник о влиянии чрезвычайных условий на взаимодействие власти и общества. В фонде Самарского губкома РКП(б) имеются также сведения о внесудебной деятельности местной ГубЧК (отчетные таблицы о разобранных преступлениях, их видах и принятых мерах наказаний).

Следующую группу образуют выступления и статьи представителей высшего партийно-советского руководства страны, а также заметки и статьи участников событий о военных и политических действиях [19; 20; 21], в которых, в том числе, отразились аспекты эскалации государственного насилия и противостояния власти с поволжским крестьянством. В отдельную группу источников объединены материалы периодической печати и составленные на их основе военно-революционные хроники [16; 17; 24; 27; 28; 29]. Кроме партийно-советских документов, имеются многочисленные свидетельства о социально-экономическом, политическом положении

в Самаре и уездных центрах. В «Краткой хронике революционных событий 1918 года Самарской губернии», составленной из официальной периодики того времени, имеются сведения о расстрелянных губернской и уездными ЧК [30].

Следующая группа источников образована эго-документами. Наряду с опубликованными воспоминаниями участников и современников событий [15; 18; 50] имеются архивные материалы, к числу которых относятся фонды Самарского обкома КП РСФСР, отдела истории партии Куйбышевского обкома ВКП(б), Губернского и Городского комиссариата юстиции [38; 39; 47; 48]. Личные документы (автобиографии, воспоминания и др.) дают возможность восстановить социальную психологию и социокультурный образ сотрудников чрезвычайных структур, а также разных социальных групп, оказавшихся вовлеченными в их деятельность. В фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина отложились фотодокументы по истории местных органов ВЧК, часть из которых была впервые опубликована [22].

Подводя итоги краткому обзору документального наследия по истории органов ВЧК, можно отметить, что выявленные документы обладают высокоинформативным потенциалом, несмотря на специфику их сохранности. Информативный потенциал источников варьируется в зависимости от целей их авторов. С помощью данных источников, если рассматривать их совокупность во взаимосвязи и сравнении, можно исследовать проблемы организации и деятельности местных органов ВЧК; характеризовать принципы организационно-функционального устройства чрезвычайных органов (формирование организационной структуры и ее изменения в процессе постоянных реорганизаций, в меньшей степени изучать личный состав органов ВЧК, сведений о котором мало или же они малодоступны); выявлять действительные, а не законодательно декларированные направления деятельности местных органов ВЧК (прежде всего антикрестьянские мероприятия, преследование политических противников, участие ВЧК в реализации фискально-реквизиционных повинностей, антидезертирской работе, ограничение деятельности местных советов, неподконтрольных в своих решениях директивам РКП(б), и в меньшей степени анализировать работу следственно-оперативных отделов ЧК, сведений о деятельности которых сохранилось мало), анализировать принятые методы их работы (организационно-управленческие, внесудебные),

а также рассматривать динамику социокультурной жизни в российской провинции в чрезвычайных условиях гражданского противостояния, активными участниками которого были местные органы ВЧК. Документы по истории органов ВЧК рассредоточены по фондам органов советской власти и управлений: они рассеяны в материалах фонда губисполкома и его отделов, в том числе отдела юстиции, карательного отдела, а также представлены в фондах центральных и главным образом местных структур РКП(б).

Библиографический список

1. Архив ВЧК: сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. 727 с.
2. Архив Управления ФСБ по Омской области.
3. Архив Управления ФСБ по Самарской области.
4. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 497 с.
5. Внутренние войска Советской республики 1917 – 1922 гг. М.: Юридическая литература, 1972. 707 с.
6. ВЧК уполномочена сообщить...: [материалы «Еженедельника чрезвычайн. комис. по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» и журн. «Красный террор»]. Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. 305 с.
7. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
8. Декреты Советской власти. Т. 9. М.: Политиздат, 1978. 460 с.
9. Декреты Советской власти. Сборник. Т. 12. М.: Политиздат, 1986. 428 с.
10. Декреты Советской власти. Сборник. Т. 13. М.: Политиздат, 1989. 676 с.
11. Декреты Советской власти. Сборник. Т. 16. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.
12. Декреты Советской власти. Сборник. Т. 17. М.: РОССПЭН, 2006. 512 с.
13. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1977. 535 с.
14. Из истории ВЧК: 1917-1921 гг. Сб. документов. М.: Издательство «Политическая литература», 1958. 511 с.
15. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917-1918 гг.). Самара: ООО ОФОРТ, ГОУВПО «Самарский госуниверситет», 2005. 308 с.
16. Коммуна (Самара). 1922.
17. Коммунар. 1919.
18. Красный Октябрь в Самаре. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1957. 299 с.
19. Ленин В.И. Неизвестные документы, 1891-1922. М.: РОССПЭН, 1999. 670 с.

20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1969. 730 с.

21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1981. 506 с.

22. Мистрюгов П.А. Документы Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации в изучении местных чрезвычайных структур советской власти в Поволжско-Приуральском регионе в 1918-1922 гг. // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2019» / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия», 2019. С. 296-299.

23. Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара: Самарский науч. центр Российской акад. наук, 2018. 299 с.

24. Новости дня (Самара). 1918.

25. Нэх В.Ф. Источники и историография по пограничной политике Советского государства (1917-1941) // Исторические чтения на Лубянке 1997-2007. М.: Кучково поле, 2008. С. 85–101.

26. Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.) // ВЧК (1917-1922 гг.): к столетию создания: сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017. С.417-844.

27. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Кн. изд-во, 1972. 326 с.

28. Попов Ф.Г. 1919 год в Самарской губернии: хроника событий. Куйбышев: Кн. изд-во, 1974. 240 с.

29. Попов Ф.Г. 1920 год в Самарской губернии: хроника событий. Куйбышев: Кн. изд-во, 1977. 174 с.

30. Приложение к «Краткой хронике революционных событий 1918 года в Самарской губернии» // Энциклопедия Самарской области. Т. 1: Приложение / М-во образования и науки Самар. обл.; ред. совет: Ю.Н. Горелов, С.А. Голубков, Ю.П. Аншаков Самара: СамЛюксспринт, 2010.

31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.

32. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 58.

33. РГВА. Ф. 17535.

34. РГВА. Ф. 25889.

35. РГВА. Ф. 35071.

36. РГВА. Ф. 16011.

37. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф. 1.

38. СОГАСПИ. Ф. 651.
39. СОГАСПИ. Ф. 3500.
40. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917-1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М.: РОССПЭН, 2018. 437 с.
41. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
42. Центральный архив ФСБ России. Ф. 1.
43. Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. Р-56.
44. ЦГАСО. Ф. Р-81.
45. ЦГАСО. Ф. Р-193.
46. ЦГАСО. Ф. Р-279.
47. ЦГАСО. Ф. Р-1868.
48. ЦГАСО. Ф. Р-1887.
49. ЦГАСО. Ф. Р-3771.
50. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: семейная хроника. Самара: Самарский университет, 2008. 346 с.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930:001.12

И.Г. Гурин, О.М. Макарова*

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В САМАРЕ

В статье рассматривается период становления в Самаре исторической науки о Древнем мире. Выявлен ряд особенностей развития исторической науки как в Самаре и Самарской области, так и в целом в России.

Ключевые слова: история науки; античность; Самара.

В начале XX в. в Самаре не существовало высших учебных заведений. Правда, в городе имелось в общей сложности восемь (мужских и женских, государственных и частных) гимназий и в некоторых из них преподавалась латынь. При этом нет данных о том, имели ли преподаватели латинского языка ученые степени и вели ли какую-либо научную деятельность [12, с. 65-69].

Поэтому, несмотря на явный интерес к античной истории в среде образованных жителей Самары и стремление приобщить к этому периоду мировой истории учеников учебных заведений, о чем свидетельствует большое количество научных изданий важнейших древних латинских авторов в общественных и частных библиотеках [1, с. 258-264], говорить об изучении античной истории и, шире – истории Древнего мира в Самаре в это время вообще не приходится.

* © Гурин Игорь Геннадьевич (ig-gurin@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Макарова Ольга Михайловна (alalkomena@mail.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Реально зарождение антиковедения в Самаре связано с процессом формирования первого в городе высшего учебного заведения — Самарского университета. Хотя идея его открытия появилась еще в 70-90-х гг. XIX в., только в августе 1917 г. в городе был создан Педагогический институт в составе историко-филологического и физико-математического факультетов. В рамках первого из них и были организованы кафедры классической филологии и древней истории [10, с. 3; 11, с. 19; 17, с. 16-17; 6, с. 225].

В августе 1918 г. приказом Комитета Членов Учредительного собрания институт был преобразован в Самарский университет. В его составе продолжал существовать историко-филологический факультет из двух отделений: исторического и словесного. На факультете была открыта кафедра классической филологии. Позднее факультет был преобразован в социально-исторический [17, с. 22].

Со времени основания университета до его гибели в нем работали шесть антиковедов, в том числе такие крупные фигуры, как видный филолог-классик И.А. Лециус и ставший в дальнейшем одним из крупнейших советских ученых в области истории Древней Греции С.Я. Лурье. Причем если первый уже в конце августа 1918 г. написал прошение об отставке и уехал в Германию, то С.Я. Лурье проработал в Самарском университете с первой половины января 1919 г. до конца 1920 г. [9, с. 238; 8, с. 83–87; 7, с. 226–234].

Несмотря на тяготы времен гражданской войны, в молодом Самарском университете преподавательский состав, судя по всему, сумел организовать учебный процесс не хуже, чем в лучших российских университетах того времени. Однако с отъездом в 1922 г. последнего связанного с антиковедением ученого — А.С. Башкирова, изучение античности в Самарском университете фактически закончилось [13, с. 3-4, 12; 16, с. 117]. И хотя и сам университет вскоре прекратил свое существование, он оставил немалый след не только в истории Самары, в том числе и потому, что в нем обучались и приобщились к истории античности Н.А. Машкин, А.В. Мишулин и А.И. Болтунова, в будущем крупные ученые-антиковеды [16, с. 135; 15, с. 188; 3, с. 165].

После 1922 г. никакого изучения античной истории в Куйбышеве не было. Можно упомянуть о том, что в годы Великой Отечественной войны после эвакуации из Ленинграда в Куйбышевском педагогическом институте недолго работала К.М. Колобова, но последствий для города этот кратковременный эпизод не имел [4, с. 445; 5, с. 3].

Ситуация стала меняться с начала 70-х гг. XX в., когда в Куйбышеве появились Алексей Егорович Паршиков (1940-1984 гг.)

и Виктор Петрович Зимин (1951-1992 гг.). А.Е. Паршиков, крупнейший в то время в стране специалист по I Афинскому морскому союзу, кандидат исторических наук, работавший над докторской диссертацией, с 1970 г. преподавал в Куйбышевском педагогическом институте [4, с. 443-447; 5, с. 164-169]. В.П. Зимин, выпускник Казанского университета, занимавшийся творчеством Цицерона, ученик А. С. Шофмана, с 1973 г. преподавал в недавно образованном Куйбышевском университете [2, с.138-140].

Оба они столкнулись с большими проблемами. Помимо отсутствия традиций изучения античности, в студенческой и преподавательской среде существовала стойкая убежденность в невозможности изучения в Куйбышеве истории, помимо современной, в том, что в Куйбышеве нет даже минимальной базы для развития антиковедения.

Действительно, в городе были большие проблемы с необходимой для любого антиковеда зарубежной литературой и изданиями оригинальных источников. Точнее, иноязычной научной литературы, а также латинских и древнегреческих источников в пользовании не было вообще. Лишь позднее выяснилось, что в запасных закрытых фондах областной библиотеки находились десятки изданий оригинальных текстов греческих и римских авторов и некоторое количество дореволюционных российских и зарубежных научных трудов по античной истории. Однако они были недоступны: о них практически никто не знал, так как эти книги даже не были описаны и внесены в каталог [2, с.139-140; 1, с. 258-264].

Тем не менее А.Е. Паршиков за время пребывания в Куйбышеве до своей трагической гибели сумел написать ряд важных научных работ, а среди его студентов был С.Ю. Власюков (1957-2000 гг.), защитивший позднее кандидатскую диссертацию по истории Этолийского союза и преподававший историю Древнего мира в Самарском пединституте. Его, в принципе, можно считать учеником А.Е. Паршикова, продолжившим его линию изучения антиковедения [5, с. 166-167].

В.П. Зимину удалось сплотить вокруг себя значительное количество студентов университета, желавших заниматься антиковедением, несмотря на то что подобные занятия в Куйбышеве тогда казались принципиально невозможными. По образцу казанского «Античного понедельника» А.С. Шофмана В.П. Зимин создал в Куйбышеве студенческий кружок «Античный понедельник–II», через который прошли десятки студентов. Некоторые из них впоследствии стали профессиональными антиковедами (И.Г. Гурин, Ю.А. Окунь, А.И. Попов) [2, с. 139-140]. Таким образом, хотя соб-

ственная научная деятельность Виктора Петровича Зимина не привела к значительным свершениям, его научно-педагогическая работа имела важные последствия для появления самой возможности изучения античной истории в Самаре.

Начальный период становления изучения истории древнего мира в Самаре свелся к изучению античности и был сложным, временами трагичным, как и вся история нашей страны XX в. Первая попытка создать центр изучения античной истории закончилась неудачей и не имела для Самары практических последствий. Вторая, предпринятая спустя несколько десятилетий, оказалась более плодотворной. И хотя первые профессиональные историки-антиковеды, связавшие свою судьбу с Самарой (Куйбышевым), умерли совсем молодыми, не успев полностью реализовать свой большой научный потенциал, они подготовили учеников, продолживших исследование античности и в Самаре, и за ее пределами.

Библиографический список

1. Гурин И.Г. Латинские прозаические источники по истории Древнего Рима в отделе редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки // Самарские книжники 2. Самара: Офорт, 2006. С. 258-264.

2. Гурин И.Г. Виктор Петрович Зимин // Вестник Самарского университета: История, педагогика, философия. 2017. Т. 23. №2. С. 138-140.

3. Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. 267 с.

4. Кузьмин Ю.Н., Макарова О.М. А.Е. Паршиков и история Афинской державы // Мнемон. Вып. 14. СПб., 2014. С. 443-454.

5. Кузьмин Ю.Н., Макарова О.М. Алексей Егорович Паршиков (1940-1984): жизнь и смерть антиковеда в городе на Волге // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 161-184.

6. Лебедева Е.В. Профессорско-преподавательский состав Самарского государственного университета. 1918-1927 гг. // Самарский край в контексте российской истории: сб. ст. и материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (11-14 июня 2002 г.). Самара: Азбука, 2002. С. 225-239.

7. Лебедева Е.В. Научная деятельность С.Я. Лурье в Самарском государственном университете, 1918-1921 гг. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «История». Вып. 2. Тольятти, 2000. С. 226-234.

8. Лурье Я.С. История одной жизни [2-е изд., испр. и доп.]. СПб.: Изд-во ЕУСПб (Европ. ун-т в Санкт-Петербурге), 2004. 278 с.

9. Маркелов С.Ю. Портреты историков античного мира первого Самарского университета (1918-1922г.) // Самарский край в истории России. Вып. 5. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2015. С.238-241.

10. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Самара, 1918. Вып. 1.

11. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в весеннем полугодии 1918 года // Ученые известия Самарского университета. Самара, 1918. С. 19.

12. Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара: Изд-е Самарск. губернк. статистич. комитета, 1916. 105, 210, 38, 75 с.

13. План и обозрение преподавания социально-исторического факультета Самарского государственного университета. Самара: Госиздат, Самарское отделение, 1920. 12 с.

14. Профессор Александр Васильевич Мишулин // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 135-142.

15. Профессор Николай Александрович Машкин // Вестник древней истории. 1950. № 4. С. 188-195.

16. Скворцов А.М. Антиковедение в первое десятилетие советской власти: время эксперимента // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30. С. 114–118.

17. Храмов Л.В. Самарский государственный университет и становление высшей школы в Среднем Поволжье // Самарский государственный университет 1969-2009: к 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. С.14-21.

УДК 94(4)[653]:303.446.4

А.А. Бельцер*

МЕДИЕВИСТИКА В САМАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена развитию изучения и преподавания истории средних веков в Самарском университете. В нашем городе систематические исследования в области истории средневековья начались лишь в середине 1970-х годов в Куйбышевском государственном университете. Самарский университет и в наши дни является центром медиевистических исследований.

Ключевые слова: медиевистика; Самарский университет; Т.С. Никулина; средние века.

* © Бельцер Александр Анатольевич (abelhist@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

В России изучение истории средних веков начинается с середины XIX в. В течение последующих десятилетий признанными центрами средневековедческих исследований стали Москва и Петербург. Именно оттуда постепенно распространялось столь трудоемкое занятие, как изучение и преподавание средневековья. Со второй половины XIX в. медиевисты появляются и в провинциальных университетах. Однако в одних городах и университетах медиевисты приживались быстро и безболезненно, в других, напротив, до сих пор сложно говорить о длительной традиции изучения средневековья. Самара относится как раз к городам из последнего ряда.

Подготовка историков в Самаре началась с образования в 1917 году Самарского университета. Однако первый университет не просуществовал и десяти лет – был закрыт, а профессора разъехались по другим городам и весям. В открытом в 1929 г. Средневолжском педагогическом институте первым деканом, «заведующим общественно-экономическим отделением» был В.М. Лавровский, специалист по Англии XVI – XVII вв. Однако он проработал здесь всего год [25, с. 18]. Затем курс истории средних веков обычно читал специалист либо по новой и новейшей истории, либо по методике преподавания истории. Курс истории средних веков, в частности, читали в свое время В.А. Стальной, специалист по международному рабочему движению (хотя и начинавший с изучения Великой английской революции), Л.А. Ганкин, специалист по методике преподавания истории, С.Б. Семенов – исследователь радикального движения в Англии XVIII в., А.П. Семенова – археолог. Долгое время историю средних веков в Куйбышевском педагогическом институте преподавала Т.С. Елисеева, по своим научным интересам являвшаяся не медиевистом, а специалистом в области методики преподавания истории.

В 1969 г. открылся Куйбышевский государственный университет. Преподавать историю средних веков приехал Е.Г. Михайловский. Однако он проработал всего лишь несколько лет и покинул город.

Рождение самарской медиевистики можно связать с именем Тамары Сергеевны Никулиной, которая в середине 70-х гг. XX века пришла на кафедру всеобщей истории (ныне кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения) Куйбышевского государственного университета. Т.С. Никулина родилась 6 апреля 1941 г. в Орле. Окончив орловскую школу №12, в 1958 г. она поступила в Орловский государственный педагоги-

ческий институт. В институте на Тамару Сергеевну оказала большое влияние Мария Андреевна Покровская, специалист по Франции позднего средневековья. Именно М.А. Покровская увлекла историей средних веков молодого исследователя. После окончания института Тамара Сергеевна несколько лет проработала в школах г. Орла, а в 1969 г. была принята на работу в педагогический институт на кафедру истории. Начинающему преподавателю поручили сначала работу на подготовительных курсах, а затем и чтение курса по истории средних веков. В 1974 г. вместе с мужем Т.С. Никулина переехала в Куйбышев. Ее приняли на кафедру всеобщей истории (затем зарубежной истории). Заведовал кафедрой выпускник Саратовского государственного университета Б.Д. Козенко. На кафедре работали представители различных научных школ, выпускники Саратовского, Ленинградского университетов. Первоначально Тамаре Сергеевне предложили читать курс истории стран Азии и Африки, но в конечном итоге передали ей преподавание истории средних веков.

В 1978 г. Тамара Сергеевна поступила в заочную аспирантуру Саратовского государственного университета. Научным руководителем Т.С. Никулиной стал заведующий кафедрой истории средних веков, доктор исторических наук С.М. Стам. К этому времени Соломон Моисеевич был уже признанным ученым, специалистом по истории средневекового города (хотя этой проблематикой его научные интересы не ограничивались), основателем и главой саратовской научной школы урбанистов. На кафедре истории средних веков Саратовского университета работали такие высококвалифицированные специалисты, как М.М. Яброва, В.А. Ермолаев, Н.И. Девятайкина. Под влиянием С.М. Стама и В.А. Ермолаева была определена и область научных изысканий Т.С. Никулиной – средневековый Любек. В 1982 г. в Саратовском государственном университете была защищена диссертация Т.С. Никулиной «Социально-экономическое развитие Любека во второй половине XV – первой половине XVI в. и движение Вулленвевера» [10].

В центре научных изысканий Т.С. Никулиной с конца 1970-х гг. находится история средневекового Любека. Она послужила отправной точкой для ее дальнейших научных изысканий, среди которых можно выделить три больших, но тесно связанных друг с другом блока: социально-экономическое развитие средневекового города, Реформация и конфессионализация, историографические исследования.

Любек – крупнейший город ганзейского союза. Фактически возглавляя Ганзу, крупнейшее торговое объединение немецких городов, Любек оказал огромное влияние на экономическое и политическое развитие балтийского региона. Медиевисты, обращавшиеся к истории ганзейского города, преимущественно сосредотачивали внимание на его роли в торговле и международных отношениях региона. В работах Т.С. Никулиной, напротив, в центре внимания – возникновение города, система управления, сложившаяся в Любеке, социальное и экономическое развитие города и его отношения с императорской властью. Особое место в ее исследованиях занимает проблема патрициата. Вопрос о роли и месте городского патрициата в жизни средневекового общества в целом и горожан в частности продолжает оставаться в центре научных дискуссий. Вклад Т.С. Никулиной в разработку данной проблемы лучше всего осмыслен в работах Л.Н. Черновой [26, с. 25–26].

В немецкой историографии еще в середине прошлого века возникла дискуссия о существовании любекского патрициата. Можно ли говорить о существовании патрициата в Любеке, если формально закрепленный круг правящих родов там и в других северогерманских городах отсутствовал? Однако автор сконцентрировала свое внимание на выявлении механизмов фактической отграниченности данной группы от других социальных слоев и господства над ними. В результате Т.С. Никулина приходит к выводу о наличии именно патрициата, а не просто высшего купеческого слоя в Любеке, поскольку это была группа, концентрирующая капиталы, экономическую и политическую власть в городе в условиях городской автономии и имеющая отчетливую выделенность и замкнутость как господствующая группа, организующим и контролирующим центром которой являлся городской совет [11; 26, с. 25–26].

Анализируя происхождение любекского патрициата, Т. С. Никулина приходит к выводу об исключительно купеческом его происхождении. По ее мнению, о дворянских корнях любекского патрициата не может быть и речи. Только в конце средневековья в среде патрициата стали происходить изменения, резко обособившие его представителей от остальных горожан. Речь здесь идет о вложении денег в покупку рент, что превратило представителей патрициата в рантье [12; 22].

Еще одной важной заслугой автора в исследовании патрициата стал анализ его взаимоотношений с церковью. Т.С. Никулина не только выявила наличие противоречий между патрициатом и цер-

ковью, но и показала наличие тенденций к сращиванию патрицианской элиты с церковной [21].

Отдельное внимание в работах Тамары Сергеевны уделено антипатрицианским восстаниям в Любеке: выступлению мясников в 1380-1384 гг. и восстанию 1408-1416 гг. Автору удалось показать причины их начала, ход, причины их поражения, выявить роль Ганзейского союза в судьбе восстаний. По мнению Никулиной, выступления любекских бюргеров XIV–XV вв. относились к средневековым мятежам и восстаниям, направленным на изменение власти и отражающим характерные для средневекового города противоречия между объемом и характером власти городского совета и «принципом сотоварищества и равенства бюргеров» [13; 14].

Вторым направлением интересов Т.С. Никулиной, как уже говорилось выше, является история Реформации в северогерманских городах. Немецкая реформация привлекала и будет привлекать внимание историков. Однако в исследованиях, особенно в отечественной историографии, преобладал интерес к роли князей, рыцарства, крестьянства в реформационном движении. Т.С. Никулина в своих трудах подняла проблему «городской реформации» как отдельного направления. Новаторской была и разработка этого вопроса на примере ганзейских городов: обычно, если историки касались роли городов в реформационном движении, речь шла исключительно о городах Южной Германии. Автор выделила механизмы проведения Реформации — городские институты, общину и совет. Т.С. Никулина обратила внимание на неразрывную связь церковной реформы и социально-политических преобразований. По мнению автора, в Любеке реформация была осуществлена как демократический переворот, успехи реформы не были бы возможны без борьбы с патрициатом [24, с. 234-311].

Исследуя реформационное движение в Любеке, Т.С. Никулина выделила как отдельный его этап движение Юргена Вулленвевера. Юрген Вулленвевер — одна из примечательнейших фигур немецкой истории эпохи Реформации. Практически неизученный в отечественной историографии, он до сих пор вызывает полярные точки зрения в зарубежной, в первую очередь, немецкой научной литературе. Эти оценки были связаны в основном с внешней политикой любекского бургомистра. Т.С. Никулина обратила внимание на внутрисполитические реформы Вулленвевера. В результате он предстал как выдающийся политический деятель. Отмечая непосредственность деятельности бургомистра, временность его союза

с радикальными кругами горожан, ориентацию на непатрицианское купечество, Никулина видит причину его поражения в стремлении вопреки новой расстановке сил сохранить ведущее положение Любека [16, с. 38-39].

В последнее время Т.С. Никулина обратилась к изучению процесса конфессионализации в городах Северной Германии. Исследователь пришла к заключению, что решающим фактором конфессионализации в Северной Германии в 30-е гг. XVI в. было бюргерство. Именно с его деятельностью Т.С. Никулина связывает становление евангелических порядков в Любеке. Историк подчеркивает роль университетов в Ростоке и Грейфсвальде в подготовке протестантского духовенства. Только со второй половины XVI в. города начинают вытесняться князьями из процесса утверждения немецкого протестантизма [19, с. 196-197].

Отдельно следует отметить историографические труды Т.С. Никулиной. На протяжении всего своего творческого пути она сохранила интерес к осмыслению новейших достижений отечественных и зарубежных историков, поискам новых методов исторического исследования. В результате на свет появилось несколько очерков, посвященных развитию как изучения немецкой реформации, так и исследований средневекового города [15; 17; 18; 20].

На протяжении своей почти тридцатилетней работы Т.С. Никулина опубликовала десятки работ не только по истории Любека, но и по вопросам историографии и методологии исторического исследования. Несомненно, важным событием стал выход монографии Тамары Сергеевны «Средневековый Любек», результат ее многолетних научных изысканий. Результатом активной преподавательской деятельности стали десятки дипломных работ, защищенных под руководством Т.С. Никулиной. Из числа студентов, специализировавшихся у Тамары Сергеевны, вышли шесть кандидатов исторических наук – медиэвистов (Л. Чернова, М. Дорофеева, Т. Смирнова, И. Казаков, А. Бельцер, Ю. Игина), а в 2006 г. в их рядах появился и доктор исторических наук (в Саратовском государственном университете защитила докторскую диссертацию Л.Н. Чернова).

Все профессиональные медиэвисты, работающие в самарских вузах в течение последних двух десятилетий, являются учениками Т.С. Никулиной. В 2006 г. на кафедру зарубежной истории в Самарский государственный университет пришел работать один из выпускников Т.С. Никулиной, аспирант Саратовского универси-

тета Е.М. Еремин. Научные интересы Е.М. Еремина связаны с историей Тевтонского Ордена. Он стал автором целого ряда статей, посвященных системе мировоззрения рыцарей Ордена, их взаимоотношениям с окружающими языческими народами и восприятию прибалтийских племен [5; 6]. К сожалению, Е.М. Еремин так и не защитил диссертацию и вынужден был спустя несколько лет уйти из системы высшего образования. В 2019 г. в Самарский университет пришел аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, также ученик Т.С. Никулиной Д.А. Евграшин. Д.А. Евграшин занимается исследованиями в области истории Франции рубежа XVI – XVII вв., в частности, изучением внутренней политики Генриха IV.

В Куйбышевском педагогическом институте профессиональный медиевист появился только в конце 80-х гг. Им стала выпускница Куйбышевского государственного университета и ученица Т.С. Никулиной Т.И. Смирнова. Сферой научных интересов Татьяны Игоревны стала эпоха Возрождения в Италии. Поступив в аспирантуру при МГУ, Татьяна Игоревна так и не вернулась в Самару. С 1992 года и по настоящее время историю средних веков в педагогическом институте (с 1994 г. – университете, с 2009 г. – Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, с 2015 г. – Самарском государственном социально-педагогическом университете) преподает И.В. Казаков, также ученик Т.С. Никулиной. Игорь Валентинович плодотворно занимается историей раннеюдордовской Англии. Кандидатская диссертация И.В. Казакова «Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – первой трети XVI вв.» посвящена процессу становления абсолютной монархии в Англии [9]. В своих статьях И.В. Казаков одним из первых в отечественной медиевистике обратился к проблеме королевского двора, взаимоотношениям монарха и аристократии. Исследователь подверг сомнению расхожее утверждение, бытующее в советской историографии, о полном уничтожении английской аристократии в Войнах Роз. И.В. Казаков попытался также переосмыслить проблему абсолютной монархии на английском материале. По его мнению, в конце XV – начале XVI в. английская буржуазия не играла настолько заметной роли, чтобы говорить о ее влиянии на процесс политического развития: возросшая экономическая мощь буржуазно-дворянских элементов, вызвавшая соответствующие изменения политической атмосферы прежде всего в нижней палате Парламента, проявилась только к

концу XVI в. Только в применении к этому времени, как считает И.В. Казаков, можно говорить о каком-то «посредничестве» королевской власти. Денежная же маломощность буржуазии в период правления обоих Генрихов не только порожидала жестокие финансовые кризисы, постоянная борьба с которыми стала уделом всех Тюдоров, но и вынуждала корону искать другие, более реальные источники доходов (конфискации, судебные штрафы, порча монеты, займы у иностранных банкиров, наконец, секуляризация церковных богатств). По мнению И.В. Казакова, буржуазия в первой половине XVI в. явно еще не была готова «содержать» государство [7; 8; 9, с. 1-5].

В 1997 г. на кафедру всеобщей истории Самарского государственного педагогического университета пришел работать выпускник Самарского государственного университета, ученик Т.С. Никулиной, А.А. Бельцер. Тематика научных исследований А.А. Бельцера связана с проблемой абсолютной монархии в Англии. Если И.В. Казакова интересуют процессы, происходящие в системе центрального управления, так сказать, на авансцене политики, то А.А. Бельцер занимается изучением процессов второго плана, связанных с распространением королевской власти на местах, с взаимоотношениями власти и общества. Темой диссертационного исследования А.А. Бельцера стала система местного управления в Англии при Тюдорах [2; 3]. В 2017 г. А.А. Бельцер перешел на кафедру всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского университета. К этому времени исследователь сосредоточил свое внимание на изучении англо-шотландского пограничья, взаимоотношения его населения с монархией первых Тюдоров [1; 4].

Подводя итоги, можно сказать, что Самарский университет остается ведущим центром медиевистических исследований в Самаре. В университете поддерживаются связи с коллегами-медиевистами из Москвы, Саратова, Нижнего Новгорода. Студенты университета постоянно выступают с докладами по медиевистической тематике на региональных и всероссийских конференциях. В то же время, несмотря на определенные успехи, степень развития самарской медиевистики в целом представляется достаточно слабой, процесс ее развития вполне может оказаться обратимым. За десятилетия своего существования медиевистика в Самаре так и не смогла институционализироваться: ни на одном из исторических факультетов Самары до сих пор нет кафедры средних веков или

кафедры древнего мира и средних веков, а, учитывая тенденции последнего десятилетия, и вряд ли будет. На грустные размышления наводит и отсутствие возможности обучения в аспирантуре по истории средних веков в Самаре.

Библиографический список

1. Бельцер А.А. Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525-1527 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. Т.18. 2018. № 3. С. 329-333.

2. Бельцер А.А. Местное управление в Англии при Тюдорах (1485-1603). Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 212 с.

3. Бельцер А.А. «Слуги для всех дел»: Корона и мировые судьбы в тудоровской Англии. Учебное пособие к спецкурсу. Самара: СГПУ, 2007. 135 с.

4. Бельцер А.А. Уильям Лайл и англо-шотландское пограничье в 1526-1528 гг. // Средние века. 2015. Вып. 76 (1-2). С. 210-221.

5. Еремин Е.М. Моральные черты язычников Балтии в орденских хрониках XIII – XIV вв. // Конфликты и компромиссы в европейском обществе в средние века и раннее новое время. Самара, 2011. С. 28-34.

6. Еремин Е.М. Сведения о князе Литовском Миндовге в Старшей ливонской рифмованной хронике // Вестник Самарского государственного университета. 2009. №7. С. 152-156.

7. Казаков И. В. Корона и нобилитет при первых Тюдорах // Историко-археологические изыскания. Самара, 1997. Вып. 2. С. 175-187.

8. Казаков И. В. О формах и методах становления тудоровского абсолютизма // Самарский научный вестник. 2013. №4. С. 87-90.

9. Казаков И.В. Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – первой трети XVI вв. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 254 с.

10. Никулина Т.С. Социально-экономическое развитие Любека во II половине XV – первой половине XVI в. и движение Вулленвевера. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1982. 243 с.

11. Никулина Т.С. Купец-патриций XIV века и корпоративный строй ганзейского Любека // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.: Наука, 1999. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. С. 95-101.

12. Никулина Т.С. Любекские патриции в позднем средневековье // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 4. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 43-60.

13. Никулина Т.С. Любекское восстание 1408 – 1416 гг. // Вопросы истории. 1982. №5. С. 101-107.

14. Никулина Т.С. Любекское восстание 1380 – 1384 гг., его предыстория и результаты // Средние века. 1992. Вып. 55. С. 128-148.

15. Никулина Т.С. Медиевисты в поиске // Вопросы зарубежной истории. Материалы конференции, посвященной 30-летию кафедры зарубежной истории СамГУ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 76-78.

16. Никулина Т.С. Мятёжный любекский бургомистр Юрген Вулленвервер // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 1. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1996. С. 24-41.

17. Никулина Т.С. Некоторые проблемы позднесредневековой истории Германии в современной отечественной медиевистике // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 8. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 258-286.

18. Никулина Т.С. Новое в отечественной урбанистике // Человек и история. Самара, 1998. С. 3-21.

19. Никулина Т.С. Реформация и конфессионализация в ганзейских городах Северной Германии: учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. 215 с.

20. Никулина Т.С. Реформация, конфессионализация и международные отношения (историографические заметки) // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 9. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. С. 142-161.

21. Никулина Т.С. Совет, бюргерская община и церковь Любека в Реформации (к вопросу о «городской» Реформации) // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. Саратов, 2002. С. 106-120.

22. Никулина Т.С. Социально-корпоративный строй ганзейского Любека – патрициат в XIV в. // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Саратов, 1998. С. 58-67.

23. Никулина Т.С. Социально-политическая борьба в ганзейском городе Любеке в XIV – XVI вв. Учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев: КГУ, 1988. 80 с.

24. Никулина Т.С. Средневековый Любек. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 356 с.

25. Храмкова Н.П. Исторический факультет Самарского государственного педагогического университета (1929-2005). Самара: СГПУ, 2009. 324 с.

26. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 440с.

**«СЛАВНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
БРИТАНСКОГО XVII СТОЛЕТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА**

В статье показаны ключевые моменты развития современной российской британистики. В качестве основной темы использована проблема изучения революции XVII века.

Ключевые слова: англоведение; революция; Стюарты; кризис XVII века.

В отечественной исторической традиции изучение зарубежной истории в целом было всегда важной частью мира академической науки. В качестве одного из основных региональных направлений (наряду с французским) традиционно популярным было британо-ведение. Российская традиция пристального профессионального интереса к процессам и событиям, имевшим место в пределах Туманного Альбиона и территорий, заселенных представителями «англоговорящей нации», ведет свое начало с XIX в. И уже тогда одной из популярных эпох британской истории (наряду с немного «толкиеновским» и, как выяснилось в начале XXI в., «джордж-мартиновским» средневековьем) стало революционное XVII столетие – английский «бунташный век».

Во второй половине XIX – начале XX вв. сформировалось целое направление по изучению «века Стюартов» – помимо традиционного персоналистского подхода, под влиянием новомодного легального марксизма особое внимание стали уделять социально-экономическим вопросам. Эта традиция одной из своих основных задач ставила скрытую и весьма активную борьбу против российского самодержавия, ставшую «визитной карточкой» отечественной либеральной интеллигенции рубежа веков. Ярчайшими представителями данного направления стали Н.И. Кареев [17] и М.М. Ковалевский [19]. К младшему поколению дореволюционных англове-

* © Гордиенко Дмитрий Олегович (gordgos19@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Самарский государственный институт культуры.

дов, борцов с «тиранией Стюартов», справедливо можно отнести блестящего специалиста А.Н. Савина [35; 36].

Подлинным корифеем советской исторической науки, изучавшим социально-политические аспекты Английской революции, был М.А. Барг (ученик Е.А. Косминского, наставником которого, в свою очередь, был Савин) [4; 5; 6; 3; 25]. В позднее советское время начала работу по изучению XVII в. Т.Л. Лабутина [24] (в дальнейшем выпустившая целый ряд работ по истории «века Стюартов» и «века Просвещения», в том числе и по вопросам востребованных в современной науке гендерных подходов [22; 23]).

В новейшее время в условиях развития научных представлений об одном из самых ключевых (с точки зрения «исторического», а не «хронологического» века) столетий интерес к истории мультипликационной державы Стюартов (1603-1714 гг.) возрос по сравнению с предыдущим периодом. В русле традиционных социально-экономических исследований трудятся М.В. Винокурова [12] и В.А. Евсеев [13].

Серьезный вклад в исследование становления Туманного Альбиона в качестве «морской силы» внесли А.Б. Соколов [40] (наряду с темой колониального развития уделивший внимание и жанру политической биографии [39]) и А.А. Киселев [18]. Изучение роли, места и структуры английского королевского двора первой половины XVII столетия рождено было неумолимой деятельностью профессора Санкт-Петербургского университета С.Е. Федорова [45; 44; 21], равно как и тема интеллектуальной истории Трех королевств того времени [34; 33] (под редакцией С.Е. Федорова была выпущена классическая работа эпохи Просвещения – «История Англии» Д. Юма, та ее часть, которая посвящена династии Стюартов [46] – интересно, что эта книга была с детства любимым чтением Людовика XVI [27]).

Религиозная история и ее влияние на политические и интеллектуальные процессы (которые во многом и вызвали первую из революций в Англии XVII в.) оказалась в свете пристального внимания А.Ю. Серegiной [38; 37] и В.Н. Ерохина [14].

Персональная история привлекла внимание признанного специалиста в области международных отношений в Европе «долгого XVII столетия» – профессора Смоленского университета Л.И. Ивоиной, которая, помимо целого ряда статей биографического характера, выпустила две работы, посвященные суверенам из дома Стюартов и их слугам [16; 15]. Первой серьезной биографией

Якова II – короля и человека, чей жизненный путь полон противоречий и загадок, а также возможностей сделать назидательные выводы, – был представлен К.Н. Станковым [41]. Целый спектр биографий персон британского (английского, но в первую очередь шотландского) XVII в. (и влияния этого страшного и интересного, словом, барочного революционного столетия) принадлежит орловскому исследователю О.Я. Ноздрину. Примечательно, что сквозь большинство работ этого интересного специалиста сквозной линией проходит тема русско-британских (шотландских) связей Московского царства и «шкотских» и «английских» немцев [28; 29; 30; 31; 32].

Проблема «сожителства» периферий (кельтских) Британского мира раннего Нового времени с центром композитной монархии Стюартов через призму шотландской политической, военной и интеллектуальной истории детально изучена в работах В.Ю. Апрыщенко [2] и С.Г. Малкина [26]. Вопросы интеллектуальной истории и проблемы отечественного англоведения, пристальное изучение вопросов местного самоуправления и его влияния на складывание английского гражданского общества в XVI-XVII вв., аспекты политического и правового сосуществования на англо-шотландском пограничье представлены в трудах видного самарского исследователя, работающего на стыке средневековья и раннего Нового времени, – А.А. Бельцера [7; 8; 9; 10; 11].

Тем не менее, несмотря на достаточное количество работ, которые прямо или косвенно посвящены британской истории XVII в., собственно тема Революции (как 1640-х гг., так и завершившей столетие Славной революции) в отечественной исторической науке конца XX – начала XXI вв., в отличие от англоязычной историографии (где с середины XX в., особенно после дискуссий 1960-х гг. наблюдался всплеск интереса к революции и революционным ситуациям) особой популярностью не пользуется. Этот казус отечественного британоведения может быть связан с несколькими проблемами, ключевой из которых является то чрезмерное внимание, которое марксистская традиция в советской исторической науке уделяла Английской «буржуазной» революции, подгоняя ситуации, вызвавшие британскую катастрофу 1640-х гг., под каноны советского прочтения трудов видного экономиста и публициста середины – второй половины XIX в. К. Маркса (с соавторами). В том числе для советской историографии было характерно назойливое стремление найти в глубинах дворянского и диссидентского (пуританского) «Великого мятежа» «буржуазную» революцию.

Отсюда у современных специалистов старшего поколения после снятия скреп, державших «железный занавес», возникло непреодолимое желание изучать те стороны развития Англии «и иных владений» Стюартов, которые так манят многих будущих историков, чья долгая и извилистая дорога в науку началась с прочтения в детском и юношеском возрасте классики мировой беллетристики — той, что справедливо иллюстрирует красивый и ужасно (в прямом смысле этого слова) интересный XVII век — столетие барокко и войн в кружевах, придворных интриг и продолжения географических открытий, «золотого века» вест-индского пиратства. От старших коллег на протяжении уже почти трех десятков лет не отстает более молодое поколение ученых [1].

На этом фоне историографического изобилия в 2010 г. отечественное англоведение представило на суд специализирующейся и просто интересующейся публики три работы, непосредственно посвященные революционным событиям середины — конца XVII в.: истории Английской «долгой» революции. Эти работы написаны на основе серьезного исторического материала (включая традиционное внимание к трудам предшественников; так же полно использованы достижения современной отечественной и зарубежной науки) и корпуса источников. Однако удивляет, что эти, практически первые за много лет, работы (высокого класса) по английской революции представлены в формате учебника и учебного пособия.

Первой работой является учебник С.В. Кондратьева [20]. Основной упор в изложении материала автор сделал на объяснение причин революции — социально-экономических и политических, событий Первой и Второй гражданских войн, времен Первой Республики и Протектората Кромвеля. Пунктирно даны события падения режимов лорда-протектора Ричарда Кромвеля и Второй Республики, а также Реставрация Карла II.

В.А. Томсинов (доктор юридических наук) — плодовитый автор, значительная часть работ которого лежит в локации отечественной исторической и юридической наук, выпустил два учебных пособия, посвященных политической и юридической истории революций XVII столетия [43; 42].

Можно отметить, что на рубеже веков интерес отечественного британоведения к проблемам XVII в. сохранился, выйдя на новые качественные уровни, однако упор в раскрытии поставленных проблем в большей степени осуществлен на аспекты микроистории в ущерб макроисторическим вопросам.

Библиографический список

1. Айзенштат М.П. Трансформации и бытование сообщества англоведов // Англоведение в современной России. Колл. монография / Отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. Ин-т всеобщей истории РАН. М.: ИВИ РАН, 2019. 390 с.
2. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.
3. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 399 с.
4. Барг М. А. Кромвель и его время. М.: Учпедгиз, 1950. 272 с.
5. Барг М. А. Народные низы в английской революции XVII в.: Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967. 351 с.
6. Барг М.А., Черняк Б.Е. Великие социальные революции XVII—XVIII веков: В структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М.: Наука, 1990. 254 с.
7. Бельцер А.А. Единый север Англии? Йоркшир и англо-шотландское пограничье в политическом сознании Тюдоровской Англии // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Самара: СГИК, 2015. С. 73-75.
8. Бельцер А.А. Истоки гражданского общества. система местного управления в Тюдоровской Англии // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2011. № 6. С. 45-49.
9. Бельцер А.А. Местное управление и корона на рубеже XVI-XVII вв.: кризис режима? // Культура и история в компаративном измерении. Материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: СГАКИ, 2012. С. 203-209.
10. Бельцер А.А. Мировые судьи и Северный совет на закате эпохи Тюдоров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. № 2. С. 26-29.
11. Бельцер А.А. Пропаганда и королевская политика в области местного управления в Англии при Елизавете Тюдор // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время: межвуз. сб. науч. тр. Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара; [редкол.: Е. В. Кузнецов (отв. ред.) и др.]. Арзамас, 2005. С. 64-68.
12. Винокурова М.В. Мир английского манора (на материалах земельных описей графств Ланкашир и Уилтшир второй половины XVI – первой трети XVII вв.). М.: Наука, 2004. 496 с.
13. Евсеев В.А. Городская цивилизация Англии от Тюдоров до Стюартов. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
14. Ерохин В.Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.

15. Ивонина Л.И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: ЛомоносовЪ, 2019. 264 с.

16. Ивонина Л.И. Драма династии Стюартов. М.: ЛомоносовЪ, 2016. 320 с.

17. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютистская монархия XVI-XVIII вв.: общая характеристика бюрократического государства и словесного общества «старого порядка». М.: Гос. пуб. ист. б-ка России, 2009. 463 с.

18. Киселев А.А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII – XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 332 с.

19. Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1880. 402 с.

20. Кондрачев С.В. Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 192 с.

21. Королевский двор в Англии XV-XVII веков / Ред. и сост. С.Е. Федоров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 386 с.

22. Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб: Алетейя, 2001. 247 с.

23. Лабутина Т.Л. Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII – начало XVIII века. М.: ЛомоносовЪ, 2016. 256 с.

24. Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, 1660-1681. М.: Издательство «Наука», 1982. 207 с.

25. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция: Некоторые проблемы англ. буржуазной революции 40-х годов XVII в. М.: Соцэкгиз, 1958. 366 с.

26. Малкин С.Г. «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715-1754 гг. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 256 с.

27. Морозова Е.В. Людовик XVI. Непонятый король. М.: Молодая гвардия, 2018. 335 с.

28. Ноздрин О.Я. «Верные слуги его величества...» Семейство Астонов первой половины XVII века // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории смутного времени в России начала XVII века. Нижний Новгород: Кварц, 2012. С. 249-255.

29. Ноздрин О.Я. Всюду или никуда: Поступки, приключения, подвиги полковника Уолтера Уайтфорда, роялиста // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. М.: Институт археологии РАН, Институт Российской истории РАН, 2016. С. 162-169.

30. Ноздрин О.Я. Кавалеры и генералы. Дело о царском полководце и 6 000 золотых // Родина. 2007. № 11. С. 94-96.

31. Ноздрин О.Я. Происхождение и родственные связи генерал-поручика Дэвида Уильяма Грэма, известного как граф Граам, барон Морфий-

ский // *Studia internationalia: Материалы III Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв. 2-4 июля 2014 г. Брянск: Ладомир, 2014. С. 54-65.*

32. Ноздрин О.Я. «Против недругов стоял и бился мужественно...». Клан Драммондов на службе царю и отечеству // *Материалы международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. Ч. II. С. 154-163.*

33. Палмарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб.: Алетейя, 2015. 326 с.

34. Палмарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2015. 210 с.

35. Савин А.Н. История Англии в XVII веке. М.: Типо-литогр. В.И. Титяева, 1910. 417 с.

36. Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: Крафт+, 2000. 552 с.

37. Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI-XVII вв.: виконты Монтегю. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 544 с.

38. Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006. 296 с.

39. Соколов А.Б. Кларендон и его время: странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб.: Алетейя, 2017. 472 с.

40. Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2015. 296 с.

41. Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685-1701. СПб.: Алетейя, 2014. 416 с.

42. Томсинов В.А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и Билья о правах: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 256 с.

43. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640-1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640-август 1642 года: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 264 с.

44. Федоров С.Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб.: Алетейя, 2018. 270 с.

45. Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. 525 с.

46. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001-2002.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В САМАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В связи с юбилеем университетского исторического образования в Самаре в статье анализируется развитие исторической славистики в Самарском университете, характеризуются основные направления в изучении истории зарубежных славянских народов.

Ключевые слова: Самарский университет; история зарубежных славянских народов.

Существуют особые причины и специфические реалии (исторические и современные), которые определяют в Самаре профессиональный и общественный интерес к истории зарубежных славянских народов: польские военнопленные, появившиеся в Самарском Поволжье после войн России с Речью Посполитой в XVII в., а позже, в XIX в., польские ссыльные; контакты и взаимоотношения с болгарами, переселявшимися в Самарский край с XVIII в.; «славянское движение» в период Великого восточного кризиса; деятельность польских специалистов (архитекторов, инженеров, врачей и др.) в губернской Самаре, Самарское знамя и др. XX в. принес новые места, объекты, фигуры памяти о славянских государствах и народах: действия Чехословацкого корпуса в Самаре в 1918 г.; дипломатические представительства (посольства, дипломатические и военные миссии) Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии в Куйбышеве в 1941-1943 гг.; пребывание здесь в годы войны выдающихся представителей политической и интеллектуальной элиты славянских стран (Владислава Сикорского, Зденека Неедлого, Георгия Димитрова и др.); побратимские связи со Стара Загорой.

Получается, что историк-славист в Самаре обречен на профессиональные интеллектуальные искушения. Они подстерегают его не только в библиотеке, в архиве или в Областном историко-краеведческом музее имени П.В. Алабина, но и в буквальном смысле

* © Кутявин Владимир Владимирович (vladimir.kutiavin@gmail.com), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

на улице — например, на улице Стара Загоры; у портала неоготического польского костела, одного из крупнейших католических храмов России; у стен Иверского монастыря, монахи которого когда-то усердно вышивали Самарское знамя.

Историко-славистические штудии в Самаре могли бы самым естественным образом вырастать из краеведческих исследований, однако для профессиональной славистики необходима была институция, способная организовать и координировать комплексное изучение зарубежного славянства. Такой институцией мог бы стать Самарский университет, открытый в августе 1918 г. распоряжением Комитета членов Учредительного собрания. Ученые карьеры — состоявшиеся и будущие — сотрудников университета давали все основания предполагать, что здесь со временем можно будет организовать всестороннее изучение славянства, в том числе его истории. Такое предположение можно признать весьма оправданным, если вспомнить, что одним из организаторов университета стал выдающийся филолог-славист академик Владимир Николаевич Перетц; славистическая проблематика занимала видное место в тематических интересах уже известной в академической среде Варвары Павловны Адриановой-Перетц; к истории и культуре славян обратятся молодой Михаил Николаевич Тихомиров и совсем юный в то время Михаил Константинович Каргер. Как известно, Самарский университет вскоре закрылся, и профессиональная корпорация славистов в Самаре тогда так и не сложилась.

Возрожденный в 1969 г. Куйбышевский-Самарский университет, как видно через полвека, больше всего способствовал формированию круга профессиональных историков-славистов, обеспечил преемственность в преподавании и изучении истории зарубежных славянских народов. При этом не стоит недооценивать достигнутые к тому времени результаты славяноведческих исследований в Куйбышеве. Еще в 1964 г. защитил докторскую диссертацию профессор педагогического института Николай Николаевич Яковлев (1902-1982), почетный гражданин Стара Загоры, один из первых выпускников того — «первого» — Самарского университета [22]. Диссертация основывалась в том числе на многочисленных материалах из болгарских архивов [24]. Эльгирия Яковлевна Гребнева (1921-1992) обратилась к ранним славянским переводам «Слова о полку Игореве», сопоставительный анализ которых позволил уточнить понимание «темных мест» в «Слове». Диссертация Э.Я. Гребневой и опубликованная по ее материалам книга являются редким сейчас образцом исследования, выполненного на основе класси-

ческого славистического канона [8]. Действовали и благоприятствующие развитию славистики социокультурные факторы, среди которых, пожалуй, важнейшими стали связи Куйбышева со Стара Загорой, динамично и разносторонне развивавшиеся с 1960-х гг. Эти связи создали в Куйбышеве-Самаре благоприятную для развития болгаристики среду, во многом определили уникальность региона. Достаточно широкая информированность и высокий общий интерес городской общественности к истории российско-болгарских отношений, проблемам современного развития Болгарии больше всего стимулировали развитие болгаристики в Самаре, в том числе исследование болгарской истории, приобретая не только неизбежную в то время идеологическую заданность, но также социальную значимость и позитивные гражданские функции. «Возвращение спустя век» [9, с.3] после организованного забвения в историческую память самарцев П.В. Алабина прямо связано с появлением у Куйбышева болгарского города-побратима.

Не сразу было осознано, что превращение Алабина в значимую фигуру исторической памяти станет началом обретения новых культурно-исторических ориентаций общественного сознания, перехода от одной эпохи к другой, «неоромантического» конструирования новой национальной и геокультурной идентичности региона. В возрождении прошлого — «старого», дореволюционного — увидели условие и признаки духовного возрождения, а постижение ценности прошлого сопровождалось формированием новой иерархии героев (как, впрочем, и антигероев). Многочисленные мероприятия, связанные с Алабиным, активное использование его имени в современных региональных рекламных проектах всегда рожают болгарские ассоциации.

И сейчас, когда слабеют (но сохраняются) побратимские связи со Стара Загорой, интерес к Болгарии поддерживают регулярные акции: Год Алабина, проект «Россия-Болгария», патронированный губернатором, ежегодно отмечаемые годовщины событий болгарской истории. В последние десятилетия большую популярность в городе приобрело почитание Кирилла и Мефодия, а в 2004 г. Самара была общероссийским центром празднования Дня славянской письменности и культуры, сопровождавшегося пребыванием в городе известных российских и зарубежных ученых, что способствовало популяризации знаний о славянстве, укреплению профессиональных контактов и прямых связей самарских славистов с зарубежными коллегами. И хотя современная славистика в Сама-

ре характеризуется этнонациональной разносторонностью, исследованием Болгарии, ее истории и культуры явно преобладают.

Одно из основных направлений историко-славистических исследований в Самарском университете — изучение раннеболгарских (праболгарских) археологических памятников Самарского края [14]. Систематическое, планомерное исследование этих памятников начала в 1920-е гг. Вера Владимировна Гольмстен (1880-1942) [10, с.34-36]. С 1969 г. ведущую роль в изучении раннесредневековых болгарских памятников на территории Самарской области играет Средневожская археологическая экспедиция (САЭ), руководителем которой в течение многих лет была профессор Самарского университета Галина Ивановна Матвеева (1933-2008). Сотрудниками САЭ открыты и описаны десятки болгарских памятников, вновь предпринято исследование Муромского городка, одного из крупнейших центров Волжской Болгарии, находившегося на южной окраине этого государства.

До начала 1980-х гг. считалось, что праболгарские археологические памятники появляются на Дону, на Дунае и в других районах лишь с середины VIII в., в то время как расселение древних болгар в Европе после гибели Великой Болгарии произошло в VII в. Очевидный для всех хронологический разрыв объясняли по-разному. По мнению С.А. Плетневой, принимаемому, как она считала, в то время «большинством археологов-кочевниковедов», праболгары до середины VIII в. оставались кочевниками стадии «нашествия» и поэтому не оставили никаких стационарных памятников [19]. Однако именно в конце 1970-х — начале 1980-х гг. археологи Самарского университета под руководством Г.И. Матвеевой исследовали Рождественский и Новинковский курганные могильники, материалы которых были выделены в особый — новинковский — тип памятников, датированы второй половиной VII — первой половиной VIII в. и предварительно интерпретированы как раннеболгарские. В своем сообщении на III Международном симпозиуме «Университетские исследования и преподавание болгарской истории у нас и за границей» в октябре 1987 г., информируя коллег об открытии на Средней Волге праболгарских памятников, я мог сослаться только на самые первые, тезисные публикации материалов. За прошедшие десятилетия изучение раннеболгарских памятников на Волге сопровождалось впечатляющими результатами — археологические раскопки в Самарской области не только подтвердили первоначальную этнокультурную интерпретацию памятников новинковского типа, но и привели к открытию более 200 праболгарских памятников второй половины VII — первой поло-

вины VIII вв. В 1997-1998 гг. появились первые монографические обобщения изучения ранних праболгарских памятников с полным описанием значительного корпуса источников [3; 13].

Продолжающиеся до сегодняшнего дня раскопки и изучение раннеболгарских памятников на Средней Волге сохраняют прежнюю масштабность. Исследования самарских археологов давно утратили краеведческую локальность, включаясь в разнообразные этнокультурные сопоставления, помогающие вычленить праболгарские памятники в других районах (в частности, на Дунае), и самым естественным образом приводя к обсуждению таких принципиальных проблем номадизма, как вопросы расселения тюркских племен, симбиоза оседло-земледельческих и кочевых культур и т.д. Популярность компаративных подходов в исследовании раннеболгарских археологических памятников разной локализации отражает и программа Третьего международного конгресса болгаристов, состоявшегося в мае 2013 г. Исключительная сложность проблемы праболгар на Средней Волге просто подразумевает существование разных мнений и неизбежность дискуссий среди самарских археологов [11, с.204-207. Здесь и обширная библиография вопроса]. Имеющиеся археологические материалы о праболгарах позволяют не только создавать музейные экспозиции [4], т.е. наполнять образами Болгарии массовую историческую память, но и выполнять высокопрофессиональную научную работу – например, реконструкцию костюма праболгар, предпринятую А.М. Богачевым и Д.А. Французовым [6].

Тема «Россия и Восточный кризис 1870-х гг.» – одна из наиболее популярных в отечественной славистике, связанная с нею разнообразная проблематика с годами не утрачивает своей актуальности, постоянно привлекая к себе внимание исследователей и публицистов. В Самаре давно сложилась устойчивая традиция изучения освободительной борьбы балканских народов в 1870-х гг. Начинать тут нужно с Алабина, который сам был авторитетным организатором и идеологом «славянского движения» в России 1870-х гг., сыграв затем памятную всем болгарам роль в становлении болгарской государственности. Этот важный эпизод в деятельности Алабина отразился в его книгах [1; 2], с которых и следует начинать традицию непрерывного изучения участия народов Поволжья в борьбе южных славян за национальное освобождение. Уже отмечалось, что это направление исторической славистики впоследствии было продолжено Н.Н. Яковлевым, опубликовавшим

более 30 работ по истории южных славян, прежде всего болгар. Ему принадлежит один из первых обзоров болгаристических исследований историков Поволжья [24].

В течение нескольких десятилетий ведущей фигурой в самарской болгаристике был профессор Самарского университета Ленар Васильевич Храмов (1934-2009), ректор университета в 1984-1994 гг., многолетний председатель Самарского отделения Общества дружбы с Болгарией, организатор научных конференций, инициатор и участник научных, литературных и кинематографических проектов, пропагандирующих историю и культуру Болгарии. В опубликованный в 2008 г. сборник статей и материалов «Петр Алабин и Самарское знамя» (самый популярный и символический для самарской болгаристики сюжет!) был включен перевод книги Йордана Ценова «Знамя и губернатор» [18, с. 6-52], выполненный студентами под руководством Л.В. Храмова.

Признанным центром изучения балканских славян в Самаре многие годы был Поволжский филиал Института российской истории РАН, который возглавлял профессор Юрий Петрович Аншаков, выпускник Куйбышевского университета, один из самых авторитетных историков-балканистов современной России, автор многочисленных работ, посвященных истории Черногории. По его инициативе опубликован фундаментальный сборник документов и материалов, раскрывающих роль Поволжья в поддержке борьбы южных славян в 1875-1878 гг. [16]. Сборник – итог многолетней работы самарских и московских историков, сопровождаемой промежуточными публикациями и открытой для продолжения. Особую ценность представляют впервые публикуемые в сборнике материалы из областных архивов, которые не только раскрывают реакцию населения поволжских губерний на балканские события, но и свидетельствуют об участии волжан в военных действиях против турок в 1877-1878 гг.

Многолетняя работа над сборником способствовала подготовке диссертаций, посвященных событиям Восточного кризиса 1870-х гг. Такой стала кандидатская диссертация А.Ю. Шепелевой, тематически прямо связанная с материалами сборника [23]. Под руководством Ю.П. Аншакова была подготовлена примечательная диссертация А.Н. Сквозникова, одним из первых в России обратившегося к македонской проблематике, изучение которой в Советском Союзе негласно запрещалось [20].

Подготовка историков-славистов в аспирантуре Самарского университета началась в 1990-х гг. Вспоминая те годы, часто говорят о недостаточном финансировании научных исследований, сни-

жении социального статуса научного работника и престижа научной работы. С этим можно только согласиться. Но одновременно с 1990-х гг. наука в России преодолевала интеллектуальную изолированность; активизировалась международная деятельность университетов, устанавливающих прямые связи с зарубежными научными институтами. Изменение «социального заказа» сопровождалось совершенствованием методологии исторических исследований, даже обновлением языка науки в условиях существенного расширения источниковой базы и либерализации издательского дела. Все эти обстоятельства создавали совершенно новую ситуацию, в которой с тех пор выполнялись диссертационные работы аспирантов. Первой историко-славистической диссертацией стала работа О.В. Терехиной, защищенная в 2001 г. [21]. При подготовке диссертации О.В. Терехина выезжала на стажировку в Чехию в Институт Т.Г. Масарика. Зарубежные стажировки с тех пор становятся неотъемлемой частью подготовки историков-славистов в аспирантуре Самарского университета — не только почти все аспиранты, но также многие студенты старших курсов или магистранты участвовали в зарубежных научных мероприятиях. Аспиранты Д.С. Обьедков и А.В. Богатырев получили стипендию им. Янины Куманецкой, которую журнал «Новая Польша» присуждал каждый год одному молодому российскому исследователю, изучающему польско-российскую проблематику.

Позже диссертации с историко-славистической проблематикой защитили аспиранты Самарского университета О.В. Лопатина (2002 г.) [12], Д.В. Пархоменко (2009 г.) [17], А.В. Богатырев (2013 г.) [5], Е.Н. Вяльцева (2017 г.) [7], М.Я. Мединец (2018 г.) [15].

Историки-слависты Самарского университета участвовали в различных конференциях, в том числе международных; не раз назначались официальными оппонентами при защите диссертаций; приглашались в качестве лекторов в зарубежные университеты.

Сейчас можно говорить о сложившемся в Самаре профессиональном сообществе историков-славистов, связанных с Самарским университетом. Это сообщество поддерживает постоянные контакты со всеми ведущими центрами славяноведения в России и многими зарубежными славистическими организациями.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара: Издание Самарского статистического комитета, 1877. 744 с.

2. Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара: Губернская типография, 1887. 215 с.

3. Багаутдинов Р.С., Богачев А.М., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.

4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.М., Зубов С.Э., Сташенков Д.А. Потомки хана Кубрата: Материалы к археологической выставке. Самара, 2001. 32 с.

5. Богатырев А.В. Речь Посполитая 70-х гг. XVII в. по донесениям российского дипломата. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 23 с.

6. Богачев А.М., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2012. 340 с.

7. Вяльцева Е.Н. Польская диаспора Самарской губернии во второй половине XIX-начале XX века. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 23 с.

8. Гребнева Э.Я. «Слово о полку Игореве» в славянском контексте. Самара: Изд-во СамГПУ, 2000. 443 с.

9. Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990. 58 с.

10. Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт», 2007. 168 с.

11. Кутявин В.В. Изучение болгарской истории в Самаре: устойчивость традиции // Трети международен конгрес по българистика, 23-26 май 2013 г. Кръгла маса «Българистика». София: Универс. изд-во «Св. Климент Охридски», 2014. С. 202-210.

12. Лопатина О.В. Польско-германские отношения 1918-1925 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. 23 с.

13. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский ун-т, 1997. 226 с.

14. Матвеева Г.И., Храмов Л.В. История изучения болгарских памятников Самарского края // Историко-культурные связи трудящихся Старозагорского округа и Куйбышевской области. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1985. С. 6-23.

15. Мединец М.Я. Приднестровская проблема в исторической политике Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2018. 23 с.

16. Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878 гг.: Сборник документов и материалов / сост. Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, А.Н. Сквозников. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2009. 822 с.

17. Пархоменко Д.В. Внешнеполитические аспекты процесса модернизации в Сербии 80-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 30 с.

18. Петр Алабин и Самарское знамя. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. 150 с.

19. Плетнева С.А. Проблема «протоболгар» в работах советских археологов // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы кон-

ференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М.: Наука, 1983. С. 18-20.

20. Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах: Монография. Самара: Самарская гум. акад., 2010. 172 с.

21. Терехина О.В. Российская проблематика в трудах Т.Г. Масарика 80-х гг. XIX в. – 1913 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 19 с.

22. Храмкова Н.П. Самарский историк и педагог Н.Н.Яковлев (1902-1982) // Самарский научный вестник. 2013. №4 (5). С.149-151.

23. Шепелева А.Ю. Вклад народов Поволжья и Южного Урала в борьбу южных славян за национальное освобождение 1875-1878 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 25 с.

24. Яковлев Н.Н. Историческая болгаристика в трудах ученых Поволжья // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М.: Наука, 1983. С. 127-129.

25. Яковлев Н.Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян в 1876-1878 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964. 45 с.

УДК 94(497.2)+(47).081.4

Ю.Н. Смирнов*

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ УПРАВЛЕНИИ БОЛГАРИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ СОФИИ В 1877-1878 ГГ.)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей русско-болгарских отношений в 1877-1878 гг. На примере администрации Софии показано участие представителей российской общественности в становлении органов гражданского управления освобожденной страны. Основное внимание уделено П.В. Алабину, его деятельности в качестве представителя Славянских комитетов и первого гражданского губернатора Софии.

Ключевые слова: Русско-болгарские отношения; освобождение Болгарии; София в XIX в.; Самара в XIX в.; Самарское знамя; историческая память.

* © Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

В многовековой истории российско-болгарских отношений есть наиболее памятные периоды и даты. Среди них особое место занимает Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и последовавшая в ее ходе и после нее помощь России становлению органов управления возрожденного Болгарского государства. Данные события по-прежнему вызывают интерес исследователей [11; 12], остаются темами научного обсуждения [5].

Для ряда российских регионов, включая Среднее Поволжье, эта страница прошлого примечательна активностью местной общественности [15], которая проявляла интерес к истории и культуре южных славян еще в середине XIX в. [3, с. 145]. Ярким выражением такой активности была деятельность П.В. Алабина, инициатора создания Самарского знамени – боевого символа болгарского воинства – и первого губернатора Софии. Этот примечательный эпизод остается в исторической памяти жителей России и Самарского края, каково бы ни было отношение к этим событиям в нынешней Болгарии. Там, к сожалению, некоторые «бедные заблуждающиеся современники», как их назвал видный болгарский историк И. Илчев, полагают «признаком современного мышления» умаление значения войны 1877-1878 гг., вклада русского народа и воинства в освобождение страны [13, с. 8].

В то же время в образе П.В. Алабина, сложившемся в регионоведческой литературе, есть очевидный недостаток сведений и оценок его пребывания в Болгарии. Как правило, они ограничены эпизодом вручения 6 мая 1877 г. Самарского знамени болгарским ополченцам [6, с. 260-261]. Лишь в отдельных работах, например, в очерке П.С. Кабытова, рассказывается о П.В. Алабине как губернаторе Софии с перечнем наиболее важных его дел на этом посту [7, с. 18]. Также его деятельность на поприще представителя Красного Креста и славянских обществ на Балканах была затронута в диссертациях, посвященных оказанию населением Поволжья помощи балканским народам во второй половине 1870-х гг. [16; 17]. Отметим, что традиции такой гуманитарной помощи были живы в самарском обществе и в начале XX в. [2].

Состояние историографии актуализирует задачу изучения службы П.В. Алабина непосредственно во Временном русском управлении в Болгарии. Это необходимо не только для того, чтобы дополнить балканские страницы его биографии, но и чтобы встроить их в общую картину гражданской администрации освобожденной Болгарии, той общественно-политической и международной об-

становки, в которой разворачивалась ее деятельность. Решение этих задач возможно благодаря предпринятым в последние годы публикациям воспоминаний [13], документов и других материалов, в том числе в самарских изданиях [14]. В один из сборников, подготовленный сотрудниками Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина, наряду с его письмами болгарским друзьям и другими документальными источниками, были также включены переводы на русский язык работ болгарских историков Й. Ценова «Знамя и губернатор» и Ц. Генова «Русско-турецкая война 1877-1878 г. и подвиг освободителей» [10]. Это расширило возможности обращения как к источниковой базе, так и к болгарской историографии по интересующей нас теме.

П.В. Алабин в деле поддержки борьбы братского народа не ограничился передачей болгарским дружинникам знамени, изготовленного насельниками самарского Иверского монастыря [18, с. 307]. Он обратился к председателю Московского славянского комитета И.С. Аксакову, еще с 1850-х гг. считавшего освобождение балканских славян «святым подвигом» [8, с. 97]. П.В. Алабин просил использовать его «в какой-нибудь работе за Дунаем — пусть в самой черной и тяжелой» [10, с. 39]. Результатом стало его привлечение в 1877-1878 гг. сначала к деятельности санитарно-медицинской, затем культурно-благотворительной и, наконец, к административно-управленческой.

Наряду с И.С. Аксаковым вовлечению П.В. Алабина в работу по налаживанию жизни в освобожденной Болгарии способствовал разделявший их славянофильские взгляды и панславистские настроения князь В.А. Черкасский. Именно он, назначенный еще в 1876 г. заведующим гражданскими делами при главнокомандующем действующей русской армии, в декабре 1877 г. предложил активному деятелю Красного Креста и других благотворительных организаций, приехавшему из Самары, должность софийского губернатора [14, с. 453].

Предложение было для П.В. Алабина неожиданным, но отказаться от него он считал себя не вправе, хотя сама София еще находилась в руках турок. Однако 23 декабря русские войска вошли в город, и первый в ее истории губернатор собрался к месту службы. Когда в рождественский праздник 25 декабря накануне нового года до него дошел еще непроверенный слух о взятии Софии, он писал: «Дай, Господи, чтобы к тому времени улеглось это бушующее вокруг нас кровавое море, называемое войной... Дай,

Господи, чтобы этот страшный катаклизм вызвал на свет Божий новый цветущий и счастливый островок – свободную Болгарию...» [14, с. 455]. К своим новым обязанностям П.В. Алабин приступил 5 февраля [10, с. 40].

Прежде всего новой администрации надо было добиться согласования своей деятельности с военными властями города во главе с подполковником М.И. Лукашовым. Проблем в их отношениях действительно не возникло, а об уровне взаимодействия говорит тот факт, что именно М.И. Лукашов стал преемником П.В. Алабина на губернаторской должности. Второй основной организационной проблемой стало привлечение к работе болгарских служащих и создание органов самоуправления у местного населения. В данном случае П.В. Алабину помогло назначение вице-губернатором Софии профессора Харьковского университета М.С. Дринова, болгарина по национальности. Другие ответственные должности в администрации губернатора заполнили также образованные деятельные болгары. 10 февраля П.В. Алабин распорядился о назначении председателем Городского совета М. Тошева и о начале работы этого совета с 11 февраля [10, с. 41].

Отношение П.В. Алабина к болгарским служащим и представителям общественности было характерно для русского временного управления в целом. В Западной Европе были уверены, что в силу большого опыта и образованности ведущие места в управлении на освобожденных территориях займут армяне, греки, да и те же турки. Однако, как вспоминал видный болгарский политический деятель М.И. Марджанов, «русские совсем иначе смотрели на этот вопрос». В годы, когда Болгария была союзником гитлеровской Германии, он, тем не менее, честно писал о русских, пришедших в 1877-1878 гг.: «С самого своего вхождения в Болгарию они использовали болгарский элемент во всех службах, высоких и низких. Они были настоящими учителями нашей интеллигенции» [13, с. 290].

Немаловажную роль в успехе новой власти сыграла близость языка. Введение правильного делопроизводства в софийской администрации для опытного чиновника П.В. Алабина не вызвало особых затруднений. Не прошло двух месяцев со дня освобождения Софии, а уже всюду функционировал аппарат местной власти, были своевременно заведены 18 книг: кассовая, входящая, выходящая, протокольная, штрафная и др. [10, с. 41]. Недаром М.И. Марджанов (достигший высоких государственных чинов) подчеркивал:

насколько легко болгарские воины усваивали русские команды, настолько и болгарские служащие создавали «без каких-либо усилий всю терминологию администрирования, которую другие народы не могли создать на протяжении десятков лет» [13, с. 290].

Служащие П.В. Алабина, как оказалось, были готовы и к более основательному законодательству и администрированию, нежели позволял губернский уровень. В 1878 г. софийский вице-губернатор М.С. Дринов возглавил «Отдел народного просвещения и духовных дел», т.е. в сущности стал первым министром культуры Болгарии. Ему же поручили перевести на болгарский язык и редактировать текст первой («Тырновской») конституции страны [4, с. 187]. П.В. Алабин утверждал на примере М.С. Дринова, что, подобрав в качестве руководителей государства «отвечающих делу людей» из болгар, временное управление Болгарией «славно исполнит свою задачу к чести России» [10, с. 55].

Упомянувшийся выше М. Тошев был первым главой города Софии в независимой Болгарии до 8 мая 1878 г. [10, с. 65]. Его сменил Д. Коцев, которого П.В. Алабин также хорошо знал уже потому, что у его сестры Й. Филипповой был снят дом для губернатора и его канцелярии. По этому дому, где расположился первый губернатор Софии, одна из центральных улиц современной болгарской столицы была названа «Алабин» (болгары не склоняют названия улиц по падежам).

Надо сразу заметить, что для названия улиц в честь видных русских и болгарских участников Русско-турецкой войны, освобождения страны, строительства нового государства их не понадобилось переименовывать. Как вспоминает В.В. Вознесенский, вместе с другими молодыми русскими офицерами переведенный на службу в гражданскую администрацию под начало П.В. Алабина, при турках в болгарских городах у улиц не было названий, чем и озаботился губернатор: «Он предложил мне заняться нумерацией домов в Софии и наименованием улиц этой будущей столицы Болгарии... Названия улиц я придумывал по боевым событиям, по главным городам России и по именам выдающихся деятелей по освобождению Болгарии. Списки просматривались губернатором, после чего названия переписывались на железные дощечки... и торжественно прибывались мною при посредстве болгарских жандармов... При этом меня всегда сопровождала толпа зевак; для болгар название улиц было делом совершенно новое и очень их интересовало» [13, с. 473-474].

Если историю с названиями улиц саму по себе еще можно рассматривать как отдельный любопытный факт, то нельзя отрицать ее включенность в общую канву культурных изменений и обустройств, происходивших и в градостроении, и в просвещении, и в общественном сознании. Недаром о П.В. Алабине и других русских администраторах осталась такая память: «Забота о широких улицах, общественных зданиях, школах и церквях проявлялась каждым окружным начальником в своих районах. Еще в первые дни освобождения они вдохнули в нас дух прогрессивности, восстановления, великодушия и отваги» [13, с. 290].

Администрация губернатора П.В. Алабина занималась самыми разными сторонами жизни города и региона. В числе основных следует назвать сбор податей и налогов, создание полицейской и пожарной команд, судебных органов, контроль за продажей и помолом хлеба, устройство водопровода, контроль за аптечной торговлей, помощь беженцам и другим пострадавшим во время войны, освобождение еще остававшихся в турецком заточении болгар и многое другое [10, с. 41, 55].

Известно, что именно М.С. Дринов, ближайший помощник П.В. Алабина, выдвинул идею сделать Софию столицей Болгарии [4, с. 187] – несмотря на то, что, по описаниям современников, «София представляла собою маленький разоренный городишко», в котором «хороших домов не было» [13, с. 473]. Можно представить, с каким энтузиазмом вице-губернатор работал в этом городе под руководством П.В. Алабина. В целом же их успешная деятельность, несомненно, способствовала окончательному разрешению спора о том, какому городу быть столицей возрожденной страны.

Тема вклада Временного русского управления и отдельных его представителей в социальную и культурную жизнь Болгарии требует отдельного рассмотрения в силу значимости и объемности материала. Не случайно П.В. Алабин об этой стороне своей деятельности преимущественно сообщал не в отчетах по линии административного управления, а в докладах и сообщениях на адрес Московского и Петербургского славянских обществ. В них подробно рассказано об оказании гуманитарной и медицинской помощи населению; об участии в восстановлении и строительстве школ, храмов, приютов; о приумножении музейных и книжных собраний, особенно публичной библиотеки в Софии, превратившейся затем в Национальную библиотеку страны; о возведении монументов героям освободительной борьбы [14, с. 455-458, 467-468, 473-479].

К сожалению, ни П.В. Алабин, ни М.С. Дринов будущего расцвета Софии воочию не увидели. В сентябре 1878 г. бывший губернатор покинул этот город и страну, он никогда больше в Болгарию не приезжал. В 1879 г. вернулся в Харьков М.С. Дринов. Обстоятельства их отъезда до сих пор не выяснены, сами они их прямо не раскрыли. Можно предположить, что они были не согласны с возвращением под давлением западных держав значительной части освобожденной территории Балкан под власть Османской империи. Возможно также, что они не желали быть втянутыми в разгоравшиеся на их глазах междоусобные конфликты славянских стран и народов, которые они считали братскими. Эти события и последующее охлаждение в российско-болгарских отношениях воспринимались П.В. Алабиным как «смуты и недоразумения, происшедшие в последнее время в этой, слишком близкой нашему сердцу, стране» [1, с. 904]. Тем не менее, как он полагал, ничто не могло уничтожить благодарности болгар за помощь, оказанную, в том числе, общественными деятелями России.

Зарождающееся в имперской России гражданское общество, несмотря на свою незрелость, «могло решать задачи не только местного, но и общероссийского масштаба», о чем уже писали исследователи [1, с. 181]. Оно делало небезуспешные попытки включиться в решение международных задач.

Объективное рассмотрение участия российской общественности, в том числе провинциальной, в Балканском кризисе 1870-х годов остается актуальным для отечественной историографии. Оно добавляет новые аргументы тем, кто опровергает попытки, не имеющие ничего общего с подлинно научным подходом, односторонне представить Россию «деспотическим полицейским империалистическим государством» [20, с. 1044], в постоянном экспансионизме «стремящейся к бесконечному расширению своих границ» [9, с. 77].

Софийская губернская администрация, руководимая П.В. Алабиным, выполнила свою историческую миссию в один из самых ответственных моментов истории Болгарии и всех Балкан. Она стала надежным звеном в системе временного русского управления, подготовившего почву для возрождения государственности у единоверного славянского народа. Вклад представителей российской общественности в достижение этой цели был весомым, а их участие — активным и полезным.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы / вступ. ст. и сост. П.С. Кабытов. Самара: Кн. изд-во, 1991. 248 с.
2. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912-1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12-15.
3. Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850-1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. № 7 (129). С. 140-148.
4. Горина Л.В. Марин Дринов и Москва // Славянский альманах. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 177-189.
5. Гусев Н.С., Дубовик О.А. Конференция «Балканы и Европа во время Восточного кризиса (1875-1881)». София, 2-4 марта 2018 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Т. 13. № 1-2. С. 205-210.
6. История Самары (1586–1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой; [авт.: Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, П.И. Савельев и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.
7. Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев: НПК «Фактор», 1990. 58 с.
8. Климкина Э.В. Крымская война и ее оценка в славянофильских кругах // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. материалов II-й Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: СаГА, 2015. С. 96-99.
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Изд. 2-е, испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
10. Петр Алабин и Самарское знамя / под ред. А.Ф. Кочкиной, Л.В. Кузнецовой, Д.А. Сташенкова. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. 150 с.
11. Плотникова А.В. Специфика взаимодействия российских и болгарских политических элит в процессе воссоздания государственности Болгарии в конце XIX в. // Управленческое консультирование. 2013. № 3 (39). С. 136-142.
12. Полохало Ю.Н., Евдокимова А.В. Российская гражданская администрация в становлении системы управления в Болгарии в конце 1870-х гг. // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2010. № 3 (39). С. 198-203.
13. Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд: сб. воспоминаний / науч. ред. Р. Михнева, Р.Г. Гагкуев. Москва: Яуза-пресс, 2017. 512 с.
14. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док. и материалов / гл. ред. П.С. Кабытов; сост.: В.Н. Зудина, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова, Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 512 с.

15. Черкасова М.В. «За честный крест и веру золотую» (население Поволжья и национально-освободительная борьба южных славян в 1875-1878 гг.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2009. № 1. С. 29-32.

16. Шепелева А.Ю. Вклад народов Поволжья и Южного Урала в борьбу южных славян за национальное освобождение: 1875-1878 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 25 с.

17. Яковлев Н.Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян 1876-1878 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1964. 45 с.

18. Якунин В.Н. Самарская епархия в 1851-1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Междун. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 305-315.

19. Artamonova L.M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1(3). С. 899-907.

20. Mironov B.N. Do Russians Need Cliotherapy? // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1(3). С. 1003-1052.

УДК 94 (41/99)

Л.Н. Попкова*

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ В САМАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье прослеживается становление нового исследовательского направления в исторической науке, гендерной истории, в Самарском государственном университете. Определены основные этапы развития дисциплины: от первых диссертаций по истории женского движения в середине 1990-х гг., создания на историческом факультете Центра гендерных исследований до современных работ историков университета. Новые темы по женской и гендерной истории, истории семьи и повседневности расширяют понимание мировой истории.

Ключевые слова: гендерная история; история семьи; повседневность; женская история.

* © Попкова Людмила Николаевна (lnpopkova@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Гендерные исследования в российской исторической науке как новое направление гуманитарного знания имеют короткую историю. Только в середине 1990-х гг. стал обозначаться интерес к новой междисциплинарной области гуманитарного и социального знания. В западной историографии поворот к ним произошёл в середине 1970-х гг., наряду с так называемыми женскими исследованиями (women's studies), выросшими непосредственно из запроса массового женского движения 1960-х гг. в странах Европы и США. Будучи изначально идеологически ангажированными, новые исследования поставили задачу — «обнаружить» женщин в истории, не только известных немногочисленных правительниц, но и массы невидимых традиционной наукой женщин. Как говорили феминистки, необходимо «добавить женщин к истории», раскрыть их роль в исторических процессах, в истории частной жизни, истории повседневности, которая также стала предметом исследовательского интереса историков в этот период. Термин «гендер» (gender), известный для обозначения грамматического рода в английском языке, был призван разграничить биологический пол (sex) или биологические различия между полами, и «социальный пол» (гендер), то есть социально и культурно конструируемые (гендерные) различия между мужчинами и женщинами. Именно эти различия и способы их конструирования начали изучаться в рамках нового междисциплинарного направления социальных и гуманитарных наук.

В конце 1970-х гг. начинается институционализация женских и гендерных исследований в программы западных университетов, к концу 1980-х гг. они уже стали обязательной частью учебных курсов большинства университетов. Развитие женской истории как исследовательского направления проходило достаточно успешно. Новые источники личного происхождения — женские мемуары, дневники, переписка, автобиографии — вводились в оборот, появились сотни монографий, открывающих неизвестные прежде стороны жизни общества. Этого нельзя было сказать о развитии гендерной истории. Изучение истории социальной дифференциации полов и системы патриархатных отношений в публичной и частной сферах требовало новой методологии, позволяющей не только описать, но и выявить механизмы становления гендерных систем прошлого.

В 1986 г. известный американский историк Джоан Скотт в статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» указала на

недостаточность изучения женской истории. «Нам следует заниматься историей как женщин, так и мужчин, не следует работать лишь над угнетенным полом, как и классовый историк не может сосредоточиться исключительно на крестьянах. Наша цель — понять важность полов, гендерных групп в историческом прошлом» [26, с.406]. Для решения этой задачи она предложила методологию изучения гендерной истории с помощью анализа четырех социально-исторических «подсистем». Первая — комплекс культурных символов и образов, оформляющихся в стереотипные представления общества о мужчинах и женщинах и таким образом задающих фон жизнедеятельности людей. Вторая — нормы, основанные на символических представлениях, которые оформляются в виде религиозных, педагогических, политических доктрин. Третья — социальные институты (рынок труда, семья, система образования, государственное устройство). Наконец, четвертая — это субъективное самовосприятие и самоосознание личности, субъективная гендерная идентичность [26, с.422–424]. Несмотря на появление этой и других концепций анализа гендерной истории, приоритетным направлением в мировой и российской историографии остается изучение именно женской истории как части «новой социальной истории».

В постсоветский период российские историки начинают активнее осваивать актуальные исследовательские направления и методологии. На кафедре всеобщей истории Самарского государственного университета новая научная тема закономерно выросла из интереса к социальным движениям. Заведующий кафедрой, известный российский американец Б.Д. Козенко стал пионером «женских исследований», предложив своим аспиранткам темы по истории женского движения в США. В 1994 г. его аспирантка Ж. Кравченко защитила диссертацию на тему «Женщины и женское движение США в годы первой мировой войны». Другая аспирантка, С.А. Нестерова, представила ученому совету университета работу уже на более сложную тему. В своих статьях и диссертации «Образ английской и американской женщины в представлении современников (последняя треть XIX — начало XX веков)» она проанализировала, с помощью каких социальных институтов и культурных практик формировались модели «новой женственности». Одним из выводов ее исследования стал тезис о противоречивости этой гендерной модели. Попытки соединить образ традиционно слабой, беззащитной и зависимой женщины с радикальным, «милитантским»

поведением были характерны даже для активисток суфражистского движения в начале XX века [15, с.95]. Инициативу Б.Д. Козенко поддержала на кафедре доцент Л.Н. Попкова; в середине 1990-х гг. она стала предлагать темы студенческих работ по истории феминизма в странах Европы и США. Ее первая дипломница, Е.М. Жидкова, в 1995 г. поступила в магистратуру Центрально-Европейского университета. Защитив на английском языке магистерскую работу уже по российской женской истории, она успешно продолжила исследовать неизвестную прежде историю российских и советских женщин. Другие выпускницы истфака сохранили интерес к новой теме, став специалистами по гендерным исследованиям в социальных науках.

Середина 1990-х гг. — период институционализации гендерных исследований в России. Инициаторами этого процесса стали социологи, они же создавали первые научные центры в российских вузах, а Европейский университет в Санкт-Петербурге стал первым вузом, включившим гендерную программу в учебный план по подготовке магистров. Самарский государственный университет тоже не отставал. По инициативе заведующего кафедрой социологии Е.Ф. Молевича университет вошел в межвузовскую программу по феминологии Министерства образования, ректор Г.П. Яровой стал членом совета этой программы. Название новой программы, как аналог сложившейся западной традиции «женских исследований», было не случайным. Многие исследователи, заинтересовавшись новым направлением науки, отвергали «гендер», считая некорректным использование английского термина в российских исследованиях, взамен предлагали категорию «социальный пол». Таким образом, новое направление, по их мнению, следовало называть «социо-половые исследования» или совсем отказаться от этой категории, предложив более понятное «изучение женщин», то есть феминологию. Среди неопитов нового направления начались бурные дискуссии по терминологии. Большинство историков, развивавших новое направление, предпочитали оставаться в рамках методологически более понятной истории женщин, не претендуя на анализ властных отношений в гендерных системах прошлого.

В 1997 г. в Самарском университете был создан Центр гендерных исследований, ставший одним из первых таких центров в российских вузах. По приказу ректора центр был включен как подраз-

деление НИС в структуру исторического факультета, его директором была утверждена Л.Н. Попкова. В этом же году университетский Центр совместно с Московским центром гендерных исследований РАН организовал и провел в Самарской области Всероссийскую летнюю Гендерную школу для преподавателей; финансовую поддержку оказал начавший работать в России Фонд Форда. Постепенно Самарский центр становился междисциплинарным ресурсным центром для преподавателей вузов Поволжья. Подготовка учебных программ, проведение исследований, конференций и летних школ стали основными направлениями его деятельности. Материалы первых российских конференций «Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов», «Глобализация и гендерные отношения: вызовы для постсоветских стран» были опубликованы издательством «Самарский университет». В 1999-2006 гг. Самарский государственный университет работал по партнерской Гендерной программе с Европейским университетом Санкт-Петербурга, финансируемой грантом Фонда Форда. Ведущие российские специалисты читали лекции для студентов СамГУ, выпускники университета получили возможность поступления в целевую магистратуру по гендерным исследованиям Европейского университета. По этой программе была проведена летняя школа для преподавателей российских вузов. Лекционные материалы Школы «Трансформация гендерных отношений: гендерные теории и российские практики», опубликованные университетским издательством в 2003 г., стали своего рода учебным пособием для преподавателей гендерных дисциплин. В 2006 г. центр подготовил первое в России научно-просветительское издание «Гендер для чайников»; опубликованные в печатном и электронном виде две книги этого издания помогают в просветительской работе и преподавании дисциплины.

В 2000-е гг. сформировались основные направления научной деятельности Центра. История американского феминизма и гендерной политики в США стали приоритетными для Л.Н. Попковой. Анализ идеологии либерального и радикального течений американского феминизма 1960-1980-х годов позволил выявить принципиальные разногласия в женском движении по стратегиям достижения гендерного равенства в США [19, с.234]. Углубляясь в американскую гендерную историю, Л.Н. Попкова обратилась к проблемам репродуктивных прав женщин и мультикультурализ-

ма в США [17; 18; 20]. К американским сюжетам постепенно добавились российские. Были опубликованы работы по результатам исследования ситуации с правами женщин в Самарской области (совместно с И.Н. Тартаковской), по истории постсоветской гендерной политики, политической активности российских женщин [25; 21]. В 2001–2002 гг. Л.Н. Попкова участвовала в международном научном проекте «Роль женщин в постсоветских странах», его итогом стала коллективная монография Центра В. Вильсона в Вашингтоне [27].

Научный сотрудник Гендерного центра Е.М. Жидкова сосредоточилась на работе в российских архивах, опубликовала значительное количество научных работ по истории российского женского движения, истории советской семьи и новой гендерной культуры в 1920–1930-е гг. [5; 6; 7; 8].

Другая выпускница истфака, Ю.А. Антонова, начав с изучения биографий американских суфражисток, постепенно сосредоточилась на анализе практик законодательства по защите прав женщин [1; 2].

Независимо от деятельности центра, преподаватели кафедры всеобщей истории начинают интересоваться историей женщин, предлагать ее в качестве тем студенческих работ. Значительное количество дипломных работ было защищено по изучению статуса женщин в античном обществе разного времени. Руководители этих работ — профессор И.Г. Гурин, доцент О.М. Макарова — смогли подготовить интересные студенческие работы, основанные на анализе источников, в условиях отсутствия подобных научных исследований на русском языке к тому времени. Дипломы по изучению женской темы в средневековье и Новом времени под руководством доцентов Т.С. Никулиной, С.М. Николаевой, А.Б. Окуня также требовали серьезной самостоятельной работы студентов и обучения новым методам исторического исследования.

На кафедре Российской истории пионером в исследовании новой темы стала профессор З.М. Кобозева. В монографии «Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX— начало XX в.), или рассказ о “душе” с повинностями» она уделяет особое внимание практикам частной жизни, семье, эмоциональной культуре, телесности мужчин и женщин — темам, особо интересующих гендерных историков. Исследования З.М. Кобозевой выявили тенденции трансформации женской повседневной жизни, изменения статуса женщин в России

конца XIX в. [10; 12]. Чрезвычайно интересной темой является изучение проблемы медикализации повседневного женского быта на основе репродуктивного поведения. В статье на эту тему делается важный вывод о том, что подчинение сферы женской повседневности медицинскому дискурсу позволило в 1920-е гг. инкорпорировать женский мир в советский идеологический дискурс [13, с.252].

Интерес к истории повседневности и социальной истории в целом способствовал развитию нового направления на всех кафедрах исторического факультета Самарского университета. Преподаватели и студенты открывают многие страницы «невидимой» прежде истории женщин, истории трансформации частной сферы, гендерных систем прошлого.

Библиографический список

1. Антонова Ю. Право женщин на свободу от насилия: анализ практик применения законодательства // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сборник научных статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С.242-256.

2. Антонова Ю.А., Попкова Л.Н. Элизабет Кэди Стэнтон: дебаты американского суфражизма // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 5. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С.81-87.

3. Жидкова Е.М. Женщина на страницах русской пореформенной прессы // Социальная феминология. Межвузовский сборник статей. Вып. 1. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. С. 88-94.

4. Жидкова Е.М. Первые русские феминисты и женский вопрос // Преображение. Феминистский журнал. 1997. № 5. С. 88-95.

5. Жидкова Е.М. «Попросил прощения у жены и извинился перед коллективом»: как женсоветы боролись за здоровый быт, высокую нравственность и дружную советскую семью // Социальная история: Ежегодник. 2009. СПб.: Алетейя, 2010. С. 347-372.

6. Жидкова Е.М. Проблемы гендерного и возрастного неравенства: исследование историй жизни пожилых женщин // Женщина в российском обществе. 1999. № 3 (15). С. 40-46.

7. Жидкова Е.М. Семья, развод, товарищеский суд: правовое положение советской семьи и женщин в годы «оттепели» // Гендерное равноправие в России. СПб: Алетейя, 2008. С. 119-122.

8. Жидкова Е.М. Уроки труда в советской школе: гендерный аспект // Женская и гендерная история Отечества X-XXI вв.: новые проблемы и перспективы. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 73-74.

9. Кобозева З.М. «Жестокие романы»: эмоциональные практики в мещанской повседневности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 4. С.20-25.

10. Кобозева З.М. Мещанка и паспорт: как женщины мещанскогословия преодолевали и использовали «паспортную зависимость» // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С.132-139.

11. Кобозева З.М. «Новое добро» для новой женщины: аборт в провинциальной повседневности в 1920-1930-е гг. (на примере Самарской губернии) // Материалы XII Конгресса антропологов и этнологов России. Ижевск, 3-6 июля 2017 г. М.: ИЭА РАН, 2017. С.274.

12. Кобозева З.М. Паспорт и Женщина: повседневная жизнь провинциальной мещанки второй половины XIX-начала XX в. (Самара, Саратов, Симбирск) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2 т. М.: ИЭА РАН, 2018. Т.1. С.252-255.

13. Кобозева З.М., Скачкова У.О. Медикализация женского повседневного быта в 1920-е гг. (на примере Самарской губернии) // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13-16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. Смоленск-М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т.1. С.250-252.

14. Нестерова С.А. Айседора Дункан – «новая женщина» // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Вып.6. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С.61-70.

15. Нестерова С.А. Эммелин Панхерст – лидер радикального феминистского движения начала XX века // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Вып.5. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С.88-96.

16. Попкова Л.Н. Бетти Фридан и американский феминизм // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. С.192-200.

17. Попкова Л.Н. Гендерная демократия и справедливость: феминистские дискурсы глобальной эпохи // Глобализация и гендерные отношения: вызовы для постсоветских стран: сборник научных статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С.111-123.

18. Попкова Л.Н. Политика «мультикультурного признания» и права женщин: американские дебаты 1990-х годов // Americana. Вып. 11. Сб. науч. трудов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С.99-107.

19. Попкова Л.Н. Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ-МИШСЭН, 2001. С.222-236.

20. Попкова Л.Н. Репродуктивные права, «свободное материнство» и культурные войны в США, 1960-1990-е годы // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13-16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. Смоленск-М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т.2. С.48-51.

21. Попкова Л.Н. Стратегии участия женщин в постсоветской региональной политике // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2 т. М.: ИЭА РАН, 2018. Т.1. С.83-86.

22. Попкова Л.Н. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие. СПб.: Алетейя, 2001. С.635-663.

23. Попкова Л.Н. Феминизм или история борьбы женщин за права человека: курица – не птица... // Гендер для чайников. М.: «Звенья», 2006. С.227-245.

24. Попкова Л. Феминистский проект равенства и постсоветские политические практики // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики: Материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С.109-131.

25. Попкова Л.Н., Тартаковская И.Н. Права женщин в Самарской области // Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России. М.: МАКС Пресс, 2010. С.234-256.

26. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч.II. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2001. С.405-436.

27. Popkova L. Women's Political Activism in Russia (The Case of Samara) // Post-Soviet Women Encountering Transition. Nation Building, Economic Survival and Civic Activism. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004. P.172-194.

**ФОРМИРОВАНИЕ МИФА ОБ УСПЕШНОСТИ
КОЛОНИАЛЬНОГО ОПЫТА ПОДАВЛЕНИЯ МЯТЕЖЕЙ****

В статье рассматривается процесс формирования мифа об успешности колониального опыта подавления мятежей в среде американского экспертного сообщества, военной и политической элиты США. На основе анализа материалов корпорации «РЭНД», публикаций офицеров колониальной службы Р. Томпсона, Р. Клаттербэка были выявлены основные мифологемы колониального опыта антиповстанчества. Анализ данных материалов позволил сделать вывод о механизме формирования мифа, его влиянии на принятие решений американскими военными и политическими элитой в условиях войны во Вьетнаме.

Ключевые слова: колониальный опыт; антиповстанчество; американское экспертное сообщество; война во Вьетнаме; асимметричный конфликт.

В последние десятилетия историческая наука приложила много усилий к развенчанию мифа об успешности использования колониального опыта подавления мятежей. Однако исследователи, как правило, сосредотачивали свое внимание на анализе несоответствий реальных антиповстанческих действий метрополий, а не на формировании мифа как такового [9; 13; 14; 19]. Подобная установка зарубежных исследователей объясняется тем, что колониальный опыт Великобритании стал оказывать непосредственное влияние на стратегическое мышление США в начале XXI в., а также на действия американских вооруженных сил в Ираке и Афганистане. Следовательно, перед наукой встала важная задача — показать иллюзорность и мифологичность основных положений колониального опыта подавления мятежей.

* © Нестеров Дмитрий Александрович (dmitriynesterov1994@gmail.com), аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

** Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Отечественная историческая наука также не осталась в стороне от подобных вопросов, однако изменила ракурс исследований. Самарский ученый С.Г. Малкин в первую очередь проанализировал не соответствие между реальным и мифическим, а особенности формирования мифа и его влияния на стратегическое мышление США [1]. На основе данного анализа им впервые был введен в научный оборот термин «историческое моделирование асимметричных конфликтов». Данная дефиниция используется ученым для обозначения ситуации в американском экспертном сообществе 1960-1970-х годов, а также начала XXI в., когда аналитики США пытались на основе колониального опыта подавления мятежей выработать конкретные рекомендации для успешного и продуктивного участия вооруженных сил в асимметричных конфликтах. При этом опыт империи по аналогии переносился на совершенно иные исторические условия [1, с. 34-44].

Как справедливо отмечает С.Г. Малкин, «началом проникновения подобных идей в стратегическое мышление США следует считать 1962 год, когда корпорация РЭНД в тесном сотрудничестве с Пентагоном и при финансовой поддержке Агентства перспективных исследовательских проектов организовала в Вашингтоне симпозиум, посвященный проблемам контрпартизанской борьбы в странах “Третьего мира”» [3, с. 55]. Именно на этой встрече впервые были озвучены основные идеи, ставшие фундаментом мифа об успешности колониального опыта подавления мятежей. К ним относятся программы переселения и контроля продовольствия, политика «завоевания умов и сердец» населения, а также минимальное использование вооруженных сил в рамках контрпартизанских операций.

На этом этапе распространение мифа шло преимущественно в устной форме. Так, согласно учебному плану Штабного колледжа армии Великобритании в Кэмберли, обучение полицейским функциям армии в колониях проходили в том числе и курсанты США [28, с. 5-7]. Также основы колониального опыта подавления мятежей преподавались одним из идеологов британского пути антиповстанчества Р. Клаттербэком в военных учебных заведениях самих Соединенных Штатов [5, р. ix-x].

Но наибольшую роль в проникновении мифа об успешности колониального опыта подавления мятежей в стратегическое мышление США сыграл Р. Томпсон – глава Британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме. Еще с 1943 г. он активно взаи-

модействовал с правительством и общественностью США. При этом цель этих контактов оставалась неизменной и в 1940-е, и в 1960-е гг. — Томпсону было необходимо показать американцам, что Британская империя активно участвовала в вооруженных конфликтах в Азии, а значит, может поделиться своим опытом и знаниями в этой области [4, р. 96].

Для достижения этой цели 4 апреля 1963 г. британский эксперт встретился с американским президентом Дж. Ф. Кеннеди. В ходе этой встречи Томпсон подтвердил уверенность в необходимости применения американцами колониального опыта подавления мятежей, посоветовал президенту сократить число американских военных во Вьетнаме на тысячу человек и оказывать преимущественно экономическую помощь, а также полностью поддержал программу стратегических деревень [6, р. 80].

Необходимо отметить, что американское правительство в 1960-е годы было по-особенному расположено к идеям, продвигаемым офицерами колониальной службы. По признанию министра обороны Макнамары, когда США приступили к активной политике в Индокитае, Вьетнам был им абсолютно неведом [2, с. 65]. Помимо этого, с приходом к власти администрации Кеннеди в национальной стратегии произошел отход от массированного возмездия к гибкому реагированию [11, р. 29]. Во время своей речи перед выпускниками Вест-Пойнт 6 июня 1962 года Дж. Ф. Кеннеди отметил, что война с повстанцами требует «совершенно другой вид военной подготовки» [10].

С целью более глубокого и детального анализа колониального опыта подавления мятежей корпорации «РЭНД» было поручено составить экспертные заключения, посвященные данному вопросу. Наиболее основательным в этом смысле явился пятитомный доклад штатного аналитика корпорации Райли Сандерлэнда. Исследование было выполнено в рамках контракта с Министерством обороны США. Доступ к нему имели сотрудники отдела Министерства обороны по вопросам международной безопасности и глава Пентагона [21; 22; 23; 24; 25].

Основной источниковой базы работ Сандерлэнда стали официальные отчеты из британских архивов и информация, полученная им в ходе интервью с непосредственными участниками событий (среди которых выделяется фельдмаршал Джон Мортон — глава британской разведки в период чрезвычайного положения в Ма-

лайе). При этом американский аналитик не имел доступа к основным архивным источникам по теме исследования [21, p. iv].

Кроме того, американский эксперт имел дело лишь с цензурированными источниками. У Сандерлэнда не было возможности перепроверить полученные данные о действиях британских властей в период чрезвычайного положения в Малайе. Таким образом аналитик пришел к выводам, которые были выгодны британским военным кругам. В результате британские военные формировали у американских коллег благоприятное впечатление о колониальном опыте антиповстанческих операций как об эффективном способе подавления партизанского движения, а также способствовали его применению во время войны во Вьетнаме.

Вышеизложенные обстоятельства отразились как на характере работ, так и на выводах Р. Сандерлэнда. Автор акцентировал внимание на их успехах и практически не указывал на трудности, возникавшие в ходе антиповстанческих операций. Так, Сандерлэнд гуманизирует действия Великобритании. Уничтожение имущества китайских скваттеров, массовые аресты и применение насилия по отношению к гражданскому населению и пленным повстанцам автор описывает в завуалированных и смягченных выражениях, а нередко и вовсе игнорирует. Не отмечалось им и то, что «новые» деревни, создаваемые в Малайе и являвшиеся аналогом стратегических деревень во Вьетнаме, фактически немногим отличались от концентрационных лагерей [20, p. 356-365].

Именно в период президентства Кеннеди Штатами была принята наиболее последовательная и обстоятельная попытка применения европейского колониального опыта в условиях войны во Вьетнаме. Центральным пунктом стала программа по созданию стратегических деревень, являвшаяся аналогом британской программы переселения во время режима чрезвычайного положения в Малайе. Однако реализация этой меры пошла вразрез с оригинальным примером.

Главной проблемой реализации программы стратегических деревень стала крайне высокая скорость их постройки. Согласно бумагам Пентагона, в сентябре 1962 г. в Южном Вьетнаме было создано 3 225 стратегических деревень с общим населением в 4,3 миллиона человек [26, p. 151]. Это привело к тому, что южновьетнамская армия не могла полностью поддерживать и защищать стратегические деревни. Партизаны Вьетконга захватывали слабо защищенные общины, создавая на их месте новые повстанческие базы,

а если этого не удавалось сделать, захватывали продовольствие и вербовали в свои отряды крестьян. Таким образом, к концу 1963 г. только 20% стратегических деревень, построенных в районе дельты Меконга, контролировались южновьетнамскими властями и армией [17, р. 38]. Уже к середине 1963 г. стало понятно, что программа стратегических деревень терпит крах. Южновьетнамское правительство подверглось яростной критике со стороны как американского военного советника Джона Пола Вэнна [16, р. 316-330], так и американских журналистов [7; 8].

Помимо осуществления программы «стратегических деревень», предпринималась попытка осуществления тактики минимального использования вооруженных сил. Так, например, к концу 1961 г. в Южном Вьетнаме находилось 3 164 военных, а к моменту убийства Кеннеди их число возросло до 16 263 [15], но они являлись военными советниками, а не представляли собой армейские части [18, р. 356].

Провал программы «стратегических деревень» стал одной из основных причин отхода Соединенных Штатов от колониального опыта европейских держав. Отказ от его рецепции был постепенным. После гибели президента Кеннеди его преемник Линдон Бэйнс Джонсон подтвердил приверженность курсу Кеннеди во Вьетнаме. На протяжении 1964 г. он не раз отказывался от полномасштабного участия в войне.

Рубежом стало 28 июля 1965 г., когда после серии консультаций с советниками Джонсон объявил об увеличении американского воинского контингента, что стало фактическим началом полномасштабного участия США в войне во Вьетнаме. В таких условиях аполлетам успешности колониального опыта подавления мятежей пришлось приложить недюжинные усилия для защиты своих взглядов. Для этого им было необходимо показать, что провал попыток применения колониального опыта в войне во Вьетнаме был вызван не его ошибочностью, а действиями США и правительства Сайгона, неправильно понявших суть имперского опыта антиповстанчества.

В этом отношении примечательной является работа Томпсона, опубликованная в 1966 г. издательством Фредерика А. Прагера в Нью-Йорке и Вашингтоне в серии «Исследования национальной безопасности» под весьма характерным названием – «Умиротворение коммунистического мятежа: уроки Малайи и Вьетнама» [27].

При этом автор начинает книгу с компаративного анализа Вьетнама и Малайи и заключает, что обе страны имеют много общего. Во-первых, схожи их природно-географические условия. Для Малайи и Вьетнама характерны частые сильные ливни, что в сочетании с тропическим климатом приводит к появлению непроходимых джунглей. Помимо этого, обе страны имеют узкие по ширине границы и горный хребет в центре страны [27, р. 17]. Во-вторых, Малайя и Вьетнам являются преимущественно сельскохозяйственными странами, лишь недавно получившими независимость. Основным производимым товаром обоих государств является рис. Однако произрастающий в Малайе каучук позволил этой стране, в отличие от Вьетнама, стать более богатой, а следовательно, и более развитой в инфраструктурном отношении [27, р. 18].

Сравнение ситуации во Вьетнаме и Малайе нередко носит у Томпсона надуманный и натянутый характер. Хотя автор и отмечает многочисленные различия между конфликтами, он не относится к ним всерьез. Для него британский опыт в Малайе носит универсальный характер.

В том же 1966 г. в издательстве Фредерика А. Прагера в Нью-Йорке и Вашингтоне была опубликована работа другого британского колониального офицера – Ричарда Клаттербэка: «Долгая, долгая война: антиповстанческие операции в Малайе и Вьетнаме» [5].

По мнению автора, единственная возможность одержать победу над повстанцами во Вьетнаме – осуществление программы новых стратегических деревень. Однако на этот раз она должна проходить не спеша, с поддержкой вооруженных сил, учитывая все ошибки прошлой программы. И, как отмечает Клаттербэк, в апреле 1965 г. уже предпринята первая попытка ее осуществления в одном из регионов Южного Вьетнама. Автор выражал надежду, что этот опыт окажется успешным и постепенно будет перенесен на территорию всей страны [5, р. 75-76].

Кроме того, Клаттербэк обобщает основные принципы британского пути антиповстанчества. Во-первых, это защита населения и социальный контроль. Во-вторых, это сдерживание роста партизанских отрядов с помощью авиационной поддержки и сил безопасности. В-третьих, это создание широкой и эффективной разведывательной сети. В-четвертых, это пленение партизан и их вербовка. При этом решающим элементом в умиротворении повстанческого движения, по мнению Клаттербэка, является полиция, так как борьба с мятежниками – это вопрос восстановления правопо-

рядка. Именно с этим в Южном Вьетнаме всегда были серьезные проблемы. Клаттербэк подчеркивает, что четыре принципа британского пути антиповстанчества игнорировались при проведении контрпартизанской борьбы во Вьетнаме, и именно от их применения зависит исход конфликта [5, р. 176-178].

Следует отметить, что, несмотря на многочисленные антиповстанческие операции европейских империй в странах «Третьего мира», именно положение чрезвычайной ситуации в Малайе стало основой формирования мифа. Как справедливо отмечает Томас Макаитис, «предположение, что повстанчество являлось коммунистическим феноменом, привело к тому, что западные аналитики пренебрегли довоенным опытом... Малайя – это кульминация, а не точка отсчета, не формула, выведенная на основании одного-единственного эксперимента» [12, р. 7].

Подобная заикленность на Малайе объясняется высокой степенью информационной зависимости американских экспертов от британских военных, участвовавших именно в малайском конфликте. Активность главы британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме сэра Роберта Томпсона была настолько высока, что ему удалось заручиться поддержкой президентов США и Южного Вьетнама, убедить их в необходимости применения именно малайского опыта антиповстанчества.

Фактически мы имеем дело с созданием идеальной модели «британского пути» антиповстанчества, созданной совместно британскими военными и американскими экспертами и имеющей мало общего с реальной картиной. Поэтому и при попытке ее реализации в условиях войны во Вьетнаме она не помогла добиться поставленных целей – умиротворения повстанческого движения, а, напротив, еще больше дестабилизировала ситуацию.

Библиографический список

1. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т.1: Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «Холодной войны» / Авт. колл.: С.Г. Малкин, С.О. Буранок, Я.А. Левин, Д.А. Нестеров. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2019. 234 с.
2. Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое: Трагедия и уроки Вьетнама / Пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. 409 с.
3. Малкин С.Г. Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США // Международные процессы. 2016. Т. 14. №. 3. С. 52-67.

4. Busch P. *All the Way with JFK?: Britain, the US, and the Vietnam War*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 268 p.
5. Clutterbuck R.L. *The Long, Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam*. New York, 1966. 213 p.
6. Gelb L.H., Betts R.K. *The irony of Vietnam: The system worked*. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016. 434 p.
7. Halberstam D. *Rift With Vietnam on Strategy Underlined by 2 Red Attacks* // New York Times. 1963. 16 Sept. P. 2
8. Halberstam D. *Vietnamese Reds Gain in Key Area* // New York Times. 1963. 15 Aug. P. 1.
9. Jones D.M., Smith M.L.R. *Myth and the small war tradition: Reassessing the discourse of British counter-insurgency* // *Small Wars & Insurgencies*. 2013. Vol. 24. №. 3. P. 436-464.
10. Kennedy J.F. *Remarks at West Point to the graduating class of the US Military Academy. June 06, 1962* // John F. Kennedy Library. Vol. 6. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/235775>
11. Krepinevich Jr A. F. *The army and Vietnam*. Baltimore, Maryland: JHU Press, 2009. 318 p.
12. Mockaitis T. R. *Low-Intensity Conflict: the British Experience* // *Journal of Conflict Studies*. 1993. Vol. 13. №. 1. P. 7-16.
13. Mumford A. *Punctuating the Counterinsurgency Myth. Britain and Irregular Warfare in the Past, Present and Future*. U.S. Army War College. Strategic Studies Institute. *Advancing Strategic Thought Series*. Carlisle Barracks: SSI Press, 2011. 38 p.
14. Mumford A. *The Counter-Insurgency Myth: The British Experience of Irregular Warfare*. London: Routledge, 2012. 217 p.
15. Neeson K. *Did JFK have an Exit Strategy for Vietnam?* // URL: www.e-ir.info/2008/11/03/did-jfk-have-an-exit-strategy-for-vietnam/
16. Newman J. M. *JFK and Vietnam: Deception, Intrigue, and the Struggle for Power*. New York: Time Warner Books, 1992. 506 p.
17. Osborne M.E. *Strategic Hamlets in South Vietnam: A Survey and Comparison*. Ithaca: Cornell University Southeast Asia Program, Data Paper №55, 1965. 65 p.
18. Pelz S. *John F. Kennedy's 1961 Vietnam War Decisions* // *Journal of Strategic Studies*. 1981. Vol. 4. №. 4. P. 356-385.
19. Reis B. C. *The myth of British minimum force in counterinsurgency campaigns during Decolonisation (1945–1970)* // *Journal of Strategic Studies*. 2011. Vol. 34. № 2. P. 245-279.
20. Sodhy P. *The US-Malaysian nexus: Themes in superpower-small state relations*. Institute of Strategic and International Studies, Malaysia, 1991. 570 p.
21. Sunderland R. *Antiguerrilla Intelligence in Malaya, 1948-1960*. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4172. 80 p.

22. Sunderland R. Army Operations in Malaya, 1947-1960. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM-4170- ISA. 267 p.
23. Sunderland R. Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947-1960. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4171ISA. 95 p.
24. Sunderland R. Resettlement and food control in Malaya. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4173ISA. 145 p.
25. Sunderland R. Winning the Hearts and Minds of the People: Malaya, 1948-1960. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4174ISA. 70 p.
26. The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decision making on Vietnam. Boston: Beacon Press. 1971. Vol. II. 684 p.
27. Thompson R. G. K. Defeating communist insurgency: The lessons of Malaya and Vietnam. FA Praeger, 1966. 186 p.
28. Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1956-1958 // TNA. WO 231/101.

Научное издание

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР:
К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В САМАРЕ**

*Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной
50-летию университетского исторического образования в Самаре*

Самара, 12 декабря 2019 г.

Под научной редакцией
проф. П.С. Кабытова, проф. О.Б. Леонтьевой,
доцента М.М. Леонова

Титульное редактирование *Л.В. Крыловой*
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л.Н. Законовой*

Подписано в печать 10.06.2020. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл.-печ. л. 18,5; уч.-изд л. 20.
Гарнитура Newton. Тираж 150 экз. Заказ № 0089
Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

